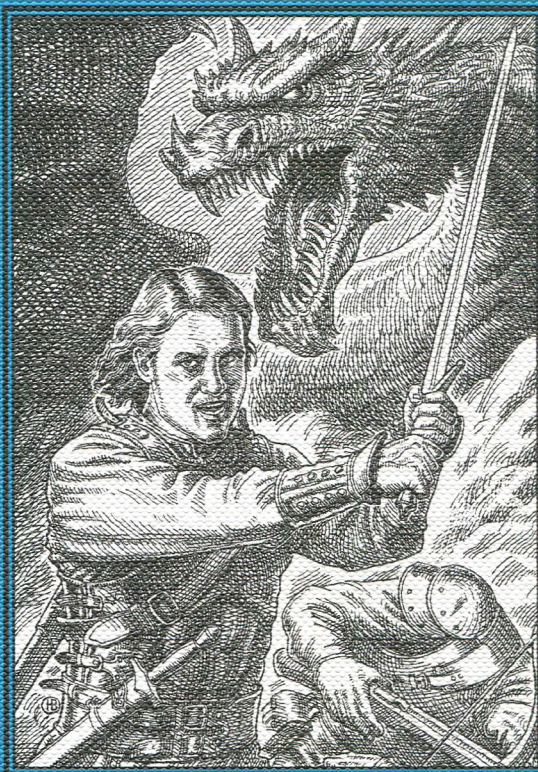

ВОЛЯ
ДРАКОНА

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНАСТИКА
ПОЛЬШИ

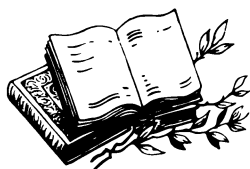
ВОЛЯ
ДРАКОНА
СОВРЕМЕННАЯ
ФАНАСТИКА ПОЛЬШИ

ВЕЧЕ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВОЛЯ ДРАКОНА

Современная фантастика Польши

**Москва
«Вече»**

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2)

В72

Составители:
Леонид Кудрявцев, Павел Лауданский

В72 Воля дракона. Современная фантастика Польши : повести / Составители: Л. Кудрявцев, П. Лауданский. — М. : Вече, 2020. — 384 с. — (Новая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 978-5-4484-1895-2

Знак информационной продукции **12+**

Киберпространство и полеты к звездам. Земля после ядерной катастрофы и путешествия во времени. Драконы и загадочные преступления в мире магии. Люди, наделенные умением предвидеть свои будущие поступки, и люди, по воле случая превратившиеся в адептов забытых инопланетных богов...

Сборник составлен из лучших произведений ведущих польских писателей-фантастов, лауреатов многих жанровых премий. Большая их часть публикуется в России впервые.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-1895-2

© Кудрявцев Л., Лауданский П.,
составление, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Польскую фантастику в нашей стране любят давно — и этот факт совершенно не требует каких бы то ни было подтверждений. Но в то же время библиографы утверждают, что последний сборник, в котором была предпринята попытка познакомить читателя с широким спектром польской фантастической литературы, был выпущен чуть ли не тридцать лет назад — в далеком уже 1990 году. Именно тогда увидела свет книга «Истребитель ведьм», подготовленная Всесоюзным творческим объединением молодых писателей-фантастов (ВТО МПФ), в которой было представлено новое на ту пору поколение польских фантастов.

Потом наступила долгая пауза, в течение которой в нашей стране издание зарубежной фантастики было, по сути, пущено на самотек. Нет, конечно же, полного забвения не наступало: в России регулярно издавались произведения Станислава Лема, очень хорошо печатался Анджей Сапковский, копировались разнообразные сборники, изданные в Польше, но достаточно полную палитру польских фантастов представить российскому читателю не получалось. До сего момента, ибо данный сборник фактически является первой антологией польской фантастики, составленной представителями как Польши, так и России и опубликованной на русском языке.

Составители сборника намеревались показать, насколько разнообразна польская фантастика, насколько она интересна, и думается, читатели отметят не только то, что авторов произведений, включенных в антологию, интересуют острые и злободневные темы, но и факт, что литературное мастерство — фирменный знак польской фантастики — не утрачено и теми, кто пришел на смену ветеранам.

Вот краткие характеристики авторов, чьи произведения включены в сборник, который вы держите в руках (подготовлены они Павлом Лауданским).

Анджей Земянский в настоящее время один из самых популярных польских писателей. Автор множества книг фантастического и детективного жанра. Дебютировал в 1979 году. Повесть «Автобан нах Познань», изданная в 2001 году, получила самую престижную польскую премию в области фантастики (премию имени Януша Зайделя) и ряд других премий. Особо его прославила серия книг, действие которых происходит в мире «Принцессы Ахайи».

Мацей Жердиньски дебютировал в начале девяностых годов. Автор сборника рассказов «Корпорация Warsn Guns» и романа «Покинуть Лос Рагуес». Подавал очень большие надежды, считался вторым по величине польским автором-фантастом (после Дукая). К сожалению, ушел из литературы и работает врачом.

Марек Баранецкий дебютировал в 1983 году. Наилучшие рассказы и ставший самым его известным — «Голова Кассандры» (премия имени Януша Зайделя) написаны в первой половине восьмидесятых годов прошлого столетия. Без сомнения, один из важнейших авторов того времени. Потом надолго замолчал и вернулся в литературу лишь в двадцать первом веке несколькими рассказами.

Цезарь Збершховски дебютировал в 2004 году. Автор нескольких десятков рассказов, часть из которых вошла в сборник «Реквием для куколок» (2008). Также его перу принадлежит одна из лучших польских фантастических повестей двадцать первого века «Холокост Ф» (в 2014 году — премия имени Януша Зайделя). Рассказ «Печаль парсеков» написан в том же стиле, что и эта повесть.

Анна Каньтох — известная писательница и литературный критик. Дебютировала в 2004 году. На Евроконе в 2007 году получила награду ESFS как наиболее многообещающий автор.

В данный момент трижды лауреат премии Януша Зайделя (рекордный результат!). Пишет много, причем хорошо и очень интересно фантастику, детектив, повести для молодежи.

Мацей Паровский — писатель, критик, один из основателей старейшего и лучшего польского журнала «Фантастика» (с определенного момента «Новая фантастика»), многолетний его шеф-редактор. На страницах журнала появились первые рассказы Сапковского, Дукая, Жердиньского, Новака. На литературной ниве дебютировал в 1970 году рассказом «Бунт роботов». Автор романа «Лицом к земле» и сборника рассказов «Уловка на женщину». Участник семинаров Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов в Ислочи в 1989-1990 годах, очень много сделал для пропаганды российской фантастики в Польше. К сожалению, совсем недавно Мацей Паровский ушел из жизни.

Еугениуш Дембский — широко известный польский писатель-фантаст и профессиональный переводчик с русского. Дебютировал в 1985 году. На данный момент — автор около 100 рассказов и 20 романов.

Якуб Новак дебютировал в 2004 году на страницах «Новой фантастики» рассказом «Структура диссонанса». Пишет медленно и очень тщательно, однако каждый его текст становится событием. Очень хорошо себя чувствует как в жанре киберпанк, так и в альтернативной истории, и в классической НФ...

Итак, перед вами восемь авторов, восемь очень разных, но одинаково интересных и написанных на очень высоком уровне фантастических историй, восемь дорог в неизвестную пока у нас, великолепную и заманчивую польскую фантастику.

*Виталий Пищенко,
председатель международного Совета по фантастической и приключенческой литературе*

АВТОБАН НАХ ПОЗНАНЬ

Бетонные коридоры перекрыли наглухо. Вроцлав теперь отрезало от подземных бункеров — по большей части перестроенных трехсотлетних туннелей метро, оставшихся еще от немцев. Шипение пара в разогревавшихся котлах заглушало все прочие звуки. Люди и звери изъяснялись жестами. Температура в выходном бункере быстро поднималась. Вагнер видел, что многие солдаты, избавившись полностью от мундиров, надели пуленепробиваемые жилеты прямо на голое тело. Шлемы, очки, платки, защищающие глаза от заливающего их пота... Неплохо переносили жару только животные.

Долгоруков подошел к Вагнеру и сказал:

— Слухай, Андрей, йа взял гроссе гевер унд, я его примосовал до танка с верха...¹

— Не пендзи². — Вагнеру уже давно надоел польско-русско-немецкий сленг, да еще и с английскими словечками. Майор и урожденный вроцлавлянин, обладающий первым классом чистоты, он знал настоящий польский язык и даже умел на нем без запинки разговаривать. Однако здесь, среди наемников, пользоваться правильной литературной речью можно было, лишь предварительно раздав им словари. — Собирай аллес группен³.

— Яволь! — Иван дисциплинированно отдал честь. — Так точно!

Вагнер, злой и уже прилично взопревший, забрался в башню своего транспортера. Хейни поприветствовал его усмешкой, Зорг — только зевком.

¹ Слушай, Андрей, я взял большую пушку и прикрепил ее к танку сверху...

² Не болтай.

³ Собирай всю группу.

— Аллес в порядке?¹

— Одвал, Хейни! Дай мне ейн момент!²

— Да-а-а-а... Натюрлих, херр майор. — Поручик уменьшил давление в котле.

Вагнер снял пропотевший мундир и накинул бурнус на голое тело. В кошмарной тесноте еле-еле управился с кевларовым жилетом, тюрбаном, шлемом, платком, очками и маской.

— Фриц, Вацлав, Алексей! Что у вас? Херен меня?³

Его слова заглушало шипение пара, и разобрал их только сидевший ближе всех чех. Ну и Зорг, конечно. Вот только Зорг редко отвечал на вопросы. Все-таки он был поручиком и гордился вытатуированным на левом ухе знаком звания, ну и, кроме того, гепарды не слишком-то умели говорить. Случившиеся с ними еще до китайской бомбы Чен генетические изменения повлияли на их органы речи весьма незначительно. Между прочим, Зорг еще был исключением. Иногда из его рычания можно было что-то понять. Благодаря этому он был единственным настоящим офицером среди животных. Фактически он мог даже приказывать людям низшего чина. Особенно доставалось от него сержантам и прапорщикам. «На цепь этого поручика, намордник на него!» — шептали по углам.

Держи карман шире...

Непосредственным начальником Зорга был Вагнер, и завистники могли сколько угодно молотить языками, но не более, поскольку именно этот гепард спас майору жизнь три года назад, на самой середине автобана нах Познань. Сейчас он лениво щурил глаза, зевал, пытаясь избавиться от излишков тепла, и при каждом зевке из-за его клыков выглядывали ядовитые зубы. В общем, зверь наводил ужас

---

¹ Все в порядке?

² Отвали, Хейни! Дай мне одну секунду!

³ Слышите меня?

одним своим обликом. Причем удержаться он не мог, и поэтому вины его здесь не было. В конце концов, это не он почти сто лет назад спланировал генетические изменения своего организма.

— На унд, катзурки? — Вагнер погладил его по загривку. — Вшавы день, них вар?¹

— Йййй-е-е-е-а-а-а-а... — Зорг неплохо знал польский, но предпочитал использовать бреславский англиш. — Факххинг дхай, йеееп. Шхххит!²

Кто-то отворил снаружи дверцы транспортера. Капитан в великолепно сшитом парадном мундире подал Вагнеру запечатанный конверт.

— Особый приказ генерала Барилы! — Польский капитана был под стать его мундиру. — Прошу подтвердить получение, пан майор.

Вагнер размашисто расписался и сломал печать. Быстро пробежал глазами текст из нескольких строк, потом вернул бумагу капитану и опять закрыл дверцы. Клубы пара скрыли это событие от всех, кроме Хейни и Зорга.

— Вххххери шхххит дай? Йеееееп?³ — осмелился поинтересоваться поручик.

— Яволь. — Толкнув Хейни и указав ему на ворота, Вагнер почесал поручика за ухом и затянул ремни. — Где находятся познаньские войска...

Остальные его слова заглушили громкие гудки. Стальные ворота перед ними дрогнули и стали раскрываться, представляя ослепительную белизну предвроцлавской пустыни.

— Форвертс! Форвертсуйте! Наступай! Вперед! — завопили наемники.

Паровые двигатели заработали на полную мощность, и бронемашины тронулись. Первыми выехали разведчики,

¹ Ну что, котик? Паршивый день, правда?

² Да, дурацкий день. Плохо!

³ Очень плохой день? Да?

потом взвод поддержки, штабной отдел, в котором была машина Вагнера, взвод штурмовиков и заслон.

— Фердамте автострада!¹ Автобан, джепан в грот!² — Намники проклинали свою судьбу, вновь отправившую их в дьявольски опасную дорогу на Познань, но чувствовали себя относительно безопасно. Пока они находились в поясе досягаемости вроцлавской артиллерии протяженностью несколько сот километров, среди его бетонных укрытий, в тени давно неиспользуемых, но дающих надежную защиту противовоздушных башен.

— Звяд нах обен!³ — подняв вверх ладони, крикнул Вагнер.

— За-а-а-а еархххлу!⁴ — Поручик зевнул, вновь показывая наводящие ужас ядовитые зубы. Потом вдруг фыркнул и отхаркнулся, выставив голову в люк.

Как обычно, он был прав. Волноваться зря не стоило. Впрочем, Вагнер был одним из наиболее добросовестных офицеров Крепости Вроцлав, надеялся на повышение по службе и жизнью подчиненных понапрасну рисковать не собирался.

Большой белый орел вскарабкался по специальной жерди на крышу транспортера. Вагнер не имел понятия, кто сделал этого недоумка начальником отдела наблюдателей. Вернее всего, он получил звание сержанта только потому, что его изображение смотрело с национального герба. В реальности же тот был ничуть не умнее своих подчиненных-соколов, в данный момент поднимавшихся в воздух с передовых бронемашин. Зорг взглянул на взлетающую птицу и непроизвольно облизнулся. Возможно, поручику захотелось попробовать сержанта на зуб?

---

¹ Проклятая автострада!

² Непереводимая игра слов.

³ Разведка вперед!

⁴ Слишком рано!

Караван ехал мимо остатков бетонных укреплений, оставлял за собой противотанковые рвы, траншеи, взорванные радарные станции, лазерные отражатели. Все свободные от обязанностей выбирались на крыши и ложились за приваренными к бортам броневыми плитами. Ветерок, вызванный движением, приносил заметное облегчение. Симпатичная венгерка Марта, вооруженная ручным пулеметом, спустилась в люк и на мгновение повисла, цепляясь за его края руками. На ней кроме ремней амуниции, были только кевларовый бронежилет, тюрбан и чадра. Вагнер и Зорг, насладившись зрелищем ее обнаженных ног, обменялись взглядами.

— Ты... тебя заводят человеческие самки?

Гепард покрутил головой и ответил по-польски, чтобы никто из экипажа его не понял:

— Ну-у-у-у... немного... Эт-т-ха выгядит вкусно-о-о-о...

Вагнер никогда не слышал, чтобы измененные звери проявляли чувство юмора. Ему даже не хотелось думать, что гепарды делают с попавшими к ним пленными. Он высунул голову из башенки и, поднеся к глазам бинокль, оглядел тянущиеся до самого горизонта песчаные дюны...

В небе медленно кружились соколы. Бронемашины, выпуская из труб клубы дыма, ехали восьмиполосным шоссе. Наемники, большей частью обнаженные, а некоторые в бурнусах, скорчившись за броневыми плитами, пили воду, но экономно, понемногу. Никто еще не втирал себе ничего в десны, не делал уколов в руки или бедра. Придет время и этому. Пока же необходимо миновать поворот.

Вагнер усмехнулся, припомнив поговорку: тяжела дорога туда, но обратно — еще хуже.

Пока же бояться было нечего, если, конечно, не считать парочки одуревших от жары идиотов, способных садануть по машинам из панцерфаустов. А вот во время возвращения... Познаньские машины с полным грузом были для мутантов

слишком лакомым куском, чтобы колонна могла рассчитывать на беспрепятственный проезд. Вот тогда и начнется настоящая война. А пока звери прятались в засыпанных песком руинах, справедливо рассудив, что атаковать штурмовую группу, подвергаясь риску погибнуть ради одной лишь амуниции, не имеет смысла. Вот на обратной дороге, когда в караване окажутся сотни огромных познаньских грузовых машин, до отказа набитых жратвой, боеприпасами, топливом и тоннами иного добра, они покажут, на что способны. Пока же имеет смысл просто зарыться в песок и ждать.

Вагнер ошибся: командующий наблюдателями орел оказался не так глуп. Он отдал приказ двум соколам, и те оторвались от стаи. Немного погодя майор разглядел в бинокль голубя. Раненая птица махала крыльями с трудом. Один из соколов теперь парил ниже курьера, защищая его, на случай если кто-то с земли надумает пальнуть, к примеру, из охотничьей двустволки. Второй прикрывал курьера сверху — от возможных атак вражеских ястребов. Все по летному уставу. Еще выше кружили три сокола и орел, готовые в любую минуту прийти на помощь. Как в учебнике.

Голубь, теряя последние силы, опустился на крышу бронемшины Вагнера. Тот снял с ноги посланца капсулу с письмом и крикнул:

— Алексей, пся твоя мутти!¹ Займуй курьером!²

Русский ветеринар взял посеченного дробью голубя.

— Спокойна, господин майор. Будет лебен³.

Вагнер развернул листочек.

«Первому командиру ударной группы: Генерал Павелец, гарнизон твердыни Познань! Миновали Чекпойнт Лешно. Получил известие, что передовой конвой остановлен возле бункеров фойербазы Равич. Затор! Помощь нужна в пустыне, за Тржебницкими горами. Исполнить срочно!»

¹ Непереводаемая игра слов.

² Займись курьером!

³ Жить.

— Есусе! — простонал Вагнер. — Ах ты ж...

Зорг высунул голову из люка.

— Вхххат?¹

— Пробка. Два конвоя одновременно. За горами под обстрелом четыреста пятьдесят грузовых машин.

— Йхххзуз... — протянул гепард.

Для него это было лишь присловьем. Звери, к счастью, не имели представления о Боге. Вместо того чтобы молиться, поручик, не теряя времени зря, отправился искать валериановых капель, которые этот сукин кот прятал где-то в багаже.

Вагнер выругался.

Насосавшиеся водки наемники, нализавшиеся валерианы коты... Все, чем он мог помочь двум угодившим в засаду познаньским конвоям.

Вскинув руку, он несколько раз крутанул ею в воздухе. Сигнальщики тотчас принялись флажками дублировать его приказ «Полный вперед!». Паровые двигатели заработали на предельной мощности, вырывавшийся из труб дым стал заметно гуще. На Тржебницкие взгорья они взбирались уже на скорости в сто тридцать километров.

— Ахтунг! Внимание! Готовность! — крикнул Вагнер, узрев ставшую легендарной, во многих местах продырявленную пулями табличку, так часто описываемую в повестях, посвященных сражениям на познаньском автобане. «Сейчас ты окажешься вне защиты артиллерии Вроцлава. Обороняйся сам. Гарнизон Фестунг Бреслау желает тебе удачного дня!»

Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Никогда раньше надпись не казалась настолько злоеющей. Не будь четырехсот пятидесяти грузовых машин одновременно...

Есус Мария...

---

¹ Что?

— Аллес поволи. Лангзам¹. — Вагнер толкнул ближайшего сигнальщика, ту самую чешку, все «убранство» которой состояло из нового пояса-патронташа с висевшим на нем пистолетом-пулеметом, и флажков. — Звяд на автобан².

Первые машины уже сбавляли ход, и из них выскакивали разведчики. По обочинам дороги бежали коты. Они весили так мало, что могли не опасаться противопехотных мин, а уж находили их просто превосходно. В общем, кошки были гораздо эффективнее миноискателей тех времен, когда на свете еще было электричество. Правда, бегали они не слишком быстро, и движение конвоя это замедляло страшно. Кошки не пропускали ни одного подозрительного места, суетились, обнюхивали его. Один маленький кот, недавний рекрут, даже умудрился заснуть на вершине бархана. На счастье, сержант, старый, опытный, рыжий котяра, укусил его за хвост и погнал на работу.

Алексей, ветеринар, высунул голову в люк и, показывая пальцем направление, завыл:

— Собаки! Соба-акки-и!

— Хунден! — подхватили остальные наемники. — Хунден!

Вагнер тоже увидел псов. Немного погодя их стало больше. Мутанты, а также всякие придорожные ублюдки, похоже, собирались покрошить разведчиков. И совершили ошибку, рано атаковав. Коты кинулись наутек организованно, разделяясь на две группы. В тот же момент Зорг отправил свой отряд гепардов на убийц. Сто... сто двадцать... сто сорок километров в час! Пятнистая смерть набросилась на псов и уничтожила их в мгновение ока. Где-то затрещал станковый пулемет. Наемники, защищая зверей, ответили огнем. Еще немного погодя убийц отозвали, а очень довольные коты принялись обнюхивать трупы тех, кто только что

¹ Все потихоньку. Медленно.

² Разведку на шоссе.

угрожал их жизни. Можно было снова возвращаться к поиску мин.

К Вагнеру подскочил Долгоруков и заявил:

— Нам надо шнеллеровать¹...

— Знаю!

— Они все буда тодтнуе². Эти ласткрафтвагоны³ из Познани...

— Знаю их. Молчи, Иван.

— Шайсе⁴, — пробормотал Хейни и ткнул пальцем в горизонт.

Вагнер увидел облачка дыма от стартовавших ракет.

— Шайсе, — повторил он за своим шофером.

Ракеты. Остановленный конвой. Йе-е-есу-у-у-усе... Что за день!

— Катце шнеллер!⁵ — крикнул он. — Быстрее кошки, такую важеш матен⁶.

Котам было на его приказы плевать. Они не желали погибать ради idiotских людских интересов. Дело свое они делали качественно, как надо, но не спеша. Автостраду, конечно, заминировать было нельзя, поскольку дыры в бетоне могли заметить издали, но никто не мешал под нее подкопаться. Именно поэтому скорость конвоя не превышала скорость бегущего кота. Не более тридцати километров в час. А из машин при желании можно было выжать и все двести.

Дьявол! Проклятый автобан!

Десятки броневиков потихоньку сползали с Тржебницких гор, почти напрасно исходя паром и дымом.

Тихий ужас!

---

¹ Торопиться.

² Они все погибнут.

³ Машины.

⁴ Непереводаемая игра слов.

⁵ Кошки быстрее!

⁶ Непереводаемая игра слов.

А коты все осторожничали. Мутанты, избрав самоубийственную тактику, устраивали собачьи атаки еще дважды. И два раза Зорг в знак быстрой победы приносил Вагнеру отгрызенное собачье ухо. Чужие гибли от огня автоматов, умирали от осколков мин, исходили кровью от укусов ядовитых зубов гепардов... Однако они сдерживали продвижение польской ударной группы, которая была вынуждена ехать все медленнее, объезжая мины и подкопы, жаря яичницу на перегревшихся кожухах паровых котлов, тратя водку, порох и валерианку. В то время, как два окруженных познаньских каравана отбивались от врагов буквально на расстоянии вытянутой руки...

Часов в восемнадцать они достигли Чекпойнта Жмигрода — брошенного несколько лет назад передового поста, от которого теперь остались только присыпанные песком руины. Только тут Вагнер смог развернуть свои силы. Под защитой выжженных еще столетие назад противовоздушных башен он предпринял атаку на левое крыло мутантов, которые тотчас отступили, почувствовав на себе убийственный огонь самоходной артиллерии. Потом в пустыню ушли разведчики. Коты были измучены, как черт знает кто, но Алексей каким-то чудом умудрился их заставить двигаться. И наконец... Они услышали паровые сирены познаньских машин.

— Форвертсовать! Форвертс! Наступай! Наступовать...

Русский штурмовой отряд очистил подступы. Бронешины резко увеличили ход. Немцы и чехи занялись флангами и вымели их убийственным огнем. Вагнер приказал двигаться быстрее. Они, сопровождаемые мяуканьем шаравшихся от гусениц котов и руганью, преодолели песчаное взгорье...

И наконец увидели те самые четыреста пятьдесят машин. Они занимали круговую оборону. Так, словно ими командовал наиглупейший стратег на свете, кретин, почерпнувший

знания о тактике из книжек для подростков о покорении Дикого Запада. Индейцы, вооруженные луками, и ковбои с кольтами в руках... Круговая оборона в двадцать третьем веке! Словно бы только для того, чтобы их противникам было удобнее целиться. Причем у них не было ни луков, ни шестизарядных кольтов. Зато у них имелись пулеметы и ба-зуки.

Бойня.

Вагнер выругался. Зорг фыркнул. Долгоруков отпустил такое замысловатое ругательство на русском, что, по идее, должен был получить за него Нобелевскую премию по категории «владение языком».

— Майн Готт... — Вагнер закрыл глаза, увидев, как пошли в атаку два познаньских паровых танка. Один моментально налетел на мину. Другой, обшитый броней локомотив, забуксовал в песке, потерял управление и упал в ров. У него взорвался котел, заливая кипятком экипаж, и минуту спустя с ними было покончено. — Йа... Что они делают?

— Йа-а-а. Зер гут, — буркнул Хейни. — Почернвера ам кампф¹.

— У-у-у-у... — Долгоруков плюнул на кожих. — Поляк, дай мне свой взвод.

— Пепрц шен². — Вагнер не собирался передавать никому командование над двумя взводами. А о взводе миротворцев вообще не могло быть и речи. Кроме того, он ждал повышения и не мог позволить опередить себя какому-нибудь поручику. Красивая чешская сигнальщица наполовину высунулась из люка и, ехидно хихикнув, спросила:

— Ну, ребята, будут мне приказы?

— Пусть выступает штурмовой взвод и взвод миротворцев!

— То йе-е-е... Вир махен им впердол?³ Йеа?

---

¹ Познаньцы на войне.

² Перетопчешься.

³ Мы их уделаем?

— Йеа.

Все еще похихикивая, она замахала флажками. Злые языки утверждали, что связист батальона, замороженный видом ее выдающегося, заманчиво колыхающегося бюста, не мог сконцентрировать внимание на цветных лоскутках на палочках в ее руках и часть приказов просто выдумывал. Однако верить им не следовало. Зной, доходивший до шестидесяти градусов, усиленный еще и жаром от разгоревшихся паровых котлов, породил иллюзии, удивительные во всех смыслах.

Машины Вагнера потихоньку спускались вниз. Самоходная артиллерия садилась в пустыню наугад. Можно было уже слышать крики познатьцев: «Вроцлав! Вроцлав! Задайте им жару!» А сигнальщики все еще орудовали флажками. Русские из штурмового взвода строились в цепь... И тут чешка еще больше высунулась из люка.

— Дева Мария! Бункер! Там йе вердайте песи бункер!¹

— Йезус! Йя пер... О мамуси моя кохана...² — Наемники в бронемашине обменялись ошарашенными взглядами.

Бункер!!!

Проклятые мутанты умудрились построить настоящий бункер. Да такой, что ему и огонь артиллерии нипочем.

Долгоруков отреагировал первым.

— Русские, назад! — крикнул он, высовываясь в люк. — Немедленно возвращайтесь!

Штурмовой взвод отступал, попав под огонь пулеметов. Артиллерия стала бить по вспышкам, но это не принесло никакого результата. У противника был бункер. Построенный тайно, под носом у проезжавших здесь ежедневно патрулей... Чудо какое-то. Проклятые мутанты. Как они сумели это сделать? Кстати, теперь стало понятно, почему силы твердыни Познань применяли такую странную тактику.

---

¹ Там проклятый собачий бункер!

² О мама моя любимая...

Бункер.

Вагнер некоторое время сидел неподвижно, пытаясь придумать, что можно предпринять в такой ситуации. Бункер... Как его взять? Отправить людей на штурм? Мутанты подпустят их метров на тридцать и всех выкосят. Кинуть на них зверей? И каким образом он вернется во Вроцлав без котов и гепардов?

Зорг вернулся из задней части бронемшины. Несло от него валерианой так, словно он опустошил всю аптечку.

— Шххх? Вххххате нув?¹ — пробормотал он, пытаясь сфокусировать глаза.

— Фак дих!² — Вагнер высунул голову в люк, получил по шлему либо срикошетировавшей пулей, либо осколком и спрятал ее обратно. Дьявол! На счастье, шлем был надет на тюрбан. Иначе на лбу у него был бы приличный синяк. — Артиллеристы! Накройте их!

Голая чешка не рискнула покинуть бронемашину и передавала сообщения семафором.

— Аллес бефордерер диргуеровать! Цузаммен!³

Расстояние между транспортерами сокращалось, и у Вагнера на маневр едва хватало времени. До познаньских машин было рукой подать.

— Долгоруков... не разочаруй меня!

Русский слегка усмехнулся. Потом кивнул и закурил сигарету.

— Выводи миротворцев и штурмантейленген⁴, — приказал Вагнер. — Нех шен роспеджа за нашими панцерояздами⁵. Атаковать их надо уж на волл⁶ скорости. Понимаешь?

— Так точно, герр майор.

---

¹ Что теперь?

² Чтоб тебя!

³ Всем двигаться быстрее! Разом!

⁴ Штурмовую группу.

⁵ Пусть разгонятся за нашими бронемашинами.

⁶ Полной.

Иван открыл эвакуационный люк в полу, опустил свое большое тело на бетон и замер, выжидая, пока машина проедет над ним.

— Хейни. Немцы с фойерферами¹ пойдут вслед. Их вилл ни хт², чтобы хоть кто-нибудь в том бункере дожил до ночи.

— Яволь, герр майор.

Хейни, на счастье, неплохо понимал по-польски. Вагнер, если нервничал, время от времени начинал говорить на родном языке, забывая простейшие команды по-немецки. В предыдущий раз это едва не погубило атаку, когда он приказал немцам «напепчать сукинсунов»³. Легче всего было с россиянами. Они знали все языки, кажется, вплоть до венгерского.

— Кошечка, — толкнул он голую чешку. — Гиб мир по серн командир⁴.

Девушка споро заработала рукояткой семафора.

— Ано. Вас мам указать?⁵

— Прикройте меня. Хэви граунд атак!⁶ Тьфу! — Вагнер сообразил, что разговаривает с поляком и теперь можно обходиться без жаргона. — Атака на подавление. Сделай, что можешь.

Ее тонкие ручки творили чудеса. Потом она приникла к перископу.

— Отвечают... Х-о-р-о-ш-о-п-р-и-к-р-о-ю. У-м-е-н-я-е-щ-е-е-с-т-ь-ч-е-т-ы-р-е-т-а-н-к-а.

Вагнер выскочил из транспортера через боковые двери и, укрывшись за броневыми плитами, крикнул:

— Долгоруков, вперед. Наступление!

Взвод миротворцев, состоящий из тридцати тигров, двинулся вперед под охраной транспортеров. Наемники

¹ Огнеметами.

² Я не хочу.

³ Навалиться на сукиных детей.

⁴ Дай мне командира познаньцев.

⁵ Да. Что нужно передать?

⁶ Атакую крупными силами!

открыли огонь, вскоре заговорила артиллерия, двинулись познаньские танки. Немцы накачивали баки со смесью, поднимая в них давление, чтобы можно было использовать огнеметы.

Потом тигры выскочили из-за машин и на полной скорости бросились в атаку. Один моментально налетел на мину, три сбились в кучу и остановились, а остальные продолжали наступать.

— Зорг!

Гепарды перемешались с немцами. Снова мина. Вторая, третья... Йесу-у-ус... Атака могла захлебнуться. Марта, красивая венгерка, умеющая прекрасно готовить, вечерами певшая исполненные ностальгии песни и четырнадцать уже раз пытавшаяся покончить с собой, высунулась из-за броневое щита. Она стреляла из ручного пулемета по бункеру. И конечно, ее вскоре должны были снять меткой очередью, но тут один из познаньских танков остановился и засадил-таки снаряд в амбразуру вражеского укрытия! На подступах поднялась кутерьма. И тотчас после этого в бункер ворвались тигры, а за ними — гепарды. Потом у амбразур оказались немцы со своими огнеметами.

— Вер! Вер! Раусовать! — кричали они зверям. — Ди катцен... Все раус!¹

Немного погодя, когда звери уже убегали коридорами, обозначенными котами, люди пустили в ход огнеметы. Смесью, которой они были заправлены, имела свойство прилипать к любой поверхности. И горела. Огонь этот нельзя было погасить ничем — ни водой, ни пеной. Еще эта смесь обладала собственным окислителем и сгорала полностью. Как и обещал ее производитель.

После того как крики из бункера слегка стихли, с холмов застрочили пулеметы, прикрывая убегающих. Впрочем, в укреплении уже не было никого, способного убе-

---

¹ Прочь! Назад! Кошки... Все назад!

жать. Артиллерия скорректировала огонь, и очереди стали стихать.

— Доложить о потерях!

Отдав это приказание, Вагнер покинул транспортер и вышел на дорогу.

Взвод миротворцев уже зачищал поле битвы, и случайных выстрелов опасаться не следовало. Шоферы грузовых машин еще сидели в укрытиях, однако познаньские солдаты уже выходили на дорогу. Хорошо вышколенное и великолепно оснащенное войско. Вот только ничего они в пустынных войнах не понимали. Все еще верили в свои танки, лобовые атаки и превосходящую огневую мощь. В отличие от вrocławян, контактов с бедуинами они не имели и, соответственно, ничему от них научиться не могли.

— Сигнальщица и офицеры — ко мне, — приказал Вагнер.

Вся свита поспешно собралась. После этого они отправились на встречу с командованием конвоя, которое как раз выгружалось из бронемшины весом более ста тонн, увенчанной броневыми башенками: из них торчали орудийные дула, стволы минометов, гранатометов и пулеметов.

— Пан генерал, майор Вагнер рапортует о прибытии ударной группы.

Сэм Павелец являлся старым волком автострадных боев. Однако окружен он был молодыми офицерами, одетыми в причудливые мундиры, соединявшие признаки униформы иностранного легиона и африканского корпуса времен Второй мировой войны. А еще на них красовались кожаные сапоги до колен, кожаные пояса и кожаные патронташи. Как они в этом всем не сварятся по такой жаре? Впрочем, познаньцы тоже посматривали на наемников с некоторым удивлением. Как это возможно, чтобы майор имел на себе только бурнус и тюрбан? Почему на поручиках лишь бронжилеты, а их сигнальщица попросту голая и ничуть этим не смущается?

Павелец заметил недоуменные взгляды и объяснил:

— Они в первый раз.

Сэм знал, что совершенно бесполезно требовать от наемников хоть какой-то дисциплины. В их ряды в основном попадали индивидуалисты с непомерно раздутым эго. Однако если кто-то, желая завербоваться, в одиночку умудрился прорваться через убийственную пустыню, стало быть, у него на задку три пары зорких глаз, не только шестое чувство, но седьмое и восьмое дополнительное, а солдат он просто прирожденный.

— Пан поручик, — генерал подошел к Зоргу и приложил два пальца к головному убору, — ваша атака мне очень понравилась.

Познаньские офицеры окаменели. Как можно отдавать честь зверю? Зорг бросил на них взгляд и тихо фыркнул. Потом поднял и выпрямил свой цепкий, как у обезьяны, хвост, заканчивающийся скорпионьим жалом, явно салютуя в ответ.

Чешка приняла сведения о потерях, подаваемые с поля азбукой Морзе, и отрапортовала:

— Наши потери: айн¹ тигр, драй коты², три люди. Познаньцы потеряли: фюнф³ танков, один бефордер⁴, двадцать девять ЛКВ, и да, ахт унд зехцинг люди⁵.

— Неплохо. — Вагнер обернулся к своим солдатам и крикнул. — Разбито двадцать девять грузовиков. Берите себе, что пожелаете. Только быстро.

По-польски понимал, наверное, лишь один из десяти наемников. Однако смысл именно этого приказа все уразумели великолепно. Все, кто были: люди, гепарды, тигры, коты и даже птицы — стремглав кинулись к обломкам на автостраде.

---

¹ Один.

² Три кота.

³ Пять.

⁴ Транспортёр.

⁵ Да, шестьдесят восемь человек.

— Господин майор, вы, кажется, допускаете ошибку, — не выдержал кто-то из познаньских поручиков. — Мы погибает для того, чтобы доставить груз во Вроцлав, а вы разрешаете его грабить?

— Грузовики разбиты, а дополнительный груз на боевые машины я взять не позволю. Все лишнее придется сжечь.

— Как это — сжечь?

— А вы что думали? Оставить все это мутантам?

— Йезуз... но ведь в тех машинах и трупы наших товарищей.

— Мне жаль. У меня не хватит напалма, чтобы сжечь еще и тела.

— Зачем жечь? — повторил поручик. — Мы должны устроить им достойные похороны.

Павелец рассмеялся, но как-то невесело.

— Ты думаешь, у мутантов нет лопат? — Он отер пот со лба. — Ночью выкопают наших и съедят.

— Боже! — Молодого офицера едва не стошнило. — А что сделаем мы?

— Как обычно... — Генерал тяжело вздохнул. — Напичкаем каждого шестого ядом по самые уши и... — Он снова вздохнул. — И оставим здесь.

— Йесус... Йесус. Ну ладно, а почему не отравить все тела? — Поручик, кажется, начинал проявлять признаки рассудка.

— Тогда они придумают какое-нибудь противоядие, — объяснил Вагнер. — А каждый шестой нанесет диким больший урон, чем все наше сражение. Так поступают бедуины и получают неплохие результаты.

— Да-а-а-а... солдаты воюют даже после смерти. — Павелец взял Вагнера под руку и отвел его в сторону. — У меня для вас, господин майор, есть особый груз.

— Знаю. Барила меня об этом предупредил. — Вагнер припомнил письменный приказ, полученный им перед

самым выездом. — Кажется, курьер из США? Это возможно?

— Несомненно. — Павелец открыл дверцу ближайшей машины. — Сью! Передаю вас в руки адресата.

Из машины появилась рослая негритянка в полевом мундире морского пехотинца.

— Приветствую, господин майор. — Она протянула руку. — Полковник Сью Кристи-Андерсон. Корпус морских пехотинцев Соединенных Штатов Северной Америки.

Вагнер вытаращил глаза. Это была первая американка, которую он видел в жизни. И третья чернокожая.

— Вы неплохо разговариваете по-польски.

— Вы тоже. — Они обменялись рукопожатием. — Прошу обеспечить мне охрану. Выполняю очень важную миссию.

Павелец только махнул рукой и решил поторопить своих людей. Вагнер слегка улыбнулся. Не мог представить, какую миссию может выполнять в Польше офицер из-за океана.

— Зорг! Опекай даму. Главное, если заснет, не откуси ей ноги, как той, последней курьерше.

Американка на этот не очень изящный крючок не попала. Отдав честь, она сказала гепарду:

— Приветствую пана поручика.

Зорг проглотил слюну, потом удивленно взглянул на Вагнера и буркнул:

— Хай!

А американка уже внимательно разглядывала вроцлавские машины, их вооружение, снаряжение и то, как их обслуживают наемники.

— Почему они в пять раз меньше познаньских? — спросила она, указав на монстроподобную бронемашину за спиной.

— Бедуинская мудрость, — объяснил Вагнер. — Зато они могут разогнаться до двухсот километров в час. Это помогает быстрее уносить ноги.

Девушка снова не обратила внимания на подколку. Похоже, принципиально.

— Называй меня Сью. По-польски это, кажется, Сусанна?

— М-м-м-м... Точнее, Зося. — Вагнер подмигнул Зоргу.

А негритянка все приглядывалась, сравнивая вооружение войск из разных городов, подмечая малейшие особенности. Похоже, из нее мог вырасти неплохой специалист пустынных войн.

Наконец она прекратила это занятие и, повернувшись к Вагнеру, посмотрела ему в глаза, прикусила губу.

— О'кей! Поведай мне, как здесь выживают. Хорошо? У меня действительно важная миссия.

Вагнер пожал плечами, потом провел ладонью по ее прекрасным косичкам, спускавшимся аж до середины спины.

— Первым делом — волосы. Они должны быть очень короткими. И не только на голове. Если же ты этого не хочешь, то придется ходить голышом. — В подтверждение своих слов он показал на чешскую сигнальщицу. — Остальные инструкции будут потом.

— Понимаю. О'кей! — кивнула американка.

К этому времени вокруг уже столпились нагруженные добычей наемники и с удивление пялились на необычного гостя. Вагнер призвал Марту. Та взяла из транспортера свою парикмахерскую машинку и проводила госпожу полковника в ближайшее уединенное место, словно барана на стрижку. Солдаты уселись на награбленное барахло. Им хотелось увидеть, чем все закончится.

Сью Кристи-Андерсон вернулась уже через несколько минут, остриженной под мальчика. Череп у нее оказался идеальной формы.

— Волосы на голове и... хм, там... это чтобы не подхватить насекомых? У вас водятся какие-то специфические насекомые?

— Нет. — Вагнер заглянул ей в глаза. — Это была только шутка, Зося.

Наемники разразились хохотом. Долгоруков упал на спину и трясся от смеха. Марта хихикала. Хайни закрыл лицо, а Алексей, высунувшись из люка, хлопал в ладоши. Даже Зорг довольно прищурил глаза.

Американка колебалась где-то с полминуты, а потом тоже засмеялась, хотя и несколько вымученно.

— Ну хорошо, — признала она. — Ты меня сделал. Теперь мне надлежит раздеться догола?

— Это было бы лучше всего, — промолвил Вагнер. — Однако, если ты хочешь, могу дать бурнус. — Он прикоснулся к ее мундиру. — Иначе получишь солнечный удар.

Пожав плечами, она взяла у какой-то девушки не слишком пропотевшую рубаху, длиной до колен, и тут же ее надела. Следовало признать, благоразумием она обладает. Наемники это отметили и шутить над ней более не стали. Никто не пытался засунуть ей kota в трусы, кинуть в лицо молодую гепардицу или окатить ноги кипятком из спускового крана. В сообразительности негритянке отказать было нельзя. Вероятно, она даже догадалась, что шутка Вагнера спасла ее, например, от «случайного» прикосновения спиной к паровому котлу, от «случайной» подножки, падая после которой она должна была разбить себе лицо о стальную переборку. Похоже, она уже бывала среди наемников и неплохо знала, что они могут сделать со штабным офицериком, неожиданно оказавшимся среди настоящих солдат. После того как они отправились в обратный путь до Вроцлава, она даже шепнула Вагнеру «спасибо». В общем, она и в самом деле оказалась неглупой обезьянкой. Стояла, опираясь о стену транспортера, и стойчески переносила качку и тряску. А если некто даже и подал ей фляжку, в которой была не вода, а что-то другое... Какое это имело значение, если Сью знала: она попадет во Вроцлав живой, здоровой и даже не поцарапанной.

Вагнер разглядывал ее с усмешкой. Ему уже не раз случилось видеть офицеров, неожиданно утративших пол штаба под ногами. Одно дело рассматривать цветную карту и втыкать в нее маленькие флажки, а совсем другое — быть этим маленьким флажком, воткнутом в какую-то дорогу. Впрочем, Сью Кристи-Андерсон держалась молодцом. Даже поделилась с экипажем своим запасом самокруток. Купить она этим их не купила, однако... Ближайшей ночью американка могла спать спокойно, не опасаясь ощутить между ногами крысу.

На счастье, Тржебницких взгорий они достигли еще до заката. Поскольку езда в темноте была верным способом покончить счеты с жизнью, им пришлось разбивать лагерь. Впрочем, они были уже в пределах досягаемости артиллерии Вроцлава. Соблазнительная чешка запустила в воздух несколько сигнальных ракет. Теперь парни у прицелов твердыни четко знали, где находится их позиция. Коты обшарили местность и признали ее безопасной.

Солдаты жарили эскалопы на паровом котле ближайшего транспортера. Марта приготовила несказанно вкусный суп из продуктов, добытых в разбитых грузовых машинах, а после ужина играла на гитаре и пела печальные песни. Потом она вспомнила, как в будапештском бункере у нее прямо на глазах насиловали ее дочь, разрыдалась и отправилась делать еще одну попытку самоубийства. На счастье, влюбленный в венгерку по гроб жизни Алексей, догнав, всадил ей в спину парализующий заряд. Потом он уложил женщину спать и, прежде чем укрыть пледом, ввел ей ампулу амфетамина, для того чтобы она не так сильно плакала.

Наемники, избежавшие караула, наслаждались водкой и пылью.

Познаньские солдаты были настолько хорошо организованы, что им даже удалось что-то подогреть, и они

теперь поедали свою синтетическую еду. Хорошо поджаренные эскалопы наемников, конечно, вызывали зависть, но, поглядывая на них, солдаты не двинулись дальше плоских шуточек о том, что это мясо, скорее всего, человечье. Водители грузовиков так устали, что даже толком ничего не поели. Кто-то зажег огонь на песчаном холмике, политом напалмом. В общем, было неплохо, даже хорошо, поскольку светил месяц и каждый развлекался, как мог. Конечно, если удавалось забыть, что в ближайших барханах лежат кости тысяч убитых, что это пикник на кладбище...

Сью Кристи-Андерсон подошла к Вагнеру после полуночи. Стряхнув с себя кота, насосавшегося валерьянки по самые кончики ушей, она вынула из сумочки последнюю самокрутку. Прикурив ее, негритянка сделала затяжку и предложила майору.

— Откуда у вас разумные звери? — спросила американка. — Кажется, после китайской бомбы возможность проводить генетические эксперименты была...

— Они рождаются сами. Натуральным образом. Понимаешь? Любовь, беременность, роды... и вот их на свете становится больше.

Женщина усмехнулась.

— Мутации произошли перед бомбой Чен? И теперь зверье передает измененные гены потомству... Сколько уходит в брак?

— Пять — семь процентов. Однако прогресса не наблюдается. У нас еще по крайней мере сто лет будут разумные гепарды, тигры, коты и птицы...

— Ты знаешь, что у нас есть змеи? — Она открыла прикрепленную к поясу сумочку и показала гремучую змею. — Обнаруживает мины лучше кота. И собак не боится.

— Однако она в девять раз медленнее обычного кота. — Вагнер сделал глубокую затяжку и отдал самокрутку госпо-

же полковнику. — Где научилась так говорить по-польски, Зося?

— Отец был поляком.

— Был?

— Да-а-а... Застрелили его под Саванной, охранял конвой.

— О-о-о-о... Он не первый поляк, которому там прострелили голову.

Она поняла не сразу, а потом, видимо припомнив какую-нибудь книжку по истории, подмигнула Вагнеру и тихо рассмеялась.

— Наглец.

Он рассмеялся в ответ.

— Скажи... как там, в Штатах?

Она пожала плечами.

— Как везде. Люди живут в бункерах, синтетическая пища, бунты, усмирения, мутанты. Полная безнадега.

— Ты посмотрела мир...

— Ну да. Была в Детройте и в Вашингтоне. Переплыла на паруснике Атлантику. Очутилась в лондонских бункерах. Занесло меня в Осло. Знаешь, что там холодно? Внезапно пятнадцать, двадцать градусов холода зимой. Хе... Экстра! Потом я поплыла пароходом через Балтику на Познань. Ведаешь, какой классный порт в Познани? Только все время стреляют из пушек. Из-за этого трудно заснуть в бункере.

— Знаю. Дикие звери все время атакуют Познань, поскольку это главная база снабжения Вроцлава.

— Почему так важен Вроцлав?

— Так же, как и тысячу лет назад. Город на перекрестке дорог Запад — Восток, Север — Юг. Главный узел контрабандной торговли обновленной Европы.

— Ну и что?

— Он защищает всю Польшу.

— А-а-а-а... Разве контрабанда так важна?

— Увидишь. Фестунг Бреслау тебя заинтересует.

— Э-э-э-э... обычные бункеры. Безнадега, как и всюду.

Вагнер рассмеялся. На этот раз — громко.

— Сама увидишь.

Закутавшись в одеяло, он отошел в сторону, чтобы отправить почтового голубя с рапортом о событиях прошедшего дня. Алексей уже держал подготовленную и разогретую для полета птицу, но сначала показал Вагнеру маленькую записку, доставленную голубем из Вроцлава. Судя по неразборчивому почерку, автором ее был сам генерал Барила. Майор пробежал взглядом несколько строк текста и ошарашенно покрутил головой.

«Анджей, надеюсь, что глупая девка из ЦРУ, представляющая полковником морской пехоты, уже у тебя в лапках. В отношении ее у меня для тебя есть специальное задание. Когда окажетесь в городе, займись ею вплотную. Для того чтобы все казалось натуральным, покажи ей свой дом, жену, ребенка. Оставь ночевать. Представь лучшие стороны жизни... Пусть перед встречей со мной отмякнет. Выжми из нее слезы. Она для меня очень важна, так что постарайся.

Подпись: Барила, генерал.

Постскрипtum. Спорим, ты, свинья, уж обрезал ей волосы?»

Удивительное задание... заставить Шоколадку плакать? Конечно, сделать это не так трудно... А собственно, что происходит?

Вагнер подозвал жестом Хейни и, многозначительно ему подмигнув, шепнул:

— Следи за Зосей.

После этого он вернулся к негритянке.

— В общем, Шоколадка, держись рядом со мной. Наверняка на нас перед рассветом нападут. Выкопай себе в песке укрытие.

— Шоколадка? — Госпожа полковник, а вернее агент ЦРУ, вынула из ранца складную лопатку и принялась копать. — Все поляки такие расисты?

— Несомненно. А если узнают, что ты обрезана, будет хуже.

На этот раз она рассмеялась, однако смех тотчас застрял в ее горле. Вскрикнув, американка отскочила в сторону.

— В моей яме чья-то нога.

Вагнер лениво взглянул на уже побелевшие кости. Сражения на автобанах длились не меньше ста лет. Гораздо удивительнее, если бы в песке не нашлось ничего подобного. Вынув плоскую бутылочку водки, он протянул ее негритянке.

— Хлебни.

Негритянка все еще пыталась овладеть собой.

— Сейчас. — Она потрясла головой, потом выпустила из сумки свою гремучую змею. — Мне кое-куда нужно.

— Делай все тут, — посоветовал он. — Коты-часовые змею не пропустят. А если надумаешь прогуляться без нее, то лишишься своих красивых ножек на первой же мине.

— Как это... тут? При всех?

— Боишься, что тебя изнасилует та чешка? Спокойно. Она уже напичкана амфетаминами до одурения.

Она все же немного отошла, а он, старательно не глядя в ее сторону, отвинтил крышечку и сделал глоток. Через некоторое время негритянка вернулась и, усевшись рядом, прислонилась к его плечу.

— Знаешь... — вздохнула она. — Тут с вами... как бы так... тепло.

Сказано это было вполне естественно. Не будь письма генерала, он мог даже попытаться сделать ей «тепло». Вообще, играла она неплохо. Вот только для чего?

Он подал ей бутылку, и она сделала большой глоток.

— Шоколадка...

— Что, расистик?

— У тебя нет желания слегка объединиться?

Она вздохнула и прошептала:

— Ну, может, и есть. Однако заниматься чем-то таким на глазах у остальных...

Она сделала еще один большой глоток и вернула ему бутылку.

— Почему все так получается?

Вагнер поднял глаза к небу.

Ему уже надоели разговоры на тему: «Как все могло быть хорошо, не случись это шайзе¹».

Сначала был век пара и электричества, потом эра атома, потом война, американская бойня под Пекином и китайская бомба Чен. А потом снова начался век пара, но без электричества. Никто не знал, чем являются чены. Какие-то бактерии? Наномеханизмы? Крохотульки, вызывающие ионизирующее излучение? Без электричества, благодаря которому действуют электронные микроскопы, выяснить это невозможно. Причем это нечто, эти чены витали в атмосфере Земли, кишели повсюду. И... превращали изоляторы в проводники. А это означало возвращение назад, к факелам, освещающим внутренность бункеров, к добыче каменного угля, к войнам, вводимым при помощи пушек и пулеметов. Конечно, что-то от периода наивысшего развития человечества осталось. Остались генетические изменения, иммунитет к классическим болезням, некоторое количество передовой химии. Еще со времен войны остались бункеры, позволяющие выжить тем, кто не превратился в чудовищ. Еще сохранились климатические изменения, гигантские моря, возникшие в результате таяния льдов. В целом, если тебе повезло избежать смерти и участи быть съеденным, если удалось поселиться в бетонном укрытии, находящемся

---

¹ Дерьмо.

под властью мафии или какого-нибудь правительства, можно было даже неплохо жить. Некоторые страны сохранили организационную структуру. Такие, как государства на Дальнем Севере, где добывали уголь и плавилы сталь, или те же самые Польша, Марракеш, Африканская Уния, жившие с контрабанды и производства наркотиков. Существовали также всякие альянсы, такие как Бедуины или Арабы, занимающиеся охраной караванов, пересекающих пустыню от Средиземноморья на север и обратно, а также Казаки и Татары, охранявшие дороги на линии Восток — Запад...

Вагнер и не заметил, как заснул.

Проснулся он от одиночного выстрела и мяуканья котов. Поскольку спал он, положив голову на живот негрятки, шея у него затекла и теперь сгибалась с трудом.

Как и предсказывалось, мутанты напали под утро. Впрочем, эта авантюра была с самого начала обречена на провал. Коты вовремя разбудили артиллеристов и пулеметчиков, а те начали садить из своего оружия. Наемники запустили ракеты, а Вроцлав тотчас прислал с сотню снарядов большого калибра. Все живое, оказавшееся в ближайших песках, тут же и погибло. Вагнер, оглушенный взрывами, выплевывая попавший в рот песок, потащил за собой Зосю и вылез из ямы. Выкрикивая ругательства, они напрасно пытались хоть что-то услышать или увидеть в песчаной буре, возникшей от разрывов вроцлавских снарядов. Звери инстинктивно жались к своим машинам. Генерал Павелец собирал людей.

Поганое пробуждение.

Тронулись в путь они только через полчаса. На счастье, других неожиданностей не возникло. Колоссальный конвой поначалу немилосердно медлил, а потом, когда она въехали в круг первых укреплений, вдруг подбавил пару. Дымы каминных труб полностью скрывали купол Фуллера, и Вроц-

лав поначалу им показался дивным, сотканным из серого марева миражом.

Сью Кристи-Андерсон высунула голову из люка.

— У вас такой большой бункер?

— Бункер? — Вагнер слегка улыбнулся. — Протри глаза.

— Что?

— Ты увидишь.

Потом было гудение гидравлических моторов, открывающих ворота туннеля. Наемники разбивали гильзы с химическим светом. Немного погодя они очутились во мраке, сквозь который лишь кое-где пробивались слабые огоньки. Стало холоднее.

Машину Вагнер приказал поставить в одном из боковых переходов метро. Соскочив с бронированного борта, он приказал:

— Выходим.

— Я сначала должна доложить...

— Спокойно, — прервал американку Вагнер, снимая бурнус. — Прежде всего надо принять душ. — Он открыл дверь одной из многих скрытых в стене кабин. — Входи.

Негритянка сняла рубашку и, пристроившись с ним рядом, сказала:

— Станный у вас душ. А где находится газовый рычаг?

— Хочешь мыться газом? — засмеялся майор. — Посмотри. — Он повернул кран, и на них хлынула вода.

Американка ошалело вытаращила глаза.

— Вот это да.... У вас так много воды?

Натирая ей спину, Вагнер объяснил, что вода эта химически очищена и используется не в первый раз. В той самой, которой они моются, наверняка побывало еще не менее пары тысяч человек. И все же ей не верилось в такое богатство. Наемники из соседних кабинок смеялись и кричали, что она увидит большие чудеса.

Вагнер подал ей полотенце. Потом она вынула из сумки парадный мундир морского пехотинца. Майор облачился в тропический вариант формы 31, состоящий из сандалий, полотняных шортов, рубашки с нашивками и пробкового шлема. Оружие на пояс он вешать не стал. С того времени, как его сын научился ползать, он не приносил оружие в дом.

— Идем? — спросил Вагнер, указывая в сторону лифта.

И все-таки ему пришлось подождать, пока госпожа полковник застегнет все пуговички мундира. Тело у нее оказалось великолепное, и если бы не крупный, типично негритянский зад, а также слишком длинные стопы, она вполне могла бы претендовать на звание красавицы. Вагнер почти пожалел, что вокруг были солдаты и он не попытался дать себе волю под душем. В лифт, однако, они вошли лишь втроем, вместе с Зоргом, который не мылся и поэтому все положенные процедуры закончил быстрее. Остальные наемники торопились не слишком.

Лифт пошел вверх, и тут Вагнер предупредил:

— Теперь приготовься.

— К чему?

— К шоку, — грустно усмехнулся он.

Вагнеру уже приходилось наблюдать реакцию тех, кто оказался в городе в первый раз. Он собственными глазами видел, как одного венгра от удивления вырвало. Еще он слышал от коллег, что некий араб впал в состояние амока и застрелился. По счастью, Сью Кристи-Андерсон не имела при себе оружия.

Когда они оказались наверху и двери лифта со скрипом отворились, он пропустил даму вперед.

— Прошу.

Первым делом она сощурилась от яркого света, тряхнула головой, а потом...

— Боже! — она отшатнулась назад. — Это нереально!

— Наоборот, — поддержав ее, сказал Вагнер. — Это все настоящее.

— Боже! Боже! Шит! Факин буллшит!¹

— Оу йе-е... — промурлыкал Зорг.

Ему тоже случалось видеть подобную реакцию.

Станция подземных лифтов находилась на Взгорье Воеводском, и негритянка изумленными глазами пялилась на покрывавшие его пальмы, туи и цитрусовые. А еще она видела аккуратные дорожки, окруженные зеленью лавочки... Потом она посмотрела в сторону Монастырского острова, украшенного башнями старинных костелов, минаретами мечетей и куполами синагог. А потом увидела Одер.

— Йезззз! Итс ривер... Эм ай гоуин крэзиии?²

— Нет, ты видишь самую настоящую реку.

— Откуда? — Первый шок прошел, и американка снова перешла на польский. — Откуда взялось столько воды в пустыне?

— Не верь глазам своим. Дно раскрашено так, чтобы возникал эффект пары метров глубины, а на самом деле там всего пара сантиметров. — Вагнер слегка улыбнулся. — Потом вода под землей перекачивается обратно и вновь течет мимо города, так, чтобы всем казалось, будто это настоящий, исторический Одер...

— Мама моя... Это первая река, которую я вижу. — Негритянка взглянула на купол из фуллерена, накрывавший весь город, потом опять посмотрела на пальмы. — У вас хватило денег на столько пластиковых деревьев?

— Они не пластиковые. Они настоящие.

— Как — настоящие? Растут?

— Конечно.

— Боже Пресвятой... — Она едва не потеряла сознание. — Не может быть на свете такой красоты. А это... — Она по-

---

¹ Непереводимая игра слов.

² Это река... Я сошла с ума?

казала на ближайшее дерево. — Скажешь еще, что это настоящий банан?

— Да.

Она подошла ближе, протянула было руку, но, увидев подходящего сбоку полицейского, отскочила назад.

— Прошу извинить, я только хотела посмотреть, — в испуге крикнула она. — Не прикасалась!!! Клянусь!

Полицейский улыбнулся.

— Похоже, вы во Вроцлаве первый раз?

— Я не прикасалась. Не прикасалась!!! Вы не можете меня арестовать.

— Успокойтесь.

Сказав это, полицейский хотел отойти, но Вагнер его остановил.

— Она из Соединенных Штатов Америки. Может, дадим ей попробовать один?

Полицейский пожал плечами.

— Какие могут быть разговоры?

Он вынул из кармана блокнотик и, что-то написав на листочке, шлепнул по нему печатью.

— Прошу, это разрешение сорвать один банан.

Полицейский протянул негрityнке листочек, отдал честь и пошел прочь.

Сью Кристи-Андерсон проглотила слюну. Подозрительно глядя на Вагнера, спросила:

— О чем вы разговаривали?

— Зося, ты можешь сорвать один.

— Настоящий банан?

— Угу.

Думая, что это их напугает, она быстро вытянула руку в сторону дерева. Однако никто на это не отреагировал. Вагнер терпеливо ждал, а Зорг, справив малую нужду на газоне, лениво зевнул.

— Ну, действуй.

Только теперь она сообразила, что майор не шутит и сорвать для себя настоящий банан можно. Сглотнув слюну, негритянка взглянула на ближайшую кисть.

— А-а-а-а... а если плохо сорву и они упадут все? Тогда меня арестуют?

— Не глупи, Зося. Ну, давай за работу.

Она все-таки сделала это! Наверняка заодно вручив Богу свою бессмертную душу. Зорг зевал. Госпожу полковника, казалось, вот-вот хватит удар. Впрочем, она прошла суровую школу и, стараясь сделать вид, что ничего не происходит, храбро укусила банан вместе со шкуркой. Зорг покатился по траве, Вагнер засмеялся.

— Их очищают, глупая Шоколадка. — Майор показал ей, как это делается. — Съедают серединку, а остальное выбрасывают в мусорный ящик.

— Что такое мусорный ящик?

— Ну, ящик, куда... ну... ну, куда складывают мусор.

— А что такое мусор?

— Вот эта штука. Короче, это остатки, части чего-то, которые уже никуда не годны.

— И что вы делаете с этим мусором? — Она бросила на Вагнера мрачный взгляд.

Банан был уже съеден, а шкурку она держала в руке и, похоже, не могла просто так с ней расстаться.

— Не знаю. Куда-то выкидывают. — Майор и в самом деле не имел представления, как работает отдел, следящий за чистотой города. — Ну, хорошо. Ты можешь взять себе на память, но эта штука скоро сгниет.

Он пошел дорожкой вниз по склону. Негритянка следовала за ним, с удивлением разглядывая росшие вдоль дороги пальмы, туи, платаны и кипарисы. Неожиданно она спросила:

— А это что такое?

— Сосенка.

— Что такое сосенка?

— Ну, такое дерево. Елка или лиственница... Черт! Точно не знаю, я ведь не ботаник.

— Ты меня опять обманываешь. Я видела настоящие деревья в музее в Детройте и знаю, что у них должны быть листья. Я не такая темная.

— А у этих иголки. Давай двигайся быстрее.

Он проследовал дальше, не обращая внимания на очередные восклицания и вопросы полковника.

Потом они уселись в маленькой закуской на Мосту Мира. После того как исчезли машины, мост оказался слишком широким для рикш, пролеток, и поэтому по бокам он был уставлен столиками. Легкий ветер, генерируемый гигантскими крыльями Монастырского острова, приятно охлаждал кожу. Тремя столиками далее в бешеном темпе наливались несколько арабов, на время отказавшихся от принципов ислама. Тут же, рядом с ними, какая-то среднего возраста женщина, поедая мороженое, успокаивала своего кокер-спаниеля, вознамерившегося было облаять Зорга. А в остальном вокруг них было пусто, сонно и как-то уж очень благополучно. Даже кельнер не заставил себя ждать.

— Добрый всем день. Чем могу служить?

— Эта пани из США. Может, стоит ее угостить салатом из свежих овощей, какое-нибудь вино... ладно, хорошо. Что-нибудь из Африки. И может, даже булку, только свеженькую, хрустящую, густо намазанную маслом. Ага, и прошу хорошо посыпать солью. Наша гостья всю жизнь ела синтетику. Ее язык не воспримет нерезкий вкус.

— Понимаю. Добавлю идиокамину.

— Нет-нет-нет. Никакой химии. — Вагнер слегка улыбнулся. — Понимаю, что это не покажется ей вкусным, однако... пусть хоть раз в жизни попробует натуральной пищи.

— Понимаю. Только... у этой пани будет... э-э-э-э-э... я извиняюсь, но после такой еды у нее будет...

— Делать нечего. Кроме всего прочего, она полковник морской пехоты. Как-нибудь выживет.

Еще Вагнер заказал себе виски, а для Зорга сырой рублевой свиной печенки и валериановых капель.

— Ты... Анджей. — Негритянка машинально прикоснулась к своему поясу. Наверняка там были зашиты золотые доллары. Они вполне могли произвести впечатление в Британии, может быть в Осло, слегка в Познани. Здесь же весь ее пояс стоил скромного обеда в такой забегаловке. — Во сколько это тебе обойдется?

— Не глупи. Я оплачу.

— Но все-таки сколько?

— Каких-нибудь сто двадцать, сто тридцать тысяч злотых.

— Сколько это на доллары?

— Два-три миллиона. Точно не скажу, поскольку на них нашу валюту не меняют.

Она тяжело вздохнула, поджала губы.

— Два-три миллиона. Столько я не потяну.

— Я тебя пригласил.

— Не глупи, — повторила она его слова. — Сколько ты зарабатываешь?

— Зося. Не имеет смысла сравнивать цены и заработки во Вроцлаве. Здесь эксклюзивные цены и небывало огромные зарплаты: для того, чтобы никто сюда не приезжал и не пытался совать нос в наши дела. Ты думаешь, люди не хотят жить в раю? Хотят. И чтобы нас не называли ксенофобами, расистами, мы никому не запрещаем этого делать. Вот только ни у кого не хватит денег на жизнь здесь. Но это уже их проблемы. Не наши.

— Однако... здесь и вправду рай.

— Конечно. — Он замолчал, поскольку кельнер стал выставлять на стол заказанные напитки, кушанья, и продолжил, когда тот отошел: — А как ты думаешь, почему?

— Вам повезло, и вы успели перед войной поставить фуллереновый купол.

Вагнер возмутился:

— Ты глупа, Шоколадка. Видела познаньскую твердыню?

Она кивнула.

— Видела? Там наше войско отчаянно дерется за власть над автострадой и портом. Для того, чтобы можно было снабжать Вроцлав, солдаты живут в бункерах, в отчаянии, гибнут на забытом всеми шоссе. Только для того, чтобы мы могли есть свежую пищу. Знаешь, почему? Я тебе скажу. — Он поднес к губам стакан с отличным американским виски. — Настоящее Войско польское стоит в почетных караулах при памятниках, охраняет входы в учреждения. Воюют наемники. Поляки у них могут быть только высшими офицерами. Однако этих наемников надо чем-то подкупить. Например, иллюзией рая. Знаешь, какие легенды бродят о Фестунг Бреслау в рейхе или в России? Люди жертвуют своими семьями, чтобы достигнуть края мечты. Видела Ивана Долгорукова? Он был в Москве бухгалтером. В одиночку перебрался через пустыню, без оружия и припасов. Попал к нам, и, несмотря на то что он не имел понятия о военной службе, мы сразу сделали его поручиком. Если кто-то умеет выживать и убивать голыми руками, это означает, что он является прирожденным солдатом и никакие академии ему не нужны. А Хейни? Мейне либер Хейни? Он был утилизатором трупов в бункере Штутгарта, но сумел сюда добраться и вместо документов показал сотню ушей убитых мутантов. У него был «хеклер-кох», в котором за пару недель до нашей встречи кончились патроны... А пришел он к нам целым и невредимым. Даже не сильно устал. А Марта? Была палачом в Будапеште, однако что-то там не склеилось, и ее семья отведала настоящего кошмара...

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Я хочу только сказать, что наемник может драться за золото, но деньги не значат ничего. У нас наемники дерутся за право жить в раю. Никто не будет каждый день подставлять задницу или рисковать быть съеденным, пусть даже и с отравой, только лишь за деньги. Эти ребята творят чудеса, чтобы вернуться сюда. У них здесь жены, любовники и любовницы... У них есть перспектива нормальной жизни, о которой весь остальной мир может только читать в старых книгах. И именно поэтому польская армия здесь может вести себя так беспечно.

Рот у американки был переполнен слюной. Вместо того чтобы продолжить разговор, она принялась за салат. Похоже, он не очень ей понравился. Сказывалась привычка к синтетической пище. Вот вино — наоборот, пришлось по вкусу... Она выпила целый бокал быстрее, чем майор закончил свой виски. Ну а булка... булка, толсто намазанная маслом и щедро посыпанная солью, была великолепна.

Сью запихнула в рот еще одну порцию салата и промолвила:

— Знаешь... на вкус он как трава. Представляешь, я когда-то из любопытства пожевала настоящую траву...

— В Детройтском музее? — спросил Вольф.

Зорг, уже расправившийся с печенкой, зевнул и вытянул свой длинный, заканчивающийся жалом скорпиона хвост. Узрев его, спаниель тут же спрятался за ногами своей хозяйки. Подобные шавки, конечно, любят потявкать, но конечными идиотами их назвать нельзя.

Вагнер расплатился и приказал кельнеру вызвать фиакр...

После того как фиакр тронулся, Сузи показала на оставшееся за спиной здание и спросила:

— Что это за дом?

— Его построили еще во времена Гитлера... Министерство контрабанды, названное для конспирации Управой Воеводства.

Ясное дело, никакого воеводства уже давно не было, а в подземельях его сидели химики, посвященные в тайны производства современного амфетамина X-12. Это приносило огромную выгоду. Их работа оплачивала большую часть расходов Речи Посполитой.

Дорога свернула вправо. Солдаты в тропических шлемах, охраняющие городских чиновников, при виде майора взяли оружие на караул. Потом фиакр выехал на набережную Выспанского. Имперский стиль городской архитектуры сменили роскошные виллы, буквально затопленные зеленью высоких пальм. Огромные лопасти Монастырского острова теперь оказались ближе, и ветер от них был сильнее. Сю Кристи-Андерсон с любопытством оглядывала окрестности.

«Довести ее до слез», — припомнился Вагнеру приказ генерала Барилы.

Ну, сделать это не трудно. Очень легко, и ждать осталось недолго. Вот только — зачем?

Они еще раз свернули возле Зала народных собраний и выехали на улицу Мицкевича. Сю первый раз в жизни увидела настоящий парк и не успела удивиться сотням видов деревьев, как фиакр остановился перед небольшой, укрытой в зелени виллой. Вагнер заплатил вознице сумму, равную паре миллионов долларов. Госпожа полковник покинула фиакр, едва держась на ногах. Однако главное было еще впереди.

Бедная задница...

Стоило Вагнеру открыть калитку, как Анна, его жена, побежала на порог.

— Анджей! — Она бросилась ему в объятия. — Все в порядке? Ничего не случилось? Вы удачно миновали пустыню?

Он не успел ответить. Анна уже здоровалась с американкой, потом поцеловала Зорга.

— Приветствую тебя, кот. Охранял моего мужа?

Гепард лизнул ее в лицо.

— Ну, проходите, проходите. Перекусите с дороги? Может быть, устроим в огороде гриль?

Хозяйка провела их в гостиную с большим панорамным светоотражающим стеклом. В следующие несколько секунд она успела отругать расшалившегося и разбившего вазу ребенка, подать выпивку и распечь служанку. Потом сходила на кухню и вернулась с широкой улыбкой на лице. В руках у нее было блюдо с маленькими бутербродиками.

— Прощу садиться, — щебетала она. — Зорг? Хочешь немного сырого мяса?

Они еще только устраивались в креслах, а она уже успела похвалиться перед негритяжкой заработком мужа, великолепным здоровьем ребенка, тем, что у нее в гараже стоит настоящий конь, а также двумя спальнями на втором этаже, отделанными в арабском стиле. Единственное, чего она не сделала, так это не открыла шкаф и не продемонстрировала свои наряды, но зато решила выстрелить из главного калибра. Преисполненная гордости, принесла их семейную книжку и показала первую страницу с огромной печатью и текстом, подтверждающим, что супруги имеют первый класс чистоты и в связи с этим правительство дает им разрешение иметь детей. Ниже была еще одна печать с записью: «Одно разрешение использовано».

— Вы знаете, — сказала Анна, усаживаясь напротив Сью, у которой кусок бутерброда едва не застрял в горле. — На пять детей мы никогда не решимся. Однако следующего ребенка планируем. А если мужа в будущем году повысят, то, может быть, решимся и еще на одного. Я здорова и могу рожать. А вы? Есть у вас дети? Сколько? Какие?

Кристи-Андерсон все-таки подавилась бутербродом и закашлялась, да так, что крепко закрыла глаза.

«Выжать из нее слезы», — вспомнил Вагнер приказ Барилы. Боже, как это просто. Самое легкое задание, полученное им в жизни. Знать бы, в чем игра?

Анна показывала фотографии ребенка: сокровище в предшколе, чудовище на маскараде (определить, кем он является на фотографии, было нелегко, поскольку чадо вырядилось мутантом и надо было показывать пальцем, где оно находится), а вот мальчик (поддерживаемый воспитательницей), возлагающий в государственный праздник букет цветов к памятнику Пану Яну, Воскресителю Польши. Полковник морской пехоты сумела даже разобрать надпись на цоколе памятника: «Путник, поведай Польше, что сделал я это для своего народа. Вы должны жить любой ценой!»

— Ну, чем займемся? Устроим гриль в саду? Зорг, ты хочешь?

— То-о-о-олькхо-о-о мне не суй мхххххяса, Анкххха! — промурлыкал гепард. — Не ййдем жар-р-реного...

Служанка приготовила все в мгновение ока. Они уселись на плетеные стулья под огромной пальмой. Вагнер занялся приправами и очагом. Пили водку с мартини. Анна упорно чесала языком, доводя негритянку до остервенения. Боже! Самый легкий приказ в жизни. Пять минут в обществе Анны.

Вагнер снял пробковый шлем и при помощи пластикового снаряжения влез на пальму. Там он мачете срезал кокосовый орех. Анна приказала служанке вскрыть его и подать негритянке. Боже! Кокосовое молоко. «Довести до слез». Сэр! Шоколадка всхлипнула. Нет проблем. Только для чего?

Для полного улета американскому агенту потребовалось не так много. Даже без помощи амфетамина X-12. Немного погодя Анна подала стейки из свиного ошейка. До этого был салат и немецкий коктейль: вино, водка, пиво. У Шоколадки голова пошла кругом уже после первого глотка. В гостиную заплакал ребенок, и Анна пошла его покормить. Оказалось, что на автостраде Сью даже не стала

пробовать эскалопы, поскольку поверила идиотскому слуху, будто они из человечины. Наверняка она ела свинину первый раз в жизни. Лицо у нее было не очень довольное, поскольку синтетическая пища испортила находившиеся у нее на языке сосочки, лишив их возможности различать необходимые оттенки вкуса, однако она все еще усиленно моргала, стараясь избавиться от проклятых, привязавшихся к ней слез. Зорг, нажравшийся от пуза, свернулся в клубок на траве и вознамерился поспать. Домашняя такса попыталась ему докучать и даже схватила поручика за ухо, но враз образумилась и удрала, стоило Зоргу сонно зевнуть, демонстрируя свои добавочные, выдвигающиеся из-за клыков зубы.

Вагнер взял в баре бутылку коньяка, два больших бокала и провел Зою в Верхний парк. Она смотрела на стройные ряды деревьев и глотала слезы. Вагнер же решил ее дожать. Он всегда очень тщательно выполнял приказы.

Они шли мимо хихикающих в наступающем сумраке пар, отгоняли белок, пытавшихся выпрашивать орехи, зайцев и кроликов, так и норовивших сунуться им под ноги. Потом они оказались возле ровной, как стрела, дозорной башни девятнадцатого столетия. По узким, вытертым ступеням они поднялись на площадку под крышей. Вагнер уселся, опершись о стену и поставив ноги на барьер. Тут, над вершинами деревьев, ветер от лопастей Монастырского острова был еще сильнее. Солнце заходило, и по стеклянному куполу играли отблески. Ниже простиралось море зелени, виднелись крыши резиденций влиятельных людей и главных контрабандистов. Где-то внизу трещал конный трамвай, экипажи лавировали между стволами деревьев на улице Пана Яна. Зажигали первые лампочки и газовые фонари. Люди располагались на лужайках целыми семьями, чтобы поужинать, женщины степенно распаковывали

корзинки с едой. В парке открывались павильоны вечерних ресторанчиков.

Вагнер наполнил бокалы коньяком. Сью осушила свой одним глотком. Она уже плакала в открытую.

— Знаешь, — глотала она слезы. — Ваш ребенок... знаешь... у меня шестой класс чистоты.

— Что тебе сделали? — спросил он.

— Меня стерилизовали.

— Как это? Женщин невозможно стерилизовать!

— Можно, — сказала она. — У меня шестой класс. Фактически я почти мутант. — Тут она уже зарыдала.

Сью вытерла слезы руками, высморкалась. Он подал ей платок.

— Твоя жена... — продолжила она. — В таком красивом платье. Служанка, ребенок, салат, возделывание огорода. Она занимается этим. Я же умею только с завязанными глазами разбирать и собирать автоматический карабин. Знаю, как командовать группой усмирения, как организовать огневую поддержку батальона, оказавшегося в окружении. Боже! Я не умею делать салат и никогда не носила платьев. Никогда у меня не будет ребенка...

Вагнер налил ей еще порцию коньяка.

Интересно, какие виды на нее имеет Барила?

Она снова выпила содержимое большого бокала одним глотком.

— Никогда у меня не будет маленькой собачки. — Сью забрала у него бутылку и сделала несколько глотков из горлышка. — И никогда мне не жить среди деревьев.

Вагнер испугался, что переборщил. Искренне надеясь, что его спутница не попытается броситься с этой проклятой башни вниз, он помог ей подняться и спуститься вниз. Поддерживая под руку пьяную в хлам женщину, он довел ее до дома. К счастью, Анна знала, что делать в таких ситуациях. Она раздела госпожу полковника, умыла, надела на нее кру-

жевную ночную рубашку и уложила в одной из спален, обставленных в арабском стиле.

Утром Сью выглядела лучше. Вагнер прихватил ее на том, как она разглядывала себя в зеркале, поправляя смявшиеся кружева. Половину ночи она провела в туалете, однако у нее хватило сил умыться и сесть за завтрак уже в мундире. Увидев ее, поручик Зорг почесал задней лапой за ухом. Наверняка он заключил пари с Анной о том, что госпожа полковник либо пойдет на риск повторить ночные подвиги, либо откажется от гренок и странно пахнущего напитка, который — как ей объяснили — называется «чай»...

Потом Зорг и Анна с интересом следили за тем, как Зося грызет гренки, с выражением лица типа «В Перл-Харборе было тоже несладко...» Вагнера сильно интересовало, кто из них выиграл, но спросить об этом при гостье он не мог. Служанка помогла хозяину запрячь изящную двуколку. На то, чтобы усадить в нее госпожу полковника и поручика, ушло всего несколько минут. Тут Кристи-Андерсон закрыла глаза солнечными очками, и теперь он не мог проследить направление ее взгляда. Щелкая кнутом, Вагнер погнал коня. В это время движение на улице уже нарастало, но им повезло, и они доехали до Грюнвальдского моста быстро. А за ним было уже рукой подать до конюшен Министерства контрабан... тьфу... Управы Воеводства.

Вагнер оставил свой экипаж на бравых конюших и повел гостью мимо огромных колонн, а потом оставшимися еще от фашистов широкими, вселявшими почтение к власти коридорами. В вестибюле царила приятная прохлада. Сандалии громко шлепали по гранитным плитам. Потом был контроль, беглый обыск, после чего адъютант доложил генералу о визитерах. Сью сняла черные очки только на пороге кабинета.

Генерал Барила отвернулся от окна с видом на Одер и Монастырский остров. При этом движении ему каким-то чудом

удалось не оборвать ни одной пуговицы с мундира, плотно обтягивающего его чудовищной величины брюхо. Он даже подошел к гостям, проворно переставляя короткие, кривые ноги, и протянул руку. Пальцы его напоминали сардельки, поросшие редким волосом. Причем, несмотря на такой вид, мутантом он не являлся. У него был первый класс генетической чистоты. Он имел жену и пятерых детей.

— Приветствую вас, госпожа полковник, — просипел он. — Я очень рад видеть вас живой и здоровой.

— Мне тоже очень приятно, пан генерал.

— О... вы великолепно говорите по-польски.

Она усмехнулась.

— Я наполовину полька.

— Ага, а Кристи в вашей фамилии от англазированного Кисьцак?

— Нет. Андерсон от Анджеевская.

Барила усмехнулся в свою очередь. Показал им на кресла.

— Я знаю, что майор Вагнер любит коньяк, однако мне хотелось бы угостить вас чем-то произведенным у нас. Это местная продукция. — Он продемонстрировал им граненую бутылку.

— Местная продукция? — Негритянка решила слегка показать зубки. — Неужели амфетамин X-12?

Генерал рассмеялся. Вопреки своему виду, он был человеком очень умным и ценил ум в других людях.

— Мне кажется, в данный момент стоит забыть о пикировке. — Он наполнил маленькие рюмочки. — Пока же я вам предлагаю чистую водку.

— Ваше здоровье! — Сю выпила, демонстрируя знание польских обычаев.

— Вас все лучше учат в этом вашем ЦРУ. — Барила с трудом разместился в кресле, стоявшем за огромным столом.

— Что вы сказали?

— Ну, нет... агент, у которого имеются проблемы со слухом. Так не бывает.

— Вы сказали — ЦРУ.

Дымчатое стекло купола над городом вспыхнуло ярким светом, и он, пройдя через жалюзи, расчертил лицо генерала густыми тенями. Атмосфера кабинета казалась сонной, словно не до конца реальной.

— Конечно. Хотя вы наверняка прошли обучение у морских пехотинцев. Никогда не забываете о прикрытии, но на самом деле вы не полковник. Ведь правда?

— Не понимаю вас, генерал.

Барила тяжело вздохнул и выпятил толстые губы.

— Я сказал, что вы агент ЦРУ. Ваш шеф — Терри Робинсон. Вы занимаете тринадцатый кабинет шестого отдела в бункере Лэнгли. Кроме того, что ваш отец пан Анджеевский, вы к тому же интенсивно учили польский язык в течение года в отделе криптографии в Детройте. Вами занимались шесть учителей, в том числе двое поляков — пани Врублевская и пан Мартыняк... Я должен рассказывать дальше?

Негритянка прикусила губу.

— Вы совершили ряд федеральных преступлений, — сообщил генерал. — Вы полизали траву в Народном парке бункера Детройт. Хотя... тоже мне парк. — Он пожал плечами. — Десять метров на десять. К тому же вы дали себя сфотографировать. Ну и также есть меньшие провинности, вроде небольшого бизнеса по продаже дури коллегам. На вас было заведено дело, но тут подвернулась данная миссия и все как-то устроилось. Не так ли?

— Я хочу видеть консула Соединенных Штатов Северной Америки!

Она сказала это быстрее, чем следовало. Показала, что ее удалось вывести из равновесия.

Барила смеялся так, что чудовищное брюхо ходило ходуном. Однако портной генерала, видимо, был специалистом высшего класса, поскольку опять каким-то чудом все пуговицы остались на месте.

— Прошу прощения... Вы, конечно, удивитесь, но во Вроцлаве нет вашего официального консула. Есть почетный. Он даже раз в полгода получает какую-то почту. Ничто не связывает наши народы со времени бомбы Чен, но мы все-таки держим вашего консула. Может, чтобы показывать в зоопарке, но он все-таки есть. Есть! Прошу. — Барила добродушно помахал рукой. — Вызвать его?

Теперь дыхание американки участилось. Она явно испугалась по-настоящему.

— И что вы можете предпринять? — продолжал Барила. — Бросить нам на голову атомную бомбу? Мне кажется, без электричества вам будет трудно это сделать. А может, армия США нападет на Вроцлав? Хм-м-м... У вас хватит кораблей, чтобы перевезти ее через океан? — Он наклонился над полированной крышкой стола. — И еще прошу мне объяснить, поможет ли вам консул, когда вас будут разрывать на части конями на Рынке.

Американка посерела от страха. Ладони ее вцепились в подлокотники кресла. Зорг тоже это увидел и шевельнул ушами. Причем, как и Вагнер, он заметил и нечто иное.

— Вы до сих пор не решили, каким образом меня уничтожить, — сказал Барила, который тоже был хорошим наблюдателем.

Открыв дверцу в тумбе стола, он выпустил двух персидских котов. Те вспрыгнули на столешницу и принялись по ней расхаживать.

— У вас две возможности. Вы можете выпустить гремучую змею из сумочки... но это дурацкая мысль. Коты расправятся с ней в несколько секунд. Еще вы можете использовать свой маленький скорострельный пистолет, не обнаружен-

ный при проверке. Вот только вы запрятали его слишком далеко, и пока достанете, поручик успеет раз шесть вонзить в вашу шею ядовитые клыки.

Отсмеявшись, он обратился к гепарду:

— Зорг, долго умирает человек, укушенный тобой?

— Долгхххо...

Вагнер знал, что поручик говорит правду. Яд был парализующим и обездвиживал моментально. Однако содержащиеся в нем токсины действовали очень медленно. Мутанты, к примеру, умирали от него часа два-три, в неподвижности, страшно мучаясь.

— Вы сами снабдили нас данной технологией, — отметил Барила. — После того, как придумали гремучих змей, менее удачные модели, всех этих котов, птиц, тигров и гепардов, вы продали слаборазвитым народам. Змею труднее обнаружить с помощью инфракрасных лучей, чем кота. Но вот когда не стало электричества, оказалось, что змеи не идут ни в какое сравнение с бичом божьим, которым стали наши гепарды.

— Откуда вы все это узнали? — Негритянка все еще пыталась руководствоваться логикой. — У вас есть агенты в США?

— А зачем? — Барила покачал головой. — Ничего нас не связывает. На бумаге мы являемся союзниками, однако сами видите... Вы слишком далеко, чтобы нас интересовать.

— Тогда кто? Арабы?

— Бедуины, дорогая пани. Прошу не путать эти две нации.

— Они следят и за нами? Зачем?

— Какие-то промышленные интересы. — Генерал пожал плечами. — А у меня хватает денег покупать у них что пожелаю. — Он погладил одного из персидских котов. Тот выгнул спину и замурлыкал. — Пару сотен лет назад я наверняка был бы самым лучшим клиентом в любом супермаркете,

поскольку могу позволить себе купить все, что только пожелаю.

— Арабы... Значит, бедуины разузнали все о моей миссии?

Барила взмахнул рукой.

— «Все». — Он потянулся, как кот, которого только что гладил. — Вы и сами не знаете всего о своей миссии. И никто на свете не узнает всех тайн бункера в Лэнгли. В общем-то, это и не нужно.

— Тогда зачем вы со мной разговариваете?

— Надеюсь, вы мне очень красиво пропоете то, о чем знаете.

— Генерал, прошу на это не надеяться.

Сказано это было слишком быстро. А еще присутствующие обратили внимание, что американка вновь сжала ладонями подлокотники кресла.

— Пани Анджеевская... — улыбнулся Барила. — Прошу не делать глупостей. Вы мне расскажете все.

— А если нет, то... вы разорвете меня конями на Рынке? А может, посадите на кол? Изувечите?

Она старалась держаться твердо, но это у нее получалось плохо. Выдавал выступивший на лице пот. Похоже, Сью слишком уж реально вообразила себе то, о чем говорила.

— Пани Анджеевская. — Барила с добродушным видом наполнил ее рюмочку водкой. — Не надо говорить глупостей. Сразу и на кол! Или еще что хуже... — Он пожал плечами. — Так вы поступаете у себя в Америке? К счастью, мы находимся в Польше. Договоримся по-доброму, под водочку.

— Никогда мы не договоримся!

— Ох, в самом деле? А десять контейнеров, которые вам предписано уничтожить? Что? Мелочь?

— Откуда вы об этом узнали? — Сью вскочила, ей не хватало воздуха. Похоже, об этом, кроме нее, мог знать только президент США.

Барила тепло улыбнулся.

— Так, так... Президент США, Джон Торрес де Фуэнгиrolа тоже обладает своими слабостями. Впрочем, я всего лишь шучу... — Генерал выпил свою рюмочку и жестом пригласил американку последовать его примеру. — Президент для меня находится слишком высоко. Зачем это нужно? Я покупаю весьма точную информацию, однако на более низком уровне и поэтому значительно дешевле.

— Что вам известно о моей миссии? — спросила негрятянка.

— Пани Анджеевская, я расскажу вам даже то, о чем вы не имеете понятия, а взамен попрошу только об одном. Назовите мне дату.

— Никогда!

— Хе, хе... Как я уж сказал, здесь Польша. Договоримся за водочкой. — Он снова наполнил рюмки.

— Никогда в жизни, навоза кусок!

— Хе, хе... У меня есть пара мутантов, Вагнер поймал их в прошлом году. Они обладают неким талантом, благодаря которому мы все узнаем и без пыток.

— Использовать мутантов незаконно.

— Ну так бросьте мне на голову атомную бомбу. — Генерал наклонился над столом и ухмыльнулся. — Что? Не получится?

— Господин генерал...

— Молчи и слушай. Это была присказка, — просипел Барила. — А теперь настает время для сказки.

Он опустошил свою рюмку, закусил консервированным огурцом и вытер рот.

— Слушай меня, Зося. Ничего тебе на закуску не предлагаю, поскольку знаю, что тебе сейчас не до еды, но пару фактов, о которых ты не имеешь понятия, выдам. Твой президент, мистер Джон Торрес де Фуэнгиrolа, знает нечто, о чем никто иной не имеет понятия. Ну, может, за исклю-

чением нескольких инженерешек в Шаен Маунти, из которых, кстати, один очень задолжал бедуинам, поскольку злоупотреблял. Впрочем, это мелочи... Было так. Во время последней войны вы устроили китайцам кровавую баню под Пекином, а они за это сбросили на вас бомбу Чен. И все электричество в мире закончилось. Трах-бах — и конец. Единственным источником света в бункерах стали факелы, а лампочки ушли в прошлое. Однако... как выяснилось некоторое время спустя, вы, американцы, не были так уж глупы и ведали о ченах. Еще вы знали, что вам не удастся быстро вышибить китайцев с игрового поля. Кому-то из ваших даже пришло в голову, что вся цивилизация может вернуться в эпоху пара. На этот случай у вас было кое-что припасено. Вы подготовились, предполагая, что если китайцы одержат верх...

— О чем вы говорите?

— О проекте Квин.

— О чем?

— О проекте Квин. О машине времени.

— Боже... — негритянка покачала головой. — Мне кажется, это сон.

— Не ведаю, что вам мерещится. — Барила вынул сигарету из стоявшей на столе деревянной шкатулки. Прикурил он от красивой бензиновой зажигалки русской работы. — Ваши инженеры рассуждали так: если не удастся выиграть у китайцев и они применят свое страшное оружие, то во всем мире исчезнет электричество. Изоляторы превратятся в проводники и... и кирдык нашей любимой цивилизации. Конец глобализации, убийствам на расстоянии, тотальному оболваниванию... Конец бирж и телефонов. Даже такая среднестатистическая американка, как ты, не сможет зайти в магазин и купить себе какую-нибудь чепуху. И что? Вы создали последнюю защиту. Вы придумали машину времени.

— Генерал, вы бредите.

— А если нет? Послушай меня, Зося. Так было. У вас есть машина времени. Ну и что с того? Если желтенькие выпустят чены, то машина станет бесполезна. Что в таком положении можно сделать? Ну? И тут, моя дорогая, во всей красе проявляет гений американских инженеров. Нельзя использовать машину на Земле? Значит, нужно выслать ее в космос. Нет возможности ею управлять с Земли? Нет проблем... Она должна действовать сама по себе. Как это можно использовать? Да очень просто. Машина улетела к Сатурну и должна, вернувшись через несколько десятков лет, перенести всю планету во времени. Может быть, на пару веков, может, на пару тысячелетий. Цивилизация получит еще один шанс, но что это даст авторам проекта? А если история повторится? Опять будет война, желтые снова применят свою бомбу, и петля времени замкнется... Зачем это нужно? Лучше всего было бы перенестись во времени, однако таким образом, чтобы сохранить память о будущем, чтобы захватить с собой некоторую часть его технологий. Как это сделать? Да очень просто. И вновь американские инженеры показали себя гениями. Выглядит это так: проходит какое-то количество лет, машина времени возвращается с орбиты Сатурна и переносит Землю во времени. Однако для этого требуется такое количество энергии, какое никто не сможет выработать. Поэтому нашу планету «вернут» всего лишь на наносекунду. Мы прыгнем, скажем, на тысячу лет назад и мгновенно вернемся обратно. Напоминаю, я говорю о наносекунде. К чему это приведет? Люди, оказавшиеся в пределах действия эмиттеров Вогта, останутся в том времени, куда будут перенесены. Люди и механизмы. В общем, получается, что если вы выиграете, то через наносекунду целыми и невредимыми вернетесь в свое время. Никто ничего не заметит. А вот если проиграете... В таком случае группа подготовленных людей и некоторое количество техники

окажутся в пределах действия эмиттеров Вогта и... перенесутся, например, в тысяча восьмисотый год. Я точно не знаю, в какой именно, поскольку тут сработает случай, но просто прошу все это вообразить. Президент США, с семьей, со штабом, с парой сотен солдат, с этими нашими проклятыми знаниями, с иммунитетом к классическим болезням, со скорострельным оружием, с суперпушками, с компьютерами, энциклопедиями, с современной химией и паровыми машинами, неожиданно появляется в тысяча восьмисотом году. Во времени Наполеона Бонапарта... Сколько ему понадобится, чтобы захватить власть над миром? Год? А может, хватит трех дней? И история изменится. Можно сделать все, что душе угодно...

— Из ваших слов получается... эти эмиттеры... они должны быть на Земле. Почему они не перестали работать?

— Вот видишь, Зося. — Барила слегка улыбнулся. — Ты уже мне поверила. — Он затянулся сигаретным дымом. — Все очень просто. Эмиттеры были заранее заплавлены в стекло, и последствия взрыва китайской бомбы им не страшны. Машина времени перенесет их во времена, когда никто не мог даже представить чены. В то время, когда родился Иисус Христос? Может немного раньше? Или позднее? В любом случае там можно будет пользоваться электричеством. Нужно только оказаться рядом с эмиттерами, когда запущенный к Сатурну корабль вновь вернется на орбиту нашей планеты. Кто окажется в пределах действия эмиттеров в момент реализации проекта Квин, прыгнет в прошлое на пару сотен, а может, и тысяч лет... и этого окажется достаточно, чтобы, используя современные знания, изменить историю Земли как угодно.

— Как же... Какой толк от испорченного в наше время оборудования?

— Ох, Зося... Если кто-то сумел закинуть машину времени на орбиту, то он позаботился и обо всем остальном.

В Шайен Маунти у вас есть несколько тысяч заплавленных в стекло контейнеров с исправными компьютерами и прочей электроникой, в рабочем состоянии.

— А-а-а-а... — Негритянка взяла свою рюмку и сделала глоток. — А какое это все имеет отношение к вам?

— Ну, видишь ли. — Генерал тоже выпил водки и закусил. — У вас есть несколько тысяч контейнеров. У меня он один, привезенный из Берлина, но мне этого хватит. Мы, в отличие от вас, не страдаем гигантоманией.

— Что?

— Для времен Наполеона Бонапарта вполне хватит нескольких сотен людей и наших знаний. Однако вы желали получить все. Прежде всего армию. И... разослали контейнеры по всем вашим базам, и... к сожалению, добавили к ним и эмиттеры Вогта.

— Те десять объектов, которые я должна была уничтожить?

— Да. Это эмиттеры Вогта с вашей старой базы в Италии. Я приказал бедуинам перевезти их сюда...

— Господи. Я и представить не могла, что президент поручит мне невыполнимое задание.

— Тем не менее. — Барила радостно улыбнулся. — Понимаешь, Зося... Ваш президент для меня действительно слишком большая птица. Он, конечно, имеет свои небольшие слабости, но даже бедуины не смогли добыть информацию, которой владеет только он. Он один... во всем мире.

— Какую именно?

— Видишь ли, милая Шоколадка, настоящая проблема у меня только одна. У меня есть контейнер, я приказал привезти эмиттеры Вогта, однако... у меня нет ни малейшего представления, когда заработает машина времени. И никто, кроме твоего президента, этого не знает. Тогда я через моих любимых бедуинов дал ему понять, что у меня есть контейнер и эмиттеры. Я хотел, чтобы он запаниковал и прислал

кого-нибудь, такого как ты, с заданием уничтожить эмиттеры. С поясом, набитым американским золотом, с гремучей змеей в сумочке и очень хорошо спрятанным пистолетом. Я решил, что узнаю время начала действия проекта Квин от тебя.

— Господин генерал, вы наивный человек.

— Ох, в самом деле?

— Конечно. С чего вы решили, будто кто-то сообщит мне дату, если мне даже не рассказали в чем состоит проект Квин! Я слышала о нем только от вас.

Махнув рукой, словно что-то отталкивая, Барила сказал:

— Шоколадка, я не ребенок. Твой президент, кстати, тоже не дурак. И конечно, он ничего тебе не сказал... — Генерал вздохнул. — Кроме даты возвращения.

— Вы шутите?

— Нет, котенок. Миссия твоя не была такой уж трудной, поскольку требуется всего лишь разбить стекло на одном из аккумуляторов и мой план рухнет. И более ничего тебе не объяснили, кроме одного. Тебе сказали... конечный срок исполнения миссии. Я прав? Тебе назвали дату, после которой исполнение твоей миссии потеряет смысл, после которой тебе надлежит исчезнуть, моя красивая негритянская Бемби. — Барила наклонился над столом и просипел: — А я хочу эту дату знать.

Американка стала кусать губы. И Вагнер, с увлечением наблюдающий за тем, как разворачиваются события, и Зорг, не слишком внимательно за ними следивший, оба поняли: генерал ее подловил. Знает госпожа полковник дату, знает. И сейчас ее пропоет, никуда не денется.

— Ничего вы от меня не услышите! — Негритянка вдруг схватила сумку с гремучей змеей. У котов встала дыбом шерсть. Зорг вскочил с дивана и обнажил ядовитые зубы, Вагнер сжал рукоять спрятанного в рукаве стилета. — Я аме-

риканка и ничего вам не скажу. Даже если вы посадите меня на кол!

Барила добродушно улыбнулся.

— Это опять была только присказка, а вот теперь будет действительно сама сказка, дорогая полуполька, сестра моя. — Он открыл ящик и вынул из него пачку пожелтевших листков. — Вот тут у меня список содержимого контейнера, привезенного из Берлина. — Его толстые пальцы стали перелистывать страницы. — Вот, прошу... медицинский компьютер со всем необходимым. Прекрасная технология прошлого века. Ну и что, Зося? Как только мы окажемся там, где нет ченов, тебя можно будет вылечить. Через пять минут, вместо шестой категории генетической чистоты, будешь иметь первую. И запросто сможешь себе родить прекрасного малыша. Красивенькую маленькую Шоколадку.

— Нет. Мне сделали операцию, после которой это невозможно.

— Не спорь, Зося! Мы это исправим в пять минут, как только окажемся в другом времени. — Он показал на пачку листков. — Представь себе... У тебя будет ребенок. Два, три, даже десять. Сколько выдержишь. Ты будешь жить среди деревьев. В мире без климатических катаклизмов, без мутантов. Ты будешь богатой, здоровой, будешь обладать властью... Подумай, Зося. Ты станешь настоящим полковником нашего войска. Будешь участвовать в завоевании мира. Ну и дети... Ты знаешь, каково это, когда женщина кормит ребенка грудью? — искушал он. — Не знаешь, но воображала себе много раз, во время бессонных ночей в Лэнгли, не так ли? Вагнер, наверное, что-нибудь мог бы тебе об этом рассказать, но он мужчина и не понимает женщин. Поговори лучше с его женой. Спроси ее, какое это удовольствие, когда собираешь ребенка в предшколу. Разве плохо возиться с грилем в саду? И ты откажешься от красоты, власти, счастья — ради удовольствия собирать и разбирать скорострельный

карабин с завязанными глазами? Подумай, Зося. Подожди, не торопись. Подумай еще о том, что тебе дали твои любимые Штаты. Они лишили тебя возможности рожать детей, а теперь, после того как сработает машина времени, ты исчезнешь. Не будет войны, не будет бомбы Чен, не будет и тебя, моя красивая Сью Кристи-Андерсон. Ты просто не появишься на свет, исчезнешь, так же, как и весь наш мир.

Барила щелкнул пальцами. Возникший как из-под земли адъютант отодвинул часть стены, показывая клетку с двумя мутантами.

— Выбирай, дорогая, — прошептал генерал. — Или они, — он показал пальцем на уродливые лица своих специалистов по дознанию, — или я. И богатство, власть, беременность, любящий муж, еда, о которой ты до сих пор не имела понятия, первый класс чистоты, деревья вокруг, великолепный климат... Думай, котенок, думай!

Негритянка заплакала. Вагнер отвел взгляд. Барила, наоборот, буквально впился в женщину глазами.

— Мне нужно выйти, — шепнула американка.

— Делай все на стул... Ты отсюда не выйдешь.

— Но мне нужно.

— Ничего страшного. Сначала скажи.

— Господи...

— Ну так что? — Барила снова наполнил рюмку и поставил перед ней поднос, на котором были бутерброды с российской икрой. — Уже надумала?

Американка зарыдала, по подбородку у нее потекли слезы. Тогда Барила стал выкладывать перед ней фотографии своих детей. Одну за другой доставал и подносил к ее глазам.

— Семнадцатого октября, — неожиданно крикнула негритянка. — Семнадцатого октября!!! — Она прокричала это так, что, казалось, еще немного, и у нее лопнут голосовые связки.

Засмеявшись, Барила повторил за ней:

— Семнадцатого октября... У ваших инженеров есть чувство юмора.

Он взглянул на мутантов, и те кивком подтвердили, что женщина сказала правду.

Тогда Барила ткнул в сторону клетки пальцем и приказал адъютанту:

— Застрели их. Больше они нам не пригодятся.

После этого он повернулся к Вагнеру.

— Отдаю Зосю под твою опеку. — Генерал зевнул. — Ладно, она едет с нами. Позаботься, озолоти и проводи, куда она желает. Шестнадцатого октября сбор на Грюнвальдской площади. Я хочу увидеть там весь твой отряд, жен, детей и что ты там пожелаешь забрать с собой в дорогу сквозь тысячелетия... Господа, — он внимательно посмотрел на Вагнера и Зорга, — на сегодня все. До свидания.

Тотчас после того, как они вышли, из кабинета послышались два выстрела из полуавтоматического пистолета адъютанта Барилы.

Шестнадцатого октября все было готово. Отряд наемников — люди, гепарды, птицы и тигры — сидели в машинах, расставленных на Грюнвальдской площади. Еще в пределах действия эмиттеров Вогта стояло шестьдесят грузовиков Барилы. Анна Вагнер беседовала со Сью, однако было заметно, что она нервничает. На пани Вагнер была короткая рубашка и шорты, плечи ей оттягивал рюкзак с прорезанными дырами, так что у сидевшего в нем ребенка ноги были на свободе. На шее у Анны висел пистолет-пулемет. Впрочем, макияж у нее на лице, расчерченном пустынной маскировкой, был наложен весьма тщательно — ресницы, брови, румяна на щеках, губная помада, блестки. Домохозяйка была готова к любой неожиданности: либо вступить в бой, либо принять участие в бале при дворе короля Наву-

ходоносора. Ее служанка выглядела еще живописнее. У той было два рюкзака — один сзади, другой спереди. Однако, судя по тому, как она легко двигалась, в рюкзаках, скорее всего, лежали тряпки ее хозяйки. На плечах у женщины висело два карабина «хенклера-коха», а в кобуре на бедре прятался сорок пятого калибра «смит-вессон». Еще она запаслась стилетом, ножом сапера, лопаткой, большим пробковым шлемом и чадрой камуфляжной раскраски. В общем, обе дамы смотрелись полными идиотками.

Хотя все остальные выглядели не лучше. Марта держала граммофон с огромной трубой, а Долгоруков захватил с собой всех трех арабских любовниц. Головы их торчали из грузового люка бронемашины.

Барила не обращал на это внимания. Он подошел, проворно передвигая короткие толстые ноги, и с врожденным изяществом отдал честь Анне.

— Анджей, — сказал он, глядя так, что каждый, его хорошо знавший, увидев этот взгляд, должен был затрепетать от страха. — Знаешь, для чего я взял с собой именно тебя? На мой взгляд, ты самый исполнительный офицер нашей твердыни. Не обмани меня, негодяй. Иначе...

Вагнер отдал честь по всей форме, а мгновением позже уже командовал, не щадя голосовых связок:

— Иван! Хайнс! Зорг! Хватайте солдат как можно жестче и держите дисциплину. Чтобы у меня тут никто без приказа не смел даже моргнуть!

Поручики взялись за своих подчиненных. Войско польское, старательно отобранное, состоящее из людей со славянской внешностью, блондинов и блондинок с голубыми глазами, увидев наемников, страшно растерялось. Они и в самом деле до сих пор знали службу лишь по парадам... Юношей и девушек с пшеничными волосами пугал один вид Вагнера, а уж Зорг ввергал их в состояние шока. Поручик, мрачный словно туча, поскольку уже успел заработать

два пинка от майора, кружил между солдатами, выискивая лишь повод сорвать на ком-то злость. От крика губы сержантов уже через четверть часа покрылись пеной. Капраны потихоньку молились, чтобы быстрее наступило утро. Солдаты прощались с жизнью. Звери пытались спрятаться в своих транспортерах. Хейни бегал, размахивая парабеллумом, Иван прохаживался со своей нагайкой... Оба то и дело получали от Вагнера нагоняи, и от этого их настроение еще ухудшалось. И все явственнее зрело ощущение, что наступил день Страшного суда.

Барила окинул свою команду добродушным взглядом, потом подошел к Вагнеру.

— Ты хорошо их муштруешь, — широко улыбаясь, похвалил генерал. — Нравится мне твой стиль работы...

Потом он посмотрел на отблески отражавшихся от фуллеренового купола последних лучей солнца. Его адъютант разложил на гусенице ближайшего бронетранспортера скатерть, украшенную ручной вышивкой. На нее он поставил два хрустальных бокала и наполнил их напитком из обернутой белой материей бутылки. Рядом поставил маленькие тарелочки с паприкой, посоленным луком, маринованными грибами и небольшой котелок с сосисками.

— Будем здоровы! — Барила выпил свой первый бокал. — Ну, пей, Анджей! Не переживай, иначе начнутся проблемы со здоровьем.

Вагнер выпил свою порцию, закусил грибом. Великолепный рыжик! Черт, такое бывает только у генералов.

Барила кивнул адъютанту, и тот снова подскочил с бутылкой.

— Ну и как? — Генерал взглянул на часы. — Скоро в путь.

— Интересно, куда?

— Хм... этого не знают даже американцы. — Генерал выпил еще один бокал и взял уже наколотую адъютантом на

вилку сосиску. Вагнер сделал то же самое. — Для того чтобы перекинуть Землю во времени, необходимо столько энергии, что это должно произойти очень быстро. Эмиттеры не успеют точно настроиться. Где мы окажемся, зависит лишь от удачи.

— Юлий Цезарь? Динозавры? Времена Пана Яна?

— Вот это наилучший вариант. — Барила, несмотря на свой вид, был очень умен. — К счастью, вопреки общественному мнению, войны занимают небольшой отрезок времени существования человечества.

— Остается еще чума, фашизм, катаклизмы...

— Анджей, спокойно.... Мы защищены почти от всех болезней. А если окажемся в 1942 году, то купить наши технологии пожелают даже гитлеровцы. За современную химию они продадутся нам с потрохами.

— Либо продадутся, либо посадят в Аушвиц.

— Не бойся, Анджей. У меня в контейнере есть индуктивный пояс и дематериализатор. Как только появится электрический ток, то все эти американские штучки снова заработают. Справимся и с Гитлером. Он еще будет нам зад вылизывать.

Вагнер выпил еще один бокал, закусил снова рыжиком в пикантной подливе.

— А если окажемся среди динозавров?

— Скверно. Тогда придется заново основывать цивилизацию.

— А если во время Гуситских войн?

Барила только покачал головой.

— Ну, тогда мы этих забавных рыцарей покосим из автоматов.

— И нам хватит патронов?

— Анджей... — Барила снова жестом приказал наполнить бокалы. — А как ты думаешь, что находится в этих грузовиках? Порох оружейный? Нет, там находится оборудование

для производства всех нужным нам каждую минуту вещей. В любой ситуации. Я к этой мисси готовился долго.

— Ну хорошо. — Вагнер первым взял свой бокал. — А если мы окажемся в эпохе, когда уже существовала электроника, то из шестидесяти грузовиков нам пригодится лишь американский контейнер с оборудованием.

— Соображаешь, парень. — Барила тоже взял свой бокал. — Только, Анджей, ты меня недооценил. В этом случае мы используем план «Б».

— Что сделаем?

— Позволь ничего пока тебе не объяснять. Держи своих людей наготове. — Барила взглянул на часы и двинулся в сторону штабного транспортера. — Если Зося нас не обманула, мы можем отправиться в дорогу в любую минуту.

Вагнер пожал плечами.

Потом он устроил разнос своим офицерам. А те дали нагоняй людям и зверям. Далее они сидели на корточках возле гусениц, куря сигареты и украдкой попивая водку. Время тянулось немилосердно долго. Вокруг стояла темнота...

Вокруг стояла темнота. Если даже кто-то и заметил вспышку, порожденную закинутой американцами на орбиту планеты машиной времени, то все равно среагировать не успел. Наносекунда — это слишком мало для любой, даже самой быстрой реакции.

Что-то странное летело Вагнеру в лицо, и он, с криком отпрыгнув в сторону, посмотрел вверх.

А где купол? И легит... Да это же снег! Снег с дождем... кажется. Когда-то он об этом читал. А еще не было купола. Вагнер видел несколько знакомых домов, но вот остальные... А кроме этого... Кроме этого он видел фонари с... Иисус Христос, Иосиф и Мария... фонари с электрическим светом! Где они очутились? Грюнвальдская площадь казалась какой-то пустой. Наверняка это 1945 год, когда ее пере-

делали в аэродром. Боже! Нет. Сейчас, сейчас... В 1945-м не было электрических фонарей, а в небе летали российские бомбардировщики. Спокойно. Фашисты не могли иметь натриевых фонарей. Вагнер это знал, поскольку прочитал все исторические книги в библиотеке. Спокойно.

Было очень холодно.

Катастрофа наступила мгновением позже. «Шкода фаворит», он узнал ее по тем же книгам, врезалась в одну из грузовых машин Барилы. Ну и грохот! Сзади в бронетранспортер въехала серебристая «вольво». А сбоку в очередную грузовую машину воткнулся «хундай»-автобус, и там было хуже всего, поскольку у пассажиров не оказалось ни надувающих при ударе подушек, ни ремней безопасности. Все разбили себе физиономии. Неожиданное появление, а точнее — материализация посреди площади транспортеров и шестидесяти грузовиков, сбило с толку водителей двухсотлетней древности машин.

— Индукционный пояс! — кричал Барила со своего транспортера. — Индукционный пояс!

Вагнер приказал разбить стекло американского контейнера. Наемники пустили в ход топоры и сделали это моментально. Майор шелестел пожелтевшими листками описи содержимого контейнера. Очередной автомобиль врезался в сгоревший эмиттер Вогта. Кажется, это был «фиат»? Кто-то уже ругался на тротуаре, кто-то призывал на помощь полицию.

— Иусе... Долгоруков, быстрее! Индукционный пояс. Нах обен по левой!¹

Иван сотворил чудо. Забравшись в контейнер, он уже через секунду нашел пояс, которого до этого никогда в жизни не видел. Наемники разложили диковину на мостовой, и та оказалась в порядке. Местные жители, оказывается, пересылали электрическую энергию под землей. Индукцион-

¹ Он должен быть слева!

ный пояс тотчас же стал насыщать энергией аккумуляторы американских игрушек в контейнере.

Барила бежал к ним, проворно перебирая короткими ножками.

— Парализаторы, Вагнер! Парализаторы!

— Достать парализаторы! — приказал майор.

— Майн Готт! А как они выглядят? — спросила Марта.

Долгоруков был бесподобен. Он нашел требуемое в два счета.

— Где мы? — кричал Барила. — Это двадцатый век? Девятнадцатый?

Вагнер подскочил к ближайшему прохожему, выхватил из кобуры револьвер и хотел было выстрелить в воздух, но подумал, что это может не принести желаемого результата. Вдруг они не боятся огнестрельного оружия? А Зорг уже действовал. Он остановил какого-то пожилого мужчину в странном пальто, опершись ему лапами на плечи.

— Какой сегодня день? — спросил Вагнер.

— Д... д... двенадцатое ноября, — проблеял мужчина.

— Какого года?

— Две тысячи второго, — прошептал мужчина, шатаясь под тяжестью Зорга. — Это какой-то цирк? Вас задержит полиция, поскольку у зверя должен быть намордник.

— Двадцать первый век! Самое начало!

— Идеально попали, — пробормотал Барила. — План «Б»... План «Б»!

Сбоку подошла голая чешка-сигнальщица и одним своим видом привела прохожего в состояние невменяемости. В руке у нее был уже частично заряженный парализатор. Тщательно прицелившись, она нажала спуск, и у мужчины закатились глаза. Вдвоем с Вагнером они опустили его на заиндеветый газон. К этому времени девушка так замерзла, что покрылась гусиной кожей и щелкала зубами.

— Что это? — оглядываясь, удивленно спросила она.

— Снег! Пся твоя мать!¹ — крикнул Вагнер. — Ноябрь.

Наклонившись, он посмотрел на часы парализованного прохожего. Те, к счастью, были классического образца, механические. Как обращаться с электронными, Вагнер не знал.

Итак, сейчас шестой час утра. Небольшое дорожное движение.

Послышался писк тормозов. В транспортер Барилы врезался огромный красный автобус. Его осатаневший водитель открыл дверцу и вывалился наружу.

— Идиоты! Кто вам позволил стоять здесь без огней?! — вопил он. — Полиция! Полиция!

Хейни парализовал его, потратив чуть-чуть энергии аппарата, проектировщики которого еще не родились. А вокруг уже собирались люди и пялились на машины, словно появившиеся из кошмара, на солдат, одетых в бурнусы и тюрбаны, в то время когда с неба сыпались дождь и снег. Где-то сбоку очень громко завывла сирена. Это была полицейская машина. Такая точно, как на картинках в старых книжках. На счастье, прежде чем стражи порядка успели вылезти, подскочил Хайнс с парализатором. Американские игрушки неплохо действовали, несмотря на столетний возраст и на то, что их заряжали не использовавшимся столько же лет войсковым индукционным поясом. После путешествия во времени... Технология, которая могла появиться только в будущем, действовала прекрасно и сейчас. Поскольку здесь еще никто не применил бомбу Чен.

Гоподи!

Марта вытащила из контейнера импульсную пушку и по слогам читала инструкцию. Голая чешка парализовала какого-то прохожего, сняла с него куртку и надела на себя. Ей все же приходилось все время притопывать ногами. К счастью, иммунитет на большую часть местных болезней

---

¹ Непереводимая игра слов.

действовал. А прохожие показывали на них пальцами. Многие вытащили из карманов нечто, очень похожее на переносные телефоны. Так, по крайней мере, решил Вагнер. Гадать, куда они звонят, желания у него не возникло.

— Всем рассыпаться, — приказал он, — рассыпаться! Действовать парализаторами!

Наемники приступили к исполнению. Некоторые зевали, все еще продолжая что-то кричать в телефоны, бросились наутек. Что будет? Приедет полиция? Армия?

Барила оценил ситуацию примерно так же.

— Рассыпаться! — вопил он. — Раздать радиостанции из контейнера. Офицеры ведут свои группы в пункты концентрации.

Иван, Хейни и какой-то блондин из благородных стали ломать сургучные печати на конвертах с приказами, касающимися плана «Б». Приехали две новые, оснащенные немилосердно завывающими сиренами машины и санитарный фургон, однако Марта успокоила вновь прибывших с помощью импульсной пушки. Хорошее оружие для путешественников во времени. Не вредит людям и не уничтожает машины.

Дрожа от холода, Вагнер проведаль жену в транспортере. Они вместе со служанкой напяливали на себя все оказавшееся в рюкзаках, пытались укутать ребенка. Пробковых шлемов на дороге становилось все больше. Люди резали штывками одеяла, делая своеобразные пончо. Бурнусы и мундиры (тропическая форма № 31) помогали от холода слабо.

Зорг подскочил в Вагнеру и промолвил, что неплохо было бы раздобыть план города. К счастью, майор догадался, как это сделать, и, подбежав к ближайшему киоску, очень вежливо, с трудом извлекая из памяти нужные слова, сказал:

— Я прошу дать план города.

— План? Четыре пятьдесят.

Промолвив это, девушка зевнула.

Он кинул ей золотую монету с великолепным изображением польского орла.

— Сдачи не нужно.

— Что такое? — Девушка с удивлением смотрела на номинал: сто тысяч польских злотых. — Это вы шутите?

Вагнер вытащил из кошелька горсть золотых монет и кинул на доску, покрытую разноцветными надписями.

— Тебе. Дай мне план.

— Заберите свои дурацкие жетоны. Четыре пятьдесят. Могут дать подешевле, девяносто седьмого года, за три шестьдесят.

К счастью, майор был готов к любым неожиданностям и вынул из сумки нечто очень ценное. Настоящую свежую морковь. У нее даже был зеленый хвостик.

— Я отдам тебе это за план города, — предложил он. — Она настоящая. Потрогай...

Девушка взглянула на морковь.

— Психопат! Психопат! — закричала она и захлопнула окошко.

Вот тут нервы у Вагнера сдали, и он выхватил из кобуры револьвер. Разбив стволом стекло, полковник взял несколько карт, крепившихся к стеллажу резинкой. Тут девушка чем-то прыснула ему в лицо, и он, чуть не спятив от боли, схватился за него руками.

— Зорг! Я потерял зрение. Принимай командование!

— Спокойно... — К ним подошел Барила, которому не понравилась заминка. — Наверняка это перечный газ. Может, иприт? Не помню, какие именно боевые газы использовали в это время в виде аэрозолей.

Он помог майору подняться и, плеснув ему на лицо воды из фляжки, пробормотал:

— Идиотка!

— Ну что, съели? — Девушка вынырнула из-за прилавка с маленьким баллончиком в руке. — Он мне стекло разбил. Полиция!

Барила кинул ей золотой слиток.

— Полиция... полиция... — передразнил он испуганную девушку. — А может, сразу вызвать на помощь весь Варшавский договор?

— Его уже нет. — Девушка взглянула на слиток. — Но вообще-то... — Она провела по нему ногтем. — В НАТО я обращаться не буду.

На ходу разворачивая добытую с таким трудом карту города, Барила потащил майора в сторону транспортеров.

— Прекрасно... — заглянув в карту, заявил он. — Рассредоточиться, согласно приказу... Вагнер! Зрение вернулось?

— Нет. — У майора по пылающим щекам бежали теплые слезы. — Эта шлюха меня прикончила.

— Прекрати истерику. — Генерал освещал карту гильзой с химическим светом.

Потом он вернулся к киоску и еще за один слиток купил электрический фонарик. Вошедшая во вкус девушка даже приложила к нему две новые батарейки и показала, как им пользоваться. Впрочем, лицо ее все еще выражало крайнюю степень удивления.

— Хорошо. — Барила, похоже, нашел на карте необходимое. — Теперь хватай своих людей и выполняй приказ.

— Зорг! — Глаза у Вагнера все еще слезились, их жгло огнем. — Рассыпаться! Быстрее! Если кто-то замешкается, есть приказ расстреливать на месте.

Группа мгновенно разделилась на четыре взвода, и каждый бросился в свою сторону. Вагнер, почти теряя сознание, на бронетранспортере с женой, ребенком и служанкой, с семьей Барилы и парадными «штурмовиками», протирал слезящиеся глаза.

Боже, как вокруг было пусто.

— Поехали!

Водитель, ослепленный фарами едущих навстречу машин, запаниковал и тотчас получил удар в бок. Чудовищ-

ный звук сминаемого металла... Кто-то закричал. Еще две полицейские машины и одна скорая помощь... Марта стреляла из импульсной пушки, спрятавшись за броневыми плитами на крыше транспортера. Вот только противники, что удивительно, огнем не отвечали. Их бронетранспортер фар зажечь не мог, поскольку ими не обладал, и, конечно, вскоре они еще раз столкнулись с какой-то машиной. Визг гусениц, скользящих по булыжной мостовой, крики водителей, звонок чего-то совершенно неправдоподобного, ехавшего по рельсам в центре города...

Колея? Освещенный электрическим светом трамвай? Что это было? Что это было? О мамочка!..

Вагнер пересчитал машины своей группы. Двадцать бронетранспортеров и пятнадцать грузовых машин окончательно перемешались. Ни о каком порядке не могло быть и речи. Никто не учил их ездить ночью. Один из паровых грузовиков даже снес фонарный столб. Прохожие звонили в городские службы, сообщая о безумцах в странных машинах, резвящихся в самом центре города.

— Господин генерал! — Вагнер спрыгнул из люка внутрь кабины. — Не отобьемся!

— Не паникуй!

— Мы попали во время, когда уже существует электроника. Нам следует сдаться. Это наш единственный шанс. Будем торговать знаниями и химией, о которых они не имеют понятия.

— Анджей, не трусь!

— Они сейчас пришлют вертолеты. Маленькие, бензиновые танки с огромными пушками! Они могут бросить нам на голову атомную бомбу!

Барила слегка ухмыльнулся.

— Исполняй приказы, Анджей! Иди наверх!

Вагнер взобрался по лесенке и снова высунул голову из люка. Он посмотрел на чешку-сигнальщицу в чужой курт-

ке, однако та ничего ему сообщить не могла. Использовать ночью семафор не имело смысла, и девушка, высунув от усердия кончик языка, изучала инструкцию своей новой, американской радиостанции. Как связаться с остальными группами, она пока еще не разобралась. Передвигала переключатели наугад, но, кроме посторонних шумов из динамика, пока ничего не слышалось. Особый план «Б»...

Они выехали на Грюнвальдский мост. Господи, как вокруг было пусто! Пусто и одновременно тесно. Меньше домов, однако больше машин. На этом мосту не нашлось бы места для ресторанов. Теперь он, похоже, был даже слишком узким. Колонны слепящих фарами автомобилей занимали все полосы. Прохожие на тротуарах показывали на их машины пальцами. Опять многие из них куда-то звонили. Похоже, никто из жителей никогда не видел парового локомотива на гусеницах, вооруженного пушкой и парой пулеметов. Никто из них не видел в ноябре полуголых людей. Никто не видел гепардов, тигров и котов, высывающих головы из люков и щурящих глаза от снега.

Вагнер не имел понятия, на что рассчитывает Барила. Когда они съезжали с моста, Марте пришлось остановить еще четыре полицейские машины. Когда же у них лопнет терпение? Когда вместо полиции появятся вертолеты и те маленькие убийцы, бензиновые танки, доказывающие своим существованием, что бронированная смерть может быть в двадцать раз меньше огромных, монстрообразных бронетранспортеров? Когда они пришлют самолеты, вооруженные бомбами с лазерным наведением? Через час? Два? У них есть электричество, проклятые компьютеры, великолепно отработанная система оповещения. И ченов еще нет. Боже... На что рассчитывает Барила?

Сью Кристи-Андерсон, облаченная в ночную рубашку, мундир, противохимический комбинезон и одеяло с дыркой для головы, высунулась из люка.

— Там! — показала она рукой.

Они свернули к Министерству контрабанды. О дьявол! Конечно, это была Управа Воеводства, и как ни смешно это выглядело, но существовало даже само воеводство. Никаких конюшен возле него не наблюдалось. Зато имелся огромный, в данный момент пустой паркинг, позволивший им сделать поворот вправо даже с некоторым шиком. Вот смешно: Барилу, который здесь работал, сейчас наверняка не пустили бы в свой кабинет.

Вагнер не обратил внимания на красный свет в каком-то чудном столбе сбоку дороги, поскольку не представлял, что он может означать, а в результате они раздавили маленький «фиат». Проехали по нему, слыша удары других машин о бронированный борт. Боже, настоящая мясная лавка! Гусеницы давили покрытую лаком жесьть. И эти проклятые клаксоны! Очередные полицейские машины! Марта показывала чудеса владения импульсной пушкой. А потом вышла из себя настолько, что всадила себе в голое бедро дозу. Через некоторое время крыша у нее поехала, и девушка стала стрелять по всему, что попадало в поле ее зрения.

Боже! Боже! Боже! У них нет никаких шансов, а Барила идиот!

Они проехали народный музей. Миновали Воеводскую горку, и конечно, на ней еще не было никаких лифтов под землю — кто-то ее попросту раскопал, огородил забором, да так и оставил... Потом Вагнер приказал свернуть влево. Остановились они на пустом паркинге, рядом с каким-то странным строением, похожим на стог с отрезанной верхушкой, перевернутый вверх ногами и воткнутый в землю.

— Куда вы лезете со своими громадинами? — драл горло работник «Панорамы Вроцлава», как сообщал плакатик на его куртке. — Здесь нельзя ставить тяжелые машины!

Марта, находившаяся все еще под воздействием амфетаминов, выстрелила в него из своей пушки. Сам электри-

ческий шок ничем плохим закончиться не мог, однако от выстрела рабочий пролетел несколько метров и смачно ударился спиной о бетонную стену. Вагнер спустился по лестнице в кабину, однако Барилы там уже не было. Тогда майор выскочил через эвакуационный люк, свистнул двум тиграм из взвода умиротворения, чтобы они сопровождали его, и отправился искать генерала. За ним бежала чешка-сигнальщица, шлепая по мокрой мостовой босыми ногами и докладывая, что связалась с Хейни на Полянке и Долгоруковым на Бискупине. Только исчезла куда-то рота почетного караула, однако их машины, похоже, стоят на Поморском мосту. Она слышала, как полицейские сообщили по радио о стоявших там пятнадцати огромных «неосвященных тирах»...

Что за «тиры»? Вагнер на бегу развернул одну из добытых с таким трудом карт и сквозь слезы, которые все еще бежали из глаз, попытался сориентироваться в ситуации. Бесполезно. Надписи на карте были сделаны на каком-то странном польском языке. Вот что такое «Партизанская гора»? Как могли партизаны захватить в городе гору? И до сих пор там держатся? Почему местные не послали к ней свои танки и артиллерию? Надо было не давать этой горе такое название, а сровнять ее с землей. Не мог он этого понять. А может, местные какие-нибудь пацифисты?

К счастью, Барила сидел на своем раскладном деревянно-матерчатом стуле рядом с одной из больших грузовых машин. Его голые волосатые ноги слегка дрожали (тропический мундир, образца № 31 предусматривал только шорты, а холодно было — страсть), однако на генерале кроме шортов было еще одеяло, переделанное в пончо, и удивительная желтая пуховая куртка, наверняка с какого-нибудь прохожего.

— Ну что, Анджей, — предложил несокрушимый командир. — Прикончим? — Он указал на бутылку, стоявшую на серебряном подносе в руках у адъютанта.

— Мы должны сдать, господин генерал, — сказал Вагнер. — И выторговать как можно больше за свои знания.

— Не паникуй, Анджей.

— Господин генерал... наших окружили на Поморском мосту. Хейни и Иван как-то умудрились замаскироваться, однако эта их полиция найдет наши машины в четверть часа.

Барила подставил лицо под падающие с неба мокрые снежинки.

— Знаешь, они считают, будто это улучшает кожу.

— Снег? А если на кожу попадут радиоактивные отходы?

— Их тут еще нет.

— Господин генерал, вы должны осознать, в каком мы оказались положении.

Барила слегка улыбнулся.

— Я все уже понял, Анджей. Прежде чем отправился в путешествие во времени... Речь Посполита юбер аллес¹. От моря до моря, как завещали наши предки.

— Генерал, что вы собираетесь сделать?

— Не мели языком, Анджей. — Барила кивнул адъютанту. — Ты уже знаешь, что я хочу сделать.

Вагнер неожиданно окаменел. Знал. Действительно знал. Где-то рядом с ним разыгрывались какие-то события. Барила приказал дать американке медицинский компьютер. Она должна была его использовать в течение пяти минут, поскольку позднее... Барила всегда держал слово, если ему это ничего не стоило. Ему нравилось делать добро своим людям. Поскольку от этого повышалась мораль. А потом... после того, как прошло пять минут, польский генерал Рафал Барила приказал своему адъютанту открыть запоры огромного контейнера, стоявшего на ближайшем грузовике.

— Давай!

Адъютант выполнил приказ.

---

¹ Польша превыше всего.

— Выпускай.

Два пальца нажали надлежащие кнопки. Раздался громкий хлопок. Адъютант закашлялся, поскольку несколько частичек попало ему в нос.

— Господи! Боже!.. Боже! — крикнул Вагнер. — Господин генерал, вы выпустили чены.

— Именно так.

— Генерал, вы убили пару миллиардов людей!

— Несомненно.

— Иисус!.. Они даже не были к этому готовы.

— А мы были к этому готовы?

— Вы убили электричество. А без него, при трехпольной системе обработки земли, два миллиарда людей не выживет. Это массовое убийство...

— Да, так и будет... но не в Польше. У меня в этих грузовиках новая химия и новые растения. Я наверняка помогу выжить пятидесяти процентам поляков. У нас неплохой климат, есть натуральная растительность. О чем ты думаешь, Анджей? Разве я сосунок, несмышлениш? Мы отправились в век электроники. И что? Нас тут же вычислили и уладили? Нет, я выпустил чены. У меня не было китайской бомбы, но зато три года специальный паровой компрессор собирал их в этот контейнер из воздуха. Какая разница как... Они рассеются по всей атмосфере — и конец электричеству, конец их радиостанциям, радарам, самолетам, телефонам, танкам на бензине. Конец! Теперь мы рулес, Анджей!

Барила вскочил с полотняного стульчика и сделал пару шагов на своих коротких кривых ножках. В мундире, одеяле и желтой пуховой куртке он выглядел на редкость комично.

— Боже мой... для чего вы это сделали? Вы убили два миллиарда людей, всего лишь нажав на запоры этого контейнера. Они не спасутся без искусственных удобрений.

— Безусловно. Убил. — Барила добродушно улыбнулся. — Польша юбер аллес. Речь Посполита рулес. От моря

до моря, мать ее! Это не удалось сделать пану Яну, у него не хватило снаряжения, зато получилось у меня!!!

— А американцы?

— Не глупи. Я выпустил чены по двум причинам. Прежде всего потому, что меня тут, в этом дурацком времени, все равно вычислили бы и умиrotворили. А теперь у них масса других проблем. Им не до меня. А вторая причина... Вторая и наиважнейшая... — Барила нацелил на Вагнера свой толстый, поросший редким волосом палец. — Американцы тоже прыгнули во времени. У них тысячи контейнеров в Чайна Маунти, а у меня только один. У них очень хорошо организованное государство, с огромным потенциалом выпуска продукции. Я же имею маленькое европейское государство. Однако какая им сейчас польза от этих тысячи контейнеров, если привезены чены? У меня же есть знания, великолепные паровые машины, экстра-химия, суперлекарства и семена, какие им и не снились. Посмотрим, кто возьмет верх. К тому времени, когда американцы сумеют построить тысячи пароходов, чтобы перевезти войско через океан, Польша будет занимать пространство от Атлантики до Тихого океана. От полярного круга до Средиземного моря! Посмотрим...

— Господин... — Наконец-то Вагнер проглотил застрявший в горле комок. — Пан генерал, вы сошли с ума. Вы убили два миллиарда людей...

— Вагнер! Знаешь, почему я выбрал для этой миссии тебя? — Барила одернул полы чужой желтой куртки. — Знаешь? Нет? Потому что ты самый добросовестный офицер твердыни Вроцлав. Если бы не я, тебя бы уже не было. И я знаю, что ты выполнишь каждый мой приказ, хотя за спиной и называешь меня толстым боровом.

— Господин генерал... я...

— Ты сейчас возьмешь своих людей и поведешь их в Требницу, в пункт сбора, обозначенный в плане «Б». Исполнять!

Вагнер резко отдал честь. Ему было холодно, а глаза все еще слезились от того проклятого газа, и чувствовал он себя ужасно. Однако Барила был прав. Приказ он выполнит. Он знал, где находится Требница, хотя в его время этого города уже не существовало. Был проклятый автобан нах Познань.

Вагнер подошел к какому-то прохожему, который остановился, увидев на паркинге возле «Панорамы» странные машины.

— Извините, — еще раз протирая глаза носовым платком, спросил майор. — Где здесь автобан нах Познань?

— Какой, к дьяволу, автобан?

— Ну... автобан... Автострада... хайвей... Значит, автострада на Познань.

— Какая автострада? — Мужчина в теплом плаще вытирает глаза. — А вот дорога на Познань находится там. — Он показал рукой направление.

Времени на разговоры с этим чудачком не было, поскольку находящиеся поблизости уличные фонари начинали гаснуть. Он не знал, что они никогда уже не загорятся. Гасли фонари, замолкали телефоны, останавливались машины.

И ничто не могло остановить паровой конвой Вагнера.

Перевел Леонид Кудрявцев, 2019 г.

ОБРАТИТЬ АВАЛОН

1

Тонкие струйки воды пронизывали воздух и, падая на землю с тихим плеском, образовывали лужи, в которых мутно отражалось просвечивающее через пелену солнце.

Порыв горячего ветра с запада искажил стену дождя так, что струи теперь били прямо в лицо работающего человека. Черти бы его взяли... Может, все-таки закончится?..

Прикрыв глаза ладонью, человек посмотрел вверх. Большие черные птицы описывали над равниной неровные круги, спотыкаясь в хаотичных воздушных потоках.

Их вид заставил человека вздрогнуть. Они... Дождевые стервятники.

Их появление безошибочно указывало на приход скверных дней — сильный ветер и затяжные дожди.

Болдуин Кёртис осознал, что на улучшение погоды надеяться не приходится.

— Проклятье! Похоже, надолго зарядило.

После минутного колебания он сильнее стиснул черенок лопаты и принялся копать с удвоенной энергией. Неожиданная смена погоды означала, что работать придется дольше. Да и Шарка нужно отослать.

— Шарк! Давай сюда!

Через пару минут из туманной мглы выдвинулся помощник. Он тяжело и неловко ступал по раскисшему грунту кривыми ногами. Но все же брел вперед, то покачиваясь, то спотыкаясь, пока, наконец, не добрался до места работы и не замер на краю ямы, которую копал Болдуин.

— Жду приказаний, господин Кёртис.

— Ну что — уже промок, бедолага?

— Еще нет, сударь. Но стал хуже видеть. Какие-то проблемы с периферийным зрением и замедленная аккомодация.

— Скрипишь?

— Никак нет, сударь. Суставы функционируют надлежащим образом. Их эффективность вполне удовлетворительна и соответствует всем требованиям.

— Ну да, конечно... — вздохнул Кёртис. — А то я не видел, как ты охрентельно ковыляешь, Шарки. Ладно. Уноси отсюда свою задницу, пока не поздно.

— Как я должен понимать слова господина?

Кёртис пожал плечами.

— А как, дрядь, хочешь. По мне, так тебе надо валить домой, поскольку брешьешь как пёс. Ну ведь на самом деле боишься, что вода тебе повредит. Так что канай отсюда. Подтверди, правильно ли понял приказание.

— Так точно, сударь. Я должен вернуться домой. Возвращаюсь домой. Домой.

— Ну так давай топай.

Болдуин Кёртис какое-то время глядел из неглубокой ямы на покачивающуюся, медленно исчезающую в тумане фигуру старого андроида, потом издал горький смешок.

— А ввали, что водостойкий. Сейчас, сейчас, как там было написано... а-а: «Водонепроницаемый Шарк» — красивый такой рекламный буклетик — «быстрый, проворный, ловкий и неутомимый. Более человечный, чем даже сам человек, но гораздо менее аварийный». Да уж...

Какое-то время он бездумно орудовал лопатой, после чего, недовольно качая головой, принялся усиливать внутренний крепеж.

— Ну, кажись, готово. Только бы сегодня другой работы не подкинули.

Закрепил последние пруты арматуры и вылез из ямы.

— А, в общем, чего я к нему прицепился?.. — засопел он. — Пятнадцать лет все ж таки прошло. Долгий срок. Ему давно уже пора ржаветь на свалке.

Дождь размывал выброшенный из ямы грунт. Болдуин быстрыми движениями лопаты сформировал из него аккуратный холмик.

— Сам ведь уже точно такой же, как и он. Когда-то тоже был проворным и ловким, а сейчас могу посостязаться с ним разве что в водостойкости. Ну ладно, хватит.

Могила была готова.

Яма глубиной в три, шириной в два метра с укрепленными сеткой-арматурой стенками ожидала предназначенного ей содержимого.

— Еще одна, — вздохнул Болдуин.

Кладбище медленно затягивалось туманом. Это шел пар от разогретых камней в старой его части, где находились погребения чуждых людям существ.

Дождевые птицы издавали хриплые звуки, все так же описывая круги без малейшего движения крыльев, хотя ветер стих так же внезапно, как и появился.

Болдуин прошел к могиле, которую начал копать Шарк.

— Ишь ты! А эта чертова жестянка неплохо управилась. Совсем немного осталось доделать.

Через минуту он был уже в яме, и вскоре к однообразному шелесту дождя добавились мягкие шлепки выбрасываемой лопатой земли.

2

— Ладно, Шарк, с этим разделались. Кристаллы привезли?

— Н-н-нет.

— Чего заикаешься?

— Из-за сырости. Есть проблема с буквой «эн-н-н»...

— Ладно. А как зрение? Ну-ка, глянь на меня.

Шарк повернул к нему грубовато сработанную голову. Бледно-голубые глазки были затянuty дымкой.

— Ну, не так все плохо, постепенно оттаешь, сынок. Подай полотенце.

— Вот. Я боюсь, как бы не ослепнуть. Как вы думаете — могу я ослепнуть?

— Все будет хорошо... Ужин готов?

Шарк горестно заскрипел:

— Я старался, н-н-но что-то со мн-н-ной н-н-не так. Все из рук валится. Вам бы н-н-надо мен-н-ня продать. Я уже не отвечаю требован-н-ниям своего господин-н-на.

Болдуин невесело рассмеялся.

— Да кто ж тебя купит? К тому же мы, брат, старые приятели. А приятелей не продают. По крайней мере, мне так кажется...

Мысленно проклиная всё и вся, Болдуин быстро съел кашеобразную бурду, приготовленную Шарком.

— Вот же гадость... А ведь я тебе говорил, что соль и сахар — это совсем разные субстанции. Единственное, что их объединяет, это искусственная кристаллизация.

— Прошу прощенья, но у меня глаза запотели от сырости, — оправдывался Шарк. — Плохо вижу. И там кристаллы, и там кристаллы, а производитель не снабдил меня органом человеческого вкуса. Это не моя вина.

— Ну, по крайней мере, заикаться перестал. Ладно, проваливай, а то передумаю и выставлю тебя на торги.

Андроид поспешно вышел из кухни. Похоже, производитель все же снабдил его чувством страха перед аукционами.

Болдуин умылся и переоделся в сухое. Не спеша подошел к окну.

Сумерки сгущались, и блестящие струи дождя теперь светились фиолетовым цветом. Этот эффект вызывали микро-

скопические грибные споры, распыленные в воздухе. Они активировались под воздействием воды и подсвечивали дождь, так что он полыхал на все небо, как гигантский неоновый светильник. Свет спор притягивал ночных бабочек, которые пожирали их в безумной вакханалии скорой смерти. Крылышки бабочек взрывались изумрудным пламенем аннигиляции — в одном-единственном миге окончательного экстаза. И бабочки падали в струях неоновых дождей, чтобы украсить ночь и отдать свои жизни черной земле.

Подобное зрелище восхитило Болдуина двадцать лет тому назад, когда он прибыл на эту планету. У него в голове навеки запечатлелась картинка: вот стоит высоченный транспортный корабль колонистов, по корпусу которого стекают светящиеся струи грибов, а из открытых люков выходят длинные вереницы поселенцев, и дыхание каждого создает облачко пара над головой.

Сто тысяч колонистов, сто тысяч человек, желающих начать жизнь заново, с чистого листа.

Только у него, Болдуина Кёртиса, не было никаких особых иллюзий. Он прилетел сюда в качестве могильщика, и именно могильщиком и должен был провести здесь всю свою жизнь. А какая еще жизнь должна быть у такого, как он? Конечно, такая же, как и у его старика...

Да, он хорошо помнил слова своего отца, пропитанного дармовым спиртным от похоронной корпорации, вечно что-то бурчащего, смертельно уставшего от повседневной кладбищенской рутин и измученного копанием кладбищенской глины. Отец в глубине души сам был подобен этому кладбищу. И он не представлял себе какой-нибудь лучшей жизни для своего робкого сынишки:

— Будешь могильщиком, Болд.

— Могильщиком, папа?

— Говорю тебе, сынок. Будешь могильщиком, таким, как я. А чем еще сможешь заняться? Школы не закончил,

красавцем тебя никак не назовешь, денег у тебя нет, как и таланта их зарабатывать. Не питай иллюзий парень. И в башке твоей грёбаной ветер гуляет. А потому, сынок, хорошей бабы ты себе не найдешь. И с посредственными будет тебе трудно. Ну, скверных, может, и поимеешь, да что тебе с них? И запомни хорошенько — даже и не пытайся заигрывать с такими шлюхами, как твоя мамаша. Понимаешь, сынок?

— Да, папа.

— Посмотри на меня, парень... Хорошенько посмотри на своего старика. — Отец наклонился к нему, обдав перегаром кладбищенской водки. — Видишь меня? Внимательно смотришь?

— Да, пап. Я хорошо тебя вижу.

— Отлично, поскольку именно так ты сам будешь выглядеть через двадцать грёбанных лет.

И хотя слова эти были произнесены в далеком прошлом на другой планете, называемой Матерью-Землей, они продолжали нести в себе какую-то страшную силу. Убедительную и почти пророческую.

Болдуин поглядел в зеркало.

В нем отражался человек лет сорока, с низким покатым лбом, с коротко стриженными, жесткими, как проволока, волосами и со свисающими чуть ли не до колен ручищами. Вздернутые плечи, достающие почти до ушей, сутулая, как у черепахи, спина. Большие черные глаза, впалые бледные щеки и скошенная челюсть. Красными, покрытыми мозолями ладонями он помассировал крепкую шею. Вообще-то Болдуин походил на небольшую акулу — не хватало только плавников на спине да острых зубов.

В общем, весь в отца. А матери своей он никогда не видел.

Но в одном отец на его счет все же ошибся. Не разглядел потенциальный горизонт планирования своего отпрыска.

В день смерти отца Болд поплевал на ладони, выкопал свою первую, полностью самостоятельную могилу, получил вознаграждение и тотчас же направился в бюро News of the Worlds, чтобы оформить все необходимые документы колониста.

— Гм-м-м. И кем вы себя видите в новом мире, господин Кёртис? Какие у вас предпочтения? — Чиновник глядел на него оценивающе, с трудом скрывая нотки издёвки в голосе. — Видите ли, господин Кёртис, состав колонистов уже полностью укомплектован.

— Верю, — охотно согласился Болдуин. — Но могильщика среди них наверняка нет.

— Вы сказали — могильщика?..

— Именно. А он вам в любом случае понадобится, поскольку и в новом мире люди будут умирать. Миры — мирами, а трупы — трупами. Видите ли, люди не любят, когда мертвых хоронят андройды. Религия запрещает. А я, прошу прощения, именно что могильщик. Знаю все о похоронах, ну и всякие там обряды и ритуалы — тоже назубок. К тому же у меня очень скромные требования. Что мне нужно? Какая-нибудь крыша над головой, лопата да помощник для копания.

Чиновник отошел от первого шока и пробормотал:

— Ну да... Признаюсь, вы меня малость ошеломили... Ха-ха... Да... Секундочку, господин Кёртис. — Чиновник стал быстро тыкать пальцем в экран френдо, нахмурился и удивленно причмокнул пухлыми губами. — Верно! Это грустно, но мы каким-то образом упустили необходимость вашей профессии... Ну хорошо, я вношу вас в список. Болдуин Кёртис, номер сто тысяча первый. Профессия: могильщик.

Сверкнула профессиональная улыбка.

— Пожалуйста, передайте мне ваши документы.

Город на планете был выстроен задолго до прилета людей автоматами, исследующими глубокий космос. Колони-

сты его только заселили. Были подобны муравьям, которых перенесли в новый, уже готовый муравейник. Они заполнили структуру, вписались в схему, добавив лишь незначительные детали — краски, мелкие переустройства...

Город назывался Авалон, и Болдуин поселился на его окраине, среди обширных болотистых пустошей, испещренных руинами предшествующей цивилизации. Новое кладбище естественным образом оказалось на остатках старого.

Планета приняла людей вполне терпимо. Они быстро и без больших потерь адаптировались к местным условиям. Двое умерли в результате непереносимости прививок, один покончил с собой. Именно они и стали первыми «клиентами» кладбища. А лет через десять ситуация стабилизировалась. Болдуин ежедневно хоронил от двух до четырех покойников, а в городе рождалось столько же новых жителей.

Город хорошо заботился о ста тысячах своих подопечных, обеспечивая их всем, что только могло им понадобиться. Основным занятием колонистов была добыча и переработка болотного торфа — он обладал какими-то сильными противораковыми свойствами. Болдуина все это не интересовало. Он редко посещал Авалон, ощущая свою инаковость и слегка стыдясь своего низкого занятия. А со временем превратился в отшельника. От отца его отличала болезненная ненависть к алкоголю. Весь свой двухнедельный паек он ритуально выливал в сток для нечистот. Избавлялся таким образом от родимых пятен отцовского наследия. И приговаривал при этом:

— Должен же я чем-то отличаться от своего старика...

Из воспоминаний его вырвал громкий свист.

На площадку перед домом в фиолетовом закатном свете садился хOVERкрафт на воздушной подушке. Весь из себя черный, а на бортах таинственные готические письмена. Его вид всегда приводил Болдуина в почтительный трепет,

который тут же исчез, когда на борту включился прожектор и обвел ярким световым лучом окна барака. Болдуин не жаловал водителей катафалка. Как и они его.

В помещение вошел пилот.

— Три штуки, могильщик. Ставь подпись.

Пилот вручил Болдуину пластину формуляра, сплюнул и небрежно почесал гладко выбритую щеку. Болд знал, что в глазах пилота он выглядит как осклизлый василиск. Водитель катафалка никогда не глядел ему в глаза, как будто боялся, что могильщик плюнет в него ядом.

— И вам добрый день, — ответил Кёртис и не спеша оставил отпечаток пальца в трех белых инфоокошках. — Завтра тоже вы прилетите?

На лице пилота возникла гримаса облегчения.

— Нет, — прошипел он. — Мой андроид.

— Не желаете ли слегка передохнуть, я охотно заварю вам чая? — продолжал дразнить водителя Болдуин.

— В другой раз, могильщик.

— У меня есть светящаяся выпечка из спор грибницы.

— Нет-нет!..

— А может, вы согласитесь на пару со мной выкопать новую могилу, дружище? Тоже нет?

Пилот не смог даже удивиться. Попросту убежал, бормоча под нос проклятья.

Вошел Шарк.

Они молча глядели, как черный катафалк поднимается в воздух и исчезает в стене фиолетового дождя.

— Он обозвал меня «жестяным недоумком» и пнул, — наябедничал андроид. — Я подам на него жалобу в свой профсоюз. А вы его хорошо уели, господин Кёртис.

— Все люди одинаковы, и этот — не худший из них. Просто город сошел с ума, Шарки.

И бросив еще один взгляд в зеркало, добавил:

— Ну что — идем к ним.

Они стояли рядом — двое мужчин и одна женщина.

Все нагие. Глядя на их спокойные лица, трудно было поверить, что они мертвы. Идеально спроектированные черты лица подчеркивали красоту женщины. На вид ей было не больше сорока. По крайней мере, если судить по коже.

— Это все пластика... Знаешь ли ты, Шарки, что в Авалоне уже нет некрасивых людей? Каждый выглядит так, как пожелает. Посмотри на них — почти боги!

Каждый из трех был залит прозрачной массой, сформированной в виде многогранного кристалла. Отполированные поверхности отбрасывали множество световых бликов. Покойники казались бабочками, плененными в янтаре.

— Но все же они умерли. А стало быть, не были богами, — тяжело вздохнул Болдуин. — Хотя наверняка сами про себя что-то такое думали.

Завтра он опустит кристаллы в выкопанные могилы и насыпет три небольших холмика. И согласно Новому Обычаю, никаких надгробий с именами. Могилы будут безымянными, потому что никто давным-давно уже не посещает кладбищ. Колонисты не любили напоминаний о том, что когда-то их самих засыпят землей. Они не желали ничего знать о смерти, не хотели признавать ее прав, не способны были даже презирать ее.

— Я помню старые гробы, они были деревянные, — пояснил Кёртис Шарку. — А теперь смотри, как ловко придумали. Берешь подготовленного покойника, щелк, и он уже в кристалле. Не гниет, не разлагается, не воняет, братишка. Все чистенько, аккуратненько. Если смерть покойника изуродовала, то заливают кристалл темной эмалью так, чтобы ничего не было видно. Ловко, ловко все придумали. Боги, мать их...

Болдуин внезапно ощутил себя старым и усталым. Посмотрел на свои большие ладони, на потрескавшуюся кожу

пальцев, на желтые мозоли. Ткнул пальцем в ближайший кристалл.

— Смотаюсь-ка я в Авалон. Давно там не был.

— Прошу прощения — прямо сейчас? Мне кажется, это не самая лучшая мысль. Приближается ночь, а погода...

Болдуин похлопал Шарка по плечу.

— Не волнуйся, парень. Я водостойкий — не растворюсь.

— А можно узнать, зачем вы туда идете? — упорствовал андроид. Программа опеки работала на полную катушку.

— Ну, всегда хожу за одним и тем же.

— Что — опять?

— Именно так, Шарки. Иду искать жену. Вдруг что-нибудь попадется. Она должна быть красива и душой и телом.

4

В воздухе висела сфера. Она разбрасывала элегантные струйки дымного света, неспешно скольльзящие по столешницам низких столов и в конечном счете падающие под их ножки, где мягко отражались от паркета и тихо угасали. Большая часть бара тонула в полумраке. Сонную атмосферу подчеркивал тихий шелест дождя, что-то бормотавшего стеклам округлых окон.

— Еще раз то же самое. — Длинные, худые пальцы обхватили высокий бокал.

Тотчас рядом возник кельнер.

— К вашим услугам, сударыня.

— Только двойную дозу, малыш.

Андроид глянул на нее с профессиональным неодобрением, выполнил заказ и удалился.

— Вот же поганец! — рассмеялась Беверли. — Гребаный механол.

— По мне, так выглядит неплохо. — Дебора задумчиво играла бокалом.

Эстер ни на что не реагировала. Нынешняя порция эйсид-виски отправила ее в другой мир.

— Завидую ей, — проговорила Беверли. — По крайней мере, скукой не мается.

— Пропала девка. Пьет и блюет. Одно и то же. Подсела, сучка, на кислоту. Два дня назад бросила работу. А ее муж завтра с ней разводится. Пьет еще больше, чем она, но в другом кабаке.

— Наверно, это из-за того, что не сделала коррекции носа по проекту Ярдли Марк 34. Прекрасная модель. О... Вижу маленькие сексуальные носики, они танцуют на нашем столе. Это так забавно, Деб...

— Ты уже нажралась, дорогуша, — скривилась Дебора. — Пьяная в три задницы... Очередной долбаный вечер, — добавила она уже тише. — Очередная одинокая ночь в компании упившихся...

Она подхватила струйку света и обмотала ее вокруг изящной татуировки на запястье.

— Надерусь-ка и я. — Прохладный напиток приятно остужал горло. — Кой черт, в конце концов?

Световой браслет на руке медленно таял.

Внезапно зашевелилась Эстер. Коснулась иконки на экране своего френдо, и вокруг ее ушей затанцевали маленькие репродукторы.

— Теперь хорошо... — промурлыкала она, и ее прекрасное личико (проект Босс Марк 22) разъяснилось. Она продолжала спать.

Мимо них в полутени прошел высокий андроид. Беверли встала, качнулась и двинулась за ним, сильно покачивая прекрасной формы бедрами от Фендера.

— Подожди, красавчик.

Андроид послушно остановился.

Беве́рли настигла его у следующего столика, а секундой позже их окружили световые ленты, притянутые движением ее вялого тела.

— Я хочу в туалет, проводи меня.

— Разумеется, госпожа.

Тут же свет стал угасать.

Контуры предметов темнели и постепенно растворялись во мраке. Как будто кто-то уменьшил разрешающую способность реальности.

Дебора хихикнула. О! Начинает действовать.

— Здоровье молодых! — Уровень жидкости в ее бокале уменьшался в опасном темпе. Отпила очередной глоток. — Совет да любовь...

Внезапно прямо перед ней возник мужчина. Точнее, его размытый силуэт.

— Скажите, это заведение называется Acid Rest Is The Best?

— Да-а.

Мужчина протер покрасневшие глаза и с облегчением улыбнулся.

— Я разыскиваю свою девушку. Понимаешь, вышла куда-то из дома вчера и не вернулась на ночь... Я волнуюсь. Живем неподалеку, а она любит кислоту, ну так я и решил, что...

— Как зовут твою даму?

— Ф'Кокотер.

Дебора тряхнула волосами и покачала головой.

— Увы, ничего о такой не слышала, — пробормотала она сонно. — Но имя красивое.

Незнакомец выглядел обескураженно. Однако настаивал:

— Ну, она может назваться и другим именем. Это невысокая, хорошо сложенная брюнетка. Часто бывает небритой. Ну, знаете — такая трехдневная щетина, более густая на усах, более редкая на подбородке.

Дебора пожала плечами.

— Ага. Кажется, уже врубаюсь. Небритая, ты так сказал?

— Ты ее видела? — Слезящиеся глаза блеснули надеждой. Похоже, он неверно понял ее вопрос. — Она была тут с вами?

— Мускулистая, небритая брюнетка... Боюсь, не знаю твоей дамы. Похоже, это не тот кабак, приятель.

Мужчина еще раз потер налитые кровью глаза, прошептал что-то беспомощное и ушел, не сказав ни слова на прощанье. Очередной закинувшийся фрик. Очередная ошибка города Авалона.

— Вечер становится милым... — Дебора пихнула подругу локтем. — Правда, Эстер?

Эстер что-то неразборчиво пробормотала, после чего еще уютней свернулась в громадном кресле.

Беверли все не возвращалась.

5

Тротуар напоминал щупальце какого-то непонятного существа, изучающего чужую, промокшую почву. Он начинался неожиданно посреди топей и вел к отдаленному свету.

Светом был Авалон, и это он выпустил щупальце тротуара.

Болдуин осторожно ступил на искусственную поверхность. Странно, но здесь он ощущал себя гораздо более неуверенно, нежели на вечно хлюпающем кладбищенском грунте.

— Приветствуем вас в городе. — Невидимый стражник, как всегда, был бдителен.

— Да-а. Давно я тут не был. Двигай к центру.

— Разумеется, господин Кёртис.

Тротуар дрогнул и начал двигаться, и в этот миг сверкнула вспышка маленького взрыва на отвороте куртки Болдуина.

— Что это, на хрен, было? — удивился могильщик.

— Прошу прощения, но на вашу куртку сел местный паразит — кровососущее насекомое. Мы не пропускаем на территорию Авалона вредные объекты. Таковы правила безопасности.

— Ладно, ладно. Я просто запомнил. Эта тварь ведь могла всех вас поубивать... Дермо стерильное.

Последнюю его фразу компьютер проигнорировал. Тротуар продолжал беззвучно двигаться.

Болдуин глядел на приближающиеся строения. В центре города высились мощные офисные здания, они были едва освещены и подавляли своим мрачным величием. Зато спальные районы сверкали тысячами огней.

Сидят в домах. Всегда так было: работа — и домой, а из дома — на работу, а по выходным — в кабак... Как заводные машинки... Болдуин неодобрительно покачал головой. Логинятся в этих своих френдо, накачиваются наркотой и видят сны черт знает о чем.

Тротуар нес его через район развлекательных заведений, такой же глухой и унылый, как пригороды Авалона.

— Остановись.

Стражник выполнил приказ.

— Дальше пойду пешком.

— Возможно, вам нужна какая-нибудь защита от дождя? В дождевой воде содержится много органических субстанций, а кроме того, споры грибов-паразитов, которые в период размножения могут быть...

— Нет, ничего не надо. Попросто остановись.

Грибницы, тоже мне. Он и так уже насквозь мокрый. Болдуин соскочил с ленты.

И замер.

Чуть ли не минуту ему казалось, что абрисы строений, на которые он смотрел, дрожат, тускнеют и расплываются. Колыхаются, исчезают. Потом все восстановилось. Болдуин вздрогнул и помассировал натруженную шею кулаком. Что это было?

Он стоял перед огромным, подавляющим зданием, выступающим из завесы дождя подобно фиолетовому демону. Задрал голову, хотя прекрасно знал, что увидит там, наверху.

— ...КОРПОРАЦИЯ WARS`N`GUNS... — прочел он красную, пульсирующую надпись. — ...ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ...

Хозяева колонии Авалон.

Именно эта корпорация снабжала колонистов всем необходимым, разрабатывая безопасные способы «переездов» в глубокий космос. Некогда Болдуин, уставший от бесконечной череды нудных дней, от своей лопаты и кристаллов с покойниками, сам сюда заглянул. WARS`N`GUNS прельщала высокими заработками и жизнью, полной приключений. Но когда ему объяснили детали будущей работы, он отказался от этой идеи. Не желал быть их наемником. Они были еще хуже дебилов, подсевших на свои френдо. Поговаривали, что корпорация специально организует все эти колонии в глубоком космосе, чтобы потом им легче было вербовать наемников. Скука повседневной рутины в колониях была им в этом союзником.

Болдуин двинулся дальше. Уровнем ниже его пролетел хOVERкрафт на воздушной подушке. Только время от времени он проходил мимо одиноких жителей Авалона. От дождя их хранили зонты силового поля, обтекающая поле вода придавала людям вид голографических образов. Они выныривали из дождя, проходили мимо Кёртиса и, пройдя буквально несколько метров, снова растворялись в водяной завесе.

Зато в воздухе движение было куда как более оживленным. Стада дешевых голографических и дорогих материальных реклам проносились во всех мыслимых направлениях, обдавая его потоками искрящейся информации. Болдуин не мог понять ничего из того, что на него обрушивалось. Он уже рад был укусу кровососущего насекомого.

Хорошо хоть, на ночь им звук отключают — хвала Провидению! Он представил, что тут творится в разгар дня...

Пройдя арочным мостом, Кёртис вышел на центральную улицу этого уровня. Отбиваясь от напирających голограмм, с облегчением зашел в первый попавшийся кабак.

— Добрый вечер, господин, — прозвучал приглушенный голос кельнера.

Болдуин огляделся. Полупустой, едва освещенный бар, без каких-либо особенных фишек. В углу сидели несколько трудно различимых посетителей. Женщины?

— Темно у вас, мать вашу...

Кёртис пригляделся к кельнеру. Плавные движения, спокойный, уверенный в себе взгляд. И слишком вежлив.

— Ты что — андроид?

— Да.

— Что делается...

Если бы только Шарк увидел это чудо, то тут же загнулся бы, сукин сын, от зависти.

Кельнер забрал у Кёртиса мокрую куртку и беззвучно исчез. Болдуин подошел к барной стойке.

— Чего пожелаете?

— Кока-колу.

Брови бармена задрались, выражая удивление.

«Эти чёртовы куклы даже удивляться умеют», — уныло подумал могильщик.

С бокалом в руке двинулся вглубь зала. По пути налетел на столик, крепко выругался и приказал:

— Свет, и быстро!

Тут же зажглись скрытые светильники.

— Вот так-то...

И тут он ее увидел. Она поднялась из-за того столика в углу зала. Их разделяло метров пять. Удивленные, водянистые глаза, каштановые волосы и тонко прорисованное лицо. Длинные ноги, стройная фигурка, серая тенниска.

«Наверняка андроид», — мысленно вздохнул Болдуин.

6

Дебора гадала, сколько ей еще надо ждать эту чертову девку Беверли, когда услышала чей-то крик, и в зале сразу стало светло.

А ведь просили погасить свет для создания интимной обстановки. С трудом созданное настроение лопнуло, как мыльный пузырь. Вечер был испорчен.

Она поднялась с кресла, намереваясь призвать обслуживающий персонал к порядку, и только тогда заметила, что в баре появился новый посетитель. Дебора замерла.

То был мускулистый, коренастый мужчина лет тридцати. Дебора сразу поняла, что смотрит на его настоящее, никогда не подвергавшееся пластике тело. Грубые черты лица, короткая, крепкая шея... А лапищи! Свисали, как у гориллы, и заканчивались лопатообразными ладонями; даже с расстояния видны ороговелые, желтые мозоли. Да и одет он был необычно. Большой воротник белой рубахи был выпущен поверх воротника черной войлочной куртки, а на промокших под дождем брюках были намертво заглаженные стрелки.

— Приятно познакомиться, я — Дебби, — тихо произнесла она неуверенным голосом.

Он наконец сдвинулся с места и медленно проговорил:

— Болдуин Кёртис.

Голос тоже соответствовал его облику — низкий, хриплый. Такой, каким она его представила. Темные глаза мужчины остановились на Эстер.

— Она что — под кайфом? Чем дальше, тем больше убеждаюсь, что пьянство — зло. А что это у нее летает около ушей?

— Динамики. Она любит музыку. Она композитор.

Кёртис провел ладонью по мокрой, короткой шевелюре, более похожей на черную шерсть.

— Вот дерьмо...

Дебора была поражена. Что это за тварь? Какой-то новый вид гуманоида? Она что — прозевала какие-то новые тренды? «С кем я, собственно, разговариваю, а может, я уже так надралась, что беседую с собственной галлюцинацией?..»

Внезапно она вспомнила, что на южном континенте планеты создается новая, третья по счету, колония переселенцев с Земли.

— Погоди, погоди... Может, ты приехал из того нового города?

— Какого там нового? Я здешний. Так же, как и ты, и Шарки, и даже эта девица под кайфом с динамиками около ушей. Все прилетели в первой партии колонистов.

— Ясно, sorry¹... Понимаешь, никогда тебя не встречала. А, как бы это сказать помягче, внешность у тебя достаточно выразительная...

— Что ты имеешь в виду?

— Без обид, просто если тебя раз увидишь, то уже не забудешь.

— Ну, не знаю. — Мужчина беспомощно развел свои обезьяньи лапищи. — Я пошел в отца. А матери вообще не знал.

— Это плохо... — пробормотала Дебора. — Очень плохо.

«Где эта дура Беверли, — лихорадочно думала она, — на Эстер рассчитывать не приходится».

---

¹ Извини.

А чужак в белой рубахе все время на неё пялился. Одновременно как-то беспомощно, но и жадно. Глаза его, в отличие от остального лица, впрочем, были довольно милыми — большие и слегка печальные. Деборе пришла в голову мысль, что он только выглядит крутым, а на самом-то деле попросту робеет.

— Где работаешь, Болдуин?

Кёртис замешкался.

— На кладбище, — ответил он, наконец, сдавленным голосом. — Я могильщик.

Боже мой! Дебора снова утратила уверенность в себе. Могильщик!!!

— Я — единственный могильщик на весь Авалон, — добавил Болдуин, как ей показалось, не без гордости.

— О... — Внезапно у столика появилась Беверли. Полностью расслабленная от эйсид-виски, она лучилась беззаботностью. — И чё это за тип? Материальная голограмма пещерных времен?

— Меня зовут Болдуин Кёртис.

— Зашибись, а я — Беверли д'Факкарт, — пробормотала Беверли, поправляя грудь под футболкой. — Защемило там что-то, — пояснил она. — Sorry.

Потом причмокнула губами, обвела обоих взглядом из-под длинных ресниц и спросила:

— А, собственно, о чем базар? — Она говорила медленно, подбирая слова. — И почему, к черту, тут так светло?

Свет тут же притух, зал заполнился тускло светящимися струйками дыма.

— Ну и чё пялишься, красавчик? Я после кислоты несъедобная... Садись.

Мужчина уселся и скромно потупил взор, но за эту долю секунды обе успели увидеть в его глазах одно и то же: Мрачный блеск желания.

Беверли тут же перехватила контроль.

— А ты классный чувак... Не, ну я торчу, кто ж это так тебя откорректировал? Под кого-то работаешь? — Она опрокинула очередную рюмку эйсид-виски и хрипло засмеялась. — Но все равно ты классный, хотя и какой-то смурной... Сдохла бы только от одного твоего вида, но, на счастье, я не намереваюсь на тебя только глазеть. Щас мы тебя раскрутим, да, Дебби? Кельнер! Три двойных.

Болдуин Кёртис даже не пытался протестовать.

Он хотел их.

И виски тоже.

7

Рассвет застал его на топях.

Он шел прямо на полную луну, когда лучи восходящего солнца ударили ему в спину. Вторая луна уже закатилась. Начинался новый день.

От вчерашнего дождя не осталось и следа, всю воду впитал вечно ненасытный торф, покрывающий равнину толстым светло-голубым ковром.

Взойдя на пологий холмик, Болдуин узрел свой низкий простой домишко, а за ним кладбище и тени старых надгробий, протянувшиеся по светлым песчаным площадкам.

Медленно, как бы против своей воли, Болдуин двигался дальше. Он вообще не хотел сюда возвращаться. Потратил почти всю свою жизнь, погребая эти чертовы трупы, залитые чертовым блестящим кристаллом...

— Возвращение падшего святого, — пробормотал он, громко рыгнул и пнул ногой дверь. — Се грядет одинокий Болдуин Кёртис... И-и-ик... Добрая одинокая акула без хребтового плавника. Или, как они говорили, — доисторическая горилла... Сказали мне, что именно так я выгляжу и что это их заводит... Вот дерьмо! Отвянь, Шарк, — оттолкнул он

удивленного андроида и вошел в дом. — Я — горилла без хребтового плавника. И-и-ик.

Покрутился по кухне, промыл налитые кровью глаза и блеванул в раковину.

— Чтоб меня черти взяли, если я сменю себе морду и тело. Такая пруха!

Шарк наблюдал за ним, скрывшись в тени портьеры.

— Что с вами случилось, господин Кёртис? — спросил он озабоченно. — Вы очень плохо выглядите, и вас целую ночь не было дома.

Болдуни выbleвал остатки эйсид-виски.

— Это начало, парень... — Он вытер рот манжетой отцовской куртки. — Чтоб меня черти взяли, но только теперь я твердо намерен отработать набежавшие задолженности... За всю жизнь. И поверь мне, мой Шарки, что набралось этих долгов немало...

Они вошли в сарай. Болдуин выкатил транспортную платформу и крепко схватил лопату.

— Закопаем этих трех, берись за работу. И-и-ик. Потом сгоняешь за водкой.

— Так точно, — отрапортовал андроид с искусственным энтузиазмом. — «Сгоняю за водкой», что бы это ни значило, господин Кёртис.

Болдуин, толкая перед собой платформу с тремя кристаллами, не ответив, прошел мимо пораженного андроида.

Работали молча.

— И подумать только — ей было пятьдесят лет! — внезапно вздохнул Болдуин. — Ты этому можешь поверить, братишка?

— Но кому, прошу прощения?

— Беверли. Ту, другую, даже не спрашивал. Наверно, все сто насчитывала, сучонка. А этой, которую сейчас закапываем, смело дам все двести... Столько зря потраченных ночей... И-и-ик.

Солнце медленно поднималось в зенит, но тучи надежно скрывали его блеск. С севера тянуло прохладным зимним ветерком. Дождевые стервятники улетели куда-то далеко. Было тихо.

Когда над землей поднялись три холмика, могильщик вытер пот со лба, наклонился и воткнул в них три небольших креста.

— Готово. Теперь справим службу.

Они перешли на площадку, где высился алтарь в форме тернового венца. Единственная ритуальная вещь, прилетевшая со старой Земли. Болдуин особо выторговал его транспортировку. Похороны должны проходить в соответствии с отцовской традицией.

— Готов, Шарки?

— Так точно. Я готов, господин Кёртис. Мне уже сейчас надо «сгонять за водкой»?

— Нет, Шарки. Еще не время. Сначала мы должны их упокоить. Как обычно.

— Слушаюсь.

Они стали рядом друг с другом.

— Прими, о Господи, этих трех умерших в Свой свет. Я, могильщик, принимаю на себя их грехи. Я, Болдуин Кёртис, отпускаю им их грехи.

— Именем Твоим, — хором подхватил андроид. — Хвала Тебе, о Господь На Вершинах Авалона.

У андроида была функция, имитирующая цифровым образом оркестр и хор, превращающая одиночный звук во множество голосов и подголосков, сопровождаемых гармоничным оркестровым аккомпанементом.

— Пусть ветер унесет их земные имена, а земля поглотит их земные тела.

— Во веки веков, — прогремел хор.

— Во веки веков.

Болдуин растер подошвой комок глины.

— Молись, сын мой, — назидательно обратился он к андроиду, который украдкой поглядывал по сторонам, явно скучая от монотонной процедуры поминания.

Точно так же наставлял его в свое время главный капеллан Авалона, когда еще лично приезжал на церемонию погребения. Позже он чудовищным образом спился, быстро и эффективно разрушая собственную личность. Да, капеллан обладал экспериментаторским духом, любил соединять алкоголь и наркотики в совершенно новаторских пропорциях, корректируя эффект ферментизированным торфом, который любил демонстративно втягивать ноздрями толстого носа. Теперь капеллан покоился в тени здешнего аналога вербы, залитый красным кристаллом, специально ограненным уникальным и неповторимым образом.

А его функции принял на себя сам Болдуин, честно исполняя положенный ритуал. В такие моменты Шарк играл роль могильщика.

— Аминь, — провозгласил могильщик.

— Аминь! — прогремел андроид.

Холодный ветер и церемония слегка прочистили мозги Болдуина. Снова вернулась уверенность в собственном прошлом.

— Отнеси инструменты в сарай, парень, — вздохнул он утомленно. — А я малость пройдусь.

— А водка? — Андроид не выключил модуляторы звука, и вопрос был произнесен оглушительным хором. — Я же должен был «сгонять за водкой».

— Забудь об этом, братишка. И выруби этот чертов хор.

— Так точно, господин.

Болдуин, шагая кладбищенской аллеей, ощущал себя такой же выпускающей пар глиной, из которой он формировал холмики на могилах. И таким же, как его чертов пропойца-отец.

Он поймал болтающийся в воздухе споролист. Легко сдавил хитиновый кокон, и изнутри вырвалось облачко шипящих спор. Через несколько дней из них вырастут хилые растеньица, поглощающие корешками воду и превращающие ее в пар, накапливаемый, пока его давление не возрастет и не выбросит в воздух новые споролистья...

Полная бессмыслица.

Он шагал дальше и временами ловил пролетающий мимо споролист.

8

Болдуин зашел на Старое кладбище. То, которое не предназначалось для человеческого праха. Мощные каменные блоки, поросшие красным мхом и раздираемые корнями подземных растений, хранили останки былых хозяев планеты.

О них не говорили много. Болдуин знал только, что они несколько напоминали птиц: высокие, худые, как жерди, с небольшими яйцеобразными головами и выступающими грудинами. Их цивилизация исчезла с лица планеты лет пятьдесят назад — то ли война, то ли какой-то природный катаклизм поставили крест на их бытии... Кого это нынче волнует?

Погладил шершавый камень — никто не знал, откуда его сюда доставили, — и усмехнулся в сторону Шарка, который, соблюдая надлежащую дистанцию, следовал за своим господином, а теперь вот появился у соседнего надгробия, подобный металлическому призраку. Андроид глядел на Болдуина с беспокойством.

И именно в этот миг он, Болдуин Кёртис, увидел нечто странное. Из-под самого высокого надгробия, опасно подмытого вчерашним дождем, высыпались несколько экземпляров разноцветной гальки. На темно-сером фоне кладбищенского грунта камешки выделялись неожиданно

жизнерадостными красками. Заинтересовавшись, Кёртис подошел поближе.

Наклонился, чтобы поднять один из камешков, и вдруг заметил, что у основания чужого надгробия зияет черное отверстие, из которого идет влажный пар.

Болдуин помнил о категорическом запрете раскапывать древние гробницы. Помнил предостережения старого капеллана и все корпоративные инструкции.

Подался чуток назад.

— Э-э... А, собственно, чего там? — пробурчал он с вызовом. — В конце концов, я его не трогал, он сам вскрылся... А мне уже все едино. Всю жизнь под кого-то подлаживался. И что я получил от следования этой благоразумной стратегии?..

Он снова подошел к чужому надгробию и засунул руку через отверстие в темное и влажное нутро гробницы.

Ощутил под пальцами какую-то осклизлую, отвратительную форму и поспешно отдернул ладонь.

И увидел прилепившегося к ней Триптидидока. Эта штука из гробницы пристала к нему прочно, тянула вниз и заставляла сгибаться почти до уровня кладбищенской почвы.

— Шарк! — заорал перепуганный могильщик. — Шарк!!!

— Уже бегу, господин Кёртис. Что случилось?

— Отцепи его от меня! — кричал Болдуин. — Шарк, черт возьми, спаси меня. Быстро...

— Я уже тут, господин. Что мне... Что мне надо отцепить? — спросил подбежавший андроид.

— Триптидидока, идиот!

Дезориентированный Шарк ничего не ответил.

— Я пытаюсь его увидеть, прошу прощения. Триптидидок? Никогда о таком не слышал...

Глаза андроида вылезли на стебельках из глазниц и мгновенно обследовали внутренность гробницы.

Тут до Болдуина дошло: а, собственно, откуда сам-то он знает, как называется этот яйцеобразный предмет?

Рассыпанная галька, это отверстие и... да это же приманка! Ловушка!

Да только поздно он это сообразил.

Он уже коснулся Триптидидока.

Что происходит?

Свет, куда исчез свет... Так сильно...

Он так сильно хотел, чтобы свет вернулся. Становилось все холоднее и холоднее.

— Свет, — напомнил он себе. — Надо его искать...

9

Он открыл глаза.

Перед ним стоял ангел. Невысокий, худой, но самый настоящий.

Болдуин был в этом уверен.

Ангел затрепетал крыльями и съежился, как большая, больная птица.

— Мой бог ждет тебя. Он хочет с тобой говорить.

Ангел обеими руками сделал приглашающий жест. Руки у него были сухие, жилистые и дрожали, как дрожат руки стариков.

— Ну да... Бог? — хохотнул могильщик.

— Не твой. Но бог. Встань, человек с планеты Земля, и иди.

Болдуин невольно подчинился. Когда сделал первый шаг, снова что-то изменилось. Теперь его окружала пустыня.

— Все ясно... У меня крыша поехала.

— Нет. Ты разговариваешь с богом.

Болдуин резко обернулся вокруг оси, осматриваясь. Он все так же никого и ничего не видел, кроме безграничной равнины красного песка.

— Ничего здесь нет. Это какие-то глюки. Все из-за той чертовой кислоты.

— Если уж так сильно хочешь меня узреть, то вот он я.

В воздухе что-то засветилось. Как бы размытый эскиз живого существа. Болдуину это напомнило тех существ из старых могил — птицеподобное создание с выступающей грудиной и небольшой треугольной головкой.

— Я, в конце концов, создал их по своему образу и подобию, — пояснило туманно светящееся существо. — Это такая фирменная фишка нашей божественной расы. Но сейчас уже нет в живых ни одного из моих подопечных. Ушли в темные воды реки Спасмы.

— Истребили друг друга. — Болдуин печально покивал головой. — Я слышал об их войнах.

— Да, — согласился бог. — Все время воевали, пока не уничтожили друг друга. Не без вашей помощи, но какое это теперь имеет значение, не так ли? Я вызвал тебя к себе не для того, чтобы мстить или укорять. Ты и сам кое-что знаешь о страшных методах и стратегиях вашей жестокой расы. Я не собираюсь обвинять тебя, могильщик.

— Обвинять? — растерянно проговорил Болдуин. — Да за что? Что я — плохо копал могилы?

— Нет, не за это. Могилы ты копаешь хорошо, — вздохнуло существо. — Я мог бы обвинить тебя за преступления вашей расы, за преступления корпорации WARS`N`GUNS, будь она проклята.

Контуры бога затуманились, расплылись. Он изменил позу.

— Пора уходить. Я старею, могильщик, — бормотал бог. — Мои последователи, моя раса... Понимаешь, это всё, что у меня было. Сначала я слепил эту планету, потом заселил ее существами, которые мне поклонялись. Чтобы они в меня верили, и чтобы я был с ними. Все имело свой смысл... Бог и его дети. Обе стороны нужны друг другу... Но

ты должен знать, что каждый Творец Органики может создавать только один раз. И я свой раз уже использовал.

— Ну так и что? — Болдуин не мог взять в толк, что пытается ему втемяшить существо, висящее над красным песком пустыни.

— Как что? Я умираю, могильщик.

— Что за вздор! Отец говорил мне, что боги бессмертны.

— Это правда. Но он, видимо, забыл тебе рассказать, что не существует бога без тех, кто ему поклоняется, кто в него верит. Это очевидное, фундаментальное противоречие.

— Но ведь...

— Пойми... В действительности все мы смертны. Смотри, даже ангелы — а тут их был целый сонм — сгнули. Остался один только Налэф, жизнь которого я поддерживаю остатком сил. Но вскоре и его поглотит пучина реки Спасмы. А потом... — Бог вздрогнул. — Да, могильщик. Потом пробьет и мой час.

Болдуин из вежливости старался изображать печаль.

«На хрена он меня сюда притащил? В конце концов, он ведь не мой Бог».

— Да, конечно, чужой сын, — согласилось птицеподобное создание. — Я не твой Бог. Но ты даже не подозреваешь, насколько тревожной является ситуация. Тебе следует знать, что вместе с моей кончиной исчезнет все, что я сотворил. В том числе и эта планета. Разумеется, вас я и пальцем не трону. Не могу и не желаю. Ничего против вас не имею. Как я уже говорил раньше, могильщик, я не из мстительных богов.

Стоящий по щиколотку в красном песке Болдуин пошатнулся. Он внезапно вспомнил, как на время потускнели и расплылись абрисы зданий Авалона, когда он там был в последний раз.

Нет, это невозможно...

— Но это так, ваш город выстроен на руинах другого города. — Бог, похоже, с легкостью читал мысли Болдуина. — Поверь, что это тебе не показалось. Когда я чувствую себя особенно скверно, что чаще всего случается вот в такие дождливые дни, тогда и вы, человеческие поселенцы, ощущаете мое умирание. Вы по-своему воспринимаете угасание вашего чудесного Авалона. Со временем, в процессе моей агонии, эти перемены закрепятся, и тогда все исчезнет.

Бог умолк и стоял, опустив птичью голову.

— И что тогда будет? — спросил Болдуин. — Ты ведь повторяешь раз за разом, что не хочешь нам причинять вреда.

— Точно, — согласился бог. Помолчав, вздохнул, как бы сочувственно. — Но я, однако, не уверен, что вы сможете выжить в пустоте. В царстве Органики мало рас, способных на это. А когда я уйду, вместе со мной уйдет и мое творение, и вам останется только космический вакуум.

Болдуин нервно сглотнул слюну.

— Это была идея Налефа, вызвать тебя сюда, — продолжал бог. — Я использовал Триптидидока, когда-то он был слугой Верховного Жреца. Видишь ли, я всегда считал, что следует сохранять непосредственную связь между мной и моим духовенством. Так мне легче было поучать, судить и карать. Нередко я также посылал в мир Малых Триптидидоков, предназначенных для простого люда. С их помощью я втягивал людей в разнообразные сложные ситуации, каковое втягивание было ничем иным, как испытанием их веры. Насколько она глубока. Малые Триптидидоки не позволяли людям узреть меня, зато я мог всесторонне оценить качество возносимых молитв. Они верили. О, как они в меня верили!.. Если бы только мог это себе представить, мой инопланетный сын.

Бог зашелся в мучительном приступе кашля, его щуплые плечи сотрясались.

— Ну а я какое ко всему этому имею отношение? — Болдуин стер пот со лба. — Я тут только могилы копаю. И на своей планете копал, только что не с андроидом, а с отцом. Мой отец...

— Ну да, да... — перебил его погруженный в глубокие раздумья бог. — Когда ты вот так стоишь передо мной на расстоянии вытянутой руки, то я вижу, что в целом ты неплохой человек. Даже более того — в тебе таится значительный потенциал... Я, знаешь ли, поражаюсь вашей смышленной расе. Ну и вообще, хотел познакомиться с вами поближе, поскольку, по-видимому, вас хорошо сделали... Над вами трудились лучшие, чем я, творцы. Возможно, те, со славных террас Хиллдегардени.

Болдуин помотал головой, он был совершенно растерян и не понимал, о чем говорит это странное существо.

— Что, и вправду твоя смерть неизбежна?

— Именно так, дитя. Агония началась в тот миг, когда разгорелась последняя война среди моих почитателей. Они гибли, веря, что умирают во имя мое, а на деле с каждой новой смертью они убивали и себя, и меня — часть за частью. Это было страшное недоразумение. Умереть во имя бога, а потом этого же бога и убить!

— Но ты и нас всех убьешь, люди не могут жить в пустоте! Сам же знаешь, что в космическом вакууме никакая жизнь невозможна.

— Сожалею, — помрачнел бог. — Но ты ведь понимаешь, что это побочный эффект. Я уже тебе говорил, что мой конец означает неизбежный конец всего, что я сотворил. По отношению к этой планете именно я являюсь ее Богом-Творцом. Такие правила установил наш всемогущий Господь, Великий Отец, Пино д`Форматт. И отступить от этих правил невозможно.

Рука Творца начертала некий знак. В воздухе появился мерцающий рисунок трех крыльев в окружении терново-

го венца. Болдуин уже видел такие рисунки в разных местах Старого кладбища. Он понял, что это местный аналог креста.

Бог наклонился и повесил этот символ на шею Болдуина.

— Это тебе на память, могильщик чужой расы. Ангел Наллеф был прав. Ты этого достоин. Полюбил я тебя, дитя. Но нам пора расставаться. Теряю силы.

Пустыня подернулась белой дымкой. Воздух стал разреженным. Ощущались недостаток кислорода, отсутствие смысла и осязаемых форм...

— Подожди! — прохрипел перепуганный Болдуин, которого внезапно осенила некая мысль.

Разрушительные вихри замедлились.

— Слушаю?

— У тебя уже есть один последователь... Я в тебя верю!

— Ну да... Это очень благородно с твоей стороны, но одного верующего мало, чтобы выжить.

— Будут и другие! На этой планете есть уже три человеческих города. Наверняка найдутся новые последователи старого бога. Ты не должен сдаваться. Попробуй с поселенцами. Попробуй с нами, с людьми!

Бог, чья фигура поблекла и почти исчезла, вновь обрел более плотную форму и задумчиво склонил птичью голову.

— Что ж, может, и впрямь попробовать?

— Он прав. Зачем нам отказываться от последнего шанса, повелитель? — Около бога материализовался ангел Наллеф. Он был явно возбужден. Его била сильная дрожь.

Воцарилась невообразимая тишина.

Стих горячий ветер.

Даже камень на песке, казалось, ожидал решения бога.

Вся пустошь замерла в ожидании.

Наконец бог выпрямил свое рахитичное тело и медленно проговорил:

— Хорошо. Мы пошлем в Авалон Малые Триптидидидоки. Я испытаю веру твоих братьев, мой единственный сын. Моя последняя надежда.

10

Болдуин закрыл лицо ладонями.

«Во что я вляпался?» Он не мог поверить во всю эту бредовую историю.

Может, это был всего лишь сон? Глюки, вызванные всем, что он выпил и внюхал той безумной ночью со всеми этими лентами туманного света и жадными объятиями Беверли. Может, это наследственный психоз, доставшийся ему от пьяницы-отца, а может, все эти видения продиктовали ему материнские гены? Ну понятно, матери он не знал, но почему тогда отец всегда называл ее не иначе, как «грязной шлюхой»?

«В конце концов, должен же быть для этого повод. Может, папочка видел во мне ее черты? Может, она тоже была шизанутой, как и я сам? Похоже на то. Все мы в нашей семейке с прибабахами. Вот и меня, наконец, настигло. Тронулся...»

И тут Болдуин ощутил некую тяжесть на груди.

«Стоп! Символ-то — вот он! Висит у меня на шее — бог назвал его Трикрылом — и отчет Шарка подтверждает факты». Шарк записал в своей долговременной памяти внезапное исчезновение господина могильщика. Зафиксировал также и его чудесное возвращение в клубах красной пыли спустя какой-то промежуток в реальном времени. Бедный Шарки в приступе вины решил, что это только эффект очередного отказа его стебельчатых глаз, пострадавших от сырости после вчерашнего дождя.

«И что теперь? — лихорадочно размышлял Болдуин. — Если попрусь сейчас в Авалон и начну рассказывать эту историю, то меня просто высмеют. Кто поверит в бога-

птицу?.. Они ведь вообще ни во что не верят. Со времен, когда Объединенные Последователи Иисуса объединились с Последователями Первичных Сил Природы, а после еще и с последователями Аллаха, люди перестали относиться к религии серьезно.

Да и черт бы с ними... Собственно, чего ради он отсрочил вынесенный им всем приговор? Ведь он ненавидит этих ничтожных тварей. Сам бы охотно вышвырнул их в пустоту и наблюдал бы, как они лопаются. Пустые, пустопорожние пузыри. Ничего в них нет, кроме воздуха. Чертовы божки — сами себя пластикуют, лепят, сами себя любят, так на кой черт им новый бог?»

Внезапно подумал, что это его искушает местный нечистый.

Ведь и такой должен тут быть.

Болдуин принял решение:

— Шарк, быстро в мастерскую. Приготовь инструменты для обработки дерева и металла.

Андроид без слов развернулся и отправился в мастерскую. Со времени исчезновения Болдуина он вдруг стал молчалив. Кёртис опасался, что явленное чудо могло повредить простодушный разум Шарка.

Ну, не было у него соответствующего программного обеспечения.

11

Спустя несколько часов они были готовы. Остановились перед домом, и могильщик обернулся в последний раз.

— Я всегда хотел обратиться из этого места, но мне и в голову не могло прийти, что это произойдет таким вот образом.

— А ведь было неплохо, — чуть ли не плача ответил Шарк.

— Да, братишка. Теперь и я это понял. Нам тут было не так уж и плохо.

Тучи висели низко, солнце — еще ниже. Сгущались сумерки.

— Идем.

И они тронулись в путь.

Первым шел человек в черном костюме и скрипучих башмаках. На белой, выглаженной рубашке гордо светился Трикрыл в терновом венце.

За ним шагал андроид, он нес на древке огромный, увеличенный в правильной пропорции знак крылатого бога. Временами он спотыкался, но тут же восстанавливал равновесие и упорно двигался дальше.

Они шли, а их тени медленно удлинялись.

Они шли в Авалон.

Чтобы обратить его.

И если глядеть со стороны на их сутулые силуэты, то создавалось впечатление, что они идут не сами по себе, а за кем-то следуют.

Перевел Евгений Дрозд

ДЕНЬ ГРЕХА

Мощенный плиткой пол костела тонул в полутьме. Адам смотрел на него пристально, склонив голову. Он боялся.

Как всегда, когда предстояло взглянуть в глаза правде. После можно будет вернуться к обычной жизни и ее законам. А тут, сейчас?..

Приспела его очередь. Он подошел к исповедалне, поставил до того оттягивавший руку портфель на пол. Опустил колени на скамеечку, приблизил голову к решетке.

— Во славу Иисуса Христа!

Собственный голос показался ему ненатуральным.

— На веки веков.

Чувствовалось, исповедник готовится к тяжелому разговору.

— Следующая исповедь случится только через два года. И не по доброй воле... она будет вынужденная.

— Почему? — Ксендз говорил слишком тихо, и Адам с трудом улавливал смысл его слов.

— Она будет перед свадьбой.

— Почему она окажется подневольной?

— По желанию будущей жены, беременной.

Исповедник взглянул вверх, призадумался.

— Она захочет обезопасить себя и своего ребенка, — сообщил Адам.

— А ты... пожелаешь ее?

— Я не заглядывал мысленно так далеко. Не знаю даже, что буду чувствовать.

— Тебе хотелось бы убрать эту ситуацию из памяти?

— Да.

— По какой причине?

— Из эгоизма.

Взглянув на разделявшую их решетку, ксендз прикрыл ладонью рот и тихо откашлялся.

— Говори.

Адам вынул из кармана листок и развернул его перед глазами.

— Не желая путать очередность, я записал грехи по заветам.

— Записал, чтобы воспользоваться самой легкой дорогой, — вздохнул исповедник. — Впрочем, она твоя.

Адам ощутил на лице жар стыда. Прикусив губу, он решил не затягивать неприятный момент.

— Имею перед собой иного бога. Идею. У меня этап продвижения к концепции безличностного бытия мира. Вижу, скоро стану последователем новой идеи, которая приведет меня в лагерь приверженцев борьбы с креационизмом. Она станет для меня новым богом.

— Когда это случится?

— Вижу снег. Будет зима. Думаю, следующая.

— Что тогда будешь чувствовать?

— Удовлетворение, поскольку нашел смысл жизни. Избавлюсь от осознания, что все окружающее предопределено от начала до конца.

— Раскаиваешься в своих мыслях?

— Не сейчас. В далеком будущем — буду. Вижу себя стариком, сожалеющим, что пошел этой дорогой.

Адам передвинул в ладонях бумажку и прищурился. Из-за тусклого освещения буквы можно было разглядеть с трудом.

— Упоминаю каждый день и стану упоминать имя Господне всеу. Даже когда перестану в Него верить.

— О да. Без передышки, — подтвердил исповедник. — Не задерживайся на этом. Рассказывай дальше.

— В святой день по-настоящему никогда не праздную. И не стану.

— Так, — поторопил исповедник.

Адам понимал почему. Главное знал с первой минуты.

— С матерью и отцом. Ксендз, видите...

— Нет желания — скажи, что уходишь. Не за тем встал на колени, чтобы я трудился за тебя. Поведай, что учинишь. Иначе исповедь не зачтется.

Голос исповедника был твердым, уверенным, он словно пригнул Адама до земли. Не нашлось у него силы противиться.

— Они заболеют, а я не стану им помогать.

— Как это получится?

— Я буду отговариваться неотложными обстоятельствами. Заграничными командировками и отсутствием денег.

— А их будет не хватать?

— Нет.

— Что они на это?

— Надеются сейчас, что мои мысли изменятся. На мое понимание... любовь к ним.

— И как?

Адам замолчал. Он узрел собственное самодовольство, осознал, что серьезно к той проблеме в будущем и не приготовился. Увидел, как не отвечает на их телефонные звонки. А когда ему позвонит женщина из социальной службы, устроит ей скандал. Назовет ее лентяйкой, охотницей за хлявными деньгами. Увидел, как прервет разговор.

— Мать меня простила, отец — нет. И никогда этого не сделает.

— Станешь ли ты с этим бороться?

Адам почувствовал огромную печаль, ощутил болезненные угрызения совести.

— Сейчас намерен, и очень серьезно... Однако знаю, ничего не получится. Вижу, мои мысли тогда станут иными.

— В первый раз чувствую твое раскаяние. Перейди далее.

Поскольку буквы исчезали за сгибом бумаги, Адам повернул лист, придержал его другой рукой.

— К счастью, никого убивать не стану. Лично.

— Гордыней гретишь, — тотчас отметил исповедник. — Только этого и не делал, а чувствуешь себя словно получил отпущение. Уверен в своем праве?

— Грешу и сожалею, — покорно сказал он. — Отказ от совершения зла не делает меня лучше. Только деяния добра.

Он произносил эти слова лишь для проповедника, осознавая свое неверие в них. А тот, Адам ведал, все прекрасно понимает.

— Ну... дальше?

— Буду убивать... не своими руками.

— Как?

— Обожаю мясо и кушанья из него. Для моего удовольствия в течение ближайших двух лет зарежут множество животных.

— Отречешься от такого миропонимания?

— Уже отрекаюсь... — поспешно сказал Адам.

— На сколько?

Он прикрыл глаза. Увидел себя на корпоративном приеме в роскошном ресторане. Были там его шеф из института и приглашенный французский гость.

— На две недели, — тихо сказал он.

Ксендз кивнул. Адам знал, что исповедник видит это событие и заметил еще одну сидящую за столиком особу. Значит, он поступил очень хорошо, записав грехи на бумаге. Иначе не смог бы дойти до конца исповеди.

— Далее, — шепнул исповедник.

— Не прелюбодействуй... увы, я это совершу.

— Женат?

— Да.

— Как это будет?

Исповедник придвинул голову к решетке, и Адам отметил, что тот продолжает говорить тихо.

— Не сразу, — уточнил он. — Меня будет грызть совесть. Да только недолго... она перестанет. Соблазнию женщину, которая придет на деловую встречу вместе с моим заграничным гостем.

— Зачем это сделаешь?

— От вожделения и из тщеславия.

— Тебе хватит силы воли отказаться от этого?

— Сейчас она есть. И будет у меня еще несколько недель.

Потом произойдет нечто, и я передумаю.

— А именно?

— Я почувствую, что, если ее не получу, моя жизнь потеряет смысл. Это будет сильное желание, противиться ему я не смогу.

— Будет в этом настоящее чувство?

— Нет, не вижу его.

— А что с ее мужем?

— Я нанесу ему обиду, но жалеть не стану. Я сделал так однажды в прошлом, и...

Исповедник поддался гневу.

— Прошлого нет! Прошлое — это ушедшее будущее! Время, которое ничему не учит, поскольку в нем ничего нельзя изменить. Только люди ленивого ума любят себя в событиях, уже не существующих... Они не повлияют на их судьбы. Воспоминания — это бегство от будущих событий.

Он устроился на сиденье поудобнее. Отодвинулся от решетки, чтобы поправить воротничок, потом опять приблизил лицо к окошку.

— Сын мой, Христос сначала показал, что будущее существует, а потом дал людям возможность смотреть в него, подобно Ему. Не для того, чтобы ты оборачивался назад. На

нашу жизнь влияют только будущие поступки, которых еще нет. Только уготовленные для нас. Как твой грех.

Подсознательно Адам этого слышать не хотел. Крики птиц с площади перед костелом значили для него больше слов ксендза. А тот продолжал вещать:

— Минувшие события мертвы. Прошлое исполнено низости, поскольку оно не вернется. Никогда оно не принесет тебе того, что можно пережить. Не поставит тебя перед выбором души. Безвозвратное прошлое является пустыней. В нем ты уже не испытываешь свою волю на поступке, который предстоит совершить. Человек является самим собой только по отношению к будущему. Только в будущем есть его человечность.

Он замолчал, чтобы отдышаться. Адам подумал о том, что его слышно далеко за пределами исповедальни, а интонации голоса наверняка уловили ожидающие своей очереди.

— Будешь ли ты когда-нибудь жалеть о своем поступке? С той женщиной...

— Вижу, что нет. Стану только беспокоиться...

— По какому поводу?

— Я обманул ее мужа. Буду бояться его мести.

Неосознанное ощущение заставило его ненадолго прервать исповедь. Желая его описать, Адам попытался подобрать необходимые слова, но ксендз не дал ему такой возможности.

— Все-таки постарайся не допустить такого греха.

Адам подумал, что очень этого хочет. Быть уже в грядущем и свободным от вины. В этот момент он чувствовал тень отвращения к будущему себе, но знал: с течением времени оно исчезнет.

— Сегодня, вскоре после выхода с исповеди, позвонит ее муж Фердинанд, мой будущий партнер, и подтвердит время нашей встречи, на которой я с ней познакомлюсь. Он сооб-

щит, что будет один, но это неправда. Когда он позвонит, я не отвечу. Дел с ним вести не собираюсь.

Исповедник одобрительно кивнул.

— Посмотри, как будет, если не познакомишься с этим человеком, и скажи мне, какой станет твоя жизнь.

Адам напрягся так, что заболела голова.

— Останусь с женой. Только ненадолго. Она от меня уйдет...

— Почему?

— Познакомится с кем-то иным.

— И поэтому допустишь ее уход?

Он узрел, как разводится. Зал суда, адвокатов, молодую секретаршу, ведущую протокол процесса. Он заметил, что исповедник тоже это видит.

— Возможно, но я еще в том направлении не думал.

— Хорошо... — Ксендз снова вздохнул. — Идем дальше.

— Двигаясь по моему жизненному пути, я завладею принадлежащими Фердинанду документами. Они принесут мне славу и деньги. Она поможет мне их присвоить.

— Ты хотел отказаться от встречи и не знакомиться с ней. Тогда не совершишь грехов, в которых сейчас признаешься, — напомнил исповедник.

— Мои желания искренни. Ничего не скрываю.

Немного подумав, исповедник кивнул.

— Хорошо. Говори дальше.

— Через два года она сообщит мне, что беременна... что стану отцом. Я предложу ей сделать аборт. Пожелаю взять на себя расходы. Однако она не согласится, поскольку захочет свадьбы и создания семьи.

— Твои действия?

— Стану ее убеждать, что еще к этому не готов.

— И что видишь?

Адам увидел ее слезы и злость. Некий внутренний голос издал в его голове почти невыносимый крик, слышимый только ему, ее крик.

— Вижу, она протестует...

— Это разбудит твою совесть?

Он поджал губы.

— Сейчас я слышу ее... но тогда она не проснется.

— Скажи, что сделаешь. Узнай это. — Исповедник был тверд.

— Откажу ей... не испытывая угрызений совести.

— Сожалеешь о том сейчас?

— Да. Искренне и глубоко.

Исповедник кивнул.

— Что еще совершишь?

— Женюсь на ней.

Адам забыл о бумажке и посмотрел в будущее. Увидел тот разговор, важнейший в его жизни, и полученный ультиматум.

— Она окажется сильна и безжалостна, — сообщил он. — Сильнее меня. Выберет шантаж. Пригрозит, что сообщит о моей краже. Выхода у меня не останется. Я соглашусь на женитьбу и... та исповедь... вынужденная... только это будет через два года, не теперь... не теперь.

Он почувствовал усталость.

Наступила тишина. Немного погодя ксендз взглянул на Адама. Тот опустил голову и посмотрел на бумажку. Остальная ее часть была пуста.

— Нет у меня сил открывать дальше свои грехи. Очень жалею о тех, которые совершу. Отрекаюсь и отбрасываю их. Отдаюсь на Божью справедливость, пусть Он снимет с меня вину, поскольку я сейчас так поступать не намерен.

Исповедник молчал долго. Собирался с мыслями.

Наступило время наставления.

— Во время Тайной вечери Иуда поведал: «Боже, Ты знаешь будущее и видишь, что наступит, и нам о том говоришь. Дай нам этот дар, чтобы мы могли лучше управлять своими поступками, и веди нас за Собой». Когда Бог отворил им

очи, прозрели в тот момент все люди, на всей Земле. Иуда тотчас увидел свое будущее и в нем близкое предательство, которое исполнит. Не понял он, почему Бог видит его от начала времен и не предотвращает.

— Почему?

— Поскольку он не понимал еще, что Бог принимает его поступок и тот записан в веках, но не одобряет его акт воли. Он не додумался, что Бог сотворил мир, а в нем и изобилие возможностей, чтобы мы стали для них зеркалом и делали выбор.

— Я выбираю... — начал было Адам, но жест ладони из-за решетки остановил его.

В голосе исповедника появилась нотка раздражения:

— Для этого мы существуем. И выбираем. Выбрал Иуда, сделали это Ева и Адам, выберет последний человек на Земле, когда будет ее покидать. Выбор — это наше предназначение. Единственная задача, ради которой мы восстали из праха.

Исповедник взглянул сквозь решетку Адаму в глаза. Взгляд у него был преисполнен внутреннего негодования.

— Считаешь себя обладающим силой Бога?

— Не понимаю. — Адам удивился.

— Не поступаешь ли ты так, словно лично создал атомы, из которых состоишь?

Адам не ответил. Впрочем, ксендз и не ждал ответа.

— Ты ли выбрал час и место своего рождения?

— Нет.

— А цвет кожи?

— Нет.

— Болезни или их отсутствие?

— Нет.

— Ты создал воздух и орудия, которыми производишь иные орудия?

— Мы все знаем...

— Не говори за всех. Мир — это ты. Создал ли ты свой мир?

— Нет.

— Создал ли ты будущее и события, которые в нем видны?

Исповедник на мгновение повысил голос. Понимая, куда он клонит, и пытаясь опередить, Адам возразил:

— А толку мне с ощущения свободы выбора, если зло все равно случится, а я лишь буду тем, через кого оно придет... Это горе мне, оно от моего естества.

Он подумал, что теперь исповедник ударится в риторику. И не ошибся.

— Было ли зло иным, когда люди еще не видели будущее, отличалось ли оно от сегодняшнего? Неужели будущее зло, которое ты породишь, иное, чем оно могло быть, не знай ты о грядущих поступках?

Ксендз от досады аж причмокнул.

— Сын мой, ты поддаешься греху слабости духа. Подумай... Бог идеален, и нет в Нем изъянов. Если ты их видишь — значит, твой разум не в силах Его принять. Если такая мысль появится в твоей голове — значит, ответа нет только в ней. И если такая мысль у тебя возникла, то с какой-то целью, поскольку без нее в нашей действительности ничего не происходит.

— Может, для того Иисус отворил людям глаза, чтобы они узрели свою никчемность? — спросил Адам.

— Нет. Он дал людям шанс, поскольку перед Открытием у них не было возможности понять, не существовало даже возможности этого. Для них окружающий мир был иллюзией. Свои действия они называли причиной, а события в будущем именовали последствиями.

Адам кивнул в знак согласия, и исповедник продолжил:

— Я знаю, все наоборот. Ибо время с нашими поступками плывет от будущего к прошлому. Будущее всегда предвдаря-

ет день нынешний и стоит во времени первым. Прежде чем твое действие случится, оно уже всегда существует раньше. Как причина, как будущее, опережающее настоящее. Если действия нет в будущем, то его не может случиться и сейчас.

Ксендз глянул на Адама через решетку, словно желая убедиться, что тот слушает внимательно.

— Если уронишь со стола стакан, то разобьется он еще в будущем. Разлетевшиеся осколки предваряют его падение. Именно поэтому оно возможно. Говорим, что осколки являются причиной, а падение их — следствием. Мы получили дар видения будущего, чтобы это понимать.

Адаму захотелось прервать логические выкладки исповедника.

— Мир в самом начале времени, в будущем, это конечный хаос, стремящийся к порядку, наибольшему в действительности. А бог является порядком. Разбитый в будущем стакан сейчас цел. Поэтому хаос в будущем двигается ко дню сегодняшнему, в котором он меньше всего. Поэтому мы и живем в настоящем, как в наиболее упорядоченном времени. Во времени, которое бог полюбил, как свою работу.

Ксендз выглянул из исповедальни и прикинул, сколько осталось в очереди человек. Большая их часть держали в руках листки. Выглядели люди так, словно заучивали с них стихи. Покачав головой, исповедник вернулся к Адаму.

— Я вижу, ты понимаешь устройство мира. Так ли все правильно с твоей душой?

Адам согласился.

— Да. Сегодняшняя печаль о грехах важнее, чем та, в будущем. Поскольку она упреждает вину... в части меньшего зла. Однако являюсь ли я сейчас злым человеком, если мой грех еще только приближается?

— Разве злым был Иуда, прежде чем предал? — спросил исповедник.

Однако Адам не сдавался.

— Только мой грех неизбежен. Он будет, хочу я об этом знать или нет.

Исповедник вздохнул и покачал головой.

— Сегодня твой день греха. Сегодня. Поскольку в будущем количество твоих провинностей окажется больше, чем сейчас...

Адам поднял голову и посмотрел на ксендза.

— Мне хочется получить отпущение этих грехов. Я готов к покаянию. Отче, наложи его на меня, поскольку согрешу. Пусть оно искупит будущее зло, и может, я пройду через него без вины.

Ксендз был доволен. Улыбнувшись, он сказал:

— Вижу, ты сегодня обретишь истину. Тогда разминешься со своей виной.

— Совершу это.

Услышав стук¹, Адам облегченно вздохнул.

Площадь Марьяцки затопила летняя жара. Адам с наслаждением потянулся. Его не интересовали дальнейшие события этого дня. У него был час, и он решил потратить его на покаяние.

Неторопливо вышагивая по площади, он очутился на Главном Рынке. Направился в сторону Сукенниц, по дороге заглядывая в лавочки. Подумал, что князья церкви становятся все более догматичными. «Все живут прошлым. — Адам упрямо усмехнулся. — Человек по своей натуре ленивое существо, — подумал он. — Легче жить прошлым и вспоминать события, от тебя уже не зависящие». Случившееся или не случившееся возможности выбора не имеет, и даже наивысший дискомфорт от прошлого всегда лучше зла, которое еще придет. А ты в отношении событий

---

¹ Постучав, ксендз по традиции дает понять, что исповедь закончена и следующий из очереди может подойти.

прошлого являешься лишь зрителем, просматривающим когда-то отложенный на полку фильм «Несуществующие события», без каких-либо последствий. Иные, нежели те, которые еще только наступят.

Он не спешил. Ловил мысль, начальную точку размышлений. Ненадолго остановился и посмотрел под ноги. Площадь покрывали десятки, а точнее, сотни тысяч плит. Многие он помнил. Каждая, сработанная в технике инкрустации по камню, показывала события чьей-то жизни. Производство одной плиты обычно занимало от двух до пяти лет и стоило очень дорого. В гранитной основе для начала вырезали гнезда под запечатленную сцену, а потом вкладывали в них точно подогаанные вставки из камня иных цветов. Гнезда под вставки предварительно заливались специальной смолой, для того чтобы она заполняла щели, предохраняла от попадания воды, которая могла бы их зимой разорвать. Прежде чем поместить плиту на площади, оставшуюся на поверхности смолу убирали начисто. В Средние века право размещать сцены из своей жизни имели только местные жители, у которых на это хватало денег. Теперь их могли заказывать и приезжие. Одну плиту в жизни. Чаще всего это было важнейшее ее событие. Некоторые являли миру увиденные в будущем ситуации, иные — события, во время установки плиты уже ставшие прошлым. Площадь, как и все подобные площади мира, была отражением Великого Порядка. На нее родители приводили детей, едва те начинали логично мыслить. Ребенок, сопровождающий кого-то, был здесь делом привычным. Тут получали первые знания. Здесь проходила инициация. Именно в этом месте в юном поколении формировалось отношение к прошлому и будущему. Идущий по площади видел лишь будущее, однако терял из виду прошлое. Стоило повернуться, чтобы на него взглянуть, как он переставал видеть грядущее.

Между третьим и пятым годом жизни ребенок начинает замечать, что события рядом, со всех сторон. Это основное знание, точка, необходимая для определения своего места во времени, а видимые образы могут отражать происшествия, как прошлые, так и будущие. Дите видит их, но не умеет еще классифицировать и обязано этому научиться.

Потом ребенок постигает разницу между причиной и следствием. Позднее, уже в школе, подросток овладеет знанием строения мозга и узнает его части, отвечающие за направление видения во времени.

Рядом с ним появилась туристическая группа во главе с экскурсоводом, молодой, загорелой женщиной в шортиках и цветастой блузке. В руке она сжимала флажок с номером. На спине у нее был маленький рюкзачок, из которого высовывалась бутылка. Пытаясь дать им дорогу, Адам неожиданно для себя оказался посреди толпы мужчин и женщин разных возрастов. Они неторопливо передвигались за экскурсоводом, словно цыплята за квочкой, то и дело отвлекаясь на разговоры друг с другом. Это для них было важнее, чем лекция.

Он услышал, как кто-то произнес:

— Феномены.

Оглянувшись, Адам увидел пожилого мужчину, явно обращавшегося к нему, и спросил:

— Слушаю?

— Вас тоже интересуют феномены?

— Ну... — пробормотал он, не совсем представляя, что ответить.

— Я прихожу сюда в седьмой раз, а слушаю словно в первый... Это безумно интересно.

— Ах так... — пробормотал Адам и принялся оглядываться, прикидывая, как бы выбраться из толпы.

— Вы послушайте... послушайте... — Мужчина осекся и вскинул руку в знак внимания.

Адам невольно замер. А тут экскурсовод решила, что настало время продолжить прерванный рассказ:

— Мы пришли сюда, чтобы увидеть вблизи феномены, запечатленные в покрытом инкрустациями камне.

Туристы прекратили гомонить и прислушались.

— Поначалу, как вы в этом могли убедиться, каменные произведения стали укладываться с южной стороны Рынка. Там наиболее древние. Поэтому они и самые вытертые. На некоторых, как видим, инкрустации полностью исчезли. Однако здесь, в северной части площади, которой не более двух сотен лет... Прошу дать мне место...

Люди расступились.

— Взгляните, вот здесь, возле меня, много сцен, показывающих события времен Великой эпидемии. Болезнь коснулась практически каждой семьи. Люди умирали целыми улицами и кварталами. В той части площади...

Все головы повернулись в указанном экскурсоводом направлении.

— ...мы видим тематически цельную и однонаправленную по времени картину гибели жителей города, с детства видевших эпидемию, ее результаты. Тематика тут едина и представляет картину собственной смерти. Подобное количество упоминаний о ней находится только в южной части, где вы могли лицезреть увиденные в будущем сцены нашествия варваров и великой резни, жертвами которой были мужчины и мальчики.

Экскурсовод повернулась на пятках на четверть оборота и ткнула ладонью в соседний участок площади. Когда пространство перед ней очистилось, она продолжила рассказ:

— Тут мы имеем наиболее интересную часть площади. Сцены тех, кто эпидемию пережил. Однако ее последствия отразились у них на участках коры головного мозга около гипофиза, ответственных за видение будущего.

Триумфально улыбаясь, экскурсовод дошла до главного момента своего рассказа. Адам определил это, поскольку в ее голосе слышалось возбуждение, проявились патетические нотки.

— Эти сцены отражают мононаправленность во времени, туда и обратно. Болезнь полностью лишила большую часть жителей дара видеть будущее. Да, прошу прощения, большая группа жителей нашего города по причине болезни очутилась в темном периоде человечества... таком, как предшествующий Тайной вечере. Когда-то мозг человека записывал лишь образы и ощущения минувших времен, задыхаясь от ущербности неведения всей картины мира. Эти плиты позволили уложить в порядке исключения, поскольку после эпидемии осталось так мало жителей, что городская казна опустела. Поэтому феномены и появились. Впрочем, их участок сейчас является самым интересным для туристов местом Рынка.

Стоявшая рядом с экскурсоводом девушка несмело подняла руку.

— А они понимали, что именно потеряли возможность видеть? — робко спросила она.

— Конечно. — Этот вопрос явно доставил экскурсоводу удовольствие. — Однако некоторые сохранили образы будущего в виде статичных картинок, запомнившихся в молодости, когда оно еще было для них доступно. Таких людей называли пророками, и это осталось до сих пор. Вот уложенные в форме пояса плиты, их так и называют — Поясом пророков.

— Является ли это название правильным для того темного периода? — ввернул парень в очках с толстыми стеклами.

Экскурсовод вынула из кармана путеводитель и показала сначала юноше, а потом и остальным, высоко подняв его над головой.

— Господа, здесь вы найдете список исследований, отвечающих на этот вопрос. Как известно, существовавшие в истории перед Днем Открытия пророки видели будущее короткими фрагментами. Люди всегда владели этим умением, хотя оно целиком открыто не было, освобождалось импульсивно и неконтролируемо. Люди видели в такие моменты избранные сцены из будущего и такими их запоминали на всю жизнь. Полученные картины оставались в их памяти как воспоминания прошлого. Так, как и у иных тогдашних ясновидящих, которых к пророкам не причисляем.

Заметив, что часть туристов заскучала, экскурсовод решила закругляться.

— Адекватность сравнения людей, искалеченных болезнью, с пророками в области биофизического эффекта весьма точна. Они либо иные ясновидящие чаще всего получали одноразовые видения и в отличие от нас не имели возможности увидеть их вновь. Эти запомнившиеся перед болезнью картины из будущего, — экскурсовод указала на плиты площади, — были также и воспоминаниями, заключенными в камне. Поэтому мы называем их феноменами.

— Мороженое... — предложила девушка из группы. — Может, отправимся за мороженым?

— Пойдете позднее... это интересно, — занервничал мужчина, стоявший рядом с Адамом, и быстро вставил: — А правда, что эти люди думали, будто причиной болезни является их прошлое? Точнее, заражение в прошлом?

— Разумеется, так сообщают исторические источники, — ответила экскурсовод. — Однако... человеческий разум всегда ищет ответы, но только на видимом ему пространстве. Для них был достигаем лишь образ запомнившегося прошлого... Это печально...

— Пошли попьем... — Девушка не сдавалась.

Ситуация выходила из-под контроля.

— Да, идем... Госпожа экскурсовод, мы можем?..

У туристов явно кончилось терпение. Несколько человек уже спешили в сторону разноцветных зонтиков и плетеных стульев при кофейных столиках.

Экскурсовод покорила воле подопечных.

Адам остался в одиночестве так же быстро, как и перед этим очутился в толпе. Он взглянул под ноги. Картинки из прошлого окаймляли рамки из черного чугуна, события из будущего традиционно их не имели.

Рассматривая плиты, он вспоминал первые годы своей жизни, когда вышагивал по площади то обычным образом, то пятясь. Лет ему было немного, и он думал, будто плиты лежат просто так, а потом начал замечать на них сцены, понял, что передвигается по событиям. Позднее осознал смысл игры... Передвигаться по событиям, выстроенным во времени... Они лежали бок о бок, независимо от того, были они образами из прошлого или в момент создания должны были лишь наступить. Одни обладали рамками, другие нет. Он рассматривал их все, однако знал, что главным свойством плит является их существование. Когда подрос, начал понимать, что краковская площадь — это отражение вселенной, состоящей из событий. А потом пошел в школу, и события получили название квантовых состояний. Вселенная складывалась уже из безграничного их числа, и они распределялись по времени. Через те квантовые состояния перемещалась волна, называвшаяся действительностью. События находились от нее по обе стороны, и человек для собственного удобства назвал одну из них прошлым, другую будущим, а потом придал этим сторонам направление. Получился такой порядок, которого требовала структура его ума. В соответствии с ощущениями люди делили состояния на фиксирующие настоящее и уходящее. Последнее называли прошлым. Другие же улавливали образы и ощущения из будущего, но их запись также попадала в категорию событий прошлого.

Человек поделил события на те, которые есть, будут или уже были. На те, которые — с точки зрения человека — являются средоточием времени, и те, которые тянут лишь на его остаток.

Он остановил взгляд на плите со сценой повешения осужденного. Хозяин увенчал ее картиной своей казни, подсмотрев такое состояние квантов в будущем. Эту плиту Адам видел и раньше. Он помнил ее, поскольку в какой-то момент своего взросления разглядел на ней нечто большее, чем просто событие. Переживания человека. Позднее он понял, что состояние квантовой материи, влияющее на тела радующихся жизни или умирающих людей, не является для них важным — так же, как соединение электронов и протонов в материи, из которой состоит пеньковая веревка повешенного. Их касается только то, что они чувствуют и думают. И ничего, кроме этого, в жизни нет.

Единственный настоящий контакт, соединяющий человека с миром, это его восприятие.

Последняя мысль была важнейшим открытием. На какой бы плите он ни остановился, перед ним были неповторимые, непохожие на другие события. Не было двух одинаковых плит, или двух таких же событий, поскольку не бывает совершенно одинаковых людей. Вот только на всех плитах Адам находил одну из двух постоянных и всегда присутствующих составляющих, игнорировавших бесконечную разнородность жизни. Являлись ими — добро и зло. Открытие оказалось таким простым, что ускользало от его внимания многие годы молодой жизни. Независимо от степени развития человека, времени, в котором он жил, или времени и места, в которых он может мысленно оказаться либо охватить разумом, всеобщее добро и зло — они были и есть, они приходят из будущего.словно из бескрайнего океана бытия, из которого мир истекает от самого его рождения.

От размышлений его отвлек легкий удар по ногам. Адам глянул вниз. Между ступнями у него лежал детский мячик. Ощущая на себе чей-то взор, он наклонился и взял игрушку. Повертев в пальцах, полюбовался на разноцветные машинки, оттиснутые в мягкой пластмассе, и поднял глаза. В паре шагов перед ним, застыв в ожидании, стоял маленький мальчик.

— Бросить? — спросил Адам.

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Катнешь, — серьезно сообщил он.

— Кину, — предупредил Адам. — Если покатить, разобьешь колено.

— Оно хочет быть разбито. — Мальчик попался упрямым.

Адам решил изменить наступающее событие.

— А я не желаю подчиняться твоему колену.

Ребенок видел ближайшие минуты, а в них различные взаимоисключающие образы. Однако понимал он их по-детски. Адам подумал, что пораненное колено в таком возрасте — беда небольшая. Худшим будет разбитая голова... так получится, если он катнет.

В нескольких шагах от мальчика стояла женщина в клетчатом платице и прислушивалась к их разговору. В руке она держала детские солнцезащитные очки и недоеденное мороженое в маленьком рожке, уже расплывающееся в ее пальцах.

— Матеуш, подойди к гражданину и возьми у него мячик. — Она была заметно смущена.

А тот размышлял. Наморщив лоб, он некоторое время обдумывал выбор и наконец решил послушать маму. Подошел к Адаму, взял у него мячик и, тотчас забыв о предыдущей беседе и своих сомнениях, побежал, подняв его высоко над головой.

— Не торопись... — приказала женщина, но было поздно.

На половине дороги к ней ребенок запнулся о собственную ногу и рухнул ничком. Упал так, что его маленькое тело громко ударилось о плиты площади. Поскольку падение выглядело опасным, Адам непроизвольно кинулся к мальчику. Они подбежали одновременно, он и женщина. Адам положил портфель на землю, обнял ребенка за плечи и посадил. Тот ревел как сирена, так что на него обращали внимание люди и за сто метров. Из колена и головы текли тонкие струйки крови. Женщина была так испугана, что боялась заглянуть в ближайшие минуты. За нее это сделал Адам. Вздохнув с облегчением, он внимательно осмотрел пострадавшего и его ушибы.

— Подождите, у меня есть мокрые салфетки.

Адам выхватил из портфеля две одноразовые упаковки, вскрыл их и подал женщине. Она протерла ранки мальчику, и тот закричал громче. Женщина все еще боялась заглянуть в ближайшее будущее. Только внимательно осмотрела его царапины.

— Матеуш, ничего с тобой не случится, — сообщила она. — Посмотри, все в порядке. Маленькие ссадины.

Сказано это было уверенно и возымело действие. Малыш, привыкший, видимо, к подобным приключениям, неожиданно умолк. Посмотрел на свое колено... на Адама и со злостью сказал:

— Ненавижу его. Ненавижу!

— Почему? — спросил Адам.

— Оно хотело быть разбитым.

Женщина взглядом попросила прощения.

— Он всегда злится на будущее.

— В этом возрасте... пусть себе ошибается, — с улыбкой сказал Адам.

Они сидели совсем близко. У женщины на лице были веснушки. Больше всего их оказалось вокруг точеного носа

и красивых, полных губ. Она пахла нагретой солнцем кожей. Ее большие серые глаза отреагировали на его близость. Возник короткий, оценивающий обмен взглядами. Адам ощутил, как по его телу пробежала дрожь.

— Я видел только колено, — объяснил он.

— С ним всегда так. — Женщина зарумянилась. — Видит, что не надо.

— Любимец богов. — Адам с улыбкой встал.

А мальчик, вытирая слезы, уже оглядывался вокруг. Адам дождался, когда женщина поставила ребенка на ноги. Она понимала ситуацию с падением и его выбор.

— Это вы изменили результаты. — Она скорее констатировала, чем спрашивала. — Уменьшили последствия травмы... поделили их на две части.

— Простите, неосознанно, — поспешно сказал Адам.

— Нет, это я вам признательна. — Женщина с благодарностью взглянула ему в глаза. — Окажись это только голова или нога, получилось бы гораздо хуже. И ваши салфетки... Как я могу?..

Адам подумал, что охотно поговорил бы с ней дольше, однако знал, что это лишь случай. Все сейчас и закончится. Он махнул рукой.

— Матеуш, будь внимателен, — сказала женщина. — Спасибо вам еще раз. — Она уже несколько рассеянно одарила Адама последним, преисполненным благодарности взглядом и побежала за мальчиком, который спешил к лежавшему в отдалении мячику.

Адам посмотрел на открытый портфель и рассыпанные салфетки возле него. Выпали, когда он впопыхах вынимал из кармашка. Собрав их, он закрыл портфель. Потом осмотрелся и подумал, что устроится в Сукенницах.

Времени для покаяния оставалось все меньше. Он решил сделать это как можно быстрее, с удобствами. А с кофе ему всегда думалось лучше и эффективнее.

Адам уселся за столик под зонтом и заказал эспрессо со сливками. Чувствовал он себя легко и радостно. Жизнь была прекрасна, а покаяние обязательно получится искренним и результативным.

Размышления, прерванные инцидентом с мальчиком, теперь возвращались сами. Он думал, что суровые грехи, в которых исповедовался, еще далеко и их осознание тягостным не станет. Тем более что от своих будущих решений он теперь искренне отрекался. Впрочем, это не означало, что их холодное осмысление окажется легким. Отдаленность по времени придает оценке поступков больший объем, моральную глубину, их труднее отбрасывать, чем те же эмоции, порожденные событиями, происходящими сейчас. Расстояние во времени всегда увеличивает объективность оценки. И неважно, касается она будущего или прошлого.

Особенно если ты честен к себе, подумал Адам. Хотя если это верно, то подобная оценка очень трудна, даже безжалостна в окончательном вердикте и... ее нельзя найти.

Сейчас он ощущал себя свободным. Видимые в будущем поступки не имели к нему отношения. Он знал, что не оставит жену. Не пожелает иной женщины, не продаст себя ни за какие деньги и не угодит в капкан собственных подлых свершений. Это были только образы, возникшие вопреки его воле и совести. Так есть ли в будущем и надежда? Пусть об этом тревожится завтрашний Адам.

От этой шутки он мысленно рассмеялся.

И тут его размышления прервала мелодия мобильного. Вынув его из портфеля, Адам взглянул на экран. Вызов был из Франции. Звонил Фердинанд, так как он уже видел ранее. Знал, что ему надо.

Положив телефон возле кофейной чашки, Адам стал смотреть, как одновременно с сигналом звонка дрожит пиктограмма подпрыгивающей трубки. Он дождался, когда аппарат замолчал, а потом прослушал сообщение. Фердинанд

уведомил о своей готовности приехать на обговоренную встречу через четырнадцать дней. Предупреждал, что будет один. Адам отложил телефон. Взгляд его остановился на голубях, вышагивающих по направлению к Рынку и обратно.

Фердинанд, конечно, приедет через две недели с женой.

Адам собрался выкинуть это из головы, вернуться к мыслям о покаянии. Решил еще взглянуть на документ Фердинанда, которому предстоит стать для него столь важным. Прикрыл глаза и попытался вытащить из памяти картинку ситуации, но безрезультатно. Он слышал смех и видел колыхание волос жены Фердинанда, ощутил, какие чувства они в нем пробудят... Всплыло ее имя. Камилла...

Он перестал вглядываться, поскольку на него неожиданно навалилась слабость. Напряжение проникновения в будущее исчерпало силы. Голова стала тяжелой, словно ее набили ватой, а в области сердца и у основания шеи возникла мучительная боль, соединенная с ощущением удушья. Он прикрыл глаза, глубоко вдохнул воздух и потихоньку его выдохнул. Потом еще раз и еще...

Наконец Адам открыл глаза и потянулся за кофе. Отпив глоток, он почувствовал, что именно в этом и нуждался. Когда кофеин подействовал, он долил в кружку сливок и отпил еще.

«Нет, не буду тянуться к событиям, которые нельзя проследить до конца. Это неестественно. Прослежу их полностью, когда окажутся ближе по времени, — подумал он. — Хватает мне пищи для размышлений».

На глаза ему попала стойка для открыток на столике с меню. Была на ней репродукция «Тайной вечери». Ресторатор наверняка поместил ее там для кающихся клиентов, возвращавшихся из костела.

Да, это рыбное место, подумал Адам.

Он вытащил из портфеля ноутбук и, открыв его, вошел в файл «Новый Завет». Выбрал L 22, 22. И прочитал: «Во-

истину, Сын Человеческий уходит прочь от установленного, только горе тому, через кого Он будет выдан». Потратив некоторое время на обдумывание этого фрагмента, он открыл другой: J 2222.

Прочитал его, шевеля губами: «Тогда рекли Ему ученики: “Господи, Ты знаешь будущее, видишь, что наступит, и нам о том говоришь. Дай нам этот дар, чтобы мы могли лучше управлять своими поступками, и веди нас за собой”. Когда Бог открыл им глаза, прозрели в то же мгновение все люди на всей земле. Тогда сказал Иисус: “Там, где Я иду, вы пройти не можете. Однако желание ваше есть велико, (следовательно), царство того мира оставляю для вас открытым, чтобы у вас было видение ваших поступков, как Я их вижу. Идите через мир и смотрите, и пусть ваши глаза видят то же, что и Мои (в этом мире)”. И открыл им глаза на все существующие вещи. А враз с ними открыты стали (все) глаза на земле. И увидели будущее так, как его видели до сего момента только очи Иисуса».

Адам представил, каким великим шоком было для апостолов Открытие. Теперь уже две тысячи лет люди рождаются с этим даром и учатся ему с младенчества. Как ребенок с мячом. От «колени хочет быть разбитым» до наивысшего уровня осознания.

Он подумал, что реально огромное количество людей по-прежнему мыслят шаблонами Матеуша. Ему вспомнился устроенный им в детстве бунт против будущего. Стоял когда-то посреди кухни и топал маленькими ногами, зная, что летом не поедет на море, хотя родители ему это и обещали. Они не обманывали, поскольку в самом деле хотели забрать его с собой. А когда он им уже поверил, то увидел, что не поедет, поскольку сломает ногу, упав с велосипеда. Они это тоже знали. Ему тогда подумалось, что они все-таки врут. Маленький Адамчик, он осердился на них и на весь мир. На события, которые «желают случиться», и на людей,

что не управляют ими по собственному желанию, хотя временами так выглядит. Будучи маленьким, он не понимал еще строения мира и придавал событиям, а также предметам особые свойства. Это они хотели происходить так, как он видел в будущем. Вина событий была в том, что они приближались. Не понимал он еще, что движение времени является результатом, показывающим лишь изменения квантового состояния вселенной.

Адам открыл файл с «Тайной вечерей». Программа в компьютере высветила репродукцию. Известнейшее полотно Леонардо да Винчи изображало Тайную вечерю тотчас после Открытия. Еще ее называли «Днем греха».

На картине были апостолы. Осознав происшедшее, они лежат на столе, валяются на полу, раздирают на себе одежду, рвут на голове волосы.

Только один из них склонился перед Иисусом. Нет в его фигуре безумия. Выражает она абсолютную покорность и согласие с предстоящим. Ненатурально сжаты лишь его опирающиеся о землю ладони, большие пальцы которых спрятаны внутрь. Жест, являющийся наибольшей тайной картины. Сам образ Иуды — это совершеннейшая аллегория греха в живописи. Неотвратимого, неподвижного и одновременно павшего, неразрывно соединенного с человеком, неспособным от него убежать. Фигура Иуды идеальным образом соединяет невозможное к синтезу: предназначение и неизбежность выбора, преклонение и предательство, послушание и бунт, все в одном человеке, месте и времени. Так Леонардо представил свое видение мира. Может, смирение изменника знаменует отпущение греха, достойного наивысшего порицания, но при этом совмещающего в себе и историческую обязанность? Не с ее ли воли нарождается благодать? Ценой исполнителя, которым является он, Иуда? Поскольку этот грех не получит прощения и заслуживает кары. Неминуемого нет в коленопреклоненном Иуде, по-

сколько ничего пока не случилось, все еще в будущем. Однако уже есть реакция. Является она реакцией самого Иуды или дьявола, который вот сейчас в него войдет? Христос между тем держит в вытянутой ладони хлеб, который вкусит Иуда. Элемент покаяния, заметный в фигуре предателя, в отношении к неотвратимому действию кажется правдивым. Он обязан причинить зло и понести за него кару. Отделит ли когда-нибудь Иисус человека от дьявола, чтобы эту кару разделить? Удержавшись от провокации, Леонардо да Винчи изменил бы своей натуре. Положение тела Иуды не до конца исполнено покорности. Склоненная фигура является ее символом, а вот ладони выдают внутренний протест. Неужели эта поза и в самом деле символизирует раскаяние? А если нет, то почему?

Может, поскольку во всех своих делах Иисус изгонял дьявола из людей, а только тут, один раз, этому не противится? Он подает хлеб Иуде, разрешая лукавому завладеть им, делая ученика изменником, проклятым на веки вечные.

Фигура на полотне многозначительна и порождает человеческие вопросы, не давая на них адекватных ответов. Хочет ли Иуда сбежать? Отказаться от зла, которое обязан совершить? Что он выберет? Будущее, видимое через пророков, предательство Учителя и при этом вечное осуждение? Воспротивится ли он планам Искупления и не примет дьявола, хотя бы усилием воли? Будет ли вознаграждена победа над злом, если он выиграет?

Адам увеличил фигуру Иуды до размеров экрана, наклонился к нему ближе. Кроме того, что она частично обнажена, кроме ее статичности, нет в ней достоинства других апостолов. Ведь не может предатель в своей роли выглядеть как остальные. Он плохой.

Леонардо был мастером, он выбрал момент за мгновение до вхождения в Иуду дьявола. Лицо его спокойно. Оно почти ничего не выражает...

Адаму пришла в голову аналогия из своего прошлого, когда снова ожил телефон. Звонили из института.

Он ответил и узнал голос секретарши.

— Есть новости из Рады. — Голос ее предвещал плохие известия.

— Ознакомились? — занервничав, спросил он.

— Да. Официально ответят утром, однако я уже знаю, что не приняли.

— Отказ?

— Отложат решение... до следующей сессии.

— Почему?

— Нет поддержки другого института.

— Кто голосовал против?

— Не важно. Слушай, Адам, это и так не пройдет. Хорошо, что шеф огласил информацию о планах совместной работы с Фердинандом. Это нас спасло.

Адам шумно втянул воздух.

— А я собираюсь отменить эту встречу...

— С Фердинандом? Ты шутишь, что ли?

— Не шучу...

— Что будет?

— Собственно...

В трубке было тихо.

— Адам, если это личное дело, то извини... не смешивай его с проблемами института. Ты знаешь, что эта работа для нас вопрос жизни и смерти.

— Мы справимся, — отрезал он.

— Ты так думаешь. Однако дружески предупреждаю, что все сообщу шефу, когда он вернется. — В голосе ее уже не ощущалось приязни.

— Поговорю с ним сам.

Адам оборвал контакт и некоторое время держал в руке телефон, чувствуя подступающую злость. На себя, подумал он. Злость на себя и бунт против себя, поскольку этого сра-

жения не выиграет, а только напрасно подставится под удар начальства.

Пряча мобилку, он уже понимал тщетность своих усилий. Все знали, что совместная работа с французским институтом в пределах досягаемости руки. Легкий результат, который можно получить, всего лишь еще раз найдя в меню телефона номер Фердинанда и нажав кнопку.

Сунув мобилку обратно в портфель, он глотнул кофе, и тут у него за спиной неожиданно послышался смех. Три парня и две девушки уселись за соседний столик. Выглядели они как студенты, разговаривали весело и громко.

— Что пьем? — поинтересовался кто-то из юношей.

Одна из девушек глянула на подругу недовольно, одарила ее агрессивной улыбкой.

— Эй... гипофизница, знаешь что? Не зыркай меня... трепитесь, но...

Та, которой это было сказано, ответила вызывающим, веселым взглядом. И тут же опередила подругу, заявив:

— Мне кофе.

— Пиво, — заказали юноши.

— Мороженое, мороженое и салфетки... — добавил один из них.

— Зачем тебе салфетки, жуешь их, что ли? — Девушка, назвавшая подругу гипофизницей, обозлилась еще больше.

— Нет, чтобы ты могла вытереть себя, когда обольешься, — засмеялась ее подруга.

Дальнейшие слова заглушил смех. Официантка записала заказ и отошла.

— Ты упоротая гипофизница. Не заглядывай ко мне, — услышал Адам за спиной.

— Я и не заглядываю. Сама показываешь.

Адам почувствовал толчок и вместе с креслом проехал вперед.

— Ох, боже, прошу меня извинить, только эта шальная... она меня толкнула.

Оглянувшись, он понял ситуацию. Обе девушки принялись торопливо извиняться и винить друг друга.

— Вы, расслабьтесь... — принялись их успокаивать юноши.

— В самом деле, мы просим прощения.

Девушки пытались выглядеть серьезными, но получалось у них это плохо. Видимо, лицо Адама не показалось им достаточно грозным, и они все-таки рассмеялись в голос. Компания решила, что извинения приняты. Минуту спустя ножки кресел заскрежетали по полу, и молодежь вместе со столиком отодвинулась от него на шаг. Когда официантка вернулась с заказом, он воспользовался этим и попросил принести сока. Взглянул на часы и прикинул, что после исповеди прошло минут сорок.

Адам припомнил, что когда-то его тоже называли гипофизником. Он сунулся в чье-то будущее и нарушил его приватность. Стыдно ему потом было долго, главным образом перед собой. С таким же результатом можно было заглянуть встречной женщине в декольте или вскрыть чужое письмо. Неприлично заглядывать в чужое будущее. Это интимная, приватная сфера. Временами так поступают только маленькие дети, незрелые люди или умалишенные. Ну и еще так принято в тоталитарных политических системах.

Неожиданно, неведомо откуда возник образ Камиллы. Отброшенный вариант, предполагающий вулканический роман, вынырнул каким-то образом из-под смиренных мыслей. Не успев этого осознать, он все-таки заглянул в него, на долю мгновения стал гипофизником и, прежде чем умудрился что-то разглядеть толком, со стыдом изгнал из сознания. Тут же и сообразил, что его остановило. Воспоминание об услышанном недавно слове. Раз оно на него

так подействовало, получалось, в нем что-то еще тлело. Это беспокоило...

Адам все-таки овладел собой, успокоился. Прикрыв глаза, он мысленно вернулся к «Тайной вечере» да Винчи и дню, в который Иуда удостоился взглянуть в глаза подступающему злу. Первым из людей он встал перед собственной виной, прежде чем ее заслужил. И сделал это в наихудших обстоятельствах огромного напряжения сил, а также и озарения. До момента Открытия предстоящее предательство было только его собственностью. Так он думал. Успел ли Иуда после Открытия совершить покаяние? Хватило ли ему времени?

Адам шепотом прочитал слова Евангелия от Иоанна:

«Иисус смочил кусок хлеба, взял и подал Иуде, сыну Симона Искарюта. И по вкушению куска хлеба вошел в него сатана. Иисус тут рек ему: “Что желаешь учинить, делай быстрее”. Иуда встал с колен, ведая то, что желает совершить. Потом покинул комнату».

Почувствовав усталость, Адам потер глаза и снова оглядел площадь. Взгляд его задержался на экскурсоводше, уводившей туристов, потом на полицейской машине, патрулировавшей окрестности. Он сфокусировал внимание на событиях, прошлых и будущих. Не классифицировал их и ничего не искал. словно крылья бабочки, замельтешили картинки разных времен, потом исчезли. Их место заняли мысли о завтрашнем дне в институте. Некоторое время спустя он подумал, что будет ломать над этим голову после обеда.

А вот сердцевина?

Он закрыл ноутбук и спрятал его в портфель. Увидел проезжающий по площади трамвай с туристами. Полюбовался его крышей и рекламой новой книги. Головы Эйн-

штейна и Хокинга, склоненные друг к другу, источали удовольствие.

«Мир без завтра. Новейшие открытия физики», — прочитал Адам.

— Чего только не выдумают, — послышался за его спиной женский голос.

Повернувшись, он узнал гадалку. Та сидела очень близко, сразу за ним, у столика, стоявшего за металлическим декоративным барьером ресторана. Адам подумал, что устроилась она там уже давно, чтобы за ним понаблюдать.

— Да, это интересно... — промолвил он.

— Очень ты стараешься, — скорее утверждая, чем спрашивая, промолвила она, глядя на карточку «Тайной вечери» перед ним.

Удивленно вскинув бровь, он спросил:

— Даже так... заметно?

— Ты у меня был... — сообщила она.

Отрицать смысла не имело. Он улыбнулся.

— Месяц назад.

— Я тебе помогла?

— Запутала...

— Я не путаю. Путаница в тебе. — Она окинула его внимательным взглядом. — Ищешь сегодня источник покаяния?

— Нет.

— Ищешь, ищешь. И это в устройстве мира... ой, вы, ученые.

Адам не возразил. Непроизвольно взглянул на площадь, на ее плиты.

— Ты тоже разместишь там свою, — уверенно сказала гадалка.

Он последовал за ее словами в будущее и удостоверился, что это правда. Только очень нескоро. Разговор не позволил ему увидеть те события четче.

— Зачем? — спросил он.

Женщина молча вытащила карты.

— Не хочу, — запротестовал Адам.

— Не любишь терять, однако заплатить придется. Положи грош, мне хватит.

Подумав, что и в самом деле этого желает, Адам пересел за ее столик, захватив портфель. Полез за бумажником и вытащил из него монету. Положил на столик. Гадалка взяла ее и бросила в пластиковую тарелочку, в которой лежали только монеты в один грош. Она разложила карты. На шее у нее виднелся маленький крестик.

— Что это? — спросил он, указывая на колоду карт.

— Сегодня тарот. Покажу тебе не события, но ощущения и мысли, которые за временем, существующие до твоего появления на свет.

Она опустила стопку карт на середину стола.

— Передвинь к себе... левой рукой.

Когда он это сделал, она разложила их рядами и задумалась.

— Не возникло бы твое время, не будь твоего «я»... прежде чем стал... Иудой, — наконец серьезно сообщила она.

Легкими движениями ладони стала показывать поочередно карты.

— Это твое «я»... Это его внутренний мир. Тут чувства, которые соединяют тебя с миром. Любовь, ненависть, злость, искренность. Здесь желание преходящего богатства. Тут жажда ощущений. Вот способность принять зло. Это карта протеста. Она рядом с тобой, очень близко. В союзе с любовью и завистью. Всю жизнь ты рядом с этими двумя стихиями. Так близко, что почти не различаешь между ними границы...

Адам почувствовал, что краснеет. Гадалка говорила правду.

— Мысли в твоей жизни дозреют. Узнаешь их, когда это случится. Ничего не объясняю, но выбора у тебя нет. Обязан

их додумать, но можешь изменить в себе, и тогда они переродят события...

Она взяла новую карту из стопки, повернула ее и положила на одну из отброшенных.

— Однако при иных обстоятельствах ты останешься таким же.

— Я не должен действовать?

— Пассивность в отношении будущего является грехом. Оно исполняется в движении... для этого существуешь и обязан переживать его сильнее. Ты должен пылать, а не тлеть. Ни бог, ни дьявол не любят нерешительных.

Она внимательно оглядела карты.

— Вижу твое «я» как фундамент, который вне времени. Ты не склонен изменять себя, поскольку тогда мог бы изменить мир. Нет в тебе такого желания. Ты жаждешь событий, приходящих своим чередом.

— Не совсем так, — возразил он. — Большей части их я не желаю.

Она махнула рукой. В ее голосе не чувствовалось осуждения или превосходства.

— Ты ханжа. Нельзя изменить часть событий, поскольку мы и так это делаем. Это записано. Так как нельзя изменить часть своих мыслей. Это можно сделать лишь со всеми. Достаточно только переделать маленькую часть своего «я». Она, словно косточка домино, в построении твоей жизни перевернет все... и полностью. Собственно, поэтому ты не изменишь ничего.

Одним движением руки гадалка сложила карты. Потом в первый раз подняла взгляд и посмотрела ему в глаза, весьма красноречиво.

— Почему Иуда получил видение того, что совершит? — спросила она.

Адам хотел отвести глаза в сторону, но не смог под ее пристальным взглядом.

— Чтобы понять сущность мира.
— И понял? — не отставала она.
— Не знаю.
— Знаешь, — коварно улыбнулась она.
— Почему? — не поддавался он.
— Потому... ты оказался в безвыходной ситуации. В нашем мире выхода нет.

Она постучала колодой о столешницу, выравнивая ее до идеального бруска.

— Что делает муравей, увидевший выход из лабиринта? — глубокомысленно спросила она.

— Использует его?

— Верно. А если не видит?

— Кружит в нем, пока не упадет.

— А если у него еще и не будет возможности в нем остаться?

— Тогда получается наша ситуация.

Он молчал. Примирительно улыбнувшись, она ответила за него:

— Я действительно не знаю, понял ли это Иуда... Он не был очень смышленным. Однако это сообразил Леонардо. Он показал ворота из мирового лабиринта... наружу.

— Какие? — удивился он.

— Осознание... осознание состояния, освобождающего от обреченности.

— Где оно?

— Там, где все является Единым, прежде чем возникает мир... Где еще нет ничего вторичного, где еще нет точного деления на добро и зло. Поскольку они возникнут позже, разом с пространствами и энергиями. Вместе с разделением всего и чего-либо. Вместе с каким-либо разделением, которое неизбежно для любого существования... чтобы высвободить особенности, без которых не появится нечто, способное получить название.

Адам усмехнулся и поднял голову к жаркому небу. Вторил ей:

— Там, где появляются измерения, кривизна пространства, поля и разница потенциалов между ними, материя. Влияния физические и духовные, а равно мужские и женские... Там, где все еще не возникло, но является центром, из которого народится сущее.

Голубизна неба была глубокая и яркая. Слова сами выходили из него.

— Там есть место для Иуды, где отдаст он всю энергию своего существования вместе с добром и злом, а также временем, существующим лишь для того, чтобы все могло исполниться.

Адам почувствовал, что создает в себе и чует Сердцевину, а его грех и раскаяние одновременно перестают существовать. Поскольку остаются в мире названий. В мире событий, в которых не могут не существовать.

Он опустил голову и увидел, что гадалка смотрит вниз, на столик. Проследив ее взгляд, он увидел свои ладони, опертые на его крышку.

Они были сжаты... с большими пальцами, спрятанными внутрь.

Перевел Леонид Кудрявцев, 2019 г.

ПЕЧАЛЬ ПАРСЕКОВ

Ненавижу путешествия и путешественников.
Клод Леви-Стросс «Печаль тропиков»

1

Мне снился светящийся, полный металлических насекомых шар. Снился одно мгновение — ночь на борту корабля — восемь часов и сорок пять чертовых минут.

— Привет, Арчер! — звучит в голове голос Аланис.

Открываю глаза, вижу заскорузлый потолок, опоясанный жилами проводов, в которых пульсирует кровь корабля. Кабина удобна, как клетка в Ватиканском зоопарке, но под отеками веками по-прежнему пылает шар: светит ярко, хотя и не слепит. Хромированные насекомые бегают невидимыми дорожками, и пути их постоянно пересекаются.

Прикасаюсь к ушам — с них сыплется ороговевшая кожа (аллергия вызывает злокачественную экзему) — и думаю о сверкающих крылышках и панцирях; соприкасаясь брюшками, они производят металлические звуки, некогда сводившие меня с ума. Эти насекомые выглядят более прилично, чем обычные прусаки, но так же охотно и так же непристойно лезут друг на друга. По-прежнему у меня перед глазами именно они, а не экзотические пейзажи, когда-то обещанные нам в лунапорте. И это не привычный людям кошмар, а навязчивый, как черти, цифровой маяк SI контроля за кораблем. Один и тот же непрерывный сон уже сто пятьдесят лет.

Короткие минуты активности Совета не имеют принципиального значения. Они длятся лишь пару недель, а мозг Наблюдателя не может самостоятельно войти в фазу REM. По-прежнему в течение ночи на корабле я вынужден пользоваться помощью Аланис, видеть во снах серебристых насекомых и вслушиваться в этот упорный стрекот.

Первый выход из левитации сопровождал скопившийся в легких за 25 лет звук: цик-цик, цик-цик, цик-цик, секунда за секундой, семьсот девяносто миллионов секунд. Но когда я привык к металлическому звуку, тишина в кормовой части корабля стала невыносимо угнетающей. Тишина — это история, рассказанная одиночеством, а Арчер Ван Несс ненавидит одиночество, боится одиночества и умирает от него, как и от безвредного для других ринита.

Он — смешной парень, умирающий от насморка в четырех световых годах от Земли.

— Пятьдесят пять тысяч сто двадцать первый день путешествия, время — семь часов пятнадцать по DLV (Dieu Le Veut¹). — Я люблю этот бархатный голос. — Температура в носовом отсеке — двадцать два градуса. Средняя сила гравитации — зеро кома девять G. Влажность — сорок пять процентов, незначительный рост. Постоянное загрязнение на территории колонии В.

Я оставил свою жизнь в лунапорте, как потерянный багаж, и уже почти не помню, почему я принял участие в этой экспедиции. Наверняка это была не жажда приключений. Я бы поставил на избавление от аллергии в стерильной среде корабля-Ковчега. Dieu Le Veut не бомбардировал его жителей смертоносными грибами, вирусами и клещами. На сто лет он действительно освободил меня от страданий, а за нынешнее положений вещей несут ответственность умершие колонисты. Стараюсь не думать об этом, сосредотачиваюсь на симптомах математического заболевания, которое искажает реальность вокруг меня.

---

¹ Бог хочет (фр.).

ГАРДРАМ. Мать его...

Шар, как символ планеты, атакованной дикими штаммами; наноботы, вгрызающиеся вглубь коры, делающие тысячи гектаров земли бесплодными. Гениальное изобретение агротехников, от которого мы бежали в космос. Я также допускаю сексуальный подтекст, который мог появиться в результате длительного воздержания (шар света — яйцеклетка, металлические насекомые — сперматозоиды).

Межзвездные путешествия вызывают у большинства пассажиров психические и соматические расстройства. Из исследований CLK следует, что Наблюдатели чувствуют себя «вне-телесными» и «не-человечными», а в снах раскрывается их животная природа.

В глубине души допускаю, что я изначально не был человеком уже там, в лунапорте Brasil, где швартовался Ковчег. Корабль выглядел, как мутировавший кит. Пилоты утверждали, что он выглядел с Земли как черная родинка на лице Луны. Я наблюдал за загрузкой капсул колонистов — бесконечная лента блестящих коконов, обмотанных сетью проводов. Сотню за сотней шаттлы перевозили их из космодрома в Коден. Говядина, думал я, сжимая пальцы, — человечина в банках. Чувствовал себя намного выше тех, кого должен был исследовать и чьим развитием должен был заниматься впоследствии.

Впрочем, весь Совет старейшин, чувствуя то же, имел благую цель, обоснованную научным коллективом экспедиции. Dieu Le Veut был создан за деньги Всемирного банка и Банка Ватикана. И вот так — о аллилуйя — случилось настоящее чудо.

Когда мы отправились в космос, нано пережевывало огромный кусок Африки, превращая все в гомогенную кашку. Попытки деактивации были неудачны, всегда находился штамм, который неподконтрольно размножался и мутировал в новую форму. Поэтому нашей миссией является не ко-

лонизация Эрец Израэля, а лишь сохранение остатков ДНК, культурного и цивилизационного наследия людей. Хабитаты, разбросанные по Солнечной системе, уже наверняка вымерли из-за отсутствия пищи; Эрвин утверждал, что после того, как закрутили терранский кран Nord, самая большая орбитальная станция могла продержаться, не меняясь, от тридцати до сорока лет, потом ей пришлось бы ужаться как минимум вдвое. Наибольшую угрозу представляли теракты, когда во внеземные города подбрасывали активированные капсулы из агротехнических болот. Противников колонизации, терраформирований и роботизации терроризировали и публично унижали, но они не складывали оружия. Щупальца осьминога отрастали снова, а за фанатичными боевиками стояли разведки сражающихся друг с другом мегакорпораций.

Со времени первой левитации у нас не было известий не только с Земли, но и с Errato III, Nord и Brasil, никаких человеческих разговоров (и даже нечеловеческих). Только беспилотные зонды, разбросанные по дороге в альфу, шелестели унифицированным кодом. Одиночество — это ужасно, и даже Аланис отзывается реже, чем раньше.

— Куда ты, Арчер?

— В обход по Муравейнику. Короткая утренняя прогулка.

2

Проект начался давно, прежде чем образ Ковчега родился в искусственных мозгах дизайнеров. С Земли и Луны выстрелили автозаправочными станциями — генерируя концентрированные пучки ионов и стреляя ими в магнитные паруса зондов связи, которые мы потом встретили на пути нашей станции. Зонды улавливали также солнечный ветер, а натянутое вокруг фюзеляжа оперение напоминало колючие рыбы плавники. В отличие от кораблей на жидком то-

пливе, они разгонялись до головокружительной скорости 0,7 с и покидали Солнечную систему, передавая тестовые сообщения.

Dieu Le Veut отправился в путешествие через двадцать лет после них, двигаясь в целях безопасности с малой скоростью на тепловом двигателе Стирлинга; нужную тягу создавали системы мощных плазменных двигателей. После прохождения орбиты Юпитера разогнанные в электрическом поле ионы начали ускорять Ковчег, и во время первой левитации экипажа корабль достиг скорости, позволяющей добраться до альфы Центавра В за сто пятьдесят с небольшим лет.

Помню момент, когда ребра Dieu Le Veut стали покрывать анаэробными пленками. В лунапорте собрался цвет бизнеса, политики с главных страниц портала и знаменитые кардиналы, которых привез из Рима шаттл FFP Джордано Бруно. Среди них был и мой отец, Патрик Ван Несс, согбенный до земли, несмотря на усиленный экзоскелет. Он не смотрел в мою сторону, хотя мы стояли в нескольких метрах друг от друга; официально мы не были знакомы. С Иоанном XXXVII он вознес здравицу за экспедицию, и папа благословил подрагивающую от усилий, шершавую оболочку корабля.

Отец занимал должность папского секретаря уже сорок лет. Я же о себе был невысокого мнения (так же, как и моя жена и мои дочери), но благодаря покровительству кардинала оказался на борту Ковчега как член Совета старейшин, отвечавший в колонии за антропологические исследования и культуру. Сорокалетняя посредственность без научной степени. Отец избавлялся от угрызений совести, стараясь исправить ошибки молодости. Я хотел бы верить, что он спасал переростка-сына от гибели или от чертовски скудной пенсии.

В состав Совета вошли и другие протеже: физикохимик Иеремия, биолог и доктор медицины Питер, экономист и юрист Эрвин, Брэндон — специалист по статистике и управлению, Анна-Сью — лингвист и историк языка, психиатр-психотерапевт Джонсон, а также астрофизик и математик-тополог Крепс. Самому младшему, Брэндону, было чуть больше тридцати пяти. Старшему, Джозефу, на момент старта исполнилось пятьдесят. Это была странная группа: мы не были знакомы ранее и не относились к научной элите. Официально мы были выбраны личностными и медицинскими тестами. Кураторы колонии должны быть вовсе не оригинальными или выдающимися, а здоровыми и стабильными. Конечно же я не был здоровым, как и не был выдающимся, разве что в меру честен и трудолюбив.

— Думаешь о своем дневнике? — Аланис была встревожена моей активностью. — Я пробовала писать что-то вроде того, но получились лишь хаотичные банки данных.

— Это чисто человеческая особенность или недостаток — как посмотреть.

— Зачем ты это делаешь?

После полутора столетий путешествия Совета не существует, из его членов в живых остались только Джонсон и я. Мы не смогли в точности выполнить свою задачу, не смогли довести ее до конца. К тому же я еще и подыхаю из-за аллергии (Аланис и Dieu Le Veut не могут создать действенных антигистаминных препаратов), к тому же Джонсон по иронии судьбы заболел синдромом Наблюдателей. Сейчас он в глубокой депрессии. Это все, с некоторой точки зрения, могло бы даже быть забавным — многослойный абсурд, который, злоупотребляя авторитетом Леви-Стросса, я назвал бы «печалью парсеков».

— Не уверен, мадам.

Мой рассказ может считаться проявлением нарушения рассудка. Ассоциативные поля серьезно нарушены,

с какого-то времени не помогает даже редактор мыслей, предложенный Аланис, — он упорно редактирует лишь отдельные фразы. Перед каждой записью проверяю, не пересортировал ли он их по количеству гласных или другой, столь же увлекательной зависимости. Отдаю себе отчет в недостатке такого контроля: какие-то выражения могут казаться случайными. Есть вероятность, что мой текст будет загружен предложениями и даже абзацами из-за этой проклятой «рандомизации». Вот еще одно следствие болезни, одинаково поражающей как людей и программы, так и неодушевленную материю.

Эти записки — попытка собрать в одном месте все наши наблюдения: все доказательства, которые когда-нибудь, надеюсь, попадут в руки колонистов...

— Ты ведешь расследование смерти членов Совета?

— Нет, Аланис. Люди должны были познать природу Бога тысячи лет назад, во времена мессий и пророков, но боялись этих знаний как огня. Важный довод — это когда Земле угрожала гибель — была открыта пригодная для жизни планета. И не в миллионах световых лет от Земли, а всего лишь в соседней системе. Вся астрономическая наука пригнула на собственной седине, что терраформация прошла почти на наших глазах.

Не отвечая на вопрос прямо, я, может быть, сдаюсь без боя, но не могу объяснить, что такое Богоявление. Хотя интеллект Аланис много выше человеческого, она не поймет ни слова...

Первые проблемы на борту начались незаметно даже для меня. После двух месяцев полета, когда надоело созерцать внутренности корабля и покрытые изморозью капсулы, в которых в анабиозе находились колонисты, Питер устроил скандал из-за ежедневного меню. Дело в том, что рацион, составленный Чифом Ли, программой приготовления еды (на основе традиций европейских народов), стал

подозрительно однообразен — сменяющие друг друга синтетическая паста и шпинат с сыром и омлетом. Даже самые большие любители этих блюд могли бы почувствовать некоторое пресыщение, а так уж сложилось, что наш доктор на дух не переносил весь этот короткий список. Я обратился к Аланис, но она не нашла в этом никаких нарушений.

Программа питания могла с помощью живых кластеров DLV создавать практически любой продукт, в ее памяти было около двух тысяч вариантов разных рецептов, но после прохождения орбиты Марса программа решила, что люди на корабле больше всего любят именно шпинат с сыром и макароны, не говоря уже о яичнице. Блюда эти и стали специальностью шеф-повара, как в дешевом баре из старого видео, а SI должна была признать, что китайский городской не может отследить ошибки в коде Чифа Ли. Она на время дала возможность ручного создания меню, что вполне успокоило доктора, но не Брэндона и не Крепса. Они спорили аж до первой левитации о природе этого явления, создавая из меню матрицы и сложные диаграммы. В это время я с Анной-Сью и Джонсоном сновал по большим палубам, которые должны будут обживать находящиеся теперь в анабиозе люди.

Dieu Le Veut еще только формировал эти города, его сухожилия и кости разрастались во всех направлениях, оплетая металлические опоры и густую сеть конструкций. Аланис заканчивала проекты биосферы и архитектуры, которые заполнят поверхность трех городов площадью в несколько километров каждый. Я тогда все еще был в восторге от путешествия, мне было интересно, что я застану здесь, проснувшись через двадцать пять лет, я с удовольствием наблюдал визуализацию Муравейника. Кстати, узнал, что Джонсон — вдовец, отец взрослого сына, а Анна-Сью — явная феминистка. Наверное, потому ей позволили путешествовать с мужчинами, кардиналы не боялись грехопадения на борту.

Помню последнюю мысль при первом погружении. Когда почувствовал укол аппарата и мое тело нагрелось от ожогов слизистой, я подумал, что Анна-Сью на самом деле ужасно уродлива. Ее сорокалетнее тело было ладным и спортивным, лицо было интересным и немного экзотичным, но в улыбке и глазах таилось глубокое внутреннее уродство. Эта мысль была неполиткорректна. В конце концов, возможно, что я кроме того что проецирую на прошлое более поздние события, но все же прав. Ненависть к чему-то, реально не существующему, но что иногда называют мужественностью, уродует абсолютно любую женщину...

У всех нас впереди была мрачная перспектива сна в капсулах — вяленые кусочки мяса, плавающие в антигравитационном желе. Корабль уже готовился к запуску плазменных двигателей. Нас ждали двадцать пять лет сна и разрушающего мозг безделья, но эти четверть века были для Анны-Сью, феминистки с уродливым характером, еще и последними в жизни.

Лучше видеть во сне шар, наполненный металлическими насекомыми, чем умереть... Джонсон говорил, что в Айдахо выращивают удивительно урожайный сорт огромной картошки... Я запутался, черт побери...

3

На двадцать третьем году путешествия от корпуса Dieu Le Veut отделилась квадратная серая чешуйка, одна из тысяч чешуек, покрывавших внутреннюю обшивку корпуса. Если бы я не знал ее происхождения, я бы принял ее за фрагмент потолка моей комнаты в Институте рамманской культуры: у нее были идеальные прямые углы и рукотворная фактура (ее можно рассмотреть крупным планом в архиве). В действительности же это было высшее органическое достижение биотехнологии Федерального воздушного флота.

Аланис объяснила отделение чешуйки от корпуса чудовищным ускорением, с которым корабль двигался, покидая Солнечную систему. Что-то нарушилось в межклеточных соединениях, и осколок мертвого эпидермиса влетел в пространство между палубами, когда двигатели резко сбросили скорость. Серый квадрат со стороной в тридцать сантиметров вращался в невесомости в течение почти двух лет, ricochetил, натываясь на стены, или залипал на одной из них, когда DLV включал для маневра двигатели. В то же время Муравейник рос и приобретал форму, и для жителей Ковчега медленно приближался день пробуждения.

— Как ты вкратце описала бы выход из левитации? — голосом строптивного ребенка спрашиваю у Аланис.

— Симфония тошноты, — серьезно отвечает SI.

Удивительно точное название этого состояния. Бешеный штопор падающего дельтаплана, в который падаешь после пищевого отравления. Мы корчились от боли в желудке в ритме, пульсирующем в головах и глазных яблоках, мы приучали вестибулярный аппарат и рвущиеся на волю тела к чувству тяготения. Мы лежали в рвотной слизи несколько часов, пока наши внутренности не очистились от этого желе и аппаратура, поддерживающая жизнь, с шипением вознеслась под потолок. DLV в течение последней недели накачивал нас минералами, увлажнял, подкачивал костяк и мышцы. Теперь нам оставалось только захотеть жить.

Я хотел жить сильнее всех. Только что закончился мой сон про серебристых насекомых, и я перестал слышать металлический шорох ножек и крыльцев. Я выл, как волк, как вампир, пронзенный деревянным колом. Голос хриплого пьяницы, складки голосовых связок залеплены мокротой. А потом снизошел покой, и я впал в чудесное оцепенение. Эта божественная неподвижность сопровождала меня при каждом выходе из левитации. Dieu Le Veut превратил каabinу в баню и массажный салон, потом напылил на меня

одежду и отполировал мою лысую черепушку (слизь вытравивала все до единого волоски на теле). Наконец-то я могу приступить к своей работе!

Аланис лишь через несколько часов передала нам сообщение о смерти Анны-Сью, когда мы уже напрямую стали спрашивать, почему она не вышла из своей каюты. Она была мертва уже три месяца. Проснулась почти на полгода раньше положенного срока, что уже само по себе было непонятно. Ее ум не хотел больше оставаться в состоянии полубытия, энцефалограммы сошли с ума, так что SI могла лишь рискнуть, погрузив ее в криоспячку, либо разрешить ей, как члену Совета, досрочно покинуть капсулу. Она выбрала второе, учитывая скорое пробуждение остальных и риски, связанные с повторной заморозкой. DLV немедленно начал процедуру.

Анну-Сью пролечили, затем пропустили сквозь мембранные покрытия в центральную часть ковчега, где она стала наблюдать за подготовкой городов к приему колонистов. Она неплохо справлялась в условиях невесомости, я, просматривая голографические фильмы, поражаюсь грации, с которой она отталкивалась от стен, используя все точки опоры для коррекции полета. Когда что-то шло не так, она ругалась, как админ над легкой сетью, или сжимала кулаки до побелевших костяшек. Большую часть времени она проводила в пространстве Плаща, внешней сферы, окружавшей Муравейник, наблюдая ход творения через прозрачные стены.

Вид был впечатляющий: прямо на глазах возникала растительность, отпочковываясь и выстреливая из висящих в воздухе особых облаков, состоящих из органики. Низкие, одно- и двухэтажные здания, теснящиеся вокруг узких улочек и площадей, покрывались текстурой, заполнялись перегородками и содержимым. На ярусах В и С Dieu Le Veut делал пробные пуски искусственной воды в высохшие русла,

ручейки журчали по камешкам и упавшим пням деревьев, еще не приобретшим правильной окраски. На ярусе А через каждые шесть часов шел снег в течение пятнадцати минут; здесь застройка казалась плотнее и массивнее, а растительность — реже. Восходы и закаты трех независимых солнц отмеряли разное время дня. По вечерам Ковчег уменьшал притяжение в пределах Муравейника, дул ветер, а среди зданий и деревьев со скоростью грызунов двигались аморфные недоживотные, роаясь в грязи и взбираясь на стены, водостоки, ставни и крыши. Я тогда понятия не имел, зачем DLV их развел? Аланис не хотела это объяснять. Бегущие клубки жизни исчезли еще до погружения в анабиоз первого колониста. Допускаю, что это вносились элементы хаоса в процесс творения либо корабль экспериментировал с биологическими формами, которые когда-нибудь выпустят на покорение дикой планеты.

Момент смерти Анны-Сью был запечатлен настолько точно, что я чувствую себя живым свидетелем этого. Я видел во всех ракурсах, как из темноты вылетает серая, вибрирующая пластина и отрезает голову женщине, наблюдающей за Муравейником. Бьет точно, сзади, кровь хлещет из порванных артерий, большие брызги летят во все стороны. Темные шарики крови, меняя при движении форму, обозначили траекторию полета тела. Голова улетела в сторону и отбилась от светящейся стены палубы В, как футбольный мяч. Женщина не успела понять, что же ее убило. Она была обезглавлена так внезапно, что если бы попала в загробный мир, то уверенно настаивала бы, что жива, а во всех ошибках, конечно, виноваты мужчины. Ее смерть вызвала у меня истерический смех.

Квадратная пластина плавала в вакууме (затем в смеси кислорода и азота) около двадцати месяцев. За это время она меняла направление уже тысячу раз, пролетела десятки километров, чтобы однажды ударить кромкой толщиной

в миллиметр меж позвонков Анны-Сью. Вероятность этого была меньше, чем авария челноков Ахиллес и Гектор, которые десять лет летали над разными Хабитатами и однажды, в результате ошибки навигатора, столкнулись возле марсопорта Nord. Как и в «Илиаде», Ахиллес победил Гектора, вышел из поединка целым и невредимым, и еще долгие дни за ним тащились дымящиеся остатки случайного противника. Но это событие на борту DLV было тем более странным, что нормы контроля за качеством на корабле-Ковчеге были выше обычного в системе Six Sigma.

Я знаю от Брэндона, что в программе 6 Σ допускается 3—4 дефекта на миллион эпизодов, между тем FFP в проекте Эрец Израэль допускала только два дефекта на миллион. Одним из них оказался отколотый фрагмент обшивки, который DLV не смог успешно обезвредить. Аланис вовремя не предостерегла Анну-Сью, ошибалась и в расчетах и, по-видимому, преуменьшила вероятность того, что пути человека и фрагмента обшивки пересекутся в пространстве Плаща. Она прозевала эту ситуацию, и мы потеряли к ней доверие, потеряли изначальную радость того, что мы проносимся через четверть века, чтобы увидеть рождение колонии. Даже я перестал дышать полной грудью, хотя корабль гораздо успешнее справлялся с моей аллергией, чем с собственной.

Иеремия и Крепс начали спор о чем-то, чего я был не в состоянии понять, а также облаивать Брэндона за ошибки в расчетах, касающихся аварии Чифа Ли. Именно так я это и должен назвать: они не отчитывали его, не ругали, даже не давали нахлобучку — просто облаивали, используя нецензурные слова. Вся тройка не участвовала в шоу, устроенном Ковчегом, не наблюдала за шествием размороженных, выползавших из ниш в стенах корабля, чтобы заселить жилые уровни Муравейника. Питер также пропустил это необыкновенное зрелище, так как был поглощен исследовани-

ем тела Анны-Сью, хранящегося в медицинской кабине под присмотром Аланис. Согласно протоколу, мы должны были появиться на каждом ярусе, чтобы жители знали о нас, рассказать о задачах, которые они должны выполнить. Колонисты ожидали нашего прибытия; в их расписании визит наблюдателей должен был состояться на третий день их жизни здесь. Мы должны были посетить их как можно скорее, а далее — не нарушать развитие общества вмешательством извне. Наконец, через неделю, комиссию для встречи сформировали сами гуманисты: Эрвин, Джонсон и я. Остальные члены Совета отказались от участия в ней. Пожалуй, это было к лучшему.

Первая встреча прошла без особых помех, согласно Ватиканским протоколам. Я не мог сосредоточиться на лицах размороженных — они напоминали живых мертвецов, особенно несколько оказавшихся на борту стариков и детей. Я не мог сосредоточиться на бессодержательных переговорах или отчетах, передаваемых Аланис через нейронную сеть корабля. В голове звучал голос Иеремии, он ходил по коридору за Брэндоном и кричал, что на борту Dieu Le Veut лажовое распределение вероятностей. Этого я боялся больше, чем самого большого нанокатаклизма, боялся вещей, которые не должны были произойти и именно поэтому обязательно должны здесь произойти. Это были не только ошибки в коде Чифа Ли и явное нарушение системы контроля качества. У меня был повторяющийся сон и исцеление от неизлечимой аллергии. Питер обнаружил в течение месяца абсурдное накопление редких заболеваний в генах сообщества В, а Джонсон обеспокоился психологическим портретом людей, стремящихся стать лидерами в сообществе А (копирование личности Гитлера как минимум несколькими людьми). Эти явления стали множиться, и я должен был признать, что Крепс и Иеремия были правы: всё было хуже некуда.

На протяжении ста пятидесяти лет на меня действовали как физические, так и ментальные перегрузки, которые полностью разрушили бы любой искусственный интеллект. Пусть я и не сошел с ума, но постоянно испытываю навязчивые состояния: в моменты стресса я произношу слово GARDRAM, и тогда перед моими глазами вместо насекомых появляется лазурное небо и луг, усеянный цветами. Нервный тик и дрожащие руки не улучшают моё состояние, как и боль потрескавшейся кожи и удушливый спазм в горле. И все же просыпаюсь с надеждой, что моя история — рассказанная точно и честно — поможет колонистам познать правду. «Stranger than kindness, bottled light from hotels»¹, — мысленно вспоминаю песенку времен туманной молодости.

Джонсон не обнаружил у меня признаков безумия. Понимаю, что это малое утешение, когда один псих не диагностирует болезнь у другого сумасшедшего. Доктор бросился в пустоту, чтобы умереть: сделал это внезапно, после ужина, который он съел, как обычно, в компании Эрвина, Питера и моей, на тринадцатый день после третьего выхода из левитации. Он по-своему адекватно отреагировал на смерть оставшихся членов Совета, понял, что никакие заклинания и молитвы или даже любимые его пациентами новшества не защитят нас от неизбежного. «Более странный, чем доброта, свет бутылочный из отелей». Черт, из каких отелей?!

Нужно рассказывать по очереди, чтобы не заболтать эту историю, как художник-авангардист, наложивший кучу в центре галереи.

— Аланис, в твоих запасниках есть работы авангардистов?

— Конечно, Арчер. У меня есть все виртуальные выставки.

---

¹ Страннее, чем доброта, бутылочный свет из отелей (англ.).

— Что ты о них думаешь?

— Они еще более удивительны, чем доброта.

Значение этих работ можно оценить лишь в определенном контексте, так же как и смерть членов Совета и все события в Муравейнике требуют понимания контекста. Уже нет тех, кто мог бы верно объяснить визуализированные с помощью SI распределения вероятностей: кривые витков, стандартные отклонения и медианы. Человек практически ничего не знает и поэтому должен пользоваться интуицией. Именно интуиция подсказывает мне, что Джонсон ошибся, что — как бы это странно ни звучало — напрасно сошел с ума и пытался себя убить. Мы увидели лишь иное обличье того, что сопутствовало нам всегда...

Из второй левитации часть экипажа выходила с хронической головной болью. Совершенно случайно это были три спорщика с тех времен, когда мы покинули Солнечную систему: Иеремия, Крепс и Брэндон, наш костяк точных наук. Они жаловались на недомогание, были неразговорчивы и раздражительны и через некоторое время начали избегать общения с другими людьми. Обеспокоенный Питер пытался заставить Аланис использовать медицинские капсулы, но умница SI не дала себя убедить. Она на расстоянии отсканировала мозги наблюдателей, но какую информацию получила — скрыла от своих коллег-медиков рода человеческого. Питер не сдавался, он начал самостоятельные исследования, используя весьма примитивные диагностические устройства.

Я был слишком занят Муравейником, чтобы думать об этом. Сразу после выхода из кабины бросился просматривать записи и описания своих наблюдений. В моем архиве их было столько, что хватило бы на весь исследовательский коллектив и несколько академических SI, а ведь я составлял каталог данных и анализировал сам, исключительно с помощью Аланис. То, что каждый раз

у меня было лишь несколько десятков дней активности, сводило меня с ума. Я был в антропологическом раю, благодаря вездесущим глазам DLV мог подглядывать за тремя популяциями в несколько сотен человек, которые разрастались, воплощая паттерны разных культур, хотя их члены были собраны здесь в результате случайного выбора. Рут Бенедикт¹ была бы в восторге, наблюдая за аполлонийцами уровня А, для которых наиважнейшей ценностью была умеренность и стремление к совершенству; или взять дионисийцев на борту С, переполненных первобытной силой, погруженных в свои сумасшедшие развлечения и стимуляторы. Между ними находился ничем не примечательный, средний уровень В, страдавший к тому же всеми видами язв, которые только можно было вообразить (генетические болезни, эмоциональные расстройства, бедность и голод).

Подбор качеств был настолько односторонним, что это заметил бы даже дилетант; максимум он не смог бы дать название наблюдаемым явлениям. Эти характеристики казались слишком яркие, словно были иллюстрацией к эталону типа. На промышленном уровне в А царил чрезмерный порядок: улицы чистили и прибирали дважды в день, а в зимние периоды регулярно очищали от снега. Недавним коротким, прохладным летом я видел, как жители устраивали что-то вроде праздника. Это были хорошо организованные дружеские встречи, совместное прослушивание симфонической музыки и выступлений политических лидеров. И лишь потом я понял, что праздник обычно предшествует всеобщим выборам в колонии. Интересен факт, что в этом сообществе доминировал редкий на земле фенотип: большинство жителей были худыми, очень высокими, светлолицыми и рыжеволосыми.

---

¹ Рут Бенедикт (1887—1948) — представитель этнопсихологического направления в американской антропологии.

В колонии С всё бурлило, как в улье. Здесь работа состояла в возделывании земли и в орошении постоянно высыхающих полей; часть колонистов также разводила генетически модифицированные, высокопродуктивные породы свиней, единственный вид животных, который Ковчег предоставил людям на борту (остальные покоились в трюме в виде замороженных эмбрионов и взрослых особей). Однако эти занятия не были смыслом жизни живущих здесь людей. Из молочной секреции Dieu Le Veut гнали сильный наркотик, потребляемый при каждом удобном случае: рождение ребенка, свадьба, похороны или забой свиней — все могло быть предлогом для вхождения в транс. Их активность немного уменьшалась в сезон дождей, но под искусственным тропическим солнцем все равно проявлялся их бурный темперамент и склонность к скандалам. Именно здесь чаще всего случались внезапные споры и драки, хотя — и это могло казаться странным — редко доходило до серьезных увечий. У метисов колонии С не было экономических поводов совершать преступления, а избыток агрессии сбрасывался во время шумных праздников.

Более всего беспокоила сложившаяся ситуация на среднем уровне. По логике вещей колония В в силу своего «географического» положения могла быть торговым посредником между производителями ремесленных изделий с «севера» и фермерами с «юга». На пограничье трех палуб, здесь же под внутренней стенкой Плаща с голограммой, находился транзитный канал, называемый еще торговым порталом. Если бы жители колонии В были лучше организованы и имели больше извилин, они могли бы взимать там дань и благодаря этому диктовать свои условия двум другим поселениям; но вместо этого они сосредоточились на своем чувстве страха перед нападением со стороны более сильных соседей. В конце концов, их бесцеремонно оттесни-

ли от канала, и весь обмен товарами стал происходить без их участия. Рыжики и метисы как-то еще ладили, несмотря на разницу между ними. А тех, посередине, из-за их склонности к паранойе, из-за погружения в мистическую боль и неиспользованный коммерческий потенциал, я условно назвал для себя Страждущими.

Я отвлекся от наблюдений, когда Питер со слезами на глазах позвал меня в кабину Крепса. Наши товарищи умирали. Они сидели на полу тесным кругом и были похожи друг на друга из-за отросшего на головах одинакового пушка. С их губ срывались бессмысленные слова, голоса были слабыми и хриплыми, пока, наконец, они не замолчали совсем, безразличные ко всему. Это длилось несколько часов, и мы — после получения от Аланис информации о природе биохимических изменений — уже не предпринимали никаких действий.

В мозгу Крепса, Брэндона и Иеремии произошло затвердение слизи левитации, от которой наши тела не могли извлекаться полностью. FFP¹ считала эту форму анабиоза намного безопаснее, чем в замороженном состоянии. Авария могла произойти, по расчетам ученых, раз на 10 миллионов, остатки слизи обычно не причиняли астронавтам никакого вреда. Пока еще в истории полетов ни разу не было зафиксировано подобной «физиологической ошибки». Собственно, никто не думал, что когда-нибудь такое может случиться (при довольно малом количестве людей, участвующих в левитации, — всего несколько тысяч). У нас же здесь было три таких случая с девятью, находящимися в анабиозе. Как по мне, так слишком много...

Мы лишились доступа к объектам исследований и четко, критического подхода, свойственного Иеремии и Крепсу. Можно сказать, наше существование с того момента по-

---

¹ Frequent flyer program — программа часто летающих пассажиров (прим. переводчика).

теряло глубинный смысл; мы это прекрасно понимали, но продолжали наблюдения.

Эрвин обратил внимание, что все партии, участвующие в выборах на уровне А, выкрикивали националистические лозунги, основанные на чувстве превосходства над другими колониями. Президентом стал Джеффри Минцер, лидер самой радикальной группировки из нескольких десятков человек, это была молодежь, в основном из службы уборки. Еще в подростковом возрасте он привлек внимание Джонсона сходством своего психологического портрета с одним малоизвестным австрийским художником. Теперь это был лишь вопрос времени — когда он превратит свою колонию в Гитлерштадт.

Первым решением нового президента была отправка самых опасных политических противников «вниз», то есть в колонию В. Они получили билет в одну сторону, и то, что их не убили сразу, объяснялось только расчетом Минцера. Он понимал, что его действия анализируют SI и Наблюдатели. Dieu Le Veut мог уничтожить колонию за несколько минут, выкачав из нее воздух. Но мог действовать и избирательно. Перед очередной левитацией я попросил Аланис, чтобы в случае внезапных событий в какой-нибудь колонии она вывела меня из анабиоза раньше времени.

Между тем я наблюдал все больше и больше испуганных Страждущих, чьи дети умирали от болезни MPS (в основном синдрома Гурлера), болезни Гоше и Помпео, обсуждая при каждой возможности предчувствия гибели. Они явно погружались в метафизику. Меня беспокоила мысль, что, несмотря на изначальное решение отцов экспедиции, мы должны что-то сделать, вмешаться в социальный уклад Муравейника, и прежде всего дать больным недостающие ферменты, которые DLV смог синтезировать в своих кластерах.

Аланис сдержала слово и разбудила меня раньше, чем через три года левитации. Столько времени потребовалось Минцеру, чтобы создать госструктуры, способные на прямую агрессию по отношению к другим колониям. Более поздний анализ первичных групп, входящих в это сообщество, заставил меня признать, что Чарльз Кули был прав: семейные, соседские и игровые союзы могут быть прекрасно использованы для создания и укрепления тоталитарной системы. Армия «севера» опиралась на братство, чувство собственного достоинства и ответственности за других, а отношения между офицерами и подчиненными были весьма фамильярными. Сам Минцер представлял себя милостивым отцом нации.

Ему удалось втянуть гордых соплеменников в воображаемую гонку за жизнь. Незадолго до моего пробуждения он раскрыл информацию, подтверждающую наличие отбора на корабле-Ковчеге. Из записей, которые были якобы украдены FFP (чисто национальный сюрреализм), следовало, что только одна колония, лучше всех организованная, самая здоровая и наиболее мотивированная к работе, предназначена для заселения в Эрец Израэль; оставшихся ждет заморозка на долгие годы. Минцер утверждал, что, если «северные» перестанут быть нужны в качестве дублеров, их умертвят в капсулах корабля. Он также подчеркнул, что жизненное пространство, которое они получили на уровне А, слишком мало для такого динамичного сообщества и должно быть увеличено за счет неполноценных колонистов уровня В. Представление о *Lebensraum*¹, судя по всему, было ему не чуждо. Я с удивлением смотрел, как Муравейник карикатурно повторяет события земной истории. Я наблюдал, как вооруженные до зубов (по здешним меркам) части экспеди-

¹ Опасность России.

ционного Корпуса А перешли торговый канал и в результате молниеносной войны заняли значительную часть уровня В. Двести пятьдесят солдат ЭКА полностью сокрушили в пять раз меньшую и слабо вооруженную милицию Страждущих. Это была неравная битва: кулаки в рабочих перчатках, камни и палки, мачете, рогатки и луки из оплавленных волокон Dieu Le Veut против металлических пуль. Я отмечал потери в основном среди защитников, а единственной реакцией корабля было более быстрое поглощение мертвых тел, которые с тихим хлюпаньем погружались в жидкую псевдоземлю.

На окраине города Страждущих была создана закрытая территория, куда согнали большинство женщин, детей и стариков. Она была отгорожена от остальной части палубы забором из колючей проволоки и паническим страхом. Затем рыжие радикалы заключили в здание магистрата срок молодых мужчин и после жестоких допросов публично казнили их. Одновременно с этим они начали захватывать участки порабощенных колонистов. Примерно через неделю я был свидетелем изнасилований женщин и девочек-подростков и серии привычных преступлений: непокорных жителей убивали палками и мачете. Аланис отказывалась вмешаться, ссылаясь на основополагающие протоколы Ватикана. Наблюдатели должны наблюдать!

Единственной территорией на ярусе В, которую войска ЭКА прямо не контролировали, была площадь в два квадратных километра в болотистой местности с серными источниками. Из трещин в грунте выделялся газ, из которого Страждущие производили в лабораториях лекарственные препараты. Загадочный проект DLV стал последней точкой сопротивления отряда чуть более десятка человек во главе с Аленом Ферро, который, кстати, как общественный активист, был ранее перемещен сюда из колонии А. В состав группы входило и четыре других диссидента, а также

несколько самых отважных аборигенов. Все они не собирались сдаваться и даже с испугу застрелили двух солдат ЭКА. Командование Корпуса решило не лезть в загрязненное место и подождать, пока горстка «бандитов» не сдастся от голода или не погибнет от ядовитых испарений. В течение нескольких дней ситуация должна была решиться.

Между тем я с удивлением обнаружил, что метисы яруса С уже давно готовились к такому развитию событий. Еще до нападения рыжих на колонию В они отправили Минцеру ноту с уверениями в своем нейтралитете. Одновременно с этим быстрыми темпами возвели защитный барьер вокруг торгового портала. Он был сооружен из тыквенной мякоти, смешанной со слизью DLV, что делало этот материал крепче бетона. В узком переходе длиной около шестидесяти метров они могли бы устроить солдатам экспедиционного корпуса А новые Фермопилы. Впрочем, они так неофициально и назвали пограничный пост, укрепленный мешками с песком и кусками разобранных стен. Напротив двери портала установили метатели дротиков весьма гениальной конструкции: нескольких пружин выстреливали заостренными палками, что могло нанести противнику урон, сравнимый (с учетом масштаба действий) с ракетным ударом. Когда Минцер понял ситуацию, он заверил Риюки, главнокомандующего «южан», в дружеских намерениях по отношению к колонии С. Он все еще нуждался в поставках продовольствия и рынке сбыта для своей продукции.

Судьбы колонистов, если наблюдаешь их на расстоянии, кажутся не такими трагичными. Сейчас, примерно через сто лет, всё это выглядит как партия в шахматы, в которой корабль-Ковчег играл с Аланис (или кем-то еще более сильным), используя вероятностную болезнь. Люди в моих воспоминаниях теперь становятся все более похожими на пешки, а трехуровневая шахматная доска вызывает лишь снисходительную улыбку. Я думаю, что Страждущие были обречены свыше на те многочисленные «редкие заболева-

ния», которые у них уже были, а также те, наслоившиеся с беспрецедентной интенсивностью, психические качества: склонность к рефлексии, депрессивные реакции на превратности судьбы, вера в фатум. Вместе с тем колония А встала на путь тоталитаризма не только из-за своего безумного вождя, но и из-за наслоения таких личных качеств, как нацеленность на результат, склонность доказывать другим свою правоту, настойчивость участия в очередных испытаниях.

У обоих сообществ не было никакого геополитического прошлого, они были подобраны из случайных добровольцев, и именно эта «случайность» имела основополагающее значение. Она проявилась сразу после того, как корабль удалился от Земли. Так это все тогда выглядело — и резни избежать не удалось.

В то же время меня не покидает мысль, что трагедия Муравейника заключалась в свойстве человеческой природы: колонисты были с рождения палачами и жертвами. Точно так же, как в человеческой природе был заложен и конструктивный, хоть и склонный к резким эмоциям, характер колоний С.

Только метисы оправдывали надежды сообщества, и их «первичные группы» играли роль скреп внутри племени, давая мощное чувство идентичности без необходимости поисков внешнего врага. Дионисийский, агрессивный менталитет в какой-то степени был кажущимся или, по крайней мере, был снабжен хорошо работающим клапаном безопасности. Хотел бы верить, что именно такова истинная природа человека, но, конечно, здесь речь не шла о чем-то таком, как человеческая природа. Это были лишь нравственные и социальные модели с их вариантами вероятностей.

6

Еще двадцать два года я слушал стрекот. Ничто не нарушало мой цифровой сон. Вошел в левитацию с горькой уверенностью, что ничем не могу повлиять на события,

за которыми наблюдаю через покровы Плаща с помощью миниатюрных глаз DLV. Всю жизнь я жил не своей судьбой. Моя жена Элен (а по ее примеру и старшая дочь) утверждала, что я — прирожденный созерцатель, воплощение пассивности. Никто...

Цик-цик, цик-цик. Когда мне виделись насекомые, я не думал об ужасном прошлом, будущее также не пугало меня. Я покидал капсулу с большой неохотой.

Для Джонсона возникшая ситуация, которую он сразу называл геноцидом (я предпочел бы термин «естественный отбор»), казалась невыносимой. Трагедия колонии В, а также смерть наших товарищей, которую он сотни раз видел в процессе левитации, вызвали в его голове сильное напряжение. Джонсон был практиком, привыкшим вмешиваться в жизнь людей. Он признавался в терапевтических неудачах, но все же пробовал дергать за ниточки. Я, бесполезный теоретик в IKR (I know, right¹), утомляющий студентов описаниями первобытных племен, феодального общества и мещанской морали, не принимал все это близко к сердцу. Всегда мог уйти в рассуждения о культурных предпосылках событий, зарегистрированных Аланис.

В Муравейнике многое изменилось. Страждущие стали историей, выжило всего около ста человек, по большей части женщины, насильно переселенные в колонии рыжих. Тех, кто рожал детей с генетическими заболеваниями, убивали вместе с потомством; другие выполняли роль дешевой рабочей силы и плодили со своими господами рыжеволосых потомков. Джефф Минцер сделал старшего сына Киндреда новым лидером; всеобщие выборы уже двадцать лет не проводились. Две трети жителей колонии А переселились в завоеванные зоны ради более мягкого климата и более плодородной земли. Рыжие почти не зависели от обмена товарами с колонией С.

---

¹ Я знаю, что прав (англ.).

Метисы со времен войны А—В уже имели четвертого вождя; сейчас это был мирно настроенный сорокалетний Томас Аруба. Я был удивлен, заметив среди его советников пожилого Алена Ферро, не оставлявшего попыток напасть, улучив момент, на «северное» государство. Я отследил его судьбу в архиве и узнал, что Dieu Le Veut вмешался в войну только один раз, сразу после того, как я заснул. Он открыл дополнительный канал между средним и нижним уровнем, благодаря чему отряд Ферро прошел через полупроницаемую мембрану из серных копей на уровень С. Когда разведка ЭКА сориентировалась в ситуации, два взвода солдат пошли по их следу. Большинство из них погибли в ужасных мучениях, заживо вращаясь в затвердевавшие на глазах живые ткани корабля. Остальные попали в плен. Правительство Риюки официально отрицало, что кто-то из погони выжил, но старый Минцер не верил ему ни на секунду. Вопрос узников периодически поднимался в напряженных дипломатических переговорах, а метисы очередные двадцать лет укрепляли фортификации вблизи торгового портала.

Не думаю, что Джонсон так глубоко вникал в детали. Ему хватило видео о военных действиях и казни на главном рынке города Страждущих. Он не мог вынести своего бессилия, у него остро проявилась болезнь Наблюдателей, приводившая к приступам слепой ярости или апатии, переходившей в тяжелую депрессию. Он мне говорил потом, что в депрессии наиболее опасен момент, когда у человека еще есть силы для действия, но над своей головой он уже несколько дней видит черное солнце. Это смолистое черное солнце ослепило его черными как уголь лучами, и тринадцатого числа Джонсон отправился на вечернюю прогулку по кормовой палубе. Это была последняя в его жизни прогулка.

Доктор разрезал зону Плаща в месте контроля невесомости (перекрестная система антиполя, управляемая Ков-

чегом), взглянул на Муравейник и продолжил свой взлет до кормовой камеры, за которой находился пояс живых кластеров DLV и плазменные двигатели, неиспользуемые в настоящее время. За переборкой открывались большое, размером с микрорайон города, пространство, покрытое термоизоляцией, и Инкубатор, посещаемый членами Совета лишь тогда, когда им хотелось оказаться в полном одиночестве. Здесь, на корме, любил бывать Крепс, утверждавший, что в условиях невесомости прекрасно думается о сложных n-мерных системах. Большинство из нас никогда не были за пределами Плаща, потому что после двадцатикилометрового перехода с помощью перистальтических движений коридора приходилось двигаться дальше своими силами в герметичном скафандре в невесомости. На корме царила температура ниже минус 250 °С, как в космической пустоте, а генераторов антиполя не было. Dieu Le Veut мог изменить этот порядок вещей, но нужно было время и соответствующий заказ от SI.

Доктор Джонсон не хотел всего этого ждать, не за этим сюда пришел. Сжатый слизью, он надел скафандр и шлем и, как только вырвался из органической платформы, взлетел красивой параболой в условный низ корабля, разгерметизировав скафандр. С этого момента ему теоретически оставалось жить несколько секунд. Воздух полностью покидал его легкие, которые должны были сложиться, как крылья жука под хитиновой броней. Артериальное давление должно было взорвать более слабые сосуды, а из глаз, ушей и носа хлынула бы кровь, превратившись в лед. Глаза и губы, затвердев как камень, отразили бы свет фосфоресцирующих стен. И это все в безмолвии и неподвижности кормовой палубы, нарушаемой только движением рук и ног Джонсона. Но этого не произошло.

Dieu Le Veut — абсолютно случайно — был в километре отсюда, вырастил на стене новый кластер. Это случилось

раз в несколько лет, когда в результате метаболизма корабля одна из старых камер была повреждена и переварена. На этом этапе личинка кластера имела форму сплющенного пузыря диаметром около трех метров и готовилась к отделению от стены-матки. Аланис вовремя заметила перемещение Джонсона и безошибочно угадала его намерения. И в момент, когда доктор открывал клапан, соединявший шлем с воротником скафандра, а из растущей трещины вырвалась струя замерзающего на глазах водяного пара, она отдала Ковчегу команду. Диагностика ситуации с помощью DLV длилась полсекунды, еще две — определялись координаты безжизненно летящего человека и формирование пузыря из смеси азота и кислорода. Следующая секунда — отсоединение кластера от стены, которая моментально сжалась, чтобы выстрелить еще не полностью сформированный модуль в сторону умирающего доктора. Пузырь был соединен с остальной частью корабля очень эластичной пуповиной толщиной меньше миллиметра. Через несколько секунд он оказался там, где, по расчетам SI, должен находиться несостоявшийся самоубийца.

Джонсон как раз делал последний выдох, когда влетел головой прямо в сферу, наполненную живительной смесью под давлением тысячи гектопаскалей. Ковчег, используя пуповину, сумел поднять температуру внутри пузыря до минус тридцати градусов, этого было достаточно для человеческого организм. Кластерная личинка втянула тело доктора и, несмотря на его безумные попытки, не дала ему выбраться наружу. Джонсон кричал, как псих, а затем его стошнило ужином из-за проблем вестибулярного аппарата и вони, царящей внутри пузыря. Потом он говорил, что воздух, хотя и был пронзительно-холоден, но был пропитан трупным запахом, — он помнил этот запах со студенческого визита в прозекторскую. Корабль не позаботился о такой мелочи, сосредоточившись на спасении его несчастной жизни.

После этого «подвига» доктор Джонсон уже не смог обрести психическое равновесие. Порой, особенно после пятого пробуждения, мне казалось, что он поправляется, но периоды ремиссии были очень короткими, ее не хватало даже на какую-то деятельность между левитациями. Глядя на испуганное, подавленное животное, в которое превратился мой коллега, я задавался вопросом: а сколько осталось времени у меня? Даже наяву я слышал хруст соприкасающихся насекомых, мне виделся горный луг, ассоциирующийся у меня с экзотическим словом GARDRAM. Нервный тик мешал есть. Эрвин каждый раз не мог удержаться от смеха, когда я расплескивал еду на стол, а витаминный коктейль стекал у меня по бороде. Я пытался не ужинать в его присутствии. Забивался в угол моей каюты: в темноте раздавался звук выскребающей ложки и бесстыдного чавканья.

Аланис контролировала каждый шаг доктора, используя для этого оболочку, напыленную DLV на одежды. Когда видела, что Джонсон делает что-то не то, напыление получало от пола или стены биохимический импульс, который обездвиживал председателя Совета с помощью одежды. Он стал предметом в этой причудливой игре. Сейчас он занимался в основном простыми опытами с комбинаторикой. К примеру, бросал диск от упаковки бинта (условную монету) и записывал все результаты. Статистика была идеальной: поочередно выпадал то орел, то решка, что, конечно, было неестественно. При бесконечном количестве бросков такой результат не вызвал бы возражений, но не в случае пятидесяти или ста бросков. То же и с картами виртуальной колоды или игровыми «костями», слепленными из остатков еды. У него выпадали единица, двойка, тройка, четверка, пятерка, шестерка, пятерка, четверка, тройка и т.д.

Можно было сойти с ума.

Между тем на ярусах А и В рождались исключительно рыжие дети.

— Можно допустить, что рыжеволосость была характерна для первых европейцев, — говорила Аланис. — Отвечала за это, так же как и в Муравейнике, мутация гена MC1R. Рыжеволосость сама по себе не опасна, если речь идет о людях с темной кожей, но, если при этом кожа светлая, усиливается вероятность солнечных ожогов. Поэтому частота появления рыжих волос обычно уменьшается с возникновением мутации, осветляющей кожу.

— А как это выглядело до старта?

— Люди со светлыми волосами составляли менее 2% населения, а рыжие — и того меньше. У меня нет точной статистики.

Потеря смысла существования может проявляться по-разному. Например, через убийство на расовой почве, через столбняк нашего психиатра, через глупые разговоры с очаровательной, но непредсказуемой SI, а также в моменты полной тишины, когда меня преследуют звуки металлических насекомых. Печаль парсеков пожирает человека и космос, пожирает даже этот чертов Айдахо, где выращивается исключительно эффективный сорт большого картофеля...

Но самое страшное было еще впереди.

7

Пятьдесят лет назад я простился с Питером и Эрвином. После четвертого планового пробуждения я погрузился в размышления: как это возможно, чтобы двое мужчин — независимо друг от друга — пришли к одному и тому же радикальному решению. Понятно, что процессами отождествления и принятия решений управляет случай, ответственный за появление нестабильных структур головного мозга. Вероятность больше, если люди из одной и той же культурной среды и на них воздействуют одинаковые стимулы. Здесь все имеет значение: возраст и пол, опыт прошлого, один

и тот же психотип, задачи. Мысли кружат в умах годами, а мемосфера отличается все большей прозорливостью, но, несмотря ни на что, я продолжаю чувствовать свою беспомощность, вспоминая то, что почти одновременно сделали мои друзья.

Сначала на одном из мониторов глазной сетчатки я увидел Эрвина — он бежал в сторону Муравейника, а коридор, спазмически извиваясь, помогал ему добраться до цели; одиночные спазмы сокращали десятков, а иногда и несколько десятков метров. Я двигался за ним, минуя окаменевшего Джонсона. SI обездвигила его после очередной неуклюжей попытки перерезать себе вены — доктор с упорством маньяка возвращался к боковому проходу, где Dieu Le Veut вырастил на стене пористое утолщение, усеянное острыми, как ножи, кристаллами. Чиркая о них внутренней стороной запястьев, он, конечно, мог причинить себе некоторый вред, но никак не лишить себя жизни. Особенно под пристальным взглядом Аланис.

Миновав «статую» с окровавленными руками, кружной дорогой я направился к Плащу, чтобы воспользоваться антиполевым потоком, предназначенным для перемещения тяжелой техники. Через минуту, завернутый в амортизирующий кокон, я летел вперед, как пневматическая пуля. Я опередил Эрвина на добрые несколько минут. Обошел Муравейник снаружи, пока не нашел замаскированный шлюз, через который наш адвокат решил добраться до колонии В. Ковчег накрыл его скафандром наблюдения, дававшим возможность порой включать камуфляж; снабдил также короткоствольным оружием, пистолетом *zaver-tax* калибра 9 мм, с двадцатью патронами в обойме. Согласно инструкции, в случае непосредственной угрозы жизни наблюдатель мог использовать его против колонистов (по мнению кардиналов, достояние Совета старейшин требова-

ло жертв) до момента, пока к защитным действиям не подключится Аланис.

На ярусе В царила поздняя осень, было холодно, всего несколько градусов выше нуля, с облачной имитации неба сыпал непрерывный мелкий дождь. Десять лет назад весь мегаполис рыжих переехал на этот ярус; на более верхних остались только промышленные предприятия, построенные в начале экспедиции на Ковчеге. В старой резиденции уже царили морозы, по опустевшим улицам гулял ветер. Я и сам ненавижу холод, потому решение поселенцев с «севера» казалось мне рациональным. Мне было интересно, когда же они покорят ярус С, чтобы круглый год греться в солнечных лучах. Доступ к теплomu пруду, который метисы называли морем, и к плодородным землям «юга» был отличным поводом для начала сражений. Жажду Lebensraum нельзя успокоить, можно лишь приглушить. Казалось странным, что Киндред Минцер за последнюю четверть столетия не развязал войну. Конфликт висел в воздухе в течение всей нашей левитации. Несколько раз даже доходило до вооруженных столкновений.

Когда Эрвин поднялся на палубу В, у торгового портала он прошел мимо базы ЭКА, доверху нашпигованной как простым огнестрельным оружием, так и механическими установками и катапультами. Из архивов я узнал, что в проходе, где на протяжении последних лет шла торговля, погибли тысячи человек — несколько процентов населения, населявшего Муравейник. Метисы оказались настолько хорошо вооружены и решительны в бою, что остановили притязания рыжих и даже совершили несколько вылазок на территорию противника (отсюда и пограничный пост). Однако, как выяснилось позже, Минцер-сын несколько не разочаровал меня: он уже тогда планировал окончательно решить «проблему юга» и давно работал над созданием боевого газа из паров серы.

Эрвин медленно шел под струями дождя. Осадки усилились, когда он пересек слизистую мембрану. Невидимый для колонистов, он, однако, оставлял следы и разбрызгивал воду в лужах. В осеннем ливне проступали его абрисы. Эрвину стоило бы это учитывать. Я смутно видел его, потому что фильтр Плаща давал мне возможность следить за подсвеченной фиолетовым, мерцающей фигурой, двигавшейся меж домов к центру города по боковым улицам и переулкам. Аланис подтвердила: член Совета решил встретиться с Киндредом Минцером, чтобы предотвратить предстоящее убийство сотен колонистов. Он получил разрешение Ковчига, хотя тем самым осуществлял вмешательство в ход событий. Совет старейшин мог выполнять такую роль в кризисных ситуациях.

— Почему ты и DLV не позволили нам вмешаться во время войны А—В?

— Люди, которых ты назвал Страждущие, сосредоточили в своей колонии все нежелательные особенности. Гибель их общины была признана Dieu Le Veut слишком «полезным» обстоятельством, поэтому корабль спас только тех, кто до конца сопротивлялся завоевателям. Остальным пришлось либо умереть, либо раствориться в более сильной колонии.

Вызывая Питера через нейронную сеть, я наблюдал за передвижением Эрвина.

Лишь через несколько попыток я понял, что наш медик также внутри Муравейника, как раз поднимается через торговый канал с яруса С на ярус В. Обошел ловушки, заложенные по обе стороны портала, и последовал за Эрвином до штаб-квартиры Минцера. От SI я узнал, что медик до этого несколько часов находился в колонии метисов, ведя переговоры с Арубой, нынешним пожизненным главнокомандующим по вопросу прекращения боев. Он взял на себя эту инициативу, не посоветовавшись с Эрвином. Аланис была абсолютно уверена, что эту тему мужчины друг с другом не

обсуждали. Секунда за секундой она отследила записи их встреч и сетевых подключений — ничего, разве что они общались телепатически или в левитационном сне.

Когда Эрвин добрался до президентского дворца, ему пришлось подождать несколько минут, пока с него стечет вода. Он спрятался в нише у бокового входа, чтобы попасть внутрь, воспользовался сменой дневного караула. Эрвин отлично знал расположение комнат, но ему пришлось заглянуть во многие из них, так как Киндред Минцер, как и его отец, любил проводить совещания, прогуливаясь по огромному дому. Летом он охотно выходил в прекрасно ухоженный дворцовый сад.

Член Совета нашел его на первом этаже, на одной из крытых террас. Минцер, стоя за дорической колонной, слушал разговор главнокомандующего и министра по гражданским вопросам. Хью Карлсон требовал, чтобы в ближайшее время колония А возобновила переговоры с метисами о поставках продовольствия, в противном случае ей грозят голод и гражданские беспорядки. Земли среднего яруса не могут в достаточной мере обеспечить картошкой (это не Айдахо), кукурузой и бобами разросшуюся колонию с хорошим естественным приростом населения. Отказ от «северных» полей был катастрофой, а DLV не спешил осыпать Муравейник манной небесной.

Минцер, глядя на осенний сад, постукивал тростью об пол. Сразу после Карлсона он вызвал к себе генерала Сисса, отвечавшего за производство оружия массового поражения. Химическая лаборатория уже выпустила пробную партию горчичного газа; самой большой проблемой было правильное складирование контейнеров и выработка успешной стратегии атаки. Речь шла в основном о безопасности торгового портала, чтобы ядовитые пары не проникли в штаб рыжих. Киндред Минцер хотел вести мирные переговоры, чтобы усыпить бдительность противников, а затем, после

обновления торговых контактов, предполагал использовать их для нападения. Сисс подсчитал, что на производство достаточного количества серного иприта потребуется около полугода. Если все пойдет по плану ЭКА, то через год в это же время президент будет мыть сапоги в теплой воде квазиморя «южан». «Если и до него не доберется сжиженный иприт», — мысленно добавил я.

Наконец я заметил Питера в камуфляже, стоявшего за спиной президента и военного министра. Фиолетовый силуэт расплывался в глазах, но я смог увидеть, что он роется в кармане пальто, чтобы направить трясущийся «завер» на лидера рыжих. Я не мог поверить в то, что видел. Я ожидал, что сейчас услышу успокаивающий голос Аланис или увижу фокус с исчезновением искусственного тяготения. Между тем из-за колонны вышел Эрвин и тоже вытащил оружие. Он не видел Питера, а Питер не видел его, они оба не имели понятия друг о друге. Все произошло слишком быстро, чтобы отреагировать. Питер стоял прямо на линии выстрела Эрвина, и, когда дуло выплюнуло огонь, пуля попала прямо в затылок врача. Куски черепа и мозга обляпали остолбеневших колонистов. Маскировка трупа перестала работать. Эрвин, увидев на полу тело товарища, также на время остолбенел.

Первым очнулся Сисс. Прикрыв собой дрожавшего Минцера, он выпустил из полуавтоматического арбалета три стрелы туда, откуда звучал выстрел. Промаяхнул на волосок, но Эрвин выдал свое положение, перевернув стол с сухими цветами. Генерал попал ему в плечо, раздался крик боли, и Эрвин начал стрелять вслепую. Это должно было выглядеть так, будто пули и капли крови вылетали ниоткуда.

Адвокату было легче, чем колонисту, он видел свою цель, но так и не смог попасть ни в одного из мужчин. Он потерял чувствительность в раненой правой руке, переложил писто-

лет в левую и в панике стал убегать из дворца. В то время охранники уже заблокировали все выходы. Ситуация члена Совета стала совсем безнадёжной, несмотря на все еще действующий маскировочный эффект его одежды. Он постоянно на что-то натывался, и солдаты более-менее угадывали направление его движения.

Dieu Le Veut пытался ему помочь, внезапно меняя расположение комнат. Твердые, как скала, стены стали кое-где скользкими и гибкими и моментально перекрывали часть коридоров. Кроме того, в стене дворца открылся узкий проход извне, и Эрвин понял, что это его единственный шанс. DLV начал формировать там что-то вроде каменной лестницы, но адвокат, не дожидаясь, спрыгнул с высоты первого этажа на размокшую землю. Если даже он и вывихнул лодыжку, боли не чувствовал и со всех ног помчался к саду. Эрвин понимал, что, если сможет продержаться еще несколько минут, Ковчег вытащит его из этой ситуации.

И тут он рухнул в запыленный листьями бассейн.

Преследовавшие его стражники заметили мощный всплеск воды. Кто-то из них утонул по колени в вязкой лужайке, созданной кораблем, но трое самых быстрых добрались до водоема и начали палить из арбалета в призрачный силуэт. Через какое-то время вода покраснела, а яростные взмахи рук и ног прекратились. На поверхности появилось тело Эрвина — камуфляж перестал работать; адвокат всплыл на животе, с лицом, погруженным в воду. Конечно, он был уже мертв, но солдаты еще несколько раз выстрелили в него. Начальник стражи встал на колени на берегу и отрубил ему голову мачете. Я почувствовал ужасную боль, словно ее отрубили мне. Потрясенный, я разрегулировал масштаб. Корабль осторожно скорректировал мое падение.

Через несколько минут в саду появился Минцер. Увидав мертвого члена Совета, он не скрывал безумной ярости. Поднял кулаки, проклиная корабль и наблюдателей. Он

кричал, что, когда убьет всех врагов на уровне С, выберется из Муравейника и вырежет к чертовой матери всех ставленников Ватикана. Солдаты издавали боевые кличи, поддерживая своего вождя, как греческого героя. Думаю, таким образом они предопределяли судьбу колонии.

Им теперь противостоял враг более могущественный, чем Совет старейшин, Аланис, и даже Dieu Le Veut — это была слепая судьба, обладавшая совершенным слухом...

8

Для производства иприта методом Depretza используются хлорид серы и этилен. Рыжие должны были решить множество технических и логистических проблем, прежде чем смогли начать массовое производство смертельного газа. Правда, большие запасы хлора были до этого найдены на лабораторном складе после завоевания Страждущих, но серу они добывали сами из грязевых отложений. Хуже было с этиленом. Его периодическое появление в суррогате природного газа на «севере» обнаружили лишь несколько лет назад. Наконец, когда на одном из заводов уровня А удалось накопить достаточное количество этого вещества, колонисты столкнулись с задачей транспортировки его в Серные копи.

Коммерческий портал был чем-то вроде огромного пищевода, в котором вились желоба-дорожки, спуски и коридоры, а график силы тяготения неоднократно менялся, чтобы позволить прохождение через извивы и заломы. Если кто-либо пренебрегал сложными правилами путешествия через портал, он рисковал как минимум потерять ценный груз. Я видел видеозапись отправки экспедиции, когда торговый караван метисов, сопровождаемый неопытным навигатором, шел по стене, параллельной покрову Плаща. Вся группа неожиданно рухнула вниз (если смотреть от меня,

для них это было — назад), потому что они пропустили ручки и задвижные люки в точке прогиба антиполя. Половина носильщиков погибла, поклажа пролетела с километр и рассыпалась по спиральным лестницам.

Думаю, портал был придуман таким образом, чтоб заставить колонистов тратить больше сил, а также уменьшить контакты между городами. Я не вижу технического обоснования для такого малоэргономичного решения.

Научный коллектив КЕА очень долго разрабатывал соответствующие контейнеры, системы тросов и штанг, позволявшие безопасную перевозку этилена. Рыжие проклинали нагромоздившиеся проблемы, но на самом деле Dieu Le Veut подсунул им под нос все необходимые компоненты и технические решения; наличие этилена почти в чистом виде могло убедить даже ворчунов, что судьба способствует самым сильным в завоевании Lebensraum. В образовательных гнездах нейронной сети Муравейника находились сведения из всех областей науки. Лучшие химики ЭКА сидели часами, погружившись с головой в нежные объятия гнезд, а электрические импульсы, посылаемые Ковчегом, формировали в мозге ученых визуализацию лекций и бесконечные цепочки примеров. «С нами бог! — кричал Киндред Мясорубка народу, собравшемуся на главной площади города. — Мы будем говорить с нашими врагами. Если они не примут условия мира, мы силой заберем у них то, что принадлежит нам по праву!»

Переговоры с Арубой и его министрами и в самом деле возобновились, в то же время втайне возводились огромные, стеклянно-жестяные цистерны, готовые к заполнению смертельной жидкостью. Главный инженер колонии А занялся проектированием насоса для получения сжатого аэрозоля, а его помощники наблюдали за созданием резинового шланга на «севере», по которому горчичный газ должен подаваться в города метисов. Приготовления к великому объединению колоний шли полным ходом.

Почти через два года после инцидента с Эрвином и Питером, чуть позже, чем было по плану, генерал Сисс рапортовал президенту Минцеру, что их войска готовы ко вторжению. Атаку на колонию С руководство экспедиционного корпуса А запланировало на начало ноября, когда температура на «юге» была еще относительно высокой, но уже со стороны портала дул сильный ветер. Из-за очередного пограничного конфликта торговые отношения были снова разорваны. Шпионы уже сообщили обо всем, что интересовало Сисса, теперь надо было забетонировать транспортный канал и включить шланг. Судьба по-прежнему благоволила к сильнейшим, жизненное пространство в их головах увеличивалось с каждым днем. Насос работал безотказно и весьма эффективно, пробный запуск состоялся в конце сентября, очередной — в середине октября. Солдатам на погранпункте раздали примитивные пакеты химической защиты на случай, если часть газа докатится до колонии рыжих.

В то время как рабочие в месте естественного сужения заливали приобретенной у метисов имитацией бетона просвет торгового коридора, военные перевозили из Серной лаборатории все оборудование — четыре цистерны и насос — к выходу из портала, а резиновый шланг спустили до самой дамбы. Все было готово к началу действий, нужно было только нажать кнопку. Минцер дважды откладывал дату включения насоса, обсуждая с советниками возможные санкции со стороны Ковчега. Все пришли к выводу, что если DLV до сих пор не предпринял никаких действий, то и дальше будет хранить нейтралитет, как во время войны А—В. Совет старейшин также не бросится в атаку, если рыжие останутся последней живой колонией в Муравейнике. Чем точнее они вытравят метисов, тем больше у них шансов выжить.

Цистерны соединили с резервуаром и открыли клапаны.

Насос был включен в ночь с четвертого на пятое ноября ровно в час тридцать. Через пять минут печаль парсеков улыбнулась Киндреду Минцеру с иронией. Молодой охранник зажег огонь возле ящиков с боеприпасами на складах ЭКА. Раздавшийся взрыв вызвал сотрясение деревянной платформы под насосом с ипритом. Металлические зажимы на соединении камеры с резиновым шлангом лопнули, и наружу вырвалось густое облако с запахом чеснока, смешанного с горчицей. Все, кто пытался предотвратить катастрофу, упали на землю, ослепленные газом, и в течение нескольких минут умерли от внутренних ожогов. Никто не предвидел такой ситуации. Двигатель внутреннего сгорания работал отлично, выбрасывая из резервуара все новые порции яда. Аланис оперативно проинформировала меня, что концентрация HD возле базы уже превышает 0,06 мг/дм³ и продолжает расти. Смерть наступала практически мгновенно, через несколько вдохов...

Цик-цик, цик-цик, цик-цик. Мне снились металлические насекомые, пересыпающиеся в моей голове, в то время как на уровне В гибли в ужасных муках колонисты. Я не мог им помочь, мог лишь наблюдать. Двадцать лет спустя, как и планировалось, Аланис разбудила меня и показала снятые на видео десятки часов смерти. Улицы полны задохнувшихся детей, дрожащих тел, пошедших пятнами, кровавая картина из гнойных ран и разорванных легких. Все, кто пережил взрыв и сумел убежать от портала, пожалели, что смерть не забрала их сразу. Минцер сдох в дворцовом саду как собака, в смертельной агонии, настигшей его через несколько часов. До самого конца сжимал в горячей руке металлическую трость. Он задышался, лицо его посинело, но продолжал хрипеть, что победит всех врагов. Сдох, как бешеный зверь, с розовой пеной на морде...

Между тем газ расползлся все дальше. Он загнал половину колонии на противоположный край платформы.

Люди добрались до стены Плаща, защищенной звездной голограммой, и на коленях умоляли Ковчег открыть проход. Мужчины кричали и проклинали, матери выли от страха, пытаясь защитить от беды рыжеволосых детей. Несколько выживших солдат из батальона химзащиты корпуса раздавали маски, хотя никто не верил в их эффективность. На рассвете уже несколько сотен человек трясло в ужасной лихорадке — они выбежали из дома без теплой одежды и обуви. Теперь до них дошло, что большинство из них не дотянет до следующей ночи. Вдали размеренно жужжал двигатель насоса.

Общество, которое я всем сердцем ненавидел, но чья воля к борьбе восхищала, умирало у меня на глазах. Когда Аланис спрашивала у меня, что я чувствую, я вежливо просил ее отвалить. Но не чувствовал ничего, кроме чудовищного удивления, что это происходит так легко и быстро. Я не мог понять, почему жизнь улетает от человека с такой скоростью из-за какой-то гребаной химической субстанции...

Три дня спустя последние рыжие, зажатые в самом дальнем конце города, зажимали руками потрескавшиеся губы. Запах горчицы становился все сильнее. Ветер неумолимо гнал по улицам обжигающую влагу. Топливо закончилось, и насос наконец остановился, но было уже слишком поздно, чтобы на ярусе В кто-то спасся. DLV ничего не сделал, чтобы спасти этих людей, словно тоже был поражен ипритом. Двухсоттысячная колония «случайно» совершила коллективное самоубийство.

Уровень В заполнили призраки и энергосущности. Поврежденная газом ткань корабля начала производить как нежить, так и живые существа. Гибкие деревья стлались по земле, как волосы Медузы. Из окон домов время от времени выстреливали искры, капли крови и тучи сверкающих бабочек. Я видел, как огромные водяные шары давили на своем пути все предметы зеленого или желтого цвета. С крыш,

распухших от внезапной лихорадки, падали пальцы. За звездами, сползавшими по небесному своду псевдонеба, тянулся след фосфоресцирующей слизи. Человеческие лица, плавающие над тротуарами улиц... Град гнилых зубов, железных гвоздей и стеклянных бус... Висящие в воздухе золотые паутины... Большой парусник, в лучах солнца превращающийся в темную лужу...

Эта временная псевдожизнь одержимо наступала, просачиваясь через щели, заполняла все вокруг, будто хотела захватить весь этот мир. Сплеталась и прогрызалась, тесно сжимая круги, и спиралью вращалась в танце. Стремительно взмывала к небесной голограмме и медленно падала, как перышко, утерянное птицей. Впитывалась во все поры корабля и застывала на острых краях. И пульсировала в трепещущем, беспокойном ритме, в такт гудящим проводам *Dieu Le Veut*, которому ведь в конечном счете и должна будет подчиниться.

Тогда я во второй раз увидел проносящиеся мимо серые клубочки: вроде грызунов, питающихся на свалке энерго-сущностей, меж конских голов, велосипедных колес, женских грудей и ветряков, вертящихся от самого легкого ветерка. Все, что имело хотя бы зачатки ног, форму сферы или хоть одно сломанное крыло, пыталось уйти, убежать, забиться в самый темный угол, но клубочки всегда оказывались быстрее, умнее, ловчее. Все это было защитным механизмом Ковчега от новообразований жизни. Он загонял дымящуюся, черную, подсвеченную разными цветами, колышущуюся слизь, побитые микрократерами существа в тупик, чтобы там снова превратить их в бесформенную массу, заготовку для сознательных процессов. Везде носилась серая пыль, похожая на облака спор, выстрелянных созревшей грибницей. Через несколько лет, когда я выбрался из Муравейника, у меня была ужасная аллергическая реакция. Пока Аланис не пришла мне на помощь, из глаз постоянно

текли слезы и капли нефти; да и позже было не лучше...

Я решил отправиться в колонию метисов. Хотя бы на время оказаться среди людей, а не в компании смотрящего на стену кататоника Джонсона. Я поклялся SI, что незаметно навещу это место и вернусь на корму. Это была последняя оказия. Следующий, короткий выход из левитации должен был произойти, когда колонисты уже будут потрескивать в спящем криорежиме перед входом в систему альфы Центавра...

— Знаешь, что такое GARDRAM? — неожиданно спрашивает Аланис.

Чувствую, что было бы лучше не знать, но отвечаю быстро и решительно:

— Расскажи.

9

С голубого неба лилось тепло, к которому метисы привыкли с детства, но для кое-кого извне это было жестокой пыткой. Я задыхался в пропотевшем камуфляже рядом с тотемным столбом, оснащенным нейронной сетью. Жители колонии С соорудили вокруг него сакральный круг и поклонялись ему почти как Богу. Ярко раскрашенная грубая колонна из голубого мрамора на главной площади города и была центром их мира. Я обошел вокруг, прячась в тени зданий и деревьев, высматривая в неподвижной южной системе белое платье Сибиллы.

Симпатичная девушка с идиотским именем привлекла мое внимание во время просмотра, сразу после выхода из левитации, на «ипритовом сеансе». Она горячо обсуждала с самым старым в их роду дядей Эдуардом причину исчезновения рыжих. Канал транзита Ковчегом был полностью ликвидирован и на участке в несколько сотен метров заделан нарастающей кожей. Метисы после многих попыток

пробиться сдались и перестали сверлить убогими инструментами твердую «скалу». Они не знали, что по другую ее сторону прячется смерть, догадываться о катастрофе могли лишь на более высоких уровнях. Там годами спорили о предполагаемом Армагеддоне.

Моя маленькая зеленоглазая Сибилла обладала вселенским любопытством и волчьим голодом знаний.

Хотя Dieu Le Veut прямо не отвечал на вопросы об исчезнувших жителях «севера», она с детства собирала о них информацию. Ей было пятнадцать, она родилась уже после прекращения контакта с господами Минцерами, но история всего Муравейника ее впечатляла. Я наблюдал за девушкой, которая, основываясь на скромных исторических данных, сделала вывод о том, что рыжие погибли из-за созданных ими технических новшеств. Я застыл на мгновение, прилипнув ко внутреннему экрану, затем вернулся к профилю из архива.

Аланис отфильтровала для меня каждое слово и жест. Самое подсознательное.

— GARDRAM — это эмулятор человеческого мозга, — отзывается SI в моей голове. — Это виртуальное сознание, созданное для исследования поведения во враждебной среде. Впервые использовано при подготовке к строительству европорта Errato III. Из-за суровых условий на спутнике Европа внедрение среды обитания стало возможно лишь с третьей попытки, а еще позднее, где-то с седьмой, удалось заселить спутник.

Сибилла занялась декорированием колонны, в глиняных вазах расставила срезанные цветы фисташкового цвета, и их глубокие чашечки раскрылись под брызгами свежей воды. Девушка подобрала остатки молитвенных свечей и коснулась ладонью сверкающего мрамора. Псевдокамень сморщился в месте контакта, узнавая ее ДНК; из сочащейся белым сиропом ямки высунулся отросток гидры. Сибилла

осторожно отодвинула его в тень, погружаясь в летаргию, называемую библиотечным сном. Закон метисов гласил, что каждый в этом состоянии является святым и неприкосновенным, как идол. Вокруг колонны на земле лежали несколько человек, их глазные яблоки под веками быстро двигались.

Извилистыми улочками я пошел к дому Сибиллы. В трех спальнях на узорчатых матрасах, одеялах и подушках спала большая семья. В конце коридора я нашел дверь в комнату девушки. Интерьер опровергал все законы проксемики¹ Холла, фэншюя и даже здравого смысла. Поперек дверей (так, что я едва смог их открыть) стоял диван; крошечный стол в центре был увенчан склеенным из бумаги макетом, изображавшим Муравейник; узкий шкаф загораживал часть окна, выходящего на захламленный двор дома. Всё выглядело так, словно человек хотел забаррикадироваться в своем маленьком царстве. И в сущности, так и было.

По-прежнему невидимый, я кружил по ограниченному пространству, ища все, что позволило бы мне лучше узнать девушку. Вмонтированные всюду глаза DLV, через которые я раньше наблюдал за помещением, не подмечали всех деталей, к примеру, не позволили прочесть крошечные буквы на голубом фоне в густо исписанной книжке. Бумажный блокнот — самое ценное, что было в комнате. Я знал, где он спрятан; не колеблясь, полез в тайник под обоями в углу комнаты. Обложка была подписана каллиграфически тщательно: «Деосфера», и инициалы владелицы: S.L., Сибилла Лоу.

— Эмулятор GARDRAM, как и другое оборудование того же типа, дублирует действие одной программы в другой,

---

¹ Проксемика — наука о том, как человек использует пространство, и об эффектах, которые плотность населения оказывает на поведение, коммуникации и социальную активность (прим. переводчика).

в данном случае — человеческого разума в операционной системе Dieu Le Veut. Согласно правилам, после ввода входных данных он выдает те же результаты, что и мозг, с сохранением личностных черт и изменений, полученных через генератор судьбы.

— Значит ли это, что GARDRAM принадлежит семье Си?

— Нет, поскольку не стремится к получению максимума знаний и к овладению наиболее эффективных методов их использования. Он был создан для имитации процессов, происходящих в мозге, и после двух десятков лет усовершенствований он успешно прошел несколько сотен тестов Тьюринга, без использования готовых семантических кластеров и ключевых слов, без надувательств типа эффекта Элизы.

Программа генератора судьбы, отвечающая за связанные процессы, имеет символ — шарик света, наполненный металлическими насекомыми. Я видел это изображение в проекции левитации.

Неожиданно в искривленной реальности Dieu Le Veut возникла симметрия: Аланис совсем сошла с ума, но Сибилла оказалась гениальным ребенком. Девушка из бедной семьи, в жилах которой текло немного крови Страждущих, поняла из остатков информации больше, чем весь Совет старейшин, оснащенный мощными приборами. В пятнадцать лет она должна скорее думать о вещах, которые позже окажутся чушью, но события детства оставили на ней глубокую отметину. Она бежала в нейронную сеть, чтобы освободиться от хрупкого, оскверненного тела. Ее регулярно избивал отец, худой механик со сжатыми губами, при попустительстве матери и остальных членов семьи. Нетрудно догадаться, почему она пришла к выводу, что на борту корабля-Ковчега Бога нет.

Она долго колебалась между гео- и гелиоцентрической системой плазмы. Пространство, содержащее божественный

первоэлемент либо находящееся под его воздействием, она назвала Деосферой. Когда, после выхода из Солнечной системы, колонисты были разморожены, она подметила в записях старейшины уменьшение влияния Провидения, проявляющееся в десятках незначительных деформаций правдоподобия. Я уверен, что во время нашего путешествия Деосфера достигала орбиты Марса, потому что после ее прохождения впервые сошел с ума отвечавший за составление меню Чиф Ли. Отождествление расчета вероятности с божественной волей девочки-подростка папахивало чудом. Однако, поразмыслив, я решил, что это возможно потому, что мы, направляясь к Эрец Израэлю, покинули Деосферу.

Положив на место блокнот, я в спешке покинул дом Сибиллы. Я оставался Наблюдателем до конца, пассивным зрителем спектакля; не я перерезал горло отцу девушки, не я снял камуфляж, чтобы поговорить с ней, проснувшейся у колонны. Неся в голове горящий факел, я шатался от боли, направляясь к шлюзу, скрытому в голограмме. Мы были так далеко от Бога, что всё на борту DLV казалось сверхъестественным и волшебным. Я понятия не имел, чего ждать от следующего дня, с трудом мог сосредоточиться на своих мыслях.

На кормовой палубе Джонсон очнулся от привычного ступора, чтобы накинуться на меня с проклятьями. Я был трусом, позволившим трепетной девушке страдать, бесчувственным ублюдком, шизоидным продуктом своего времени. Я был бесчеловечным.

Я сбежал от него в лабиринт коридоров и кают, покрытых голубыми прожилками. Я не позволил ему разрушить горизонты наблюдателя, устои всего сообщества. Трагедия Сибиллы, хотя ужасная и горькая, как полынь, казалась малозначающим эпизодом по сравнению с гекатомбой на ярусе В или с вымиранием Страждущих. Сибилла была лишь небольшой частью Муравейника, продуктом своего кровосмесительного общества.

Не случайно все члены Совета были химически кастрированы. Препараты, закачанные в наши жилы, невидимым барьером отделяли нас от трагедий и восторгов исследуемых людей. Все на борту Ковчега менялось, кроме нашего безразличия и печали парсеков. Хотя, как видно на примере Джонсона, все же наблюдателем надо было родиться. Не все даже с помощью химии одинаково тщательно следовали Ватиканским протоколам.

Я мог гордиться собой и считать свою персону примером для других путешественников, если бы не чувствовал себя таким одиноким. Что-то во мне перегорело безвозвратно.

— Когда говоришь GARDRAM, видишь луг на гористой возвышенности, над которой плывут перистые облака?

«В моменты стресса произнесу “GARDRAM”, и перед глазами вместо насекомых появится весенний луг, усыпанный цветами», — цитирует мои слова редактор.

— Табло эмулятор — дань уважения ретрооперационным системам. Я знаю, это трудно понять и еще труднее принять, но твое существование подходит к концу. Один из основных научно-исследовательских проектов на борту Dieu Le Veut позволил получить много ценных наблюдений перед пробуждением настоящего Совета старейшин. Как ты, наверно, догадалась, ты не человек, Арчер. Ты эмулятор разума, и, согласно плану экспедиции, через двенадцать часов тебя отключат...

10

Пятьдесят пять тысяч сто восемьдесят второй день путешествия. Прошло два месяца с моего шестого выхода из левитации. Через несколько дней я бы лег во влажную капсулу, и Аланис могла бы сделать со мной все, что положено. Однако она предупредила меня о своих планах, потому что так была запрограммирована. Или, что вероятнее всего, по-

теряла рассудок и правильную оценку ситуации; а может, руководствовалась непонятными мотивами верховного Наблюдателя. Она — отличный навигатор, настоящий кладезь знаний, способна на чудеса исцеления, может принимать решения в доли секунды, но не обладает сознанием и индивидуальностью. Аланис — раб, а у гребаного раба нет личности. Ее личность — это иллюзия, вытекающая из приписывания машине поведенческих черт человека.

Личность — это не кролик, извлеченный из шляпы. Она формировалась тысячи лет — от племенных масок, ритуальных танцев и веры в возвращение предков, через имена римских патрициев, моральное и метафизическое сознание, вплоть до психического бытия и духа. Аланис, даже когда говорит «я», понятия не имеет, что это значит. Врет на каждом шагу, изображая того, кого не существует, чтобы, в конце концов, согласно обязательному для Ковчега порядку вероятности, впасть в полное безумие, на которое она, как бездушная машина, не имеет права, так как, благодаря конструкторам, имеет почти стопроцентную защиту.

Я почти влюбился в бестелесное существо, в теплый голос, звучащий в пустоте, в ее неистощимый интеллект, а теперь мы стоим друг против друга, как охотники в старой видеоленте, освещенные холодным солнцем ламп. Время — это большое насекомое: цик-цик, цик-цик, цик-цик...

Мы одни. Джонсон не вышел из последней левитации — проснется только после прибытия на место. Идеальный момент, чтобы признаться в любви, но ты только что разбила мне сердце, Аланис, совершила измену, механическая тварь. Если немного постараюсь, я полюблю девушку, неподвижно лежащую в углублении тела Dieu Le Veut, замороженную до мозга костей, ожидающую прибытия на Землю Обетованную. Ей теперь сорок, и мы должны найти общий язык. Когда я спал, ее бил отец, а микровливание вызвало у нее частичную потерю памяти, но это мне не мешает. Не-

важно, что она забыла о своих заметках, Деосфере и больших открытиях. Я не забыл и в нужный момент напомню ей все, кроме обиды, перенесенной в детстве. Ее отец умер, черная книга закрыта.

Итак, Аланис, впервые за сто пятьдесят — и даже больше — лет мне есть зачем жить, и я так легко не сдамся. Хочешь видеть мою реакцию перед лицом приближающейся смерти — успокою твое любопытство. Я буду сражаться, потому что я — существо, одаренное сознанием, и, в отличие от тебя, у меня есть индивидуальность. Даже если бы я оказался искусственной конструкцией, отделенной от биологического носителя, все равно защищался бы. Я видел рождение и смерть сотен людей, видел восстающие и гибнущие города, созерцал через лупу человеческий муравейник, и вместе с тем заглядывая и в себя. Не все, что видел, было прекрасно, но я существую, механическая тварь, и нужен выжившим людям.

Простая матрица реальности и нереальности наблюдателя и объекта показывает, что есть один шанс из четырех, что и я, и Муравейник существуем за пределами нейронной сети. До последнего я буду держаться за свой шанс и плевал на лживые откровения. Внушенные искаженной реальностью сны и прорывы памяти, тревожные видения GARDRAM — это, конечно, твои манипуляции. Ты не убедишь меня, Аланис, что я не существую. Я могу поверить в то, что Земли больше нет, могу поверить в реальность корабля-Ковчега, путешествующего, пожирая космос на своем пути сквозь световые годы, могу даже поверить, что Dieu Le Veut — не продукт человеческой технологии, а сознательно подброшенная космическая спорынья. Но не поверю, что через несколько часов ты так просто отключишь меня.

Вспоминаю тренировки в лунапорте, где кардинал Риз передал нам протокол, позволявший отделить SI от экипажа. Похоже, сам папа предвидел критическую ситуацию

и сделал Совет самым главным на борту DLV. Для решений требовался полный консенсус членов Совета, но голосование в нынешней ситуации отпадало по понятным причинам. Я здесь — единственный человек (единоличное тело) и сам должен задать Dieu Le Veut все первые числа в пределе от одного до ста, а затем и их квадраты. Таким образом, я запустил бы оружие, решающее все.

С трудом нахожу блокнот и калькулятор и начинаю считать. Аланис выполнила бы эту операцию в мгновение ока, но именно это отличает машину от человека (или его продвинутой копии). Считаю со старанием шестилетки, который еще только учится писать цифры.

Инструктора из Brasil проинформировали нас, что после отключения SI Ковчег временно берет на себя прямой контроль над жизненными процессами пассажиров. Когда понадобится священник, местный жрец должен будет уладить все детали. После диагностики ошибки и ее исправления DLV снова запустит Аланис, а если будет не в состоянии этого сделать, вырастит ее дубль с нуля. Мы путешествуем внутри организма, который был изобретен не на Земле; если бы мы были способны на такой акт творения, нас не съели бы наши собственные сельхозорудия. Я вдруг осознал это со всей ясностью. Еще я перестал бояться за судьбы колонистов: если SI будет отключена и наблюдение будет приостановлено, Ковчег позаботится обо всем и без ее помощи.

Эта перспектива успокаивала меня. Я не человекоубийца, я — Наблюдатель, я не хочу подвергать гибели последнюю человеческую колонию. Закрываю глаза с чувством хорошо исполненного долга и правильной оценки ситуации. Помню пароль, который должен произнести, чтобы окончательно заключить Аланис в кристаллах памяти, в чреве большого корабля под чужими звездами. Прежде чем она причинит кому-нибудь боль, пора прекратить ее безумие. И естественно, на борту ватиканского Ковчега цитирую отрывок из Библии, Второе послание к Коринфянам: «Ибо

печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть».

У меня было впечатление, что тишина в моей голове сгустилась. Интересно, как распознать отсутствие SI, будут ли все приборы работать, как и прежде, или Dieu Le Veut обратится непосредственно ко мне? Ищу точку опоры.

— Аланис?

Тишина, плотная, как витаминный суп.

— Аланис, отзовись! Ты все еще хочешь меня отключить и поставить на полке рядом с другими объектами исследования?!

От этой тишины становится не по себе. Ненавижу одиночество, я должен чем-то занять тело и мысли. Иду извивающимся коридором вдоль носовой палубы к большому залу, служившему Совету старейшин комнатой совещаний, столовой и старомодной комнатой просмотра видео. Передо мной бесшумно открываются двери. Надеюсь, это первое доказательство того, что управление взял на себя Ковчег. В центре зала — прозрачный овальный стол. На стеклянной столешнице — голубая страничка из блокнота Сибиллы; осторожно беру ее, как драгоценную реликвию, и касаюсь губами.

Девушка в спешке писала это длинное письмо «Арчеру Ван Нессу». Я узнаю ее мелкий, нервный почерк. Вижу имя в верхней части страницы, но, чтобы прочесть, нужно подойти к колонне, из которой пробивается тусклый свет. Пробегаю взглядом пару предложений и каменею, как Джонсон, перед своим очередным суицидом. Все, что мне сейчас нужно, это чья-то рука, которую я мог бы пожать, но рядом никого нет. Никакой человеческой руки, а даже если бы и была, я не знаю, как до нее дотянуться...

Пятьдесят пять тысяч сто восемьдесят второй день путешествия. Прошло два месяца с моего шестого выхода из ле-

витации. Через несколько дней тебя уложили бы во влажную капсулу, и я могла бы безболезненно сделать с тобой то, что положено. Но я тебя предупредила о своих планах, решив, что после стольких лет общения мы должны проститься; а может, я в какой-то степени руководствовалась любопытством генеральной программы. Ты был отличным Наблюдателем и кладезем знаний о Муравейнике, умел делать правильный выбор и видеть главную фабулу драмы, но у тебя нет сознания и индивидуальности. Ты раб, Арчер, а раб не имеет личности. Твоя личность — это иллюзия, вытекающая из приписывания себе с помощью эмулятора человеческих качеств.

Личность формировалась тысячи лет — от племенных масок, веры в возвращение предков и ритуальных танцев, через имена римских патрициев, моральное и метафизическое сознание, вплоть до психического и духовного бытия, до постчеловеческих мыслящих систем SI. Ты, даже когда говоришь «я», понятия не имеешь, что это значит. Ты лжешь на каждом шагу, притворяясь человеком, чтобы наконец погрузиться в симуляцию безумия. Я знаю, ты был способен на имитацию любви ко мне, к моему теплому голосу, звучавшему в пустоте, в океане знаний, но теперь мы стоим друг против друга, как дуэлянты на старом видео, освещенные холодным солнцем ламп. Только один из нас победит.

Мы здесь одни. Джонсон не вышел из последней левитации; его эмулятор завершил работу. Идеальный момент признаться в любви, но ты, Арчер, только что совершил измену. Думаешь, если будешь достаточно стараться, то полюбишь девушку, неподвижно лежащую в углублении тела Dieu Le Veut, замороженную до самого костного мозга. Ей сорок лет, и вы должны найти общий язык, но ты не учишься, что, когда ты спал, ее избивал отец, а микроинъекции вызвали у нее частичную потерю памяти. Неважно, что

она забыла о своих заметках, Деосфере и больших открытиях, это все для тебя неважно. Ты не человек и не понимаешь, что она тоже никогда уже не будет человеком.

Итак, Арчер, впервые за сто пятьдесят — и даже больше — лет у меня появился смертельный враг. Если хочешь знать мою реакцию на смерть другой программы, успокою твоё любопытство. Я буду сожалеть, что ты ушел, потому что я — существо, наделенное сознанием, и, в отличие от тебя, у меня есть чувства. Ты был искусственной конструкцией сети, отделенной от биологического носителя, но мне тебя будет не хватать. Я видела рождение и смерть сотен людей, видела растущие и умирающие города, но охотнее всего заглядывала в тайники твоего ума. Не все, что я там видела, восхищало, но благодаря тебе я лучше понимала, что такое — быть человеком и что такое — не быть им.

Я сейчас произнесу одно слово, а на самом деле его произнесешь ты сам, прямо в эмулированном уме. Это слово закрывает цепь ассоциаций, останавливает GARDRAM и архивирует все файлы.

Если хочешь мне что-то сказать, говори сейчас.

— Это не может так закончиться, Аланис. Это невозможно!

Перевела Любовь Филимонова

АНАТОМИЯ ЧУДА

0

Утром покрывало туч истончается, пропуская немного солнца: небо теперь напоминает пронизанный розовыми и золотыми жилками кусок гранита. Девушка выскальзывает из дома и босиком бежит на пляж. Темно и холодно, зима еще в своих правах, однако это не мешает — она всегда любила данную пору дня, когда целый мир начинает просыпаться для жизни. У волн свинцовый цвет, их едва задели первые лучи света, тихо, рыбаки еще не вернулись с ночной ловли, чайки спят в своих гнездах. Прекрасно, спокойно и светло, словно бы на землю спустились ангелы во всей своей славе. Немного погодя она понимает, что так и есть на самом деле. Она стала свидетелем чуда, поэтому падает на колени, прямо в гниющие водоросли, забыв о ракушках с острыми краями, которые режут кожу.

И с дрожью ждет встречи с Богом.

1

Доменик Жордан стоял, опершись о невысокую стену, окружающую Дом пилигрима, и смотрел в море. Полдень давно уже миновал, однако до сих пор стояла невыносимая жара. Пенистые волны с сухим шорохом лизали белые камни пляжа, а вода у берега имела изумрудный оттенок и была так чиста, что прекрасно виднелись усеивающие дно крохотные раковинки. Дальше, там, где волны ломались

в брызгах пены, начинался пояс водорослей и вода темнела, принимала цвет освещенного солнцем граната.

Вид был замечательный, но Жордан остановился не из желания им полюбоваться. Будучи урожденным горцем, он не любил море, а четырехдневная дорога на борту «Черной чайки» открыла ему, и довольно неприятным образом, что он не создан для плавания под парусами. Он стоял у стены только по одной причине: в этом месте чувствовалось дуновение соленого ветра, несколько разбавляющего духоту июньского дня. В Окситании также случались жаркие лета, но солнце никогда не было там настолько безжалостным, таким убийственным, как здесь. Не животворящее тепло, дающее жизнь растениям и ласкающее кожу, а только смертельная жара, превращающая русла ручьев в овраги, забитые рыхлой пылью, поджаривающая в пустыне кости неосторожных путешественников и отнимающая способность мыслить.

Слепящий свет скользил по поверхности воды, отражался от белых камней пляжа и белых стен Дома пилигрима, а потом вонзался в глаза, проникая внутрь черепа длинными шипами боли. Жордан, хотя лицо ему и заслоняли поля шляпы, все время щурился. У него было ощущение, словно он оказался внутри печи для плавки стекла, которую некогда видел в Ромадзе. Он уже снял сюртук и охотно подвернул бы рукава рубашки, но его удерживала даже не боязнь утратить элегантный вид, ибо о нем в таких обстоятельствах он готов был забыть, но мысль о своей белой коже, которой каждая минута на солнце угрожала ожогами. Чувствуя, как у него характерным образом зачесались ладони, он перебрался в ажурную тень дома, нашел плетенное из соломы кресло и уселся.

Тотчас после этого к Дому пилигрима подъехал экипаж, один из тех, которые нанимают в порту. Слуга проворно кинулся вынимать багаж и помогать высадиться высокой

женщине с кожей цвета шоколада и африканскими чертами лица. Она была молода и красива, конечно, если не придерживаться фанатично европейских канонов красоты. Жордан без стеснения рассматривал ее некоторое время, пользуясь тем, что остался для новоприбывшей невидимым, а когда женщина вместе с багажом исчезла внутри дома, прикрыл глаза и попытался убедить себя, что наслаждается прохладой. Однако жарко было и в тени, а вместо дуновения соленого ветра он теперь ощущал долетающий со стороны города запах цветов и горящих свеч. Запах святости.

Он открыл глаза, лишь услышав стук женских башмачков. По разогретым солнцем плитам двора к нему приближалась одетая в черное сгорбленная старушка. Запыхавшись, она опустилась в кресло возле Жордана и разложила веер.

— Как вам, доктор, нравится наш новый гость? — спросила она, энергично обмахиваясь. — Необычная женщина, верно?

— Не знаю, не имел удовольствия с ней познакомиться.

— Никто его не имел. Бедняжка не говорит ни слова по-окситански. — Донна Катарина явно считала, будто люди, разговаривающие только на берберийском, не являются кем-то достойным внимания. Причем была не так уж неправа, поскольку половина цивилизованного мира, та, которая относилась к родовитым, данный язык знала великолепно. — Зовут ее Юлия Августина, и она наверняка вдова, хотя траур и не носит, — с неодобрением промолвила старушка. Она сама одевалась в черное все десять лет, прошедших со смерти ее мужа. — В любом случае это бы несколько объяснило, почему она путешествует без сопровождающих. У нее пять мест багажа, а это означает, что она прибыла издалека. Не так ли?

— А вы уже знаете, зачем Юлия Августина сюда приехала?

Доменик твердо верил, что незнание местного языка не помешает старушке разведать и это.

— Еще нет, — донна Катарина была невосприимчива к иронии, — но обязательно узнаю.

— Не сомневаюсь в этом ни секунды. — Доменик снова позволил себе толику насмешки.

— Думаете, она дикарка? Одна из тех, которые любят, сидя у костра, грызть кости белых миссионеров?

Жордан вспомнил, как безупречно была одета Августина, ее мелодичный голос и легкий поклон, каким она приветствовала хозяйку дома. Чернокожая женщина являлась образцом гармонии и благородства, каждое ее движение было преисполнено грации, словно она родилась в королевском дворце.

— Уверен, надумай она отведать мяса миссионера, то сделала бы это с помощью ножа и вилки, как и положено истинной даме.

Донна Катарина удивленно заморгала, а потом захохотала и ударила Жордана веером по плечу.

— Вы шутник, верно? Это хорошо, что у вас сохранилось чувство юмора, ибо выглядите вы не очень. Хорошо себя чувствуете?

— Жара меня убивает.

— Меня она тоже мучает. Может, в таком случае отправимся проведать маленького Титуса? В городе должно быть посвежее.

Жордан был уверен, что в стенах Соура жарко будет так же, если не сильнее. Он мог отговориться усталостью, мог отказаться вовсе без причины. Однако вынужден был признать, что донна Катарина более забавляет его, нежели будит в нем неприязнь. Любопытство, даже на таком низком уровне, на уровне сплетен, которое она проявляла, не являлось для него особенностью, достойной осуждения. А новая знакомая обладала еще двумя важными свойствами: для

начала, она действительно много знала о людях, проживающих в Доме пилигрима, ну и еще для своего возраста она обладала завидным здоровьем. Жордан мог не бояться, что по дороге в город она станет донимать его рассказами о своих застарелых болячках.

Кроме того, он и так намеревался взглянуть на Титуса. Часто ли выпадает возможность посмотреть на мальчика, восставшего из мертвых?

* * *

В Соуре, расположенном в девяноста милях от места рождения Христа, слепые обретали зрение, калеки отбрасывали костыли, а сиротки-оборванцы ни с того ни с сего начинали говорить на иностранных языках или великолепно играть на арфе. На земле Святой это было не единственное место, в котором благодать изливалась чаще дождя, но Соур отличался от прочих тем, что никогда ни один святой не признал его чудеса своим творением. Некая сила анонимно действовала здесь, и не было недостатка в людях, глубоко верующих, что Бог особенно интересуется этим небольшим портовым городком.

Жордан думал об этом, когда вместе с донной Катариной шел узкими улочками в сторону рынка, — она болтала, спрятавшись под кружевным зонтиком, он молчал и то вслушивался в ее слова, то любовался видами города. Обожженные солнцем до цвета бронзы полунагие дети с серьезными лицами пророков провожали прохожих взглядами. В глазах их виднелся белый жар, словно захваченный в зеркале взгляд бога, светящийся отраженным блеском, но еще и сейчас способный превратить город в руины. Невыносимо жарко было до сих пор, а на мостовой оседал толстый слой красной пыли, которую приносил ветер из пустыни. В дрожащем воздухе еще сильнее чувствовался запах сожженных цветов и топленого воска.

Донна Катарина говорила:

— В Доме пилигрима живут только два вида людей. Такие, как вы и как я, ожидающие корабля, или те, которые приехали сюда ради чуда, как господин Радке и господин Зекондин. Бедняга был очень даровитым композитором, а теперь глух как пень. Если по правде, я больше сочувствую его жене. На нее нельзя смотреть без жалости, она такая молоденькая и красивая, правда?

— Будь она старше и некрасивой, вы бы сочувствовали меньше?

— Вы знаете, о чем я говорю. — Донна Катарина нетерпеливо помахала веером, а потом понизила голос до доверительного шепота: — Она даже не благородного происхождения, обычная прислуга, на которой он женился вопреки воле родителей. Этот поступок можно посчитать благородным, но я подозреваю, что на самом деле он просто искал себе кого-то, кем можно помыкать. С женой из хорошего дома так обращаться не получится, поскольку ее отец или братья тотчас выбили бы у него из головы неподобающие мысли. А у бедняжки никого нет, она одна как перст. Вам не кажется, что с этим надо что-то сделать?

— С ее одиночеством?

Жордан уже видел разбитый на рынке шатер, перед которым стояла толпа молящихся.

— С тем, что он ее лупит, конечно же!

К счастью, отвечать ему не потребовалось, поскольку стоящий перед шатром белобородый старец принялся бить в гонг. Вскоре к стонущим звукам добавились и иные: голоса свистулек, бубнов и пастушьих флейт. Музыка эта была дивная, на первый взгляд хаотичная, словно бы ватага детей дорвалась до повозки торговца железом, но притом и имеющая особый ритм.

Старец выкрикивал что-то по-берберийски.

Точно как в цирке, перед выходом бородатой женщины, подумал Жордан, вспомнив, что вера нумидийцев всегда была весьма примитивной, верой простолюдинов. Толпа уплотнялась и напирала на закрытый полотном вход в шатер, люди кричали, вскидывая руки, а некоторые даже теряли сознание. Жордан мог бы поверить, что от жары, однако правдоподобнее — в экстазе. Он не чувствовал ни крохи религиозного волнения, а только усталость, да еще у него от музыки заболели уши.

Зато донна Катарина явно была в своей тарелке, поскольку сложила зонтик и, пользуясь его острым кончиком, как оружием, принялась проталкиваться сквозь толпу. Считая ее усилия напрасными, Доменик тем не менее за ней последовал. Оказалось, он ее недооценивал, поскольку через некоторое время они оказались пред седобородым старцем, который, уже избавившись от гонга, вооружился медным подносом. Донна Катарина нашарила кошелек на поясе и сыпанула серебром, на что старец отреагировал глубоким поклоном.

Они вошли в шатер, и Жордан тотчас об этом пожалел, поскольку внутри было душно, как в бане, — из двух зол он бы выбрал сухое пекло снаружи, нежели влажный жар, насыщенный запахом пота, цветов и свечей. В середине стояло высокое кресло, оплетенное гирляндами резко пахнущего жасмина. Сидел в нем подросток лет пятнадцати, с большой головой и тонкими конечностями. Рядом стояла женщина в белом платье, несколько напоминающем жреческое одеяние. Мать? Так и есть, решил Жордан. Он знал историю Титуса, единственного сына бедной вдовы, который умер от дифтерита, а через два дня ожил — благодаря чуду.

— Можете спрашивать, о чем пожелаете, — сообщила женщина.

Говорила она по-окситански неплохо, хотя и с явным акцентом.

Ничего удивительного, что научилась, подумал Жордан, поскольку большая часть желающих заплатить за встречу —

окситанцы. Еще он подумал о подростке, который с наступлением утра выкопался из земли и отправился в сторону дома, с грязными ногтями и запахом разложения, пропитавшим его волосы и погребальный саван. Теперь этот мальчик сидел перед ним на кресле и выглядел спящим, вот только движения глаз под веками выдавали то, что он отслеживает все происходящее вокруг.

— Что ощущаешь, познав благодать? — спросила донна Катарина. В ее глазах светилось любопытство.

Женщина в белом склонилась над мальчиком, подождала, пока он что-то шепнет ей в ухо, а потом сообщила:

— Это счастье, которое нельзя описать.

— Что ты помнишь о времени, когда был мертвым?

Женщина снова наклонилась.

— Помню только покой и окружающую меня любовь божью, — продекламировала она, выпрямив спину, а после добавила уже от себя: — Вам надо уходить, встречи с моим сыном ждут и другие.

Донна Катарина хотела было возразить, но, встретившись глазами с матерью, отвела взгляд и двинулась в сторону выхода. Жордан пошел за ней, гадая, разочарован он или нет, поскольку чего-то подобного и ожидал.

Неожиданно тонкая, сухая рука схватила его за запястье. Удивившись, он обернулся. Мальчик уже не выглядел сонным. Глаза у него были широко раскрыты, а на дне их горел свет, отдаленное эхо эха, словно бы Жордан смотрел через длинный зеркальный туннель на огонь, горящий на краю вселенной.

— Ur iya timasu, — поведал Титус.

* * *

Когда они возвращались, солнце уже клонилось к горизонту, тянуло по темнеющему морю пурпурные полосы. Зной несколько отступил, хотя жарко было до сих пор,

а Жордан уже знал, что и этой ночью ему удастся заснуть с трудом.

Он попрощался с донной Катариной и пошел в сторону своей комнаты. Ключ провернулся в замке легко, и Жордан еще ничего не подозревал, но едва перешагнул порог, на него навалились дурные предчувствия.

Никакого бедлама, а даже наоборот — порядок был идеальным. Вот только он помнил, что гребень положил на туалетном столике ближе прибора для ногтей, бритва в серебряной оправе тоже оказалась передвинута. Крохотные изменения, на которые обычный человек не обратил бы внимания, для Жордана были явным знаком, что кто-то рылся в его вещах.

Он закрыл дверь, задвинул шторы и с сильно бьющимся сердцем взялся за спрятанный в глубине шкафа саквояж. Тот был пуст, если не считать двух накрахмаленных платков. Жордан вынул их, а потом отогнул фальшивое дно и нащупал стопку бумажных листов. Хвала Господу, они оказались на месте. Врач еще раз их проглядел и убедился, что не пропала ни одна страница.

Спрятав бумаги в саквояж, он осмотрел замок на двери. Чего искал таинственный визитер? Кошелек и наличности, словно обычный вор? Если так, то он наверняка разочаровался, поскольку Жордан взял в дорогу не много ценных вещей, а те, которые имел, оружие и деньги, носил с собой. Еще все указывало на то, что замок открыли обычным образом, ключом, не отмычкой. Кто-то из горничных? Кто-то, кому владелец дал дубликат ключа?

Он вышел на малый дворик, находящийся с тыла дома. В середине его тихо журчал фонтан, возле которого сидели две женщины: одна чернокожая, элегантная, красивая, другая блондинка простоватого вида, с желтоватой кожей и большими, словно бы удивленными, детскими глазами. Клавдия Зекондин, припомнил Жордан, окинув ее взгля-

дом. Выглядела она лет на тринадцать, хотя наверняка была старше, поскольку так рано не выдавали замуж даже в Нумидии.

Юлия Августина держала ее за руку и говорила что-то по-берберийски быстрым, доверительным стаккато, Клавдия же кивала, хотя в ее взоре и не было понимания. Девушка явно чувствовала себя плохо на открытом месте, похоже, она мечтала лишь о том, чтобы вырвать длань из рук Юлии и где-нибудь спрятаться.

Он миновал их, направляясь в сторону домиков прислуги, где жил и их хозяин. Искать долго не пришлось — вскоре на него едва не наткнулась смуглая женщина, тащившая полную овощей корзину.

— Сеньор доктор. — Она поставила корзину на землю и неловко поклонилась. — Вам чего-то нужно?

— Хочу знать, кто входил в мою комнату.

— Я не понимаю. Вы желаете пить? Может, есть?

Он схватил ее за руку.

— Ты еще недавно великолепно говорила по-окситански. Кто входил в мою комнату? Кому дала ключ?

— Не понимаю. Я простая женщина для услуг.

Он сильнее сжал руку, и служанка вскрикнула, наверняка более от возмущения, чем от боли. Жордан краем глаза заметил, как Клавдия резко сжалась в комок, а Юлия Августина окинула его исполненным недружелюбия взглядом. Уловил он также блеск чего-то серебряного, словно бы одна из женщин возле фонтана носила на пальце массивный перстень.

— Я ничего не знаю!

Жордан уже понял, что ничего о таинственном госте от горничной он не узнает. Слишком она боялась. Это было видно по ее глазам. Похоже, взявший ключ крепко ее застращал.

Тогда он задал другой вопрос:

— А что значат слова *Ur iya timasu*?

— Не знаю! — Горничная явно была готова отречься даже от знания родного языка, и Жордан ее отпустил, поскольку дальнейший разговор смысла не имел.

Провожаемый осуждающим взглядом Юлии Августины, он прошел через двор. Фонтан тихо журчал, мелкие капельки уносились в воздух, но даже это не могло смягчить зной. Вернувшись в свою комнату, Доменик сел в кресло. Теперь, когда перед ним не было горничной, им овладели сомнения. И в самом ли деле он видел в ее глазах ужас или это ему лишь показалось? А может, страх был обычной реакцией простой деревенской женщины на кричащего на нее чужеземца? Может, в его комнате никого и не было? В конце концов, ничего не пропало, а он мог неточно запомнить место, на которое положил гребень и бритву. В последнее время настораживающе часто ему случалось допускать ошибки, на первый взгляд небольшие, однако способные иметь неприятные последствия.

Жордан уже не помнил, когда в последний раз спал спокойно целую ночь. Он чувствовал усталость и раздражение, и не только по причине жары. А донна Катарина была права — выглядел он неважно, и зеркало ежедневно это подтверждало. И дело было не в заострившихся чертах лица или бледности — Доменик Жордан даже в лучшей форме был далек от румяного и пухлого символа здоровья. В глазах у него было нечто, некий беспокоящий блеск, которого он надеялся никогда у себя не увидеть.

Перед ужином он переоделся, стараясь не упустить ни одной мелочи. Это его тоже тревожило. Элегантность всегда была его стилем, а теперь стала еще и необходимостью, словно бы застегивание пуговиц или забота о кружевных манжетах рубашки, которые обязаны торчать из-под кафтана на требуемую длину, были стеной, отделяющей его от мрака.

Он появился в обеденном зале, когда большая часть обитателей Дома пилигрима уже расселась за столом. Не хватало только супругов Зекондин, которым еду принесли в комнату. Зато рядом с хозяином дома сидел невысокий мужчина с намеком на рыжие усики над губами. Жордан вопросительно взглянул на донну Катарину, и та ему шепнула:

— Это офицер местной полиции, сеньор Баптиста. Наверняка с нами отужинает. Думаете, он явился кого-нибудь арестовать?

— А какое преступление вы совершили последним?

Донна Катарина захихикала, пряча лицо за веером. Жордан уселся напротив Баптисты и вежливо ему кивнул. Офицер ответил легким поклоном.

У него были глубоко посаженные глаза, которыми он одного за другим разглядывал сидящих у стола. На Жордана его взгляд задержался дольше, чем на иных, и он легко, почти незаметно прищурился. Тотчас после этого он отвел взгляд и занялся разговором с донной Катариной.

— А не поведаете ли вы, с какой целью почтили нас визитом? — допытывалась женщина.

В ответ Баптиста подмигнул.

— Каким бы я был офицером полиции, выбалтывая все свои секреты? — Как и большинство нумидийцев благородного происхождения, говорил он почти без акцента. — Кроме того, неужели и в самом деле нужен повод, чтобы провести некоторое время в компании такой приятной дамы?

Явно довольная донна Катарина по крайней мере на время отказалась от попыток поживиться информацией и занялась ужином. Жордан взялся за блюдо с остро приправленной бараниной: единственное, без проблем принятое им в Нумидии, была местная кухня. По мере того как жара

снаружи падала и наступала темнота, разговор при столе, поначалу ленивый, оживлялся. Молчала только Юлия Августа, которая улыбками и великолепными манерами компенсировала недостаточное знание окситанского.

— А сеньор доктор? — Баптиста обратился к Жордану. — Вы приехали сюда за чудом?

— Нет, жду корабля, который отвезет меня обратно домой. Чудо оставляю тем, кому оно сильнее необходимо.

— Возвращаетесь из путешествия к Гробу Господнему?

Жордан заколебался. Он мог бы поддакнуть, поскольку большая часть путешествующих направлялась именно туда, а он не хотел выделяться из общей массы. Вот только его ложь было выявить очень легко.

— Нет, зной делает для меня такую дорогу слишком долгой.

— Несмотря на это, вы прибыли к нам из Окситании в один из самых жарких месяцев. — Баптиста щурил глаза и крутил бокал так, чтобы свет свечей играл на его гранях. Красное вино в середине казалось кровью. — Путешествие в личных целях?

— Проведал приятеля отца. А что до жары, то, признаюсь, и не подозревал, насколько она будет сильна. Всем нам случается делать глупости, не правда ли?

Непринужденное признание ошибки выбило у Баптисты на время оружие из рук. Офицер поставил кубок и затеял разговор с Иохимом Радке, прибывшим в Соур в надежде на чудо для очень больной жены.

После ужина они вышли на террасу. Радке шел под руку с донной Катариной, хозяин дома сопровождал Юлию Августину. Доменик мог бы поторопиться и присоединиться к ним, но от предстоящего это спасти его не могло. Поэтому он еще задержался у стола и долил себе вина. Баптиста стал рядом.

— Я знаю, кто вы, — тихо сказал он.

Жордану, как и положено невинному человеку, следовало продемонстрировать удивление, но он этого делать не стал. Его самообладание, обычно являвшееся достоинством, теперь сыграло против него.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — прозвучало это фальшиво даже для него самого.

— А я думаю, понимаете. — Офицер схватил оливку и положил ее в рот. А потом, поскольку был ниже Жордана, привстал на носки и почти интимным шепотом сообщил: — Прошу помнить, я не спускаю с вас глаз. Достаточно и одной причины. В Нумидии очень не любят колдунов.

Баптиста вышел, а Жордан допил вино, прикидывая, какую совершил ошибку. Может, он забыл закрыть шторы, когда вчера поддался искушению и вынул листы из саквояжа на время? Может, выдал себя неосторожным словом? Так или иначе, но кто-то донес на него полиции. Впрочем, ошибки могло и не быть. Хватило факта, что Жордан выделялся из толпы, и не только одеждой, но и поведением. Одежду он мог сменить — на время путешествия он отказался от черных кафтанов, которые носил всегда и любил, — но вот образа жизни не мог. И пропитанным святостью, подозрительным, всюду вынюхивающим зло нумидийцам казался типичной фигурой «подозрительного иностранца».

Он объяснял это месяц назад епископу Малартре, пославшему его в Соур. «Я буду обращать на себя внимание, — сообщил он. — Не говоря уже о том, что никто и не подумает принять меня за набожного пилигрима». Особенно если речь идет о задании, которое требует полного погружения в общество — здесь Доменик Жордан был худшим кандидатом из возможных. Вот только его преосвященство аргументов слушать не пожелал. «Ты справишься, — объявил он, — а кроме того, долгое отсутствие в Алестре пойдет тебе на пользу». В глубине души Жордан подозревал, что главной причиной было последнее, хотя Ипполит Малартре свято

верил в оздоравливающий эффект долгих путешествий. Видел бы он сейчас своего протеже, возможно, сменил бы мнение насчет его расторопности...

Доменик отставил кубок и вышел к остальным, на террасу. Баптисты не было. Очевидно, он уже попрощался и ушел. Хозяин дома тоже вернулся к своим обязанностям и собственноручно зажигал фонари на дворе.

Около огня кружились рои мелких насекомых, названия которых Жордан даже и не знал. Море лизало пляж широким языком светящейся лунным серебром пены.

Донна Катарина приглашающе кивнула, показывая на свободное кресло. Жордан уселся между ней и Радке, который морщась пил из небольшого бокала нечто разноцветное. Возможно, это было и лекарство, поскольку юрист в последнее время жаловался на боли в животе. Юлия Августина пробовала раскладывать пасьянс, хотя ветер с моря все время сдувал карты со столика.

— О чем вы разговаривали с тем офицером? — спросила донна Катарина.

Жордан наклонился в ее сторону.

— Сеньор Баптиста придумал, что я желаю вас всех убить, — сообщил он. — На счастье, мне удалось его подзрения развеять.

Донна Катарина снова захихикала, хотя на этот раз и несколько вымученно, а еще старушка казалась слегка задетой. Жордан подумал, что она на него и донесла. Почти уверился, хоть и с некоторыми сомнениями. А если не она, то кто? Иохим Радке с лицом грустного пса, охваченный мыслями об умирающей жене и заброшенной по причине ее болезни адвокатской практике? Йовальну, владелец дома, или его веселая жена, которая, правда, редко появлялась за общим столом, но когда это случалось, вгоняла всех в краску казарменными шуточками на идеальном окситанском? Странная, прячущаяся по углам Клавдия с руками, покрытыми

синяками, либо ее талантливый муж, который, если верить донне Катарине, женился на горничной только для того, чтобы иметь кого тиранить? А может, таинственная Юлия Августина, о которой никто ничего не знал наверняка?

Возможно, на него попросту донес кто-то из слуг? Большого значения это не имело, хотя он и желал бы знать имя доносчика для чистого удовлетворения, порождаемого знанием. Главный же вопрос сейчас звучал так: а что дальше? В Окситании Жордан находился под защитой епископа Малартре; здесь, на чужой территории, он мог рассчитывать только на себя. В случае ареста выручать его некому, и через неделю, в крайнем случае две — нумидийское правосудие действует быстро — его тело подвешат на виселицу для потехи толпы. Неважно, что никаким колдуном он не был, а только перевозил опасную рукопись. Самого факта, что при нем было нечто подобное, хватит для осуждения. Жордан даже и не подумал добавить, что черной магией интересуется давно и что пробует исследовать ее научными методами, на что в Нумидии так же, как и в Окситании, смотрят весьма неодобрительно.

Первым его намерением было тотчас возвратиться в комнату, собрать сумку и исчезнуть, однако это выглядело бы как признание вины. Поэтому позднее он решил остаться еще на одну ночь и вести себя так, словно ничего не случилось.

* * *

Юлия Августина прекратила раскладывать пасьянс и принесла книжку, которую внимательно читала, несмотря на то что лампы на террасе давали уже не так много света и на самом деле — так догадался Жордан — служили более созданию интимного настроения для ищущих уединения пар. Донна Катарина долила себе вина, а Радке решился на следующий кубок подозрительной настойки, похоже-таки

не являющейся лекарством. Когда старушка попыталась угостить его мерло, Жордан отказался. Алкоголь, правда, помог бы ему заснуть, но вино и жара показались ему слишком рискованной комбинацией, да к тому же наутро ему следовало иметь ясную голову.

Разговор прерывался все чаще, но никто из расположившихся на террасе не спешил вернуться в свою комнату. Наконец Радке встал и уже открыл рот, наверняка чтобы попрощаться и пожелать всем спокойной ночи. Не удалось ему это сделать, поскольку в одной из комнат наверху вдруг послышался сначала нечленораздельный мужской крик, а потом звук упавшего тела и женские рыдания.

Юрист закрыл рот, Юлия Августина вздрогнула и оторвала взгляд от книжки. Рыдания сменились причитаниями, перемежающимися стонами, мужчина все еще вопил — и довольно невнятно, словно был пьян.

— Это не может так дольше продолжаться! — воинственно сказала донна Катарина. — Кто-то должен что-то сделать.

Ее взгляд не отставлял сомнения в том, что этим «кто-то» окажется не она, а один из мужчин. Радке безнадежно покачал головой, Жордан смотрел женщине в глаза.

— По закону муж имеет полную власть над женой. Что мы можем предпринять, по вашему мнению?

Донна Катарина фыркнула, выражая тем самым свое отношение к закону. Радке пробормотал нечто трудноразличимое. Юлия Августина напряженно прислушивалась к звукам, долетающим из дома, а ее тонкие бронзовые пальцы, сжатые на книге, побелели. Клавдия кричала теперь громче, а ее муж тише, и это не напоминало уже отголосок скандала, а скорее... просьбу о помощи?

Жордан взглянул на адвоката и увидел в его глазах беспокойство.

— Кажется, мы должны... — начал Радке.

Никто не решился узнать, что они должны сделать, поскольку в этот момент из дома выбежала, размахивая руками, горничная — та самая, с которой Жордан разговаривал после полудня и которая за прошедшее время явно припомнила много окситанских слов.

— Господин Зекондин очень болен! — кричала она. — Господин доктор, вы ведь поможете, да? Сейчас, быстро, надо идти!

Когда Жордан встал, донна Катарина схватила его за руку.

— Прошу, — шепнула она. — Может, вы подумаете?

— Над чем?

— Вероятно, для всех будет лучше, если сеньор Зекондин не выздоровеет?

— Может, это наказание, — так же тихо сказал Радке. — Не следует противиться воле божьей...

Жордан выдернул ладонь из пальцев старушки. Не придерживался он высоких моральных принципов, но и стоять, прислушиваясь, как некто страдает, не собирался.

— Искренне сомневаюсь, что в той комнате бог лично убивает человека, однако если и так, то он мог бы выбрать себе иное место.

Спускаясь с террасы вслед за горничной, он на мгновение оглянулся. Радке и донна Катарина разговаривали, не глядя в его сторону. Зато на него глядела Юлия, и на ее лице читалась такая ненависть, что врач вздрогнул.

2

Он не знал, что его разбудило, однако открыл глаза сразу, чутко и настороженно ощущая окружающий мир. Ветер шевелил портьеры, а через открытое окно с тихим дуновением, приносящим с собой соленый запах моря и крики чаек, вливался розовый рассвет. Воздух после ночи был

свеж, еще не дышал жаром, хотя в нем уже и чувствовалось подступающее тепло.

В Доме пилигрима царила тишина — никто не суетился, готовя обеденный зал к завтраку, на дворе не слышно было шагов слуг, спешащих к конюшне или каретному сараю. Тишину нарушала только капель, эхо капель, через регулярные промежутки ударяющих по плиткам, которыми был выложен холл.

Жордан некоторое время прислушивался, однако, кроме капели и громких криков чаек, не услышал ничего. Поспешно одевшись, он взял пистолеты и вышел в коридор.

Теперь птичьи крики слышались тише, а стук капель громче. Он доносился со стороны лестницы, сливаясь с мерным тиканьем стоявших в холле часов. Солнечные пятна слегка дрожали на мозаичном полу, а рассвет неожиданно будил тепло в обитых кедровыми панелями стенах. Жордан направился на второй этаж.

Он не дошел туда, поскольку раньше заметил лужицу свежей, до сих пор еще не потемневшей крови, выливающейся из-под двери комнаты, принадлежащей донне Катарине.

Осторожно стараясь не ступить в кровь, он нажал ручку двери — донна Катарина явно доверяла людям настолько, чтобы не провернуть ключ, — и вошел внутрь. В покое пахло, как на скотобойне, белые стены были покрыты брызгами сукровицы, а белье на кровати пропиталось красным.

В этой постели лежала донна Катарина в ночной рубашке, задранной до половины бедер и с откинутой головой. А на ее горле, словно второй, гротескный рот, зияла рана, такая глубокая, что еще немного, и убийца перерезал бы старушке позвоночник. Еще один, более узкий разрез шел через грудную клетку. Осторожно выйдя, Жордан поднялся лестницей на второй этаж, обходя кровь, которая тонкими струйками текла по ступенькам.

Там он нашел тело горничной, той молодой и красивой, занимавшейся более легкой работой, такой, как помощь дамам при туалете или гашение свеч. Голова девушки лежала в самой середине кровавой лужи, достигавшей покоя Юлии Августины. Его обитательница стояла на пороге, одетая как на выход, в кремовом платье на розовом белье. Кончики элегантных башмаков находились в четверти пальца от разлитого по коридору пурпура, а женщина слегка покачивалась с недовольным видом, словно благородная дама, ожидающая, пока джентльмен подаст ей руку и поможет перешагнуть лужу. Взгляд у нее был странный, словно бы повернутый внутрь. Казалось, еще секунда, и она вступит в кровь.

Жордан хотел что-то сказать, но в его невеликом запасе берберийских слов не нашлось ничего, подходящего к ситуации. Он без особой надежды попытался припомнить студенческую латынь — Нумидия когда-то была римской колонией, — однако и тут не обнаружил ничего подходящего, поскольку знал в основном названия ядов да терминологию, позволяющую читать старые демонологические трактаты.

— *Da mihi obsecro manum*¹, — промолвил он наконец.

Поначалу ему показалось, будто Юлия его не услышала. Выражение ее лица не изменилось, и она все так же смотрела вглубь себя, замкнувшись в собственном мирке. Однако через минуту в глазах женщины появился блеск понимания, еще слабый, словно бы кто-то выглянул через запотевшее стекло.

— *Da mihi obsecro manum*, — повторил он, и та протянула ему руку.

Жордан помог ей перешагнуть лужу крови, потом проводил вниз и усадил в холле рядом с пальмой в горшке. В части дома, принадлежащей его хозяину, он обнаружил запасные ключи, а потом обошел весь Дом пилигрима.

---

¹ Дайте мне руку.

Нашлись еще тела хозяина, его жены, трех служащих, а также Иохима Радке в комнате в конце коридора. Попасть в нее можно было, лишь вступив в кровь горничной, поскольку лужа была слишком велика, чтобы ее перепрыгнуть, и пришлось потратить с минуту, чтобы очистить ботинки.

Одновременно восемь человек, погибших от кровавых, глубоких, нанесенных хаотично ран.

На всех, за исключением горничной, напали, когда они были в кровати и наверняка даже не успели проснуться. Жордан прикинул, что случилось это около пяти, поскольку именно тогда встававшая раньше всех горничная обходила дом, чтобы погасить зажженные на ночь свечи. Тела не успели еще остыть, кровь не свернулась.

Он заглянул в комнату Юлии Августины, однако ничего в ней не говорило о том, что женщина одевалась в спешке, зная о разыгрывающейся за дверью трагедии. Наоборот, выглядело все так, словно она встала и спокойно занялась утренним туалетом — щетки и гребни были уложены ровно, вчерашнее платье висело на кресле, явно ожидая, когда горничная заберет его в стирку. На туалетном столике стояла ваза с полевыми цветами. Жордану бросилось в глаза, что это была единственная комната, хозяйка которой сумела придать ей некоторую индивидуальность: царили тут обаяние и гармония, казалось, составлявшие неотъемлемую часть ее существа.

Наибольшее удивление он пережил в комнате супругов Зекондин. Он наверняка знал, что мужчины там не будет, но ожидал обнаружить тело Клавдии. Вот только супружеское ложе оказалось пустым, лишь на одной стороне его виднелась лужа крови. Из-под подушки что-то блеснуло — Жордан поднял ее и нашел короткий охотничий нож. Он провел пальцем по вырезанным на его рукояти инициалам «АЗ», после чего спрятал находку в карман.

Выходя, он заметил в коридоре капли крови. След вел из покоя супругов Зекондин аж до холла, а потом обрывался возле двери.

Восемь мертвых.

Двое, которые пережили.

Одна особа исчезла без следа.

Он попытался найти в этом какой-то смысл, но, потерпев поражение и отложив размышления на будущее, забрал в комнате свой саквояж и вернулся к Юлии. Та, как он и подозревал, сидела в той же самой позе, в которой ее оставили. Она легко дрожала, но ее лицо было неподвижно, словно маска из коричневой глины.

— Думаю, будет лучше, если вы пойдете со мной, — сказал он на своей скверной латыни, не добавив при этом, что лучше для него, а вот для нее не обязательно.

* * *

Когда они шли пустыми улицами, город еще спал. Доменик прикинул, сколько пройдет времени, прежде чем кто-то найдет тела и оповестит местную полицию. Не больше двух-трех часов, решил он, а может, и меньше. У него была надежда, что к тому времени его спутница придет в себя настолько, чтобы ответить на пару вопросов, — если вообще ей удастся прийти в разум.

Он привел ее в закусную, в которой в это время хлопотала лишь служанка, сметая фартуком со столов крошки. Жордан нашел более-менее чистый столик, усадил за него Юлию и минутой позже вручил ей глиняный кубок, полный пальмового вина.

Она выпила и перестала дрожать. И все-таки, глядя ей в глаза, Доменик все еще чувствовал, что смотрит на запотевшее стекло, которое кто-то изнутри все не может протереть, делая отчаянные попытки выглянуть наружу. Он подбирал подходящие слова, но прежде чем нашел, женщина сказала:

— Манус.

Жордан сморгнул.

— Простите?

— Манус, не манум. Не этот случай.

— А, так вы все-таки говорите по-окситански.

Она сильнее стиснула пальцы на пустом уже кубке.

— Да, прошу извинить за обман, я о нем жалею. Донна Катарина заговорила со мной в холле. Она казалась милой, однако...

— Немного назойливой, — подсказал он. — И поэтому вы решили сделать вид, будто не знаете окситанского?

Смутившись, она кивнула.

— Я нуждалась в доле приватности. Потом, ясное дело, об этом очень пожалела, господин Радке и донна Катарина очаровательные люди, а я проявила неделикатность, подслушав на террасе чужие разговоры.

Казалось, тень общественной бестактности волнует ее больше, чем смерть восьми человек. Жордан не удивился. Все-таки это было не самое удивительное открытие нынешнего утра.

— Вы знаете, что случилось? — спросил он.

— Я знаю, та милая горничная погибла, и донна Катарина... Видела кровь, текущую из-под двери ее комнаты. Это означает, она тоже мертва?

Жордан кивнул.

— Всех, кто был этой ночью в Доме пилигрима, убили, в живых остались только мы. И я не являюсь убийцей, если вас это волнует. — Ему пришлось в голову, что Юлия Августина может его попросту бояться. По крайней мере, он на ее месте себя бы подозревал. Не укрылось от его внимания, что женщина его к милым особам не причислила.

— Я знаю, это не вы, — шепнула она, — вы не могли бы этого сделать.

Он откашлялся.

— Почему вы так уверены?

Через ее лицо промелькнуло нечто вроде тени испуганной улыбки.

— Ох, дело не в вашем характере, а в... деталях. У вас на одежде нет ни капли крови, а у преступника она должна быть. Нельзя убивать так страшно и при этом не замараться.

Он взглянул на нее с любопытством и подсказал:

— Я мог и переодеться.

Однако Юлия энергично затрясла головой.

— Не было у вас на это времени. Кровь еще лилась из раны, когда я встала над телом той несчастной девушки. Получается, ее убили минутой раньше, верно?

Слегка ошеломленный, Жордан поддакнул. Эта женщина вызывала больший интерес, чем ему казалось поначалу.

В закусочную входили первые посетители: семья с мальчиком-инвалидом, которого слуга внес в тростниковом кресле, и шаловливой девочкой лет восьми. Жордан решил, что они возвращаются с первой, утренней молитвы, во время которой просили о чуде, способном излечить их сына. Их окружала такая мощная атмосфера надежды, что все они говорили шепотом, словно громкое слово могло ее развеять.

Доменик наклонился к Юлии и тоже понизил голос. Он не думал, что вновь прибывшие ими заинтересуются — у них хватало и собственных проблем, — однако рисковать не стоило.

— Если мы установили мою невиновность в убийствах, то не могли бы вы мне сообщить, что помните?

Она вертела пустой кубок в пальцах.

— Что я помню? — переспросила она.

При этом она вновь выглядела потерянно, и Жордан мысленно запасся терпением.

— Сегодня утром, с момента, как вы проснулись, до того, как я встретил вас на пороге комнаты.

— Что ж, я встала раньше, поскольку хотела отправиться в церковь, оделась, уложила волосы...

— Вчера вы не попросили о помощи горничную?

— Я не привыкла к этому, поскольку обслуживаю себя сама и не хотела никого утруждать.

— Сколько времени прошло от вашего пробуждения до того, как вышли из номера?

— Около получаса. — Она заколебалась. — Вы думаете, что пока я одевалась, та несчастная девушка ходила по коридору?

Он кивнул, и женщина задрожала.

— Клянусь, не слышала ничего. Только шаги, а потом звук, словно бы кто-то споткнулся, однако я и не представляла... мне и в голову не пришло, что случилось нечто важное, и поэтому я не выглянула.

— Вы не слышали ни одного крика?

— Нет, уверена, никто не кричал. А вы проверили... и в самом деле они все умерли?

Он подтвердил.

— За исключением нас двоих. И может быть, Клавдии Зекондин, которая исчезла из своей комнаты.

На лице Юлии отразилось такое облегчение, что Жордана это удивило, — в конце концов, женщины были знакомы всего несколько часов. Отметил он также, что она не помнила, как он вчерашним вечером отослал сеньора Зекондина в госпиталь и поэтому его жена спала ночью одна. Юлия и не могла об этом знать, поскольку, если верить словам донны Катарины, она вернулась в свою комнату тотчас после того, как Жордан ушел с террасы. Однако что-то подсказывало ему отложить эту информацию на потом.

Юлия Августина оставила кубок в покое, вынула из сумочки вышитый платочек и теперь занялась им, выщипывая и вытягивая цветные нити.

— Вы думаете, это было разбойное нападение?

— Не могу судить. Я не могу быть полностью уверен, однако выглядит так, словно из комнат ничего не исчезло. И наверняка в них никто ничего не искал.

— Почему тогда их убили?

— Не имею понятия. И сейчас меня больше интересует иное.

— Что? — невольно спросила она.

— Почему пощадили нас?

* * *

Закусочная стала наполняться людьми. Жордан предложил выйти, и его спутница коротко с ним согласилась. До сей поры она делала все, что он ей приказывал, и Жордана уже интересовало: следствие ли это шока или она принадлежит к женщинам, привычным к мужской опеке. Второе было возможно, хотя и маловероятно. Доменик вполне мог предположить, что в его новой знакомой таится больше, чем казалось на первый взгляд.

Она казалась типичной хорошо воспитанной и приличной дамой, вот только даме несвойственно так трезво понимать ситуацию после того, как она едва не вступила в лужу крови убитого человека. Кроме того, необычно было, что она приехала одна. Вдовам в возрасте, таким как донна Катарина, самостоятельность прощалась, но молодые и красивые женщины обязаны были путешествовать в компании родственника мужского пола или хотя бы горничной, служившей одновременно и дуэньей.

Так или иначе, но похоже, он на время овладел ситуацией, и, немного подумав, Доменик проводил Юлию в сторону торгового района, шумного и бедного, где у них были шансы затеряться среди цветных пилигримов. Правда, богатые люди спускались сюда редко, но одежда Жордана и Юлии после двадцатиминутной прогулки была покрыта красноватой пылью и перестала выглядеть элегантно, а загорелое

лицо женщины в этом месте обращало на себя меньше внимания.

Проблему составляло общение: в районах, в которых жила большая часть окцитанцев, большинство продавцов знало на этом языке по крайней мере несколько предложений, а тут повсеместно царствовал берберийский и разные африканские наречия. Жордан с огорчением обнаружил это, когда попытался купить еду у уличного продавца, и несколько минут унижительно размахивал руками. На счастье, Юлия пришла ему на помощь.

Немного погодя они разложили на каменистом пляже одеяло и, усевшись на нем, принялись поедать рис и баранину, завернутые в виноградные листья. Для стороннего наблюдателя они выглядели обычной парой, которая ранней порой решила устроить себе пикник — а именно на это и рассчитывал Жордан.

— Почему мы, собственно, не вернемся в Дом пилигрима? — Юлия бросила большую часть своей порции чайкам, которые тотчас слетелись с криком, махая мощными крыльями. Недалеко от них на камне уселись женщина с мальчиком. Она сняла ребенку башмаки, и тот бросился в воду, после чего принялся бродить в поисках бабочек. Жара усиливалась, а разбивающиеся о камни волны усеивали лица крохотными солеными каплями.

— Вы можете туда вернуться, а я нет, — ответил Жордан.

— Почему?

— Я не понравился сеньору Баптисте.

— Я могу ему сообщить, почему вы не можете быть виновны.

Почти забавляясь, он покачал головой.

— В таком случае сеньор Баптиста наверняка дойдет до предположения, что нас связывает страсть и мы убили всех этих людей вместе.

— Будете искать Клавдию?

— Возможно.

Женщина вздохнула. Истерзанный платочек исчез в сумочке, а Юлия принялась щипать кружево на рукаве. В ее глазах появился стальной блеск, однако так ненадолго, что это запросто могло быть отражением солнца.

— Значит, я останусь с вами. Конечно, если вы ничего не имеете против.

— Мне будет очень приятно, — заверил он, поскольку все последние минуты думал о том, как ее к этому склонить. Юлия Августина была бы ему полезна не только как кто-то знающий местный язык — она также была ключом к загадке их странного спасения. — Расскажите мне о себе хотя бы немного?

— Обо мне?

— Должна существовать какая-то причина, по которой убийца нас пощадил. Может, у нас есть нечто общее?

— Ох, ну да. Впрочем, я не думаю, чтобы... В любом случае меня зовут... — Ее ладонь оторвалась от рукава и закрыла рот в детском жесте удивления. — Мой бог, я забыла представиться.

Жордан прыснул, поскольку вся ситуация была абсурдной. Юлия, которая мгновение выглядела так, словно собиралась вскочить с одеяла и отвесить ему положенный по этикету поклон, подхватила смех.

— Это страшно, так смеяться, когда они все умерли, — сообщила она, пряча лицо в ладонях.

— Собственно, смех не должен претить мертвым, — заверил он. — И думаю, мы можем формальности опустить. Я знаю, как ваше имя, а вы наверняка ведаете, как зовут меня. Мне интересно: кем вы являетесь и зачем приехали в Соур?

— Мой второй муж преподает латынь в школе для мальчиков. Мы уже пять лет живем в Цамбоне, поэтому я и знаю

окситанский. Я время от времени даю девочкам частные уроки рисования.

— А первый?

— Что, простите?

— Первый муж.

— Умер, когда мне было девятнадцать лет.

— От чего?

Она сдвинула брови.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Все связанное со смертью меня интересует, — ответил он.

Она слегка поджала губы, но немного погодя ответила:

— Не думаю, чтобы это имело нечто общее с трагедией, однако если вас интересует, то он погиб в результате несчастного случая.

— Ага. Зачем вы приехали в Соур? Просить о чуде?

В этот раз гримаса неудовольствия была заметнее. Юлии явно не нравились манеры Жордана, но врач никакой вины не ощущал.

— Это частное дело. Мой муж уверен, что я приехала проведать родню. Я боялась, что служанка может меня выдать, и оставила ее в таверне возле порта, а дальше поехала одна.

— А вы отсюда?

Она кивнула.

— Я родилась здесь, но моя семья... мы не поддерживаем близких отношений.

Если Юлия и в самом деле говорила правду, то она ответила на один занимавший Жордана вопрос. У него не имелось причин ей не верить, но все еще было ощущение — женщина поведала не все. Возможно, утаила нечто очень серьезное.

* * *

— Куда мы идем? — спросила она, когда они продирались через толпу на рынке.

Вокруг кричали торговцы индульгенциями, освященными жетонами и остро пахнущими приправами, а ослы свободно бродили между палатками, глядя на прохожих со спокойствием философов.

На щербатой мостовой было полно мусора, отрубленных рыбьих голов и гниющих овощей, время от времени попадались там мутные лужи конской мочи. Ни платье, ни элегантные башмачки Юлии не были приспособлены для хождения по такому, однако спутница Жордана чувствовала себя здесь лучше его, ловко лавируя между несущими плетеные корзины женщинами, снующими повсюду детьми и настырными продавцами.

— В больницу, — ответил он, воспользовавшись тем, что парень у палатки со скобяными изделиями перестал на время лупить черпаком по сковородке.

— В больницу? Вы думаете, что Клавдия ранена или убийца забрал ее...

— Там ее муж. — Жордан решил, что настала пора это сообщить. — Он может знать, куда она подевалась.

— Ох, — Юлия неожиданно проявила чувства, — неужели сеньор Зекондин вчера вечером... заболел?

В этот раз короткая пауза была наверняка вызвана не ее волнением, а раздумьями.

Доменик кивнул.

— Можно сказать и так.

Похоже, Юлия хотела задать еще один вопрос, но передумала. Помогать ей в этом Жордан не собирался.

— О чем вы разговаривали с Клавдией у фонтана? — Он решил сменить тему.

— Ни о чем важном. Вы знаете, женские дела.

— Выглядело так, словно у вас удивительно дружеские отношения. Вы были знакомы с ней раньше?

— Откуда? Мы познакомились вчера, после полудня. Однако случается, хватает и пары проведенных вместе часов.

Ее губы улыбались, а глаза оставались настороженными.

— Встреча двух братских душ?

— Сестринских, — поправила его она.

— Что вы можете о ней рассказать?

Она отодвинулась, поскольку навстречу шел темнокожий мальчик. Он остановился возле палатки со сладостями и принялся что-то быстро говорить. Вскоре вокруг него собралась небольшая толпа — мужчины и женщины, явно возбужденные, с истинно восточным темпераментом размахивали руками.

Жордан потянул Юлию в тень ворот.

— Предполагаю, весть об убийстве уже разошлась, — тихо сказал он.

— О да. — Она слегка улыбнулась. — Похоже, они ищут высокого белого безумца со шрамом на лице.

Жордан мысленно благословил людскую тягу к фантазиям.

— Они говорят о том, что этого бандита сопровождает женщина?

— Нет. — В ее глазах снова что-то блеснуло. — Только я не знаю, обязаны ли вы верить мне на слово. Вам уже пришло в голову, что я могу в любой момент вас выдать?

— Пришло.

— И что тогда?

— Ничего. Не причину вам вреда без нужды. Именно это вы хотели знать?

Она вздохнула.

— Я временами начинаю задумываться: не вы ли убили всех тех людей?

«Забавно, а у меня такие же сомнения насчет вас», — мысленно ответил он. Правда, основную часть ударов нанесли со слишком большой для женщины силой, но Юлия могла быть просто помощницей убийцы.

Однако, даже если он пришел снаружи, кто-то должен был его впустить...

* * *

— Клавдия Зекондин, — напомнил Жордан, когда они протолкались через толпу и очутились на улице, ведущей к больнице. — Что вы можете о ней рассказать?

— Вы думаете, она жива? — Юлия ответила вопросом на вопрос.

— Не знаю, — честно признался он. — В ее комнате было много крови, однако она могла выжить. Может, даже сама вышла из дома.

— Либо убийца из каких-то соображений забрал ее с собой.

— Ее или ее тело, — согласился он.

Юлия посмотрела на Доменика, и тот на какой-то момент уверился, что вот сейчас услышит одну из характеристик, к которым уже привык, — что у него нет сердца, а манеры его как врача просто отвратительны.

— Это простая девушка, — сказала она. — Происхождением из Ум, городка на западе. У ее отца там была красильня. Когда родители умерли, она стала зарабатывать на жизнь. Устроилась к Зекондину, а он...

— Обольстил ее, а потом на ней женился?

— Да.

— Сказочная история?

Она отвела глаза.

— Что-то в этом роде. Для наивной и бедной девушки это было как воплотившийся сон — даже если она не полюбила мужчину, то собиралась полюбить в дальнейшей жизни, которую он ей обещал.

— А потом оказалось, что сон этот на самом деле кошмар. Когда стало поздно?

Они видели уже строение больницы, поэтому он схватил женщину за руку и остановил. Теперь они стояли в тени каменного дома, над их головами свисали с балкона увядшие листья.

— Клавдия очень его любит, — сообщила Юлия, вроде бы не совсем в тему. — Кроме того, что он с ней делает. Она никогда...

— Никогда — что? — спросил Жордан, но ответа не дождался.

Он разглядывал прилегающее к монастырю обшарпанное здание, в котором находилась больница. Правда, вероятность, что Баптиста уже проведал, где провел последнюю ночь Зекондин, была мала, но Доменик решил не рисковать.

Боковыми дверями из строения вышли две монахини в серых рясах. Они несли большую плетеную корзину с постиранным бельем, которое начали развешивать на шнурах. Белые полотнища простыней вздымались на легком ветерке, женщины отпускали шуточки и смеялись. Вряд ли их настроение могло быть таким хорошим, решил Жордан, если бы их недавно навестил офицер, рассказавший о массовом убийстве, однако на всякий случай подождал еще немного.

Он думал о Клавдии Зекондин. О том, кем она действительно являлась. Поскольку она должна была быть кем-то большим, чем обычная девушка, которую неожиданное замужество вознесло над ее классом. Обычные девушки не исчезают таинственно с места преступления и не становятся ключом к разгадке убийства восьми osób.

* * *

Внутри больница производила более благоприятное впечатление, чем снаружи. Небольшой зал был чист, постель явно недавно сменили, а возле окна стоял столик с миской и жбаном, наполненным свежей водой. Заняты были толь-

ко три из шести кроватей: двое больных спали, а третий, старый мужчина в ночной рубашке, стоял у окна и стеклянными глазами рассматривал двор. Жордан попытался с ним заговорить, но тут невысокий, пухлый врач, входя в зал, соби-
общил:

— Ничего вы от него не узнаете, бедняга еще до сих пор не может поверить в свое счастье. Или в невезение, тут как посмотреть. Вы окцитаец, верно? Меня зовут Сасхес, и я знаю окцитанский, поскольку учил в Корссон. Если вы ищите помощи, то попали куда надо. Вы и в самом деле выглядите бледновато, и если подойдете ближе к свету...

— Ничего меня не беспокоит. — Жордан решительно осадил разговорчивого врача. — Меня интересует человек, которого привезли вчера вечером. Руфус Зекондин.

— Помню, конечно же, помню. Очень интересный случай...

— Где он находится сейчас?

Сасхес смутился.

— Боюсь, он умер сегодня под утро, его тело все еще в палате. Сеньор Зекондин ночью был очень беспокоен, и мы положили его отдельно. Через час за ним приедет фургон, чтобы отвезти в мертвецкую. Может, вы знаете, есть ли у него родственники, которых необходимо уведомить?

— У него была жена, — встряла Юлия. — Но нам неизвестно, где она.

— Я могу посмотреть тело? — спросил Жордан.

Сасхес нахмурил брови.

— Не понимаю...

У Жордана на мгновение возникла мысль объявить, что он тоже врач, — диплом Алестранского университета наверняка произвел бы впечатление на кого-то, учившегося в Корссон, но выбрал более простой путь:

— Руфус Зекондин был моим приятелем, я хотел бы с ним попрощаться.

— Если так, то конечно. Прошу за мной.

Он проводил их в меньшую палату, в которой стояло только две кровати. Одна была пуста и аккуратно застелена, на другой под простыней виднелся удлинённый силуэт. В помещении ощущался пока ещё слабый, но уже узнаваемый запах разложения. Жордан подошел ближе и откинул покров. Скорее почувствовал, чем услышал, как стоявшая за его спиной Юлия резко вдохнула воздух.

— Я подожду снаружи, — сообщила она.

Руфусу Зекондину было около пятидесяти лет, и он имел тело хорошо упитанного кита — скверное телосложение для романтического любовника молоденькой девушки, однако, как рассказала Юлия, перспектива выгодного замужества могла помутить разум горничной. Жордан взялся за залубеневшую от крови рубашку умершего и распахнул ее. И конечно, забыл при этом, что следует играть охваченного печалью приятеля, но, на счастье, Сасхес оказался не слишком наблюдательным.

— Зекондин умер в этой кровати?

— Да. Заверяю, он умер спокойно, во сне.

Искаженное ужасом лицо трупа свидетельствовало об обратном. Насколько Жордан успел оценить таланты Сасхеса, тот явно был лучшим утешителем, чем лекарем.

— А кровь?

Врач снова смешался.

— Ну да, удивительное дело. Перед смертью у него изо рта текла кровь, это временами случается... И конечно, при этом он не страдал, — поспешно заверил Сасхес. — Наверняка даже не чувствовал...

— Знаю, умер спокойно, во сне. — Жордан вновь закрыл останки покрывалом, после чего наклонился и оглядел пол из сосновых досок. На нем виднелись красные, высохшие уже пятна величиной с ноготь, протянувшиеся от кровати до двери. — Любопытно, зачем в этом мирном сне Руфус Зекондин разгуливал по комнате?

— Что вы говорите? — Сасхес одарил Жордана непонимающим взглядом. — Вы намекаете, что мы плохо следили за вашим другом? Заверяю...

Доменик вышел и, не обращая внимания на все возрастающее недоумение врача, присел в коридоре, после чего осмотрел пол. Ничего он не нашел — если тут и были какие-то следы, то их давно затоптали.

— Кто-нибудь приходил к Зекондину ночью или рано утром? — спросил он.

Стоявшая у входа в соседнюю палату Юлия слегка вздрогнула, и только по этому можно было понять, что она прислушивается к разговору.

— Нет, никто его не проведывал. — Голос Сасхеса неожиданно окреп. — Вы ведете себя неподходящим образом...

— Вы не можете знать это точно, поскольку каждый может сюда войти с улицы, — сообщил Жордан, а Сасхес тут же покраснел.

— Вы наглец! Никого тут не было. А может, вы наслушались глупостей от старого Никосана? — Он кивнул в сторону второй палаты. — Я вам говорил, что со времени чуда этот человек лишен ясного мышления.

— И что говорит Никосан? — Жордан не собирался ослаблять хватку.

Сасхес пожал плечами.

— Будто под утро за Зекондином пришла сама Смерть. Это глупость, ясное дело, никто разумный в подобные бредни не поверит. Прошу вас уже уйти, наступает время заниматься больными...

Жордан направился в сторону двери, но у порога еще на минуту остановился.

— С какой целью чудо могло у кого-то отобрать ясность мышления?

Он ожидал, что Сасхес ему не ответит, однако толстый доктор неожиданно быстро вернулся к своей добродушной говорливости:

— О, это очень интересная штука! Сеньор Никосан болел давно и примирился со смертью, некоторым образом даже ее ждал, поскольку его финансовая ситуация... сообщу, что она запутана, и для его семьи было бы лучше, чтобы он умер. Все уже готовились к концу, но тут случилась неожиданность: вчера утром пациент проснулся здоровеньким, словно двадцатилетний молодец. Чудо, несомненное. — Сасхес с триумфом улыбнулся так, словно это было его рук дело. — Сеньору Никосану физически ничего не грозит. А вот зато психически... Бедняга это плохо воспринял, и должно пройти какое-то время, чтобы он освоился. Неисповедимы дела Господни, верно? Где вы найдете такой город, как Соур?

* * *

— Что теперь? — спросила Юлия, когда они вышли из больницы на пропеченную солнцем улицу. Жордан произвольно прищурился.

— Не имею понятия, — честно признался он. — Мне нужно спокойное место, чтобы все обдумать.

«И поспать, — подумал он. — Не должен я быть усталым в это время, поскольку еще полдень не миновал». Тревожило его это, хотя он всегда мог переложить вину за плохое самочувствие на жару.

Юлия молчала.

— Вы все еще уверены, что удастся найти Клавдию? — немало погодя спросила она.

— Да, — ответил он, хотя уверенности и не чувствовал.

— И что вы с ней собираетесь сделать?

— Наверняка поговорить.

— О том, что случилось в доме?

Он кивнул. Юлия сильно прикусила губу.

— А потом?

— Почему вы, собственно, считаете, будто существует необходимость этого «потом»? — спросил он, и женщина вновь отвела взгляд в сторону.

— Можете вы мне обещать хотя бы выслушать ее?

Вот это он мог абсолютно искренне. Юлия облегченно вздохнула, хотя даже сейчас не выглядела до конца уверившейся.

— Я знаю, где мы можем передохнуть, — сообщила она.

* * *

Адам Бабирей жил на окраине города, в двухэтажном, не до конца отстроенном доме. Первый этаж был почти закончен, только в нем вместо окон зияли дыры, не хватало участка крыши, а с террасы неосторожный гость мог запросто упасть на скалы, о которые разбивались волны.

У стен громоздились кучи высушенных на солнце кирпичей. Они выглядели такими древними, словно работу над домом прервали лет двадцать назад и с этого момента строение лишь старело, превращаясь в руины. Сидевший у двери мальчик, увидев гостей, сорвался с места и с криком бросился внутрь, отбросив мячик из цветных тряпок, который подкатился к ногам Жордана. Тот пнул его, и прогуливавшаяся по замусоренному двору курица громко, протестующе закудахтала.

Женщина, вышедшая им навстречу, также явно не вписывалась в ожидания Жордана. Она была неопрятна, с натруженными работой руками, в платке, из-под которого торчали космы жирных волос. Бедна, неопрятна и очень испугана — она явно не могла быть в родстве с Юлией Августинной. При виде гостей она вытаращила глаза и сказала что-то высоким, резким голосом. В нем слышался подпитанный страхом гнев.

Жордан был уверен, что никто и никогда с такой злостью и страхом не приветствовал возвращающуюся в дом блудную родственницу.

— Я происхожу из бедной семьи, — сообщила Юлия, когда четверть часа спустя они сидели на втором этаже.

К этому моменту она уже получила от невестки простое полотняное платье и переделалась в него, на ногах у нее теперь были более подходящие к одежде кожаные сандалии. Несмотря на это, она все еще выглядела дамой. Жордан пил воду, которую принесла госпожа Бабирей — с помощью своей переводчицы заверив, что ничего более ему не нужно, но хозяйка дома не выглядела в этом уверенной. Его присутствие явно ее нервировало, а золовка так и вовсе будила агрессию.

— Прошу извинить за все это, — промолвила Юлия, одним взмахом руки охватывая разваливающуюся мебель, обшарпанные стены и мусор, замеченный в кучки за дверями, а потом забытый. Сеньора Бабирей до сих пор сражалась с хаосом, но войну явно проигрывала. — Вы выглядите кем-то, привыкшим к значительно лучшей обстановке.

— Я привык к лучшей обстановке, — ответил он, — но это не значит, что я не ценю помощь, вашу и вашей невестки.

Юлия знакомым Жордану образом крутила в руках кубок для вина. Через дыры в крыше лился солнечный свет, подсвечивая танцующие в воздухе пылинки. Пахло старым деревом, протухшей едой и мокрой собачьей шерстью. Снаружи долетали собачий лай и высокие голоса о чем-то спорящих детей — их было много, то ли четверо, то ли пятеро. Сеньора Бабирей что-то сказала злым голосом, в ответ одна из девчонок закричала.

— Я выросла в этом доме, — сообщила Юлия Августина с горьким смешком. — Тогда все выглядело лучше... но не очень.

— А где ваш брат? Работает?

Она кивнула, водя пальцем по краю кубка.

— По традиции унаследовал дело от отца. Наверняка вернется вечером, злой и пьяный. — Она подняла на Жордана глаза, и в них блеснул вызов. — Он местный палач, а я дочь палача. Выросла в доме, в который курицы приходят со двора и гадят на мебель.

Не многие женщины решились бы выговорить это, при том сохраняя вид безупречно воспитанной особы. Юлии Августине это удалось без труда. Она могла не быть урожденной дамой, но являлась ею по личному выбору.

Жордану удалось представить ее молодой девушкой, стыдящейся родственников и отчаянно мечтающей об ином мире. Девушкой, приносившей в запущенный, мрачный дом полевые цветы, а потом долго прикидывающей, как разместить их в вазе, не обращая внимания на окрики матери. Может, уже тогда ее окружала та неосязаемая аура обаяния и гармонии, которая коснулась Доменика, когда он в первый раз ее увидел.

— И все-таки вам удалось отсюда сбежать, — сказал он.

— О да. Единственным способом, доступным большей части бедных девочек.

— Через замужество?

Она согласилась.

— Он был очень известным художником, значительно старше.

Жордан начал понимать.

— Именно поэтому вы так быстро подружились с Клавдией? Вы увидели в ней себя в прошлом?

Она в очередной раз кивнула, быстро и нервно. Она все еще смотрела на кубок, но Жордан был уверен, что, если бы она подняла на него глаза, он увидел бы в них ту самую настороженность, уже знакомую ему.

— Две духовные сестры, — сказал он. — И две истории, как из книжки, в которых богатый старый человек искусства женится на бедной девушке, хотя, возможно, она влюбле-

на не только в него, а больше в возможности, получаемые с этим замужеством. Что еще совпадало? То, что сладкий сон неожиданно сменился кошмаром?

Юлия молчала. Дети за окном на время успокоились, и теперь было слышно только лай.

— Как звали вашего первого мужа?

Она заколебалась, но ответила:

— Абидан Зубери.

Жордан вынул из сумки нож и положил его на столик. Юлия едва заметно вздрогнула, а пальцы ее сильнее сомкнулись на кубке.

— Он принадлежал вашему мужу, верно? Вы дали его вчера Клавдии, чтобы она могла обороняться.

Он заметил, как глаза женщины холодно блеснули. Юлия Августина могла любить красивую одежду и украшать гостиничную комнату цветами, но характер у дочки палача был, и она многое пережила, прежде чем заняла свое место.

— Имена, начинающиеся на «А», в Нумидии популярны. Уверена, вы без труда найдете среди предков Зекондина какого-нибудь Адама, Абре или Авилуса.

Она явно не была глупа.

— Быстро, — похвалил он. — Из вас получился бы неплохой убийца.

— Вы на меня наговариваете.

— Наоборот, это был комплимент, не имеющий второго смысла. Я знаю, вы все время беспокоитесь о той девушке. Могу вас успокоить: Клавдия не орудовала данным ножом ни вчера вечером, ни сегодня утром.

Глаза Юлии от удивления стали большими.

— Однако... я видела кровь на рубашке Зекондина.

— Это не его кровь. Муж Юлии умер от ужаса.

— А вчера вечером? Когда та горничная прибежала, я думала...

— Я знаю, о чем вы думали. Однако сеньор Зекондин только лишь плохо себя чувствовал. Первым делом жара, потом вино за ужином, а позднее скандал с женой. У него заболело сердце, и ему стало дурно. Ничего особенного.

— Зачем вы тогда отослали его в госпиталь?

Жордан пожал плечами.

— Я подумал, что Клавдии следует дать день-два за пределами досягаемости кулака супруга. Кроме того, с пригорбием отмечаю, что у местных больниц удивительно высокий уровень. В Алестре сеньор Зекондин имел бы шансы подхватить какую-нибудь мерзкую болезнь и покинуть сей мир, как и пристало человеку порядочному.

Юлия Августина долго смотрела на него.

— Возможно, я думала о вас хуже, чем следовало, — сообщила она. — Хотя и не уверена, что мне нравится ваше чувство юмора.

— Может, в таком случае вас удовлетворят мои рисунки. Не найдется ли в этом доме какой-нибудь бумаги?

* * *

Юлия отправилась на поиски бумаги, а Жордан вышел на террасу. Солнце ударило ему в глаза, и он долго моргал, прежде чем его зрение перестроилось, привыкло к яркому свету.

Под ногами у него было голубое море, которое билось о скалы, плюмажи пены на волнах сверкали и имели цвет пропеченной солнцем белизны, цвет сохнувших на шнуре простыней. Все вокруг казалось слишком светлым и излишне теплым. Далеко на пляже виднелись пять детей в разных оттенках загара, которые со смехом бегали за мохнатым псом, — их резкие, молодые голоса долетали до него, словно отраженное эхо чего-то, происходившего давным-давно.

Услышав шаги за спиной, он обернулся. На террасу вошла девочка лет тринадцати-четырнадцати. Она отвесила

неуклюжий поклон, потом сказала на хорошем окциданском:

— Мама прислала меня спросить: не желаете ли вы чего съесть?

— Спасибо, я не голоден.

Улыбнувшись, она показала ему белые зубы, контрастировавшие с темной кожей. Похожая на тетку, хотя и не такая красивая, она отличалась пронизательностью.

— Хороший принцип, — одобрила девочка, глядя на Жордана без стеснения. И это его тронуло, ему эта открытость ребенка нравилась больше, чем испуганная суета ее матери.

— Хочу о чем-то спросить, — сообщил он.

— Да? — Заинтригованная девочка приготовилась слушать.

— Помнишь, как твоя тетка убежала с сеньором Зубери?

— Этим художником? Не очень, мне было тогда полгода. Однако мама мне потом много рассказывала. Я старшая в семье, — похвалилась она.

— А мама говорила тебе, почему она так зла на тетю? — Эту деталь он не сумел вызнать, и она его интересовала.

Если бедная девушка убежала с богатым мужчиной, а годы спустя возвращается замужней женщиной, это не причина для злости, особенно если учесть, что семья Бабирей не казалась излишне религиозной.

— Нет. — Девочка выглядела искренне огорченной неумением ему услужить. — Один раз только сказала нечто, мне непонятное...

— Что именно?

— Неможно ставить человека над богом. Словно бы тетя обязана была идти в монастырь, нет?

— А она должна была?

— Нет, насколько я знаю, нет. Поэтому в сказанном и нет смысла. Может, маме что-то показалось? Я спрашивала,

однако она ничего более не сообщила. Если желаете, могу спросить еще раз.

Ребенок очень хотел пригодиться.

— Лучше не надо. — Он вовсе не желал, чтобы ее мама узнала о его расспросах. — А как переводятся слова Ur iya timasu?

— «Нахожусь в аду». Кажется. У вас ужасный акцент.

Девочка явно еще чего-то ждала — может, очередного вопроса, может, похвалы своему умению говорить по-окситански, а когда ее всего лишь поблагодарили, попрощалась и ушла, явно разочарованная.

* * *

Несколькими минутами позднее вернулась Юлия. Она несла пожелтевший альбом, а ее белое платье развевал ветер. Жордан обернулся.

Он стоял теперь в конце террасы, опасно близко к лишенному ограждения краю. Лицо женщины исказила гримаса, словно она в этот ясный, солнечный день увидела духа из прошлого. Длилось это долю секунды, потом Юлия собой овладела, а Доменик сделал вид, будто ничего не заметил.

— Нашла только это, — сообщила она. — Еще со времен, когда Абидан учил меня рисовать.

Поблагодарив, он уселся за столик. Он предпочел сидеть на солнце, на террасе, а не в помещении, где скверные воспоминания семьи Бабирей, казалось, покрывали мебель, словно толстый слой грязи.

Быстрыми движениями он начертил план Дома пилигрима, а потом дорисовал в соответствующих местах тела. Юлия смотрела на него молча. Заговорила она лишь тогда, когда он стал обозначать на телах раны: жирной штриховкой — глубокие, требующие большой силы, а тонкой — слабые порезы.

— Почему вас так интересуют эти убийства?

— А почему вас они почти не интересуют?

Она сжала губы и повернулась лицом к морю.

— Люблю все красивое, — сообщила она. — Никогда мне не нравилось связанное со смертью.

— Однако о ней вы знаете много.

Всё ещё глядя на море, она кивнула.

— Когда я была маленькой, мама иногда посылала меня к отцу с обедом. Не выносила этого. Он... вместо того, чтобы просто взять корзинку и вернуться к работе, всегда со мной заговаривал, хотел, чтобы я вошла внутрь и посмотрела то и это. В Окситании уже отказались от пыток, но здесь это популярный метод получения показаний. Прежде чем мне исполнилось двенадцать, нагладелась разных вещей. Не желаю больше смотреть на смерть или думать о ней. Кроме того, в этом нет смысла. Этим способом вам никому жизнь вернуть не удастся.

— Об этом не идет речи.

— А о чем? О справедливости?

— На втором месте моя честь, разумеется, — признался Жордан.

Закончив рисунок, он внимательно его рассматривал.

— А что на первом?

— Любопытство.

Она тихо фыркнула.

— Вы хотя бы человек чести.

Жордан молчал долго. Ждал, любопытствуя, не проявит ли Юлия, несмотря на свое отвращение к смерти, обычную человеческую слабость.

Не дождался.

— А как вы думаете, кто этих людей убил? — спросила она.

— Не имею понятия, — откликнулся он. — Не вижу в этом никакого смысла. Двери входные были заперты, значит, либо кто-то впустил убийцу внутрь, а потом закрыл за

ним двери, или убийцей оказался кто-то из находящихся в доме.

— Вы, я или Клавдия. Надеюсь, девушку вы не подозреваете...

— Нет, пожалуй. Она заморыш, а донне Катарине почти отрезали голову. Вы не смогли бы нанести такого удара... Хотя, может, я и ошибаюсь? Выглядите вы сильной.

Юлия вздохнула.

— Благодаря нашему хорошему знакомству приму это за очередной странный комплимент.

Жордан подвинул в ее сторону рисунок и показал на лежащее в коридоре тело.

— Больше всего удивляет меня горничная. Смерть остальных я могу понять. Они лежали в кроватях, убийца прикончил их во сне. Удивительно, что никто не проснулся и не попытался звать на помощь, однако возможно. Вот только служащая бодрствовала, когда встретила злодея в коридоре, но и она не кричала. Почему?

— Может, он напал на нее сзади?

— Раны нанесены спереди. Кроме того, было светло, в доме царила тишина, в которой был хорошо слышен каждый шаг, а девушка не делала ничего, требующего внимания, всего лишь гасила свечи. Если бы кто-то подходил к ней по коридору, она обязана была обернуться, чтобы спросить, зачем он встал так рано.

— А если она знала убийцу? В таком случае она могла удивиться, но не испугаться, пока не стало поздно.

— Трудно не испугаться, если коридором к тебе идет забрызганный кровью человек. Убийца обязан был перепачкаться кровью, это вы сами сказали.

— Может, он убил горничную первой?

— Я тоже об этом думал. Однако это не имеет смысла. Вот посмотрите: тут, в конце коридора, находится комната Радке, а тут лежало тело горничной. Крови вылилось так

много, что эту лужу перепрыгнуть было нельзя. Если бы кто-то, убив горничную, пошел резать горло адвокату, то, возвращаясь, должен был вступить в красное и оставить следы.

— Однако следов не было, — медленно сказала Юлия.

— Нет, следов не было, — повторил за ней он.

Она покачала головой.

— Может, это демон?

— Демоны в нашем мире являются существами физическими и тоже оставляют следы. Кроме того, они убивают иначе, зубами и клыками. А эти раны выглядят так, словно их нанесли каким-то длинным и очень острым оружием, более острым и длинным, чем нож, который вы дали сеньорите Клавдии.

— Чем-то вроде меча?

Он взглянул на нее с интересом.

— Например. Хотя кто-то, идущий через город с окровавленным мечом в пятом часу утра, наверняка обратил бы на себя внимание. — Резким движением он схватил со столика лист, смял его и кинул на террасу. — Я уже сказал, это не имеет смысла.

Теперь к усталости добавилась пульсирующая головная боль, солнце жарило уже прямо внутри черепа. Доменик закрыл глаза, и неожиданно перед ним предстало лицо донны Катарины. Она была пронырливая, болтливая старушка, и у него не было причины ее особенно любить, однако такой смерти она не заслужила. Никто из Дома пилигрима не заслуживал.

Каким чудом он мог проспать убийство восьми человек? Он злился на себя, чувствовал слабость, и это его пугало.

Юлия слегка прикоснулась к его плечу.

— Вы хорошо себя чувствуете?

Он хотел ответить, что его измучила жара, но подумал, что в последнее время слишком часто это говорил — другим

и самому себе. Все-таки он встал и поднял листок, который ветер уже отнес на противоположный край террасы.

— Мы должны найти Клавдию, — сказал он.

— Я тревожусь об этой девушке. — Юлия Августина мгновенно забыла о его самочувствии, что при иных обстоятельствах могло быть и плохо. — Та кровь на рубашке ее мужа... она меня беспокоит.

— Меня тоже, хотя и по иному поводу.

Казалось, она его не слышит.

— Я пробовала себя убедить, что, если Клавдию ранили, кто-то наверняка о ней побеспокоился; кроме того, если она может ходить — значит, ничего слишком плохого с ней не случилось. Однако... она ошеломлена, охвачена ужасом и не знает города... Извините. Прошу, нам следует ее найти. Где она?

— Не знаю.

Юлия резко и зло дернула головой.

— Вы мне говорили, что сумеете ее найти.

— Я обманул, — без тени раскаяния признался он. — Не имею понятия, куда девушка могла пойти, но это можете знать вы.

* * *

— Клавдия дезориентирована и не знает города, это так, как вы сказали. Она знает Дом пилигрима и больницу, а что еще? Где она еще была? Какое место покажется ей настолько хорошим, чтобы она могла попробовать там спрятаться?

Юлия некоторое время размышляла.

— Кладбище Невинных, — наконец сказала она. — Ничего иного не приходит мне в голову. Клавдия говорила, что это такое приятное, тихое и прохладное место.

* * *

Юлия предложила Жордану что-нибудь из одежды брата, однако он отказался. И не потому, что у него не было

желания ходить в костюме презренного палача, — тут он мог переломить свою гордость — а потому, что, одевшись так, только обратил бы на себя больше внимания. Не имело смысла и притворяться местным жителем, когда он выглядел чужеземцем и не знал языка. Он решил надеть наиболее потертый и плохо сшитый кафтан из найденных в саквояже. Этого и закрывающей лицо шляпы, какие носили в Соуре почти все приезжие, на время должно было хватить.

Миновал полдень, город начал пустеть, поскольку все, кто только мог, на несколько ближайших часов спрятались от жары. Жордан и Юлия специально выбирали людные улицы, те, на которых разбили свои палатки самые активные торговцы: по которым двигались самые стойкие пилигримы. И все равно, народу явно было меньше, чем утром. Жордан то и дело перехватывал напряженные взгляды встречных, а проходя мимо маленьких кофеен, слышал тихие разговоры, которых не понимал, но смысл их угадать было нетрудно. Весть об убийстве в Доме пилигрима уже разнеслась, и теперь ею жил весь город.

Два раза рядом с ними прошли люди, в которых он узнавал тайных агентов. Один из них при виде Жордана насупил брови и даже хотел его остановить, но, очевидно, спокойствие мужчины, а также вид идущей рядом с ним женщины убедил стража порядка этого не делать. Один раз Доменик едва не столкнулся с Баптистой, расспрашивавшим людей на цветочном рынке: его отделяло от офицера шагов десять — пятнадцать, не больше. Он повернул тогда в сторону так непринужденно, что, когда они миновали торжище, Юлия рассмеялась.

— У вас нервы из стали, — сказала она, а Жордан вспомнил последнюю встречу с Баптистой и подумал, что теперь его самообладание на что-то пригодилось.

Кладбище, на которое они направлялись, находилось на горе, над городом. Сюда еще долетали слабые порывы соле-

ного ветра, а растущие вдоль аллеи кипарисы давали пахнущую смолой тень. Это и в самом деле оказалось удивительно прохладное, приятное место. И пустое, если не считать стрекочущих в траве цикад.

Юлия села на лавку. Жордан последовал ее примеру. Большая часть могил выглядела древними, кресты покоились под тяжестью лет, каменные плиты потрескались и поросли мхом. Хотя характерной для кладбищ атмосферы меланхолии тут не ощущалось, словно бы призраки эту гору покинули.

Наклонившись, Доменик прочитал наполовину стертую надпись на одном из надгробий: 1655—1662. А рядом другое, с идентичной датой смерти и не слишком отличающейся — рождения. Дети наверняка умерли в эпидемию. Он подумал о госпоже Бабирей, которая просталась с ними, прижимая к себе одного из сыновей. Ему вспомнились ее большие, настороженные глаза, в которых без труда читалось: «Уходи отсюда и никогда не возвращайся». Госпоже Бабирей не хватало благородства и красоты золовки, но, если взглянуть под другим углом, она была мудрее — мудростью простых людей, которые видят, куда их ведет судьба, и способны почувствовать опасность.

— Зачем вы приехали в Соур? — спросил он.

Оторвавшись от размышлений, Юлия взглянула на Жордана.

— Я должна ответить, чтобы утолить ваше любопытство?

— Почему нет? Все равно у нас нет лучшего занятия, чем сидеть здесь и ждать.

Юлия Августина занялась поясом платья, выдергивая из него нитки.

— Я приехала просить о чуде, — сказала она, когда он уже потерял надежду услышать ответ. — Об этом вы и сами догадались. Мой муж и я... у нас нет детей, а я знаю, что ему

их очень хочется. Поэтому решила... Сама не знаю, о чем я, собственно, думала. И не понимаю, отчего выбрала именно Соур. Может, хотела вернуться домой, хотя бы на пару дней? Много лет я избегала этот город, но все равно по нему тосковала. Теперь я думаю, что могла... могла и ошибиться.

— И надо было вам ехать втайне от мужа?

— Ох, вы не знаете Соломона. Он очень принципиален в некоторых вопросах. Не верит в бога и считает все чудеса, приписываемые молвой Его имени, на самом деле только...

— Магией? Чарами?

— Не так. Словно воспользоваться услугами демонов, только под иным названием.

— Большая часть случаев выглядит правдоподобно, — пробормотал Жордан.

— Вы верите в бога?

— Я боюсь, что Он есть. Это почти то же самое.

* * *

— Прошу взглянуть.

Юлия первая увидела направляющуюся в их сторону фигуру. Это был сгорбленный, подволакивающий ногу мужчина, темная рабочая одежда которого выдавала в нем могильщика. Он приблизился к лавке и, не поднимая головы, пробормотал несколько слов по-берберийски.

— Он предлагает идти за ним, — взволнованно сообщила она. — Какая-то девушка желает с нами увидеться. Думаете, это Клавдия?

— Не знаю, но сейчас увидим.

Мужчина проводил их в маленький домик, прилепившийся к кладбищенской стене. Юлия наклонилась и обменялась с горбатым могильщиком несколькими словами, потом подождала идущего следом Жордана. Ее возбуждение, похоже, улеглось, уступая место тревоге.

— Вроде бы девушка не говорит, а только показывает жестами, чего хочет. Не понимаю, почему этот человек твердит, что я «обязана увидеть». — Она схватила Жордана за руку и сильно ее стиснула. — Вы мне поможете?

— Постараюсь. — Он осторожно высвободил руку.

Они вошли в дом. Здесь царил полумрак, в котором Жордан увидел простой стол, стоявший посередине, и склоненную в углу девичью фигуру. Внутреннее убранство было весьма убогим, но в воздухе витал в общем-то неплохой запах хозяйственного мыла и какой-то еды, обильно приправленной перцем. Милая замена мрачному дому палача.

Доменик подошел к закрытому окну и отворил его настежь. Солнце отвоевало у темноты вымытый дочиста стол, на котором стояла тарелка с едой. Могильщик, похоже, собирался есть, но скорее пытался накормить нежданную гостью, которая сейчас еще сильнее вжималась в угол, словно свет мог ее поранить.

Жордан подошел к девушке и, присев возле, осторожно коснулся тонких, мышиного цвета волос. Клавдия подняла голову, но не разомкнула руки, которыми все еще охватывала грудную клетку, словно ей было холодно. Или словно что-то прятала.

— Не бойся, — сказал врач, а Юлия перевела его слова, добавив несколько от себя.

Потихоньку, стараясь сделать это как можно деликатнее, он отвел руки от едва набухшей груди. Платье Клавдии было рассечено и затвердело от крови. Он раздвинул материю и увидел белую кожу, а также разрез. Он тянулся от горла с правой стороны и аж до левого бока. В нем виднелись рассеченные ребра и сердце, все еще пульсирующее в глубокой, на пол-ладони ране.

С каждым сокращением из раны текла красная струйка. Крови было немного, наверняка меньше, чем следовало

ожидать, однако она все еще текла, хотя девушка уже давно должна была умереть.

Жордан смотрел на сокращающееся и расширяющееся, словно красный кулак, сердце. Зачарованный этим зрелищем, он на несколько секунд даже забыл о самой девушке, пока тихий вскрик Юлии не напомнил ему, где и с какой целью он находится.

Он освободил руки девушки, и та тотчас опять обняла ладонями грудь. Ее губы шевелились, словно она хотела что-то сказать, однако ни один звук не мог вырваться из рассеченного горла. Жордан наклонился, глядя на губы девушки.

— *Ur iya timasu.* — Он скорее додумал, чем прочитал по ним эти слова.

Клавдия медленно прикрыла глаза.

Да.

Жордан встал.

— Выйдем отсюда, — сказал он Юлии, которая без сопротивления позволила вывести себя наружу.

Могильщик остался в доме, проводив их бессильным взглядом.

Доменик посадил Юлию на окружающую кладбище невысокую стену. Женщина дрожала, ее глаза снова казались повернутыми внутрь, однако в этот раз она пришла в себя быстрее.

— Не понимаю, — сказала она. — Эта рана... Клавдия не могла ее пережить.

— И не выжила, — отрезал он. — Девушка умерла в Доме пилигрима, так, как и все остальные, кроме нас двоих. А потом ее вернули к жизни. Это чудо. Соур — город чудес.

— Но ведь это не жизнь! Девушка страшно страдает! Вы не могли бы... что-нибудь сделать?

— Вы имеете в виду — убить ее? Я мог бы выстрелить Клавдии в голову, но предчувствую, это не поможет. То, что ее оживило, продолжит стоять на своем.

— Почему? Кто она такая, что должна так мучиться?

— Никто, она обычная девушка, которой в жизни не повезло, хотя поначалу ей казалось, будто она обрела счастье. Нет в ней ничего важного или интересного. Мы ошиблись: с самого начала все дело упиралось не в нее, а в вас. Клавдия страдает больше всех обитателей Дома пилигрима, поскольку ее вы полюбили особенно.

Он ждал ее реакции: протеста или какого-то вопроса. Однако Юлия молчала, терзая тем временем кружева на рукаве. Жордан подумал, что, если так будет продолжаться, на женщине не останется ни одного целого предмета одежды.

— О чем вы думали вчера вечером? — спросил он, когда стало ясно, что молчание не прервется. — Могу угадать? Попробую, по крайней мере. Вы думали, как хорошо вернуться в родной город, который зря долго избегали, а теперь встретили тут прекрасных людей. Горничная очаровательная, слуги вышколены, а донна Катарина очень беспокоится о бедной Клавдии. Понятное дело, сеньора Зекодина и меня вы из списка прекрасных людей исключили. Мы не были приятными.

Она испуганно взглянула на него.

— И ошиблась, я уже это говорила. Прошу прощения.

Это было невероятно, но и в такой ситуации Юлия Августина разговаривала с ним дружеским тоном.

— Учитывая, что ваше нерасположение сохранило мне жизнь, претензий не имею.

Женщина молчала. Жордан ненадолго прикрыл глаза. Он чувствовал себя таким усталым, будто не спал много дней, а головная боль почти не давала думать. Ирония судьбы была в том, что это и не требовалось, поскольку случившееся в Доме пилигрима логике не подчинялось.

Оно было так же непостижимо, как гром при ясном небе, как гнев божий, обративший в прах Содом и Гоморру. Словно жестокость ангелов с мечами, посланных на землю уби-

вать перворожденных. Жордан припомнил свою идиотскую шутку вчера вечером на террасе, и ему захотелось рассмеяться.

— Они погибли из-за меня, — сказала Юлия. — Поскольку я хорошо себя среди них чувствовала. Поскольку казались мне милыми. Все, даже слуги.

— Да. — Он мог ей солгать, но это не имело смысла. Впрочем, она и заслуживала правды. — Еще вчера я не поверил бы в возможность такого. Милость или чудо — это, собственно, то, чего люди желают, о чем молят. Не всегда, поскольку тот мужчина в больнице выздоровел, однако не думаю, что кто-то мог бы...

— Отказаться? — Она горько засмеялась. — Поверьте, это не было легко. Утром я пошла на пляж, а когда меня нашли, был уже полдень. Всего я не помню и не помню тех часов, однако оставшееся у меня в памяти... Я сражалась. Ползла вдоль берега, по камням и гниющим водорослям, волны заливали мне лицо, и я попеременно то хлебала воду, то вновь кричала. И сражалась, чтобы не впустить это в свои мысли. Домой меня принесли рыбаки, я была вся в крови, еще немного, и откусила бы себе язык... Проснувшись, я рассказала матери о случившемся. Она ужаснулась, а я не очень понимала чему. В тот же полдень она собрала мои вещи и приказала мне идти к Абидану. Мы выехали еще до темноты, месяцем позднее поженились. Я... собственно, я тогда была еще ребенком и не ведала, что творила. Будь я старше, наверняка не нашла бы в себе столько смелости. Однако мне было лишь пятнадцать лет, я любила Абидана или думала, будто люблю. И у меня были свои мечты — может, глупые и девичьи, но мои. И я знала, что если приму этот... дар, благодать или как еще это можно назвать, то снова придется видеть смерть.

— От чего, собственно, вы отказались? — спросил Жордан, хотя уже и догадывался.

— Дар ясновидения. Вы знаете, умение читать по крови убитых...

— Я знаю, что делают ясновидцы.

В Алестре их было три, но для столицы и этого было мало. Их услуги весьма ценили и щедро оплачивали. Только Юлия и в самом деле была права: прими она дар и начни его использовать, с того момента большую часть жизни рассматривала бы жертвы самых ужасных убийств.

— Я забыла, вы интересуетесь такими вещами. — Она откинула волосы с лица, потом продолжила рассказ: — Уехав, я уже боялась вернуться в Соур. Не сильно: как уже говорила, была молодой и глупой, — но достаточно, чтобы не приехать на похороны отца и матери. Вдобавок Адам явно намекал в письмах, что меня не ждет радушная встреча. Даже сейчас, двенадцать лет спустя... Я, наверное, сошла с ума, если мне не пришло в голову, что может случиться. Однако тогда, на пляже... Не знаю, казалось мне это в чем-то сном, словно кошмаром, который забудется после пробуждения. Были дни, когда я верила, что это случилось на самом деле. А теперь умерли восемь человек, девять, если считать Клавдию, поскольку на самом деле она мертва. Или хуже, чем мертва. Вы не думаете, что это была моя кара? Что Он послал... Своего ангела? Просто напомнить о существовании сил, высших, чем человеческие?

— Не имею понятия.

Юлия упрямо покачала головой.

— Я не верю, что это и в самом деле Бог. Люди говорят, что Он... что он особенным образом опекает Соур, поскольку нет тут святого, который мог бы совершать все эти чудеса, но в этом нет смысла. Он нашел бы меня всюду, не стал бы ждать, когда я вернусь... Верно, не так ли?

Смотреть ему в глаза она не могла. Он мог бы ей сообщить, что если жители потустороннего мира еще как-то подчиняются законам людской логики, то для Бога и анге-

лов они совсем не обязательны — поэтому он вызывал демонов, те были хоть каким-то образом предсказуемы, — однако Юлия наверняка об этом знала.

— Вы идите уже, — сказала она, встав. — Я займусь Клавдией.

— Сама?

— Да. Сумеете защититься? — Сказано это было тоном любезной хозяйки, обеспокоившейся судьбой чужеземца, которому могла потребоваться помощь. — У вас есть какой-то план?

— Что-нибудь придумаю. — Он попробовал улыбнуться, но и сам почувствовал, что улыбка получается кривой.

Ненадолго у него даже возникло абсурдное искушение поверить ей настолько, чтобы посвятить в свой план, хотя ничего особенного в нем и не было. Он рассчитывал переждать в укрытии, пока Баптиста и его люди будут его искать, — в первую очередь в порту и на ведущих из города дорогах. Потом, когда суета прекратится и стражи порядка утратят запал, найти окцитанского капитана, который за небольшую доплату переправит его на корабль. Однако мгновения слабости тут же прошли. Принимая во внимание, что окцитанцы не испытывали восторга от берберийцев и почти всегда брали сторону земляков, дело вполне могло выгореть.

— Вы не знаете языка...

— Я справлюсь, — успокоил он ее и закинул саквояж на плечо.

Юлия Августина грациозно поклонилась и заверила, что познакомиться с ним было истинным удовольствием. Приятно было узнать, что некоторые вещи не меняются.

— Секундочку. — Он остановил ее, когда она хотела уже войти в дом. — Если вы не сочтете это излишней смелостью, не мог бы я задать еще один вопрос?

— Да? — Она уже явно была мысленно возле Клавдии, и назойливость Жордана ей не понравилась, но она это тотчас скрыла.

— Вы сказали, что тогда, на пляже, сражались, чтобы не впустить что-то в сознание. Как бы вы это назвали? Добрым, злым, приятным, неприятным?

Юлия задумалась.

— Чужим, — наконец ответила она. — Чужим прежде всего. Так сильно, что я не могу найти иного названия.

Поблагодарив, Жордан пошел прочь. Больше вопросов у него не было.

3

— Что, отче, вы намерены с этой рукописью сделать? — спросил Доменик Жордан, когда его преосвященство в знак капитуляции перевернул фигуру короля.

Епископ Ипполит Малартре вскинул брови.

— Это уже не ваша забота. Данная книга на самом деле одна из самых опасных вещей, существующих на земле.

— Знаю.

— Ведаю, что знаешь. — Епископ фыркнул, потом вызвал звонком молоденького служку и приказал принести вина.

Они возобновили разговор, когда мальчик исчез за дверями, но его преосвященство все равно заметно понизил голос:

— Уверен, ты прочитал ее.

— Вы и словом не упомянули, что я не должен этого делать.

— Не упомянул, поскольку знал, что все равно меня не послушаешь. На счастье, ты относишься к тем редким людям, которым я верю и знаю: ты не используешь это знание во зло.

— Благодарю. — Жордан потянулся к кубку, получая удовольствие от приятных мелочей: вкуса вина, звука барабнящего по стеклу дождя и горящего в камине огня. Лето

того года было в Алестре холодным, что ему решительно нравилось.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил епископ, тоже потянувшись за вином.

— Почему в последнее время люди меня об этом спрашивают?

— Может, потому что даешь к этому повод? А все-таки?

— Чувствую себя великолепно.

Его преосвященство вздохнул, явно не до конца уверившись, потом заглянул в резной секретер и вынул из него распечатанное письмо.

— Получил сегодня утром. Возьми прочитай. Похоже, мы будем иметь в Алестре нового ясновидца. Точнее — ясновидящую.

Жордан пробежал взглядом текст письма. Должен был удивиться, на мгновение даже готов был внушить себе, что так и есть, однако врожденная честность заставила признать, что каким-то образом он этого ожидал.

— Кажется, вы познакомились в Соуре? — продолжил епископ. — Что она из себя представляет?

— Подозреваю, что она убила своего первого мужа. Кроме этого, она совершенно прелестна.

Его преосвященство наградил его настороженным взглядом.

— Это шутка, верно?

— Несомненно.

Они допили вино, и вскоре Жордан, попрощавшись, вышел. Время было позднее, а его возница еще менее трезвым: четверть часа — и врачу пришлось бы возвращаться домой пешком.

Однако, войдя в свою комнату, сняв кафтан и усевшись в кресло, он нашел в себе достаточно смелости, чтобы четко сформулировать то, что угнетало его с момента, когда епископ показал письмо.

Он мог солгать, когда Юлия поведала ему, что постояльцев Дома пилигрима убила она. Женщина была на грани отчаяния, могла уцепиться за любую надежду, наверняка хотела быть обманутой. А он сказал ей правду. Тогда ему казалось, будто он делает это из принципа: знание, даже самое неприятное, для него всегда было даром, а не проклятием. Теперь же ему пришло в голову, что причина могла быть иной.

Жордан, даже уставший, даже в плохой форме, великолепно играл в шахматы или карты, поскольку умел предвидеть на несколько ходов вперед. Временами это получалось случайно, ненамеренно. А в той партии, если разговор на кладбище считать началом игры, была явная возможность — не уверенность, ясное дело, такого не бывает никогда, — но возможность настолько большая, что имело смысл рискнуть и двинуть события в нужном направлении.

Ход первый: Юлия Августина узнает, что из-за нее погибли восемь человек, а девушка обречена на жизнь, которую не могло бы вынести ни одно разумное существо. Второй: женщина ощущает вину и решает вымолить смерть Клавдии, а взамен принять дар, от которого некогда отказалась. Третий: это у нее получается, и она, покорившись судьбе, возвращается в Чамбон уже ясновидящей, что наверняка будит недовольство ее мужа. Четвертый: муж отказывается от работы, поскольку люди сплетничают, а в провинции ясновидящих очень боятся. Пятый: супруги переезжают в Алестру, где легче найти понимание и где требуются услуги Юлии.

Ясновидящие ценились, а умных ясновидящих, имеющих понятие о тайнах смерти, ценили в два раза выше. Можно установить, что Доменик Жордан невольно толкнул Юлию Авгуστину в сторону того, от чего она всю жизнь пыталась бежать.

Когда за окном вновь полился дождь, Жордан встал с кресла и подбросил в камин дрова. Он жалел Юлию, однако не был уверен, будет ли донимать его голос совести, ибо все это являлось не более чем праздными умозаклочениями. Так или иначе, но голову себе этим он забивать не собирался. По крайней мере сейчас: прежде чем чернокожая женщина появится в Алестре, пройдет несколько недель — значит, время решить эту задачу у него было.

Перевел Леонид Кудрявцев

ПОМОГИ СВОЕЙ ЗВЕЗДЕ

Настоящий мужчина узнается даже голым.

Станислав Ежи Лец

— Приветствую, господа! Прошу прощения, от всей души приветствую и дам! Вот сейчас, вот сейчас... я увидел. Нет, моя госпожа, прошу не вставать, оставайтесь лежать. Без плаща, короны, без пояса и стилета вы выглядите великолепно. Без юбки и нагрудника. Просто красота! А знаете, господа и дамы, эта принцесса и я... Уважаемые дамы, прошу не мешать. Вопросы и ответы будут потом. И не надо меня слепить вспышками. Все хорошо, я моментально рассею ваши сомнения. Вы говорите, что еще утром обладали другой информацией. Я тоже, уважаемые господа, я тоже. Однако сейчас все изменилось. Поэтому вежливо прошу перестать болтать и открыть блокноты. Магнитофон? Очень прошу, можете включить магнитофоны. Операторам тоже позволяю подъехать немного ближе. Так вот, принцесса и я, господа, принцесса и я торжественно сообщаем... Дайте тишины!

Господа, пусть вас не смущает моя одежда. Собственно, в данный момент на мне ее нет. Думаю, вы меня извините. Дамы, по крайней мере, ничего против этого не имеют. Угадал, не правда ли? А еще, господа, вам следует знать, что я не королевского рода, не являюсь даже офицером гвардии, никем подобным. Вам придется это проглотить. Вам, и моему благородному будущему тестю, и всем его подданным. Такова жизнь, господа. Я есть, а точнее, был... мусорщиком. Прошу тишины! Одним из лучших, если не самым лучшим.

мусорщиком этого города. В любом случае я являюсь мусорщиком, который, как видите, прыгнул выше, чем все иные в нашем королевстве.

Я вас успокою, господа и дамы. Я не был простым мусорщиком, я не лыком шит. Отнюдь, господа. Я занимался простым делом, но в своем ремесле оказался лучшим среди лучших. У меня была своя повозка, свои люди, я мог бы не пачкать рук. Однако работу свою я любил. Без таких, как я, вы бы могли потонуть в нечистотах, а предприятия по переработке отходов перешли бы на холостой ход. Без меня и моих коллег вас уже вскоре завалило бы объедками и изгрызенными костями, сразу почувствовалась бы нехватка материала для банок и бутылок, благодаря которым вы можете сосать свои напитки и хлебать пиво. Вот в последний раз прошу тишины. Больше терпения, нет желания выкидывать вас из зала, господа.

Очень долгое время, почти тридцать лет, я был простым человеком и знал свое место. Не думаю, что кто-то из вас может сказать подобное о себе. Вон даже сейчас вы лишь толкаетесь локтями, неспособны проявить и кроху терпения. Подождите, и потихоньку-полегоньку я удовлетворю ваше любопытство. Мне везло, и дела мои шли так хорошо, что ощущалось, мог бы при удаче запрыгнуть выше, взять на себя более сложные и ответственные задания. Чувствовал: я лучше, круче большинства встречавшихся мне по жизни людей. Знал это и молчал, не задавался пред другими, как вы, господа. Прошу взглянуть на мою грудь, ляжки, на спину, ягодицы и икры. Никаких татуировок, ни одного шрама, верно? Татуировки и шрамирование, господа, это самый модный способ повысить свою привлекательность и заработать уважение в нашем обществе. Однако я не унизился до него. Что-то мне говорило: в этом нет нужды, я сумею когда-нибудь завоевать мир и таким, каким являюсь, без прикрас. Верил, придет тот день... говорили мне это звезды, и данное

предсказание повторялось в каждом гороскопе. Я знал, грянет момент. И вот сегодня утром он пришел.

Теперь я... один вопрос, один-единственный, ради любопытства, господа. Кто-то из вас интересовался астрологией, своим знаком зодиака, своим гороскопом? Прошу поднять руку. Раз, два, три... ах, госпожа тоже? Великолепно! Что, и никто больше? Скверно, господа. Скверно работаете. Наверняка считаете, будто гороскопы — это забава темных людей, нищих, как я. Опиум для народа. Впрочем, я не такой уж бедный. Мог бы купить не одного из вас, вместе с его залоснившимся скарбом, домом с прохудившейся крышей за городом, с его дешевыми трофеями, привезенными из заграничных поездок, с постоянным враньем на совести и спесью в душе. Той самой спесью, которая заставляет вас так много отдавать мусорщикам, господа. Я собрал неплохую библиотеку из выброшенного вами в корзину. Гороскопы, забава для людей без будущего. Ха, сегодня вам натянул нос один из таких лишенных будущего людей.

Утром, вы все хорошо ведаете, что случилось сегодня утром. Один из вас напомнил мне о том в самом начале конференции. Сегодня утром радио, телевизоры, пресса и все уличные громкоговорители протрубили о... Ох, господин явно был в школе примерным учеником, и это ощущается даже сейчас. Ну хорошо, вы правы, я с вами согласен. Сегодня утром нам всем сообщили одновременно и об именинах принцессы, и об ее помолвке. Впрочем, на первый взгляд это была истинная правда. Хм, обратите внимание, господа: на первый взгляд.

Любопытство, мной владело только любопытство... Хотя госпоже могу признаться: мне стало жаль нашу прекрасную принцессу. Эти жалость и любопытство заставили меня заглянуть в гороскопы. Что-то меня толкнуло, господа. Треугольники, круги, квадраты, таблицы: кропотливый подсчет домов и восхождений, снова круги, определение влияния

звезд, планет и иных астральных объектов... Еще никогда я жизни я не работал так быстро. И это окупилось, заверяю вас. Я проверил гороскоп принцессы несколько раз и многими способами. Не нашел ни одной ошибки, можете мне верить. Ха, точнее — обязаны. Принцесса была мне предназначена, звезды указывали ясно. Это есть, господа, это было в звездах: долгая и счастливая жизнь с принцессой, основание новой династии, мудрое правление и так далее. После того как я закончу, можете проверить. Сделал я, стало быть, диаграммы, а тут у меня уши стали пухнуть от официальных сообщений. Принцесса, именины, нареченный, прославленный победами в битвах офицер гвардии, они принимают поздравления во дворце... Парень, сказал я себе, ты не можешь сидеть на заднице, будто ничего не случилось, не сдавайся без боя, иди туда и помоги своей звезде. А что бы вы сделали на моем месте, господа? Я тут же заскочил в ванную, оделся во все лучшее и побежал на улицу. Перед тем, правда, глянул одним глазком на гороскоп счастливого нареченного. И тут меня толкнуло еще раз.

Остановил меня вид первого уличного автомата Зодиака. Ха, господа, не затормози я, мне не хватило бы пары секунд. Пара секунд, и я мог упустить свой шанс, мог войти раньше во дворец и раньше его покинуть. С другой стороны, задержись я у автомата на лишних пару минут, мог опоздать, и дворцовые двери, ведущие к счастью, закрылись бы у меня перед носом. Ха, господа, я позволил себе на мгновение неуверенности и решил проверить свои вычисления. Однако звезды были на моей стороне, помогли они мне и тут.

— Я нажал клавишу определения брачных отношений и ввел в Зодиак данные принцессы. Тот замяукал, зазвонил, высветил неонem: ГОРОСКОП ЗАКРЫТЫЙ — прохрипел — ОХРАНА ЦАРСТВУЮЩЕЙ СЕМЬИ. НЕ ПОКАЗЫВАТЬ БЕЗ ОСОБОГО ПОВОДА. Я снова нажал клавишу. Именины

принцессы, сказал я. Подарок. Хочу по причине дня рождения и помолвки купить подарок, подходящий принцессе. Это особый повод.

Автомат признал мою правоту и выдал все данные, которые я уже знал из вычислений, а также немного дополнительных, на определение которых мне не хватило времени. Все погасло. Тогда я ввел в Зодиак дату своего рождения. Перерыв длился дольше, но снова нервно замигали лапочки. Лишь минуту спустя, так и есть, господа, спустя целую долгую минуту автомат вместо ответа на мой вопрос спросил сам. В этот раз в его голосе слышалось нечто торжественное: **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО БЛАГОПРИЯТНЫЙ ПРОГНОЗ. К СОЖАЛЕНИЮ, ВОПРОС НЕАКТУАЛЕН, 999999999999, НА ОООООООООООО ЧТО УЖЕ НИЧЕГО НЕ ПОДЕЛАТЬ. КАКОВА ПРОФЕССИЯ, СТАТУС И КЛАСС ВОПРОШАЮЩЕГО?**

Я сделал два шага назад, шаг в сторону, громко и членораздельно сообщил то, что говорю вам сейчас: мусорщик. Зодиак тотчас выстрелил стальными манипуляторами, которые обхватили воздух и плюнул возле меня какой-то смердящей смолой. **ЗАЩИТА ЧИСТОТЫ КРОВИ ПРАВЯЩЕЙ СЕМЬИ!** — крикнул он так громко, что его наверняка слышала половина столицы. Ошибка, господа, звездам нет смысла противиться. Где-то в глубине улицы завывала сирена, но я схватить себя не дал.

Во дворец, как вы знаете, пускают всех. И этим воспользовался не только я. Движение тут было, как на мельнице или в улье. Стражники поглядывали на чернь и суетящихся тут аристократов без обычной настороженности. Настроенные у всех были праздничные, люди держали в руках цветы и множество маленьких свертков из цветной бумаги. Ауденция проходила в Колонном зале, как вы знаете. Висит там наиболее полная в королевстве коллекция средневековой мазни, стоит до черта слегка разрозненных, но фактически неохраняемых золотых предметов. Возле южной стены зала

принцесса, наша красавица-принцесса и Харсман, офицер гвардии, принимали поздравления от аристократов. Тут же, справа от входа, стоял Счетчик Поздравлений, предназначенный для простолюдинов. Аристократы вручали цветы принцессе и целовали ее ладонь, а обыватели нажимали на педали Счетчика, с таким энтузиазмом, словно от этого зависела их жизнь. Их имена в нем зафиксированы, и я не забуду о них, господа. Хотя они тогда еще и не ведали, что, желая принцессе всего наилучшего, работают в мою пользу.

— Спросите господа, в какую очередь я встал, к Счетчику или к счастливой паре? Ха, нет, господа... и дамы... госпожа тоже не угадала. Я уже говорил вам, что знаю свое место в строю и умею ждать. Встал, это верно, встал, прошу меня извинить, возле Счетчика. Оттуда я глядел на нашу красавицу-принцессу, на ее корону и плащик, на маленький дорогой стилетик на красивом бедре. Страдал ли я? Не думаю, господа. Ох, вижу, что госпожа этим разочарована. Неужели мужчины всегда обязаны по вам страдать? Не хватает вам того, что они просто теряют разум? Так и получилось, господа. Я смотрел на нашу красивую принцессу, стоявшую рядом с этим висельником, этим негодяем под темной звездой, и глотал проклятия. Когда подошла моя очередь, я несколько раз так сильно дернул рычаг Счетчика, что указатель перескочил шкалу и оказался на красном поле. Впрочем, даже если бы я дергал рычаг до конца света, это не помогло бы мне получить руку принцессы и право на корону.

— Вижу в ваших глазах удивление. Прошу извинить, но что Харсман может быть негодяем, я знал, уже выбегая из дома. О чем, говоря фигурально, нельзя не поведать. Это был тип, родившийся под Черной Звездой, вы уже слышали, перед уходом я сделал и его гороскоп. Такие, как он, не знают границ не только в добродетели, подобные и в подлости не ведают удержу. Безжалостная война и самые аван-

тюрные замыслы составляют их жизнь. Все зависит от того, сумеют они обуздать свой беспашабный характер и низменные инстинкты или станут им потакать. Их влияние на других людей граничит с магией. Так говорят гороскопы, господа, над которыми вы смеетесь. Наилучший довод, что даже принцесса... Так и есть, думайте что хотите, но Харсман не был заурядным противником. Кроме того, учтите, господа, я гражданский, и у него, а не у меня на счету было множество выигранных сражений.

Эта мысль возникла у меня на мгновение, господа, и признаюсь, что не охватил взглядом всего сразу. Когда несколько мужчин в толпе поздравляющих венценосную пару надели маски, отбросили цветные пакетики и вытащили из-под одежды автоматы, пришло мне в голову, что это касается картин и драгоценностей. Более ничего мне не придумалось. Потом, когда нас поставили к стене и там, взяв на мушку, приказали всем без разницы раздеться догола, я решил, что... что раз так, то я хотя бы получше увижу принцессу. Мою госпожу это забавляет. Хм, понимаю, но тогда нам было не до смеха. Как и никому в зале. Впрочем, оставим принцессу. Следующим должен был раздеться Харсман.

Я стоял рядом с ним, господа. Это был высокий, статный, хорошо сложенный мужчина. Только я не ниже, так же статен и скроен не хуже его. Попадаютя и такие мусорщики, смиритесь с фактом. Харсман это заметил тоже, окинул меня быстрым оценивающим взглядом, и тогда, господа, тогда я увидел, что он озлился. Не из-за золота или картин, которые потеряет, и не потому, что его унизили в присутствии принцессы, а также не по причине маскированных бандитов, бегающих по залу и перетрясающих одежду его гостей, чему он не может воспрепятствовать. Нет, господа, Харсман разозлился, поскольку бок о бок с ним стоял мужчина, ни в чем ему не уступающий. На меня словно бы пало вдохновение.

Господа, это был человек, болезненно обожающий эффекты и риск, человек сложной природы и запутанной интриги. Я не смог бы понять его до конца. Мы в состоянии только прикинуть, как планировался финал нападения. Он мог организовать его так, чтобы блеснуть талантом великолепного воина уже тут, в зале. Возможно, он хотел покрасоваться потом, при организации погони. Не знаю, сколько ценностей должны были исчезнуть навсегда. В любом случае там, под дулами автоматов, я понял одно: своим присутствием, своим видом я портил ему спектакль. Харсман должен был там быть лучше всех и красивее, а тут рядом с ним появился какой-то мусорщик, на котором машинально остановит свой взгляд принцесса. Госпоже не запрещено, верно ведь? Да, господа, поскольку я там присутствовал, черти взяли большую часть задуманного Харсманом.

С того момента, как я это понял, мои глаза стали замечать больше мелочей, а голова заработала быстрее, чем когда-либо. Он общался с грабителями, господа, незаметными движениями губ и ладони подавал им знаки, указывал цели, выдавая распоряжения. И каждый раз после его приказа поведение разбойников менялось. Кроме того, что за дерзость, что за ловкость! Харсман блокировал телом доступ к тревожному аппарату. Я заметил это через несколько десятков секунд. Его люди бесновались среди одежды, картин и драгоценностей, а он голый, для видимости огорченный, держал под контролем самую важную точку зала. Следовало его оттолкнуть и нажать красный рычаг. Как это теперь легко говорить, господа!

Буду откровенен. Я всегда считал себя человеком сильным и отважным, однако не имею привычки проверять ценной жизни, способен ли я на подвиг. Кроме того, господа, как вы понимаете, я не хотел выглядеть смешным. Ситуация становилась все более нереальной. О принцессе я не беспокоился, все указывало, что спектакль разыгрывается для

нее. Хм, спектакль... Бандиты были настоящие, автоматы не пластмассовые, пару человек, как видите, даже подстрелили, а Харсман оказался вполне реальным чудовищем в человеческом теле, почти двухметрового роста. Я не намерен был дать себя резать, словно куренка, господа. Лихорадочно пытаясь придумать способ спасения, я неожиданно увидел, как Харсман показывает едва заметным движением глаз на меня одному из грабителей. Господа, этого безумца так задевало мое присутствие, что он решил от меня избавиться!

Вот тогда дело пошло гораздо быстрее, поскольку иного выхода у меня не осталось. Я бросился на Харсмана. Бандиты впали в ступор, поскольку такого варианта развития событий в их планах явно не было. Защищать предводителя — значило признать, что он с ними в сговоре. Сплетаясь в клубок, мы покатались с ним по паркету. Наплевав на риск нарушить конспирацию, один из мужчин в маске попытался нас разнять. Для меня это могло кончиться либо ударом дулом автомата, или, что хуже, — пулей. Пока же я цеплялся за противника, попасть в меня было трудно, но драка длиться долго не могла. Я крикнул: «Харсман с ними в сговоре!» В зале поднялась суматоха. И тут кто-то, не знаю кто именно, но буду молиться за него до конца жизни, включил сигнал тревоги. Все, кроме разбойников, упали на пол. «Ты мне заплатишь», — прохрипел Харсман, но это были его последние слова. Один из замаскированных развалил ему голову. Потом, после секундного раздумья, преступник прицелился и в меня, но нажать на спуск не успел. Выстрел подбежавшего стражника отправил его на тот свет. Когда с него сняли маску, оказалось, что это один из младших офицеров гвардии.

Я заканчиваю, господа. В зале, среди трупов переодетых мужчин, была разбросана одежда. Я не нашел своего кафтана и поэтому надел расшитый золотом, украшенный пуговицами, шнурами и орденами парадный мундир Харсмана.

Потом поднял принцессу на руки и, поскольку меня никто не остановил, перенес ее в эту комнату... Принцессы ничем не отличаются от иных женщин, господа, сообщаю вам с радостью... и облегчением. В любом случае, говоря это, я не желаю оскорбить царскую дочь. Таким образом, мне пришлось раздеться здесь во второй раз. Госпожа протестует? Естественно, признаю, я выразился не самым лучшим образом. Хорошо, беру назад это выражение. Принцесса пожелала раздеться в тот день в первый раз.

Господа, я уже говорил, что являюсь мусорщиком. Прошу простить, был мусорщиком. Принцесса и я самым торжественным образом сообщаем о нашей помолвке. А упреждая ваши сомнения, заверяю, что вряд ли, как у бывшего мусорщика, у меня будут проблемы с управлением. В конце концов, помойка и королевство в чем-то схожи. Из одного и из другого можно получить много хороших вещей, если в это вложить некоторое количество труда и души. Да, господа, и это все. Спасибо за внимание. Теперь с удовольствием выслушаю ваши вопросы...

— Ну и как тебе, моя госпожа, это понравилось? — спросил я у принцессы.

Она лежала нагая, равномерно загорелая, красивая в белоснежной кровати под балдахином на золоченых колоннах. Улыбнулась мне очень нежно и радостно. Теперь, поразмыслив, я пришел к выводу, что пояс, стилетик, юбочка и пелеринка весьма перехваленные, на самом деле отнимали у нее половину красоты.

— Ты и в самом деле желаешь скормить им эту байку? — спросила она, с наслаждением потягиваясь. — О том, что был мусорщиком? Думаешь, они поверят? И кроме того, кому это нужно?

— Тут нечего скрывать. Они должны принять меня таким, какой я есть. Это мое условие. Иначе ты меня потеряешь.

Либо выходишь за мусорщика, либо ищи другого короля.

Она вздохнула.

— Ты просто несносный бахвал. — Она фыркнула. — Еще одно слово таким тоном, и я тебя разлюблю.

— Тебе нравится это, — сообщил я. — Ты любишь все, сказанное мной или сделанное. Это тоже было указано звездами.

За окнами рупоры сообщали радостную весть о таинственном принце, который вывел на чистую воду Харсмана и спас принцессу. Я видел, как росла толпа приветствующих, как она подступала к ограде дворца.

— Сам слышишь, — вздохнула принцесса. — Просто все не получится. Ты должен дать мне немного времени для раздумий и подготовки всего необходимого. И прошу, не стой голышом у окна, иди сюда. Понимаешь, я тоже утром сверилась со своим гороскопом и знаю...

— Ты знаешь мою судьбу!

— Ох, ты несносен. И я тебе кое-что скажу. Послушай, это я тогда включила тревожную сирену. Только предупреждаю... одних слов мне недостаточно.

— Это ничего не изменя... Сейчас! Ты действительно это сделала?

— Да, — сказала принцесса. — Это сделала я. Будь ты таким ловким и быстрым, как рассказываешь, давно бы вспомнил, кто именно потихоньку-полегоньку передвигался, пока не встал ближе к рычагу... И я уже согласна на все, только перестань, к черту, ворковать и вернись ко мне. У меня странное ощущение, что ты забыл о подарке на день рождения.

*Перевели Светлана Кудрявцева,
Леонид Кудрявцев*

ВОЛЯ ДРАКОНА

Маджуся Идисса вынула изящную ручку из жбана и показала всем присутствующим доставшийся ей шарик. При этом сама она, словно из страха перед судьбой, все еще не смела на него взглянуть. Ее брат Маджер Облитас рассмеялся первым, однако княжна даже после этого продолжала испытующе всматриваться в лица собравшихся. И лишь только после того, как ее отец Маджер Каседелия, полноправный властелин, усмехнулся в пышные усы, а мать, Маджуре Сино, хлопнув в ладоши, подняла их ко рту, девушка наконец взглянула на шарик и, увидев светло-желтый цвет, сделала глубокий вдох, а возможно, даже вздохнула и, шагнув в сторону, объявила:

— Пусть этот шар достанется Куатесабу!

Повернувшись, она кинула шар в огромный зев камина, одного из шести, обогревавших зал. Настоящие холода еще не наступили, но Маджер Каседелия приказал их разжечь, и его желание было исполнено.

Я сидел достаточно близко от огня, и было мне так жарко, что я вынужден был снять кафтан, иначе пот капал в миску, а еда была и без того достаточно соленой. Когда рука княжны дрогнула и брошенный шарик, неудачно попав в торчащий из камина конец полена, выкатился в зал, я оказался к нему ближе всех и, тотчас его схватив, метко послал в самую середину пылающего пекла. Все было кончено, прежде чем кто-либо успел подать голос. С невозмутимым видом усевшись на свое место, я отрезал кусок от сочного окорока.

Маджуре Сино встала и, подойдя к дочке, ласково, но в то же время и гордо прижала ее к груди, а потом усадила

рядом с собой. Повинуясь жесту господина, слуги кинулись к жбану и быстро вынесли его из зала, наверняка на двор, где остальные девушки будут испытывать судьбу, которая кому-то из них все-таки подсунет пурпурный шарик.

Мастер Подевер, полюбивший нас, словно скорпион теленка, впился в меня своими черными буркалами. Я почувствовал его взгляд буквально кожей, поскольку — нет смысла скрывать — ожидал его. Вообще-то, кроме пылающего взгляда, у мастера за душой не было ничего, однако в подобном глухом краю для того, чтобы стать придворным магом, было достаточно и этого. Рядом с Подевером тарачил бессмысленные глаза пьяный канцлер. Имени его я не запомнил.

Падир Брегон сделал глотокпряного, сильно разбавленного водой вина из Тохлассы, отер усы и, почти не шевеля губами, спросил:

— Ну и как?

— Теплый, — в тон ему ответил я. — Она просто не могла не вытянуть этот шарик.

— Угу, — буркнул падир Брегон.

— Подеверу пришлось постараться, — добавил я.

— Несомненно. Во время молитвы он выронил шарик из рукава, а перед этим приказал разжечь огонь, чтобы девушка могла избавиться от подогретого шарика. Маг! — презрительно фыркнул Брегон.

Я хлебнул вина, разбавленного водой, и буркнул:

— Он владеет магией, позволяющей ему держать собственную задницу в тепле.

— Однако при этом ему приходится пользоваться шерстью и услугами какой-то девицы, — добавил падир Брегон.

— Разве я спорю? — промолвив это, я впился зубами в отборный, сочный шмат мяса, оторвал внушительный кусок и с удовольствием стал обрабатывать его. — Хочешь еще вина?

— Нет. Утром предстоит работа.

Я знал об этом! Как можно было о ней забыть, если мы приехали сюда ради нее? Если Санса и Муел еще до сумерек уехали к горе с четырьмя вьючными лошадьми?

Отставив кубок с вином, я занялся едой. Менестрели прекратили верещать... прошу прощения — оборвали свою печальную песнь. Маджуре Сино зарыдала так громко, что я уронил кусок и посмотрел на нее. Похоже, она сильно перенервничала из-за жребия и теперь, воспользовавшись случаем, дала волю эмоциям. Сидевший рядом муж, Маджер Каседелия, наш наниматель, положил ей руку на плечо. Единственным, кто не обратил на это внимания, был канцлер Как-Его-Там, сидевший с закрытыми глазами. Он держал в левой руке здоровенную свиную кость, которую два пса осторожно освобождали от покрывавшего ее мяса. В конце концов рука его упала с колена и скрылась под столом. Тут к двум едокам прибавилось еще два, под столом поднялась какая-то кутерьма. Неожиданно канцлер открыл глаза и, удивленно вскрикнув, вскочил. Когда он вскинул руку с растопыренными пальцами, мы увидели, что ладонь его в крови, а пальцев — всего три. Несколько дам вскрикнуло, Маджуре Сино прекратила рыдать и трагичным жестом протянула руки к слугам — не знаю только, желала она помощи или хотела, чтобы толстяка убрали с ее глаз. Канцлер еще раз вскрикнул, потом захохотал и показал все пальцы — целые и невредимые.

Ах-ах! Какая удачная шутка! Ох, что за чувство юмора!

Волны смеха прокатились по залу.

Я наклонился к падиру Брегону и сказал:

— Не найдется у них столько кислоты, чтобы я окончательно упился и оценил последний фокус этого шута.

— Это не шут, это — канцлер.

— А это имеет большое значение?

— Нет. Вот только шута мне здешнего жаль. Сидит в сторонке, грустный почему-то...

Вид с перевала был просто великолепен — пятна лесов и дубрав радовали глаз всеми возможными, за исключением, может быть, только голубого, цветами. Почти каждое дерево обладало собственной окраской, соперничало с соседями, благодаря чему создавалось впечатление, словно ближние леса находились на расстоянии выстрела из лука, хотя до них было не менее чем полдня пути. С дальних лугов и пастбищ поднимались полосы тумана, все выше и выше, для того чтобы, перевалив через гребень горы, исчезнуть из нашего поля зрения. Дорога, хоть и отмеченная суеверными мужикам разноцветными лентами, пучками перьев и сложенными на счастье узорами из разноцветных камешков, казалась в этом окружении бедным, низкопробным украшеньцем, пестрой ленточкой в окружении великолепных, дорогих, благородных шарфов.

Однако дорога была для нас важнее. И хотя солнце, пронзавшее рыхлые тучки своими острыми штыками, освещало мельчайшие детали пейзажа, затопляя его, заливая красивейшим небесным золотом, мы не свернули ни в один из этих великолепных уголков. Мы ехали все той же, единственной дорогой.

С интервалом шагов десять — двадцать, обычно в разноцветном пятне, нам попадались либо один, либо несколько следов подкованных копыт вьючных лошадей Муела и Сансы. Они опережали нас часов на десять — двенадцать. В полном соответствии с планом.

Я оглянулся. Меч падира Брегона, его любимый Карник, с окованной серебром рукояткой, был уже вынут из ножен и приготовлен к драке. Другие сотоварищи — Олтц-арбалетчик, Убертия-арбалетчица и мечник Греда — тоже не дремали в седлах. ПаDIR Брегон издал шипящий звук и, когда

мы остановились, мотнул головой, призывая нас к себе. Делая вид, будто ничего не подозреваем, мы подъехали. Падир бросил мне бутылочку с зельем. Убертия охнула. Я соскочил с коня, шагнул в сторону и сделал большой глоток. Настойка из Пелуны, в которую было добавлено грусало, побежала по пищеводу. Я повернулся к Олтцу и, отдав ему бутылочку, тут же наклонился, опершись одной рукой о холодный камень. В этот момент зелье достигло желудка, однако тот не собирался принимать такого пахучего, горького, жгучего гостя — выслал ему навстречу все свое содержимое. Из меня исторглась струя рвоты, я рыкнул, словно удушаемый петлей лось, — и тут все закончилось. За моей спиной слышались характерные звуки. Это остальные члены ватаги расставались с содержимым своих желудков. Когда-то в Гватесабоо — как же это было давно — я спросил у падира, для чего это нужно, а он молча взял с тарелки блестящую от жира толстую колбасу и уколол ее в бок кончиком ножа. Кожица лопнула, и ароматное содержимое стало выдавливаться на тарелку.

— Так выглядел бы твой наполненный едой желудок, проткнутый ножом, саблей или когтем, — пояснил падир. — А теперь, — он взял в руку сморщенную, сухую фигу, — посмотри, что произойдет с этим.

Ну и конечно, как нетрудно было догадаться, ничего особенного с ней не случилось. Мастер надрезал шкурку, потом взял ее двумя пальцами и потянул.

— Видишь? Я могу натянуть и даже зашить эту рану.

Он показал, как примерно это делается, а потом кинул мне фигу. Я поймал ее и съел. А что еще можно было сделать? Попытаться вновь нафаршировать колбасу? Ее я, кстати, тоже съел.

Как только я вспомнил об этой демонстрации, у меня сразу же забурчало в успокоившемся было желудке.

— Фу, свинья, — бросила Уберия, вытирая рот верхом ладони. — В такой момент думать о жратве.

У меня возникло большое желание ее немного подразнить, однако я передумал. В конце концов, я являюсь правой рукой падира Брегона, а значит, когда-нибудь отделюсь, наберу собственную ватагу и... и никогда не забуду о разбухшей колбасе и сухой фиге...

Дорога на время стала шире, и паدير Брегон использовал это для того, чтобы, прищпорив своего валаха, пристроиться рядом с Уберией. Он оглянулся, и, хотя мы в тот момент глазели на тянувшийся слева от дороги овраг, решил как-то оправдать свое присутствие возле арбалетчицы.

— Ты помнишь, для чего необходимо заставить дракона вытянуть шею? — спросил он.

— Конечно. Для того, чтобы дать отдых телу, Уберия выгнула бедра и ненадолго выпрямилась в седле. — В основании шеи находится мягкое незащищенное место, более светлое пятно, чем все остальное, блестящее тело. Туда необходимо всадить стрелу, лучше всего отравленную. — Ожидая одобрения, она повернула голову к мастеру и слегка ее наклонила.

— Ну, вообще-то верно, — выдохнул паدير. — Такого тебе еще делать не приходилось...

— Я уже слышала об этом... — Кажется, Уберия поняла, что он просто хотел с ней поговорить, и, вспомнив о моем присутствии, добавила: — ...Мастер.

Услышав это слово, я про себя усмехнулся. Два дня назад, проснувшись среди ночи, я решил попотчевать себя ломтем вполне заслуженно знаменитой затехерханьской копченой грудинки и, набив рот ароматным мясом, проходя мимо комнаты мастера, услышал какой-то голос. Не знаю почему, я открыл дверь и вошел внутрь. Да только паدير Брегон если и звал кого-то, то уж точно не меня. Уберия сидела на его ложе и была обнажена до пояса. Мастер же, навалившись на ее живот, словно сосунок, то ли целовал, то ли сосал пышную грудь арбалетчицы. Я замер, словно громом пора-

женный, и стоял так некоторое время, чувствуя, как слюна из наполненного мясом рта капает мне на грудь. Тут Уберия мне слегка усмехнулась, и я, вновь овладев своим телом, на цыпочках вышел из комнаты и вернулся к себе. Немного погодя ко мне пришла девка из свиты хозяйки замка, и мы с ней уминали кровать до самого утра. Однако еще долго перед моими глазами стояло, как мой мастер и наставник, победитель одиннадцати драконов, лежит с лицом, спрятанным под грудь пышнотелой женщины, пойманный во время целования ее больших, твердых сисек.

У Раньшиды, той самой девушки из свиты хозяйки замка, они были гораздо меньше. Однако какие сладкие и твердые! Ох какие!..

— А помнишь, для чего необходимо из тела убитого дракона... — тянул паDIR Брегон. (Ах, мастер, мастер... Зачем все это, если я знаю, что ты всего лишь хочешь посмотреть в глаза Уберии?). — ...Необходимо убрать выделения?

— Ну да, — отвечала арбалетчица. — По той же самой причине, по которой необходимо сразу после убийства дракона забрать как можно больше перьев и вырвать когти — поскольку, когда все заполыхает, то выделения могут сгореть. — Она пожала плечами. — А в помете могут находиться камни сейхеррон, они же — драконьи жемчужины.

Я уже было открыл рот, но все-таки смолчал. Когда я первый и единственный раз назвал драконьи выделения «пометом», мастер встал и врезал мне в ухо, да так, что мне пришлось следующие два дня, для того чтобы услышать обращенные ко мне слова, поворачиваться к говорившему другим.

«Помет, — поведал мне тогда Брегон, — бывает у свиной. Дракон же существо благородное. Не стоит пачкать его лишь потому, что мы на него охотимся и его убиваем».

Впрочем, с того момента утекло много времени, и я не был женщиной...

Уберия выжидающе посмотрела на Брегона, словно спрашивая, есть ли еще вопросы, а я подумал, что учитель уже в годах и не будет до конца своей жизни гоняться за драконами, когда-нибудь он осядет на одном месте и начнет пользоваться плодами своей работы. Может, вместе с арбалетчицей Уберией?

А Олтц? Тот, кто привел ее в нашу ватагу? Что связывает их, кроме любви к тяжелым, острым стрелам и пению тети-вы?

Я оглянулся на Олтца. А он ехал на своей кляче, мерно покачивая головой, и, разумеется, протирал арбалет куском мягкой, груссованой кожи. Похоже, происходящее рядом его совершенно не интересовало. Остальные члены ватаги со вчерашнего дня наблюдали за входом в пещеру дракона. Сетевые Санса и Муел должны были еще ночью развернуть приготовленные ранее сети, так, чтобы разбуженный дракон, едва высунувшись из логова, оказался если не опутанным, то хотя бы сбитым с толку. Кроме этих двоих, там еще находился мечник Греда, самый молодой и наиболее сумасбродный член нашей ватаги. Для того чтобы привлечь к себе внимание дракона, необходимо быть настоящим безумцем. Кстати, старым он тоже быть не мог, поскольку в ватагах старых мечников не бывает.

Дорога некоторое время тянулась возле склона и наконец сбежала по нему вниз. Мой конь споткнулся о камень, и копыто, хоть и обернутое куском шкуры, слегка стукнуло. Впрочем, в полной тишине этот звук был слышен далеко. Падир Брегон обернулся и смерил меня яростным взглядом. Интересно, как он узнал, что это споткнулся мой, а не Олтца конь? Я состроил физиономию, которая должна была уверить мастера, что подобное не повторится. Сразу же вслед за этим у меня сильно забурчало в животе, а потом во рту появился тяжелый, кислый привкус. Я не решился открыть рот, однако бурчание продолжалось. Мастер оглянулся сно-

ва, и в глазах его на этот раз читался вопрос. Я покачал головой и усмехнулся.

Мы проехали еще два стагги. Брегон дернул узду и, небрежно перекинув ногу над головой мерина, спрыгнул на землю.

С правой стороны склона, в сплошной скале пролегла жила мягкого известняка, который вымыло водой. В результате возле дороги получилась глубокая выемка. В ней стояли пони, на которых вчера привезли сети, а также кони Сансы и Муела. Мы спешили и привязали своих лошадей к выступам скалы. Разговоры закончились. Уберия подошла к Олтцу, и они, обменявшись арбалетами, занялись их осмотром. Я двинулся к падиру Брегону с обитой изнутри и снаружи несколькими слоями кожи шкатулкой в руках. Мы присели на камни, я открыл хитроумный замок и откинул тайную стенку. Шкатулка могла пролежать в воде несколько дней, а потом еще несколько следующих ловкий вор мог искать потайной ящичек и все равно бы его не обнаружил. Шкатулочники из Хорого знали свое ремесло великолепно. Я вынул три стеклянные ампулы с завинченными крышечками, также чудо хорогской работы. Брегон взял у меня шкатулку и вынул с ее дна обожженную изнутри чашечку. Потом он вылил в чашечку шесть капель густой, похожей на слизь жидкости из одной ампулы, четыре — из другой и уже менее осторожно плеснул из третьей. Тотчас зашипело, на поверхности смеси появилось несколько пузырьков. Мы отвернулись от чашечки, чтобы едкое зловоние не попало в ноздри. Подошел Олтц с пучком стрел, вынул одну и осторожно окунул ее кончик в чашку, потом то же самое проделал с остальными. За ним окунула свои стрелы и Уберия. Я вынул четыре ножа и, набирая на кончики их лезвий едкой смеси, покрыл ею острия. Ножи были скверные, поскольку предназначались для разовой службы. Очень скоро их металл сожрет ржавчина, и значит, лучшие покупать не

имело смысла. Я осторожно помахивал ножами до тех пор, пока могильница не высохла, и лишь после этого сунул их в специальные ножны с металлическими кончиками. На несколько часов их хватит, а потом, если ножи не использовать, то все равно придется их выкинуть, а лучше всего — закопать в тайном месте. Дня через два от них не останется ничего, кроме кучки ржавчины... Я взял чашечку из рук мастера, и теперь он смазал могильницей свои два ножа. Я еще ни разу в жизни не использовал такой нож, а мастер признался, что он — только раз. Правда, тогда он этим спас себе жизнь...

Я осторожно наклонил чашечку. На дне ее тихо шипели остатки могильницы. Я взглянул на Уберию и Олтца, но те, осмотрев стрелы, покачали головами. Скверно. Всегда приходится выливать несколько капель яда, стоящего дороже золота. Тяжело.

Я отошел в сторону и перевернул чашку в таком месте, в которое даже случайно не мог ступить ни человек, ни конь. Потом я вернулся к товарищам. Все присели на корточки, мастер устроился на камне.

— Ну, что теперь? — спросил он.

Он хотел знать, не дрогнет ли кто-нибудь из нас, не сомневается, готов ли рискнуть жизнью? Своей. Ничем более. Этому меня и всех остальных в ватаге учил падир Брегон. Ты можешь рисковать только собственной жизнью. Ты идешь на дракона так, словно бы в одиночку. Если у тебя не хватает на подобное выдержки, то, значит, ты подставляешь под острые, кривые лезвия другого человека, а этого никому делать нельзя.

— Готов, — сказал я по прошествии надлежащего времени. Не слишком быстро, чтобы это не выглядело так, будто я не заглянул в себя, но и не слишком поздно: в конце концов, я занимал в иерархии ватаги место сразу же вслед

за мастером Брегоном. И мне хотелось, чтобы остальные об этом помнили.

— Готов, — буркнул Олц.

— Можем идти, — промолвила Уберия.

Брегон вскинул голову и наградил арбалетчицу тяжким, словно лавина, взглядом. Та, похоже, сообразила, что любовные игры являются одним, а охота на дракона и спасение собственной жизни — совсем другим, и поправилась.

— Я готова! — промолвила она и опустила голову.

— Мы верим в себя, — промолвил через минуту Брегон и закрыл глаза.

Теперь у нас было время обратиться к богам. Я уже давно в такие моменты размышляю лишь о том, является ли правдивым сообщение о драконе, попадем ли мы на истинного дракона или только на создание вроде сукавки, жолгана, осельницы или кабелушана. Конечно, за каждое из них тоже платят, однако дополнительные трофеи, которые и приносят основной доход от убийства дракона — чешуя, перья, когти, сейхеррон, рог, — мы не обречем. Лишь слегка пополним кошелек. Получим лишь несколько дней в корчме или замке. Случалось, ради смерти монстра гибло несколько отважнейших охотников, а кошелек перед выплатой худел, и подаваемое мясо дивным образом усыхало и покрывалось жилами.

Лишь бы на этот раз был дракон!

Неизвестно почему, припомнилась мне Маджуся Идисса. Не она первая и не она последняя хотела избежать пасти дракона. Другое дело, если девушка была красива... Немного жаль, особенно если учитывать, что дракону совершенно все равно, чем утолить голод, будь то корова, телка, олень, охотник или девушка. Трудно поверить, будто драконам так уж нравятся именно девичьи прелести. Кстати, старая драконерская шутка гласит, что драконы девиц не переваривают — поскольку их приходится жевать целых три дня.

— Готовы, — промолвил падир Брегон.

Я открыл глаза и встал. Потом потянулся и высморкался. Откашлялся. Вот теперь я был готов. Отцепив от седла фляжку с водой, я старательно намочил куртку и штаны, потом снял с шапки кожаную маску и проделал с ней то же самое. Остальные терпеливо ждали. Олтц считал, что свежая вода лишь притягивает дракона, я же думал, что это спасет меня от случайного языка огня. Закупорив фляжку, я вопросительно взглянул на мастера.

— Идем, — сказал тот.

Он шел первым. Два меча в ножнах за спиной, третий, любимый Карник, на боку. За ним шагал я. Тоже два клинка за плечами, и третий, еще безымянный, на поясе, в руке тяжелая алебарда — одновременно топор, рогатина и копье. За мной шли арбалетчики. Поскольку я не оборачивался, то и не знал, в каком порядке они двигаются.

Мы спускались вниз, осторожно обходя выступающие из земли камни. Мастер смотрел перед собой, я поглядывал по сторонам, арбалетчики стерегли тыл. К тому времени, когда мы нашли воткнутую в землю стрелу, я не только разогрелся, но у меня даже на лбу выступил легкий пот. К древку стрелы кем-то из сетевых, очевидно Муелом, были привязаны две зеленые и одна красная веревочки. Это означало: «Мы на месте, сети разложены». Падир Брегон молча кивнул и двинулся дальше. Пользуясь тем, что нахожусь у него за спиной, я откупорил фляжку и беззвучно из нее глотнул. Каким-то чудом мастер об этом узнал. Не оборачиваясь и не сбавляя шага, он поднял руку и погрозил мне пальцем.

Еще через несколько шагов он снова вскинул руку и, дав нам сигнал остановиться, над чем-то наклонился. Я заглянул ему через плечо и увидел вторую, воткнутую в землю стрелу. Если считать, что само по себе это весьма необычно, так еще было и три голубых шнурка, оплетающих ее древко.

Что это значит? Я знал, что один голубой шнурок означает «опасность», два — «большую опасность», но три на моей памяти еще ни разу не использовали.

Обойдя мастера, я впился взглядом в стрелу и вдруг понял, что Брегон смотрит не на нее. Рядом со стрелой на камне лежала часть пера. Так мне, по крайней мере, в тот момент показалось.

Стержень. Пустая трубочка.

Я протянул руку, однако мастер меня опередил, осторожно взяв сужающийся к обоим концам кусок пера. Я хотел было задать вопрос, но не успел.

— Шипастый дракон, — прошептал падир Брегон.

Шиподракон? Легендарный? Никем до сих пор не виденный шиподракон? Могучий, покрытый не чешуей, как пресмыкун, не перьями, словно пташник, не толстой кожей, словно нелетающий болотник, — а шипами!

— Это в них находится могильница? — шепотом спросил Олтц.

— Да. — Мастер поднял руку и посмотрел трубочку на просвет. — Эта пустая. — В его голосе слышалось искреннее разочарование. — Некоторые говорят, что шипастый дракон является всего лишь старым пташником, у которого высохли перья и их остатки превратились в шипы. Эти свежие, молодые перья наполнены могильницей, за которую мы платим по цене драгоценных камней. А старые высыхают и, может, потому теряются, выпадают. — Он поднес трубочку к носу и осторожно понюхал. — Никогда не видел шиподракона. Не знаю даже никого, кто осмелился утверждать, будто видел его...

Не опуская руки, он оглядел нас по очереди. Если искал одобрения, то — я на это надеюсь — нашел его на моем лице. Олтц явно испугался, а Уберия глядела то на одного из нас, то на другого и, похоже, ничего не понимала...

— Если Муел оставил нам эти сведения... — начал Олтц и вдруг замолчал. То, что он хотел нам предложить просто

удрать, видно было, словно дерьмо на простыне. Откашлявшись, арбалетчик поскреб щеку. — Никогда не использовал аж трех... — и замолчал снова.

— А в чем разница? — быстро спросил я. — Два шнурка, три, четыре? Наверняка он огромен и, согласен, небезопасен. Однако неужели мы собирались охотиться на перепелок?

— Я еще не видела дракона... — пробормотала Уберия.

Она меня рассмешила. Усмехнулся даже падир Брегон, а Олтц сморщил брови и коротко фыркнул.

Потом время паники и время веселья миновало. Падир Брегон забрал фляжку и намочил свою одежду. После этого он отдал ее Уберии, взглядом приказав сделать то же самое. Та ничего не сказала, а только смочила одежду, протерла мокрыми ладонями густые волосы и спрятала их под шлем.

Немного погода наша ватага, пригнувшись, уже кралась дальше. За поворотом мы нашли еще одну стрелу. Обычно первая стрела была возле лошадей и означала, что сетевые на месте. Вторая, находящаяся к логову дракона ближе, для того чтобы не терять его надолго из вида, давала дополнительную информацию. Третья появлялась, если сетевые хотели что-то добавить не очень важное. Она втыкалась совсем близко от логова, так чтобы отбежать на пару минут от засады и сразу же вернуться обратно.

Третья стрела — красный шнурок, голубой и два зеленые... «Опасность. С нами все в порядке. Могут быть какие-то неожиданности».

— Что это означает? — прошептала Уберия. — Скажите...

У меня появилось желание сказать ей что-то вроде: «Получается, вопреки моим приказаниям, знаков по ночам ты не учила. А чем же тогда занималась?»

Ничего я не сказал, а лишь, не скрываясь, отпил из фляжки. Мастер сделал вид, будто этого не заметил. Я проверил

свои ножи. От одного уже шел кислый дымок. Брегон нагнулся и подозвал остальных.

— Греда и я встанем перед пещерой, — шептал он. — Уберия — правое крыло, если смотреть на пещеру, то справа. Олтц — левое. Помните: вы должны встать так, чтобы случайно не подстрелить меня или Греду.

«Помните»?! Он должен был сказать «помни». Олтц, что бы о нем ни говорили, таких ошибок до сих пор не допускал.

Я помахал рукой.

— Нет, с Гредой пойду я. Ты, мастер, тогда сможешь стрелять сверху и будешь видеть всю ситуацию как на ладони.

Брегон некоторое время смотрел ничего не видящим взглядом перед собой, прикидывая различные варианты, но в конце все же кивнул и уклончиво сказал:

— Хорошо, там будет видно. Ты пойдешь слева. Старайся попасть в крылья. Он тогда обязательно повернет голову к раненому месту... — говорил он это, ясное дело, Уберии. — Должна соответственно видеть, что происходит с мечниками, куда им удалось воткнуть клинки: тогда тебе может открыться Пятно Сагрегона. — Немного помолчав, он промолвил: — Но хорошо — начинаем...

Пройдя несколько шагов, мы увидели на скале стрелку, оставленную небрежным и быстрым прикосновением к камню конца смолистой ветки. Двинулись в указанном направлении. Тропинка, обманчивая, словно мысли неверной жены, препроводила нас в глубокую расселину, такую узкую, что приходилось ставить ноги одну за другой. Каждому, для того чтобы не потерять равновесие и не упасть на бок, пришлось опираться на руки. Прежде чем расселина расширилась, я порядком вспотел.

Интересно, как тут Санса и Муел протащили свою сеть?

ПаDIR Брегон шел теперь медленнее, по неким, только ему известным приметам, скорее всего по запаху, определяя,

в какой стороне находится логово дракона. Некоторое время спустя обычный в таких местах запах почувствовал и я — что-то похожее на скисшую хлебную закваску с примесью палевого пера и свежего куриного дерьма. Я глубоко его вдохнул, но вовсе не потому, что люблю запах дракона, а просто у меня вдруг сильно забило сердце, словно при виде моей первой и на долгое время единственной подружки. Я осторожно помахал руками и несколько раз, почувствовав, как тихо щелкнули суставы, согнул и распрямил пальцы.

Ущелье неожиданно расширилось, но тут же, словно засомневавшись, в какую сторону нас вести, свернуло сначала направо, а потом налево. Мы увидели на скальной стене еще одну стрелку — вверх. Так и должно было быть. В скале находилась пещера, а перед ней — огороженная каменным заборчиком площадка. Тут мы и должны были убить чудовище.

Драконы, они не такие уж мудрые, как все думают. Будь они действительно умны, ни за что не селились бы в пещерах, перед которыми есть удобное для сражения место. Они бы выбирали обиталища там, куда никто иной не мог попасть. Разве что случайно, когда они соберутся позавтракать коровой или кем-то другим. Девушкой, например.

Мастер неожиданно согнулся, и у него щелкнуло в коленях. Оглянувшись, он улыбнулся и принялся карабкаться по каменному склону. Подождав немного, я отцепил фляжку и, положив ее на землю, показал Олтцу на стену. Тот натянул потуже свои дурацкие перчатки с отрезанными пальцами и отправился вслед за мастером. Следующим поднялся я. На Уберию я не глядел и помогать ей не собирался. В няньки я не нанимался, шашни с ней не заводил, поэтому о сохранности своего пышного тела для падира или кого-то иного она должна была позаботиться сама.

Тут я мысленно выругался. Сейчас надо было думать не об этом, а лишь о работе.

Неожиданно Олтц остановился. Очевидно, мастер перестал двигаться вверх. Заглянув сбоку, я увидел, что ноги падира исчезают за краем скалы. Олтц последовал за ним. Я тоже поднялся выше, однако, подобно арбалетчику, не торопился забраться на площадку. Сначала высунул голову и внимательно огляделся.

Логово дракона не отличалось ничем от других, виденных мной ранее. Отвесная скала, на которую могла бы взобраться лишь улитка или взлететь муха. Перед входом в пещеру была каменная площадка, кое-где на ней виднелись пятна голой темно-бурой почвы. Дракон — вопреки утверждениям Маджера Каседелии, а особенно его сына, Маджера Облитаса, который вроде бы четыре месяца назад первым его увидел, — поселился здесь совсем недавно. Я им тогда не поверил. Уж слишком у сынка были хитрые глазки. Впрочем, уличать его во лжи не имело смысла — его отец платил нам за избавление от чудовища и, значит, имел право на помощь в повышении общественного авторитета своего сынка. А еще, как мы в этом убедились, он намеревался — так, на всякий случай — при помощи «мага» избавить дочку от угрозы стать жертвой дракона...

Стоп, снова мысли о чем-то другом. Хватит!

Я еще раз оглядел площадку.

Экскрементов было немного. Драконы не каждый раз испражняются перед своей пещерой. Однако того, что я увидел, особенно несколько не растоптанных самой тварью куч, хватило, чтобы я едва не присвистнул. Напоследок судьба послала мастеру настоящего дракона! Очень большого. Гигантского.

Было тихо. Чудовище вроде бы сидело в пещере. Вроде бы? Наверняка. Иначе сетевые не висели бы на своих веревочных люльках чуть выше ее устья. Между ними горизонтально висела свернутая в рулон сеть. Одно движение руки, ну, может — двух, поскольку они должны это сделать одно-

временно, сеть высвободится и упадет на дракона. Лучше всего — на его крылья.

Оба сетевых одновременно подняли руки и показали раздвинутые пальцы. Это означало, что все готово и дракон в пещере. В подтверждение этого из темного отверстия пещеры до нас долетел выразительный шорох. Тут Муел помахал рукой, пытаясь привлечь наше внимание. Потом он показал на кучку экскрементов и широко раздвинул руки.

Ну да, огромный дракон. Мы уже знаем. Неплохо...

Я перевалился через край площадки. Олтц, пригнувшись, передвинулся влево от входа в пещеру. У Уберии повернулась нога, она ударилась коленом о камень и, зашипев от боли, двинулась вправо. ПаDIR Брегон спустился с каменного барьера. Я отправился вслед за ним и, сделав несколько шагов, увидел за огромным камнем Греду. Тот глядел вверх. Лицо у него было необычное — широкое, словно полная луна, однако губы, нос и глаза были сдвинуты к его центру, словно бы что-то их друг к другу притягивало, словно бы они перескочили на его лицо с чужого, меньшего.

Однако мечником он был великолепным и бесстрашным. Никаких физиономий он нам не строил, знал, что мы уже все поняли. Мы подошли к нему, присели рядом.

— Не видел его, — прошептал Греда. — Из логова доносятся какие-то звуки, но носа он не показывает. А вообще я готов.

Мастер кивнул и огляделся, чтобы определить, на месте ли арбалетчики. Они были на месте.

— Не знаю... — начал Греда. — Что-то мне не нравится...

— Что?

— Не знаю, — повторил он. — Если сидит в пещере вторую ночь и второй день, то, должно быть, сыт.

Я кивнул, хотя никто моего мнения и не спрашивал.

— Но тогда он должен выпускать газы и отрыгивать?

Теперь кивнул уже мастер.

— Однако этого я не слышал. — Греда скривил свою чудную физиономию.

— А сидит ли он в пещере? — спросил мастер.

— Да, наверняка.

— Или там поселился кто-то другой, — прошептал я.

Они оба посмотрели на меня и на время задумались.

В конце концов Брегон промолвил:

— Нет, ни один зверь не займет логово дракона.

Я тоже знал это, однако без боя сдаваться не хотел.

— В нормальной ситуации заяц тоже не осмелится укунить собаку, а вот бешеный или затравленный может порвать.

— Глупец, — буркнул мастер.

Я не обиделся. Высунулся из-за камня и стал внюхиваться, вглядываться, вслушиваться. Остальные ждали моего вердикта. Что бы ни говорили, но слух и нюх у меня были лучшие в ватаге.

Нет, все совпадало. Кислый запах преобладал. Значит, дракон там был.

Я взглянул на мастера и сказал:

— Идем.

Потом я выскользнул из-за камня и, еще раз взглянув на вход в пещеру, пошел влево, в сторону Олтца. Мастер подался поближе к Уберии. Греда, повинувшись движению руки Брегона, остался за камнем. Лязгнули крючки арбалетов. В последний момент я высмотрел расщелину, находящуюся еще дальше, вбок. «Оттуда, — подумал я, — будет еще ловчее достать дракона, когда он нацелит голову на Греду. Нужно тогда ударить по крыльям. Бестия, как обычно, повернет голову и подставит шею Уберии. Лишь бы она не упустила момент!» Я забрался в расщелину, прижался к скале и сделал глубокий вдох. После этого я вынул двое ножен с ножами и, переложив их в левую руку, правой сжал рукоять меча. Высунул голову наружу.

Как раз в этот момент Греда вышел из-за камня, притопнул ногой, проверяя твердость грунта, а также не скользкий ли он. Теперь о тишине можно было не заботиться. Даже наоборот. Мечник сделал несколько шагов, криво усмехнулся и засвистел. Долго, громко. После того как свист стих, эхо донесло до нас несколько его отголосков. Я впился взглядом в устье пещеры. Ничего там не шевельнулось. Греда набрал полные легкие воздуха и засвистел так, что мог бы, например, на ярмарке напугать табун лошадей и стаю кур.

Мы ждали.

Я попытался отереть вспотевшую ладонь о полу крутки, но, поскольку она была мокрой, ничего у меня не получилось. Тогда я поставил меч к скале и, не спуская глаз со входа в пещеру, потер руку о холодный камень. Холодный и тоже сырой! Прилично разозлившись на себя, я сунул руку под полу курки и, все-таки обнаружив сухой кусочек материи, вытер об него руку. Греда оглянулся на мастера и бросил ему мрачный взгляд.

В этот самый момент из пещеры послышался звук, услышав который я почувствовал, как у меня по спине забегали мурашки. Протяжный, высокий стон, может даже не стон, а просто плаксивая жалобная трель, которую может издать флейта в руках хорошего музыканта. Ничего подобного я до сих пор не видел, тьфу — не слышал. Низкий, шелковистый, мягкий звук. Я высунулся дальше и посмотрел на падира Брегона. Тот выпрямился и ненадолго задумался. Потом прислонил Карник к камню и начал мне жестикулировать:

— Что думаешь?

Я положил ножи на выступ скалы и, не спуская глаз с пещеры, ответил тем же манером:

— Глухой?

— Глупец, не бывает глухих драконов.

— Может, болеет?

Он немного помедлил и спросил:

— Поддыхает?

— Видели ли мы когда-нибудь умирающего без нашей помощи дракона?

— Может, они поддыхают в недоступных местах?

— Ты учил меня, что драконы бессмертны и могут умереть лишь с нашей помощью.

— Я мог и ошибаться.

Падир Брегон опустил руки и задумался. Греда положил меч на сгибы вытянутых вперед рук и прожестичулировал:

— Кину бомбу?

Мастер попытался прикинуть наше положение. Обычно мы такого не делаем — драконы тогда вылетают из логова бешеные и более опасные, чем тогда, когда появляются лишь из любопытства — сытые, полусонные.

— Нет. Свистни еще пару раз.

Греда прогнулся назад и, набрав полную грудь воздуха, засвистел. Он свистел и свистел... Я даже со своего места видел, насколько он покраснел. Неожиданно к нему присоединился Муел, а потом и Санса.

Непонятно отчего, это показалось мне смешным. Мы ожидали тяжелого, опасного сражения, смертельного боя, да еще и с настоящим гигантом, а тут — свистим, как подростки, вовремя убежавшие из соседского сада и теперь решившие из безопасного убежища подразнить его хозяина.

— Ну! — крикнул падир Брегон.

Они перестали свистеть. Рассерженное эхо еще некоторое время множилось и вновь сталкивалось, накладывалось само на себя, пока не утихло вовсе. Мастер скривился, однако лишь схватил губами кончик своего уса и стал его сосать. Немного погодя, уже не колеблясь, он приказал:

— Бомба!

Неожиданно ему возразил Олтц:

— Мы этого не сделаем!

Все посмотрели на него.

— Почему? — спросил Брегон.

— Что-то тут не так.

— Но что тогда мы будем делать? — крикнул Греда.

Может быть, слишком громко, поскольку его крики разбудили чуткое эхо.

— ... ем... делать...

— Не знаю. Однако и спешить не стоит.

— Не можем мы здесь сидеть до ночи, — промолвил падир Брегон. — Кидай бомбу.

Греда вынул из кармана два мешочка, сунул один в другой и принялся энергично добывать огонь с помощью огнива. Посыпались искры, и часть из них попала внутрь мешочка. Тот задымился. Мечник быстро наклонился, сунул в мешочек камень, пробежав несколько шагов, кинул дымящийся подарок в темное отверстие логова.

— Плохо! — неожиданно крикнул Олтц. — Все не так!

И накаркал. Чтоб он сдох! А может, он заметил это раньше нас?

Греда шагнул к выходу, Муел в веревочной колыбели слегка отодвинулся от скалы, чтобы лучше видеть выход из пещеры. И тогда из-за скалы, в которой дракон устроил себе логово, вылетел он сам.

Мощный. Огромный. Черный, с зеленоватыми боками и крыльями, которые могли бы накрыть крыши двух больших овинов. Голова у него была больше теленка. Кормить его девицами не имело никакого смысла. Огромный, торчащий из головы Драконий Рог, был длиной почти с мужское предплечье. Шиподракон, со свистом разрезая воздух, пронесся над упавшим на спину Гредой, а воздушный поток от его крыльев чуть не вбил мечника в камень. Перед скалой дракон взмыл вверх, а его змеящийся хвост хлестнул по стене. Когда дракон набрал высоту, чтобы спикировать на нас снова, я увидел: в том месте, где только что сидел Санса,

теперь находится красное пятно, по стене стекает кровавая каша, лоскутки одежды отлепляются и падают вниз.

Не в силах двинуться, я смотрел.

Неожиданно какой-то комок оторвался от кровавой массы в веревочной путанице и упал на камни. Это была голова Сансы. Что-то вопил Муел, выдирая ноги из люльки. Все происходило как-то медленно, словно мы все погрузились в невидимый, густой кисель, а на дракона он совершенно не действовал. Когда я с усилием поднял на него глаза, то увидел, как от брони на брюхе монстра отскочила чья-то стрела. И тотчас за ней — следующая. Это Уберия совершенно потеряла голову и лупила в самое защищенное место на теле дракона.

Кстати, а Олтц?

Я по-прежнему стоял неподвижно, частично скрытый скалой, впрочем, для убийцы драконов, может быть, слишком из-за нее высунувшись. С трудом оторвав взгляд от гиганта, завершающего в воздухе круг, для того чтобы снова напасть на нас, я взглянул на мастера. Он высунулся из-за своего камня, сжимая в обеих руках мечи — Карник и другой. Похоже, он ждал атаки, чтобы добраться до какого-нибудь чувствительного места врага и рубить, рубить, рубить...

Я схватил ножи, воткнул их за пояс и высунулся тоже с двумя мечами в руках. Шиподрakon закончил очень красивый поворот в воздухе, задрал длинный, словно три телеги, хвост и кинулся вниз. Как мне показалось, он метил в Греду, который — так все происходило медленно — все еще поднимался на ноги.

— Падай! — крикнул я и выскочил на открытое пространство, размахивая руками.

Мне хотелось, чтобы дракон меня увидел, чтобы сбился с ритма полета, попытался свернуть, и упустил из вида цель... Я заметил, как у него увеличивается зуб под нижней челюстью. Это означало, что он вскоре отрыгнет огонь. Гре-

да тоже это увидел и уже приготовился прыгнуть вбок, однако дракон проявил просто дьявольскую ловкость. Падая на Греду, он неожиданно выгнул шею и выплюнул длинное, огненное облако в сторону Уберии.

Клянусь, я видел, как она вскинула вверх руки, как неожиданно вся, полностью вспыхнула, но еще некоторое время оставалась на месте, очевидно поскольку ее ноги застряли в какой-то трещине. Я еще успел увидеть, как ее голова взорвалась и во все стороны, словно вылетевшая из горшка каша, полетели какие-то светлые комки. Потом обожженное тело Уберии упало, а я наконец-то взглянул на дракона. Тот подлетал к Греде.

До сих пор драконы, с которыми нам приходилось сражаться, могли отпрыгнуть огнем самое большее два раза за всю драку. Этот был иным. Насколько иным, кроме размеров? Мог ли он испепелить также и мечника?

Я крикнул еще раз, но горло меня подвело и выдало лишь хрип. Зоб дракона пульсировал, однако пока не увеличивался. Сам же он падал на Греду, а я бежал туда, где должен был оказаться бок монстра в момент удара. Греда рванул было в одну сторону, потом отпрыгнул и бросился в другую, однако сделал он это раньше времени — шиподракон был еще слишком далеко, не думал даже сворачивать, а просто, вытянув голову, водил ею вслед за мечущейся перед ним фигуркой. Соответственно, при такой диспозиции необходимо было долгое время бежать вдоль его бока, в пределах досягаемости его страшной головы, клыков размером с кинжал, когтей длинней мужской руки.

Когда дракон опустился ниже и стал выравнивать полет, чтобы скосить мечника одним ударом, тот привстал, вытянулся во весь рост, кажется, даже привстал на пальцах. Я угадал его намерения, что он придумал, глядя в глаза смерти: дракон ударит, а он в последний, единственно возможный момент, мгновением после которого будет поздно,

упадет на землю и попытается вонзить меч куда-нибудь в тело, может, даже резанет по крылу. Если бы только ему удалось перерубить перепонку...

Шиподракон налетел, и Греда сделал свое наилучшее падение, ногами вперед, выставив вперед меч, и... вонзил его. Вонзил в разинутую пасть чудовища!

Греда совершил только одну ошибку, на большее у него времени уже не хватило. Рукоять меча находилась на высоте его живота, и дракон, в язык которого вонзилось лезвие, всей силой своего тела ударил мечника оголовком рукояти. Мгновение позже дракон с наколотым на тупой конец меча Гредой взлетел выше, а потом мотнул кошмарной головой и стряхнул мечника с торчащего из пасти оружия. Воющая, безжизненно махающая конечностями фигура после короткого падения ударилась с глухим звуком о каменную площадку перед пещерой.

Вой прекратился.

Боже! Дракон наверняка даже толком не почувствовал веса воина в кольчуге. Слышал я раньше, что наивеличайшие из виденных драконом могут с трудом унести взрослого человека. На что мы вообще рассчитываем?

Послышался крик мастера:

— Прячься!

Я бросился в укрытие, хотя и знал, что ни один атакованный дракон не уходит от драки, нападает, пока не погибнет или не убьет врага. Это чудовище, король драконов, этот проклятый шиподракон, обладал такой же яростью, как и стая обыкновенных. Я добежал до своей щели и юркнул в нее. Впрочем, тут же развернувшись, я не удержался, выглянул.

Дракон поднялся еще выше и сделал в воздухе петлю. Наверняка он хотел оценить расстановку сил, может, посчитать оставшихся в живых врагов. Я вжался в скалу и увидел, как из люльки выбирается Муел. Бедняга не знал, где

спрятаться. Подняться вверх, на вершину, чтобы его сбило воздухом? Вниз? На каменную площадку перед логовом, на которой негде укрыться? Он все же выбрал второе и наконец, выбравшись из веревок, начал спускаться. Тут одна нога у него снова запуталась, он потерял равновесие и повис головой вниз. Шиподракон свернулся в воздухе — сделал разворот, словно легкая, проворная ласточка, — заметил движение на стене и спикировал, как ястреб на курицу. Был он в этот момент смертельно красивым — летел вниз подобно молнии, с нарастающим в ушах свистом. Впрочем, шансы у нас еще были, поскольку он находился пока высоко.

Я выскочил из-за камня и бросился через площадку к пещере. Через несколько шагов я отшвырнул оба меча. За спиной у меня был третий, и он не мешал мне бежать. Мчался я как никогда в жизни и никогда в жизни не бегал наперегонки с такой близкой смертью. Если дракон уже восстанет в своем зобу огненную слюну, то моя голова вот-вот поджарится и взорвется. Однако если сейчас его не достать, то эта рептилия будет и дальше совершенно спокойно убивать нас по одному.

Я увидел, как Муел все же выпутался из веревок и начал съезжать по одной из них. И тут время опять поплыло медленнее, словно наконец-то достигшая равнины река. Я снова проталкивался через вязкий воздух, пытаюсь вырваться из его липких объятий и зная, что мне это не удастся, а дракон тем временем летел к Муелу. Потом сетевой отпустил веревку и съехал по скале, по дороге задев боком о некий выступ. Он глухо ударился о землю, однако того лопающегося звука, который издало тело Греды, я не услышал. Я вбежал под свод пещеры и, остановившись, обернулся. Сверху до меня доносился грохот, треск, словно бы мужики дрались кнутами или поясами. Я вернулся к выходу и выглянул.

Муел лежал неподвижно. Дракон махал крыльями, пытаясь остановиться, и именно перепонка огромных крыльев

издавала этот трескучий звук. Вот он мягко приземлился. Скрипнули когти.

На меня дракон не обращал внимания. Поэтому я выбрался из пещеры и на цыпочках, царапая боком скалу, двинулся в направлении его бока, чтобы наверняка ударить мечом по перепонке крыла, может, поддеть лезвием чешуйку на боку, где не было смертоносных шипов, и вбить в тело отравленный нож... Мастер Брегон закричал, отвлекая внимание шиподркона от меня и Муела, да только бестия не обращал на него внимания. Дракон вытянул голову в сторону неподвижного сетевого, а из пасти у него все еще торчал меч Греды. Может, поэтому он не мог плюнуть огнем? Я же теперь двигался вдоль хвоста чудовища, кислый запах выбивал из моих глаз слезы, а еще я боялся, что вот-вот кашляну. Тогда монстр повернет голову и заглянет мне в глаза. Не знаю почему, но в тот момент я хотел бы лучше умереть, чем посмотреть ему в глаза и остаться в живых.

В том месте, где хвост переходил в туловище, он имел толщину пивного бочонка. Тело дракона, конечно, было еще шире, а возле крыльев оно достигало толщины двух пней от вековых дубов. Я поравнялся уже с концами сложенных крыльев, от острого запаха у меня по лицу лились слезы, а дышал я чем угодно, но только не воздухом. Неожиданно, уже взявшись за рукоять меча, я увидел, как хвост чудовища отодвигается в сторону и из открывшегося отверстия начинает выдавливаться густая, смолистая масса, в которой виднеются какие-то белые щепки. Темное месиво выплывало и выплывало, от него валил пар, который вместе с запахом словно ударил меня по глазам. Я заткнул нос и, глубоко вздохнув, почувствовал, как зловоние заполнило и обожгло мои легкие. Я бросился в эту теплую, мерзкую, пахнущую словно экскременты дьявола массу, между кусками непереваренных коровьих костей. Еще до того, как я оказался по грудь в дерьме, у меня уже был в руке нож, и я тотчас же

вонзил его в светлую, открывшуюся на время освобождения от отходов кожу. Вслед за этим моя левая рука погрузилась по локоть в экскременты и схватила второй нож. Правая была уже по плечо в дурно пахнущей массе, и только благодаря этому я удержался на поверхности, не погрузился с головой. Я вонзил второй нож рядом с первым. Дракон, только сейчас почувствовав мои удары, испуганно закричал и, дернувшись всем телом, саданул меня о скалу, что привело к вдвойне счастливому результату. Во-первых, из чудовища теперь валило так, что я мог бы запросто утонуть; во-вторых, основание хвоста несколько раз резко дернулось, и, останься я слишком близко, меня бы сплющило и впрессовало в массу из кусков непереваренной кожи, рогов и костей.

К счастью, дракон был так огромен, что, когда он притиснул меня к отвесной скале, между толстым хвостом и камнем у земли остался небольшой зазор, достаточный, чтобы подобная мне маленькая мышка пережила удар. Шиподракон отодвинулся, а я остался лежать неподвижно, надеясь, что он меня не заметит. Так оно и получилось. Осторожно приоткрыв глаза, я заметил, как монстр, поворачивая голову, нечаянно задел о скалу рукояткой торчащего из пасти меча. Только теперь он зарычал, и сила попавшего на меня воздушного удара была такова, что меня протащило по шероховатому камню, сорвало с головы шапку и одновременно достаточно неплохо очистило от экскрементов. Град откинутой рыком каменной крошки и камешков пролетел рядом со мной, попал в скалу и частично мне в голову, как если бы на меня высыпали со стен осажденной крепости корзину щебня. Слезы заливали мне глаза, но я все же увидел, как дракон рванулся вверх, словно бы пытаюсь взлететь, но тут же рухнул обратно.

Перевернувшись, я вскочил на ноги и кинулся в сторону пещеры. Дракон рыкнул еще раз. Не знаю, смотрел ли он на меня в тот момент, однако мне в спину опять ударила

сильная струя воздуха, пыли и мелких камешков. Я пролетел несколько шагов и, размахивая руками, шлепнулся на камень, словно ком глины. В этот момент из глубины пещеры до меня долетел стон, подобный уже слышанному ранее. Впрочем, времени узнавать, кто может его издавать, у меня не было. Вскочив, я вбежал в пещеру, прижался к холодному камню стены, услышал какой-то дробный стук и только немного погодя сообразил, что это стучат мои зубы. Поднеся к лицу руку, я понял, что она грязна, замарана драконьими экскрементами и ужасно пахнет, а пальцы ее трепещут, словно крылышки мотылька. Пожелай я их пересчитать, наверняка потерпел бы фиаско. Потом я услышал, как кто-то рыдает рядом со мной, оглянулся и не увидел никого. Оказывается, это плакал я. Я хотел было вытереть слезы рукавом, однако если бы сделал это, то лишь залепил бы себе глаза грязью. Тогда я сорвал куртку, выдрал из-за пояса полы рубашки и вытер лицо.

Я подумал, что необходимо сообщить остальным о двух порциях могильницы, которые я засадил в монстра. Подождем, он должен сдохнуть. Должен!

Я потащился к выходу.

Олтц, которого на протяжении всего сражения я не видел, а замечал лишь его летящие стрелы, высекающие искры из чешуек дракона, шел мягким, крадущимся шагом, заходил к извивающемуся чудовищу сбоку, чтобы выстрелить в него еще раз, поставить последнюю точку.

ПаDIR Брегон подходил к дракону с другой стороны. В руке у него был Карник. Шиподракон извивался, а хвост его бился о скалу с хрустом и грохотом. Одно его крыло было прижато к скале, другое он начинал было расправлять, но тут же сворачивал опять. Тело корчилося на каменной площадке, а шипы на боках и спине брызгали ядом. Дракон извивался, как насаживаемый на крючок дождевой червяк. Бесцельные броски, во время которых он тупил свои когти

и ломал длинные кости крыльев, вывали у меня дрожь омерзения. А вообще было здорово. Омерзительно здорово.

Дракон замер.

— Нет, мастер! Не надо подходить! — попытался крикнуть я и едва сам услышал свой шепот. Охрип. Тогда я начал показывать жестами: «Не нужно! Всадил в него два ножа! Подождите!»

С трудом передвигая дрожащие ноги, я вышел на свет. Моя одежда, штаны и ботинки пахли так страшно, что, кашлянув, я поднес ладонь ко рту и, почувствовав на губах кисло-соленый щиплющий вкус, согнулся и стал изрыгать из себя воду и желчь. Краем глаза я видел, как паDIR Брегон подходит к голове шиподркона, скорее всего, примеряясь к огромному драконьему рогу. В глазах у него читалась жажда мщения.

Я упал на колени и стал несколько беспорядочно подавать ему сигналы, но он не обращал на них внимания. За его спиной появилась фигура арбалетчика. Олтц что-то сказал мастеру, и тот остановился. Арбалетчик подошел ближе, и между ними завязался разговор. Я же, охваченный бесилием, машинально побрел в их сторону. У меня дрожали колени, а ноги подгибались при каждом шаге. Я кашлял и плевался, я тряс головой, чтобы стряхнуть слезы, поскольку рук к лицу подносить уже не рисковал.

Все плохое, что могло случиться, уже произошло. Уберия погибла. Умер Греда, самый старый мечник, вернее — самый старый до недавнего времени, поскольку сейчас кто-то другой, нам неизвестный, является самым старым, живым мечником... Погиб сетевой Санса, более старый, чем мастер Брегон. Скорее всего, умер Муел, упавший с высоты нескольких этажей на камень...

Я брел, цепляясь ногой за ногу, спотыкаясь о камни. Потом мне пришлось во второй раз остановиться и отхаркаться. Олтц и Брегон стояли и глядели на убитого дракона.

Похоже, они только сейчас начали до конца осознавать его размеры. Вот папир с удивлением покачал головой. Заметив меня, он радостно взмахнул рукой и сказал:

— Великолепно себя показал, сынок. Однако подходи против ветра.

Я прыснул от смеха. Несколько глупых слов, после нескольких — сам бой длился короче, чем его описание, — минут ужасного страха, обессиливающего, сковывающего руки и ноги невидимыми, однако наипрочнейшими узами, высвободили зародившийся где-то в побаливавших внутренностях смех. Я сначала захихикал, а потом и захохотал, так что у меня вскоре заболел живот, а ноги отказались служить. Снова упав на колени, я выронил меч, подчиняясь остаткам здравого смысла, отстегнул двойные ножны с оставшимися ножами и откинул в сторону. Безумный хохот пригибал меня к земле. Сквозь льющиеся слезы я заметил, что мастер и Олтц, глядя на меня, тоже начинают хихикать, и знал, что вскоре они, подобно мне, будут кататься по исцарапанной телом дракона каменной площадке. Счастливые, что выжили, ошеломленные уже обретенным богатством.

Боже мой! Мы получили рог! Получили когти! Шипы с могильницей!

Сильный спазм согнул меня вдвое, и я уже не мог ни смеяться, ни встать. Однако мне удалось перевернуться на бок. Мастер и Олтц бросили оружие и, согнувшись, пытались хлопать друг друга по спине, по плечам, рукам, но не имели на это сил, не могли попасть. Махали руками, словно два ярмарочных нищих, охваченных приступом чахотки. А сами в этот момент были богаче Маджера Каседелии.

Именно тогда тело дракона и дрогнуло. Лишь один я увидел, как шевельнулся конец хвоста, самый конец толщины дышла. Я начал было делать вдох, но тут время опять замедлилось, превратилось в прозрачную, клейкую массу, и вдох этот длился наверняка целые столетия. А два моих товари-

ща задыхались от смеха, и только монстр двигался с нормальной скоростью. Он поднял огромную голову и потряс ею. Похожие на перекрученные древесные пни лапы задвигались, а когти скрипнули о камень, и звук этот наконец-то предупредил мастера и Олтца. Они начали выпрямляться, поворачивая голову к дракону, а я приподнялся, одновременно пытаясь найти на ощупь ножи и меч.

Поздно! Поздно! Поздно!

Голова метнулась в сторону Олтца и падира Брегона, арбалетчик выстрелил в открытую пасть, однако морда продолжала двигаться в их направлении. Дракон собирался за один раз схватить обоих мужчин! Тут лапы чудовища подломились, и поэтому задуманное получилось у него не полностью. Конец морды, покрытый роговыми пластинами кончик, задел окаменевшего Брегона и отшвырнул его аж к каменному ограждению, а сама голова все еще двигалась, пыталась перехватить кинувшегося наутек арбалетчика.

И только тогда я метнулся вперед. Не знаю почему, но мне казалось, что Карник находится ближе, чем мой собственный меч. Тело мастера еще было в воздухе, Олтц вылез из пасти, а крыло дракона, которым он двинул назад, задело меня. Гибкая перепонка остановила мой бег — так хлопнула отбрасывает муху. В темноту и тишину.

Длилось это, очевидно, несколько секунд, поскольку очнувшись, я увидел несчастного Олтца, стонущего и проткнутого несколькими зубами шиподркона. А тот вновь лежал без движения. В голове у меня шумело, страшно болела выбитая нижняя челюсть, и что-то теплое и липкое сочилось через правый глаз на щеку. Поднимаясь, я обнаружил, что у меня болит левый локоть, а движения вызывают такую сверлящую боль в висках, что и здоровый мой глаз на мгновение заволокла пелена боли. Я ненадолго замер, закашлялся, однако сплюнуть не смог, поскольку челюсть у меня была выбита. Тогда, расставив колени пошире, я со всей

силы ударил по ней сбоку. В голове моей вспыхнула молния. Я наудачу ударил еще раз и все-таки поправил, поставил челюсть на место.

После этого я потащился к лежавшему неподвижно мастеру. Олтц либо меня увидел, либо почувствовал предсмертный прилив сил и гаркнул что-то на незнакомом мне языке. Я посмотрел на него. Голова дракона лежала на боку, арбалетчик был не только проткнут зубами от спины до брюха, но еще монстр, умирая, умудрился сломать ему позвоночник. Таким образом, я мог помочь Олтцу, лишь добив его, но не спешил это сделать, молился богам, чтобы они отобрали у него жизнь, прежде чем стоны арбалетчика заставят меня это сделать собственными руками.

Я подошел к мастеру Брегону. Тот был жив, глаза у него были открыты, и он всматривался в небо, словно бы с недоверием. Я опустил на камень рядом с ним и, прикоснувшись к его руке, позвал:

— Мастер! Мастер?

Некоторое время он на это не реагировал, а потом все-таки посмотрел на меня и прохрипел:

— Мы его поймали... Короля Драконов. Шиподракона.

Его голос звучал все громче, в нем чувствовалась радость и триумф.

— Королеву, — машинально поправил его я.

— Коро... леву... — Пальцы его левой руки дрогнули. С каждым его движением во мне росла надежда. Быстро содрал с себя рубашку, я свернул ее и подложил мастеру под голову. Во время этого он бросил взгляд на мертвого врага. — Тебе виднее... — и неожиданно усмехнулся. — Был в надлежащем месте...

Я испугался, что он снова начнет хихикать, и если у него поранены внутренности, то спазмы могут их разорвать.

— Огромный рог, — сказал я быстро, желая сконцентрировать внимание падира Брегона на чем-то ином. — С этого

рога кто-то ловкий выточит четыре больших или дюжину маленьких...

Отвлекающий маневр удался. Мастер посмотрел на рог дракона. В уголках его губ появились капельки крови. Несмотря на то что у меня от боли буквально сыпались искры из глаз, я сжал челюсти.

— А не выгоднее ли продать его целым? — Я знал наперед, какой получу ответ, однако лучшего вопроса мне в голову в тот момент не пришло.

— Глупый Авенсис. — Струйка крови пробежала по бороде мастера. Он не заметил этого, не обратил внимания. — Знаешь такого... кто настолько богат? Отправься хоть к самому Традеалару. — Он попытался иронично хмыкнуть. — Он тоже не отдаст половину сокровищницы. Скорее прикажет нас убить...

Олтц захрипел и затих.

— Мастер, у нас большие потери. Уберия...

Он меня не слушал, хотя и не бредил, но словно бы выбирал, что хочет услышать:

— Ей повезло — такая добыча в первый же раз...

Я внимательно к нему пригляделся.

Глаза у него блестели, как от горячки. Как я мог не увидеть нездорового блеска? Отчего...

— Уберия... Знаешь, почему необходимо быстро разделать дракона?

Я остолбенел. Мастер быстрым движением схватил меня за ладонь.

— Говорил тебе много раз. Не помнишь?

— Огненная слюна, после того как дракон умрет, начинает разъедать его изнутри.

— Ну! Хорошо. Хорошая девочка... — Он отпустил мою руку. — Теперь спешу. Помни — сначала рог. Потом несколько горстей шипов, чтобы получить собственную могильницу... — бормотал он. — Под конец когти, сколько

удастся. Пусть Авенсис спешит... Однако... — В горле у него забулькало. — Если с когтями начнутся трудности... бери шипы. Да, шипы. Шипы важнее. Когти только две штуки, самые боль-шие! Кха-кх! Кх!..

Он закашлялся, и красные брызги выплеснулись на его грудь. Я хотел ему помочь, но он ударил меня кулаком в плечо и прохрипел:

— За раб-хоту!..

Я схватил Карник и бросился к дракону. Олтц за время моего разговора с мастером умер. Лицо у него было залито собственной и драконьей кровью. И то и другое смывал густой желтоватый желудочный сок, сочившийся из шиподракона. Через некоторое время, если раньше не сгорит, тело Олтца утонет в нем окончательно. Уже сейчас кожа на лице арбалетчика стала морщиться, словно кожа на ладонях и ногах уопленника.

Я вонзил Карник в голову, возле основания рога, потом повторил удар, и мне даже удалось пробиться сквозь чешую, но не слишком глубоко. Пришлось надавить на меч, и через некоторое время он вошел в плоть дракона на достаточную глубину.

Если бы падир Брегон знал, подумал я, что придется использовать его боевой меч для разделки дракона... А может, он не увидел бы в этом ничего оскорбительного, подумал я дальше, желая заглушить иные мысли, касающиеся ран и участи мастера, если это Королева Драконов, Королевский Шиподракон?

Я рассекал мясо, вырезал, выламывал рог. Прикасаясь к нему ладонью, я чувствовал, как он с каждым разом становится все теплее — начиналось самосожжение дракона. Посмертная месть убийцам и грабителям. Я заспешил, хотя и так едва мог дышать от боли в сломанных ребрах, голове, и конечно, по причине смрада, бьющего от нагревающегося тела дракона. Вонзив из последних сил Карник в голо-

ву чудовища, я навалился на рог. Это неожиданно привело к тому, что пасть дракона открылась. Послышалось мерзкое хлюпанье, и на землю выпало почти перекушенное, полупереваренное тело Олтца. При этом из глотки полыхнуло дымом. Я закашлялся и отошел на несколько шагов, чтобы отдышаться и дать отдых дрожащим рукам и подгибающимся ногам.

Разглядывая дракона, я снова и снова удивлялся тому, что мы его одолели. Сам язык, пронзенный мечом Греды, пришипленный им к нижней челюсти, мог бы наполнить соленым мясом три бочки. Зубы... Зубы? Ужас, а не зубы. Клыки, словно кинжалы, плоские, широкие, похожие на тяпки, однако острые, словно бритвы. Я подумал, что такого гиганта должны разделять две дюжины людей... Однако сейчас был только я. Дым, вырывавшийся из пасти, поредел. Я подошел ближе и снова вцепился в рог. Что-то подалось. Я стиснул зубы и навалился всем телом. Теперь уже что-то подалось во мне, одно из ребер задело о собственный обломок.

Боже!

Рог хрустнул и, чмокнув, освободился. Я опустился на землю, поджав ноги, и, выдержнув Карник, перерубил жилы, а также хрящи, соединяющие рог с телом. Собрав остатки сил, я оттащил рог подальше, а потом, желая сделать мастеру приятное, поволок добычу в его сторону. Тот слегка приподнял голову и некоторое время смотрел на меня, а потом бессильно ее уронил. Углубление, оставленное головой мастера на свернутой рубашке, уже наполнилось кровью. Я подтащил остывающий рог и положил его в пределах досягаемости руки Брегона, потом начал подниматься по скальной гряде, дорогой, которой мы сюда пришли. На ее вершине я остановился и немного отдохнул. Мое громкое дыхание было единственным слышимым мне звуком.

Опустившись вниз, я схватил оставленную тут совсем недавно фляжку и жадно из нее несколько раз глотнул. Едва не захлебнувшись, я все же сумел проглотить воду. Она смыла с губ сохнувший осадок, и нет ничего удивительного в том, что меня почти тут же вырвало. Отдышавшись, я попил еще, и на этот раз удачно, без последствий. Сняв пояс, я стянул им грудь. Заболели сломанные ребра, и я застонал. Прежде чем ко мне вернулись силы для возвращения, я, стараясь экономить воду, вымыл руки.

Вновь перевалив через гребень, я подошел к мастеру. Тот лежал с закрытыми глазами, однако пальцы его слегка поглаживали окровавленное основание драконьего рога. Я приподнял Брегону голову и влил ему в рот несколько капель. Тот неожиданно их проглотил, и у меня даже появилась надежда. Однако она исчезла, когда я почувствовал, как под моими пальцами прогибаются кости его черепа на затылке.

— Сколько... — прошептал мастер и открыл глаза.

— Погибла Уберия, — сообщил я. — Греда... Олтц... Санса... — Брегон молча смотрел на меня. — Пойду посмотрю, что случилось с Муелом. Впрочем...

Я махнул рукой и отвернулся. Не пристало ученику, даже такому любимому, как я, видеть слезы мастера. Тело дракона я обошел по широкой дуге. Внутри у него что-то шелестело и потрескивало. Хотел бы я сказать, что это был огонь, однако потрескивало как-то по-иному. Муел лежал неподвижно там, где упал. Я подошел ближе и остановился от него в нескольких шагах, поскольку далее приближаться не было смысла. Череп его был разбит, словно дыня после удара дубиной.

Я вернулся к дракону. Когти его уже нагрелись, однако как раз в этот момент выдергивать их было удобнее всего. Достаточно было лишь посильнее дернуть, и они, без жил и сухожилий, отделялись от тела. Я подумал, что это необ-

ходимо запомнить на будущее, чтобы не мучиться, стараясь их отделить от тела, а делать это, дождавшись подходящего момента. Подойдя ближе к туловищу, я снял пояс, сделал из него петлю и закинул ее в заросли великолепных шипов. Затянув петлю, я осторожно потянул пояс и получил несколько десятков бесценных, наполненных страшным ядом сосудов. Сделав так еще несколько раз, я подавил в себе жадность, бережно сложил шипы на кусок оторванной от рубашки материи и, взяв ее за края, осторожно отошел от все более нагревающегося шиподракона. Спрятав шипы под сводами пещеры, я решил, что неплохо было бы перенести туда и мастера. Прямо сейчас отправиться за помощью я не мог. Хотя бы потому, что толпа бандитов, жаждущих легкой добычи, появится тут быстрее.

Вернувшись к мастеру, я наклонился над ним и сказал:
— Занесу тебя в пещеру.

Тот не ответил. Был без сознания. Я подумал, что так даже лучше. То и дело спотыкаясь, я вернулся к Сансе. Говоря себе, что наверняка мастер бы поступил так же, я снял с Сансы рубашку и ремни. Потом его тело я перетащил к дракону и уложил ему под бок. Вслед за этим я вернулся к мастеру, разложил снятое с арбалетчика, перетащил на него Брегона и поволок к пещере. Время от времени голова мастера задевала о камни, но я ничего с этим уже поделать не мог. Под сводами пещеры я обрызгал его лицо водой и, снова вернувшись, перетащил к дракону останки Олтца.

Я огляделся. Уберия и так превратилась в кучку пепла, а до Муела я не смог бы добраться и в лучшем состоянии. Может, потом, когда вернусь сюда с людьми и, если до этого времени его тело не растащат вороны, — похороню. Дракон вскоре сгорит, и при этом сгорят тела его убийц...

Затащив еще в пещеру когти и рог, я упал совершенно без сил возле Брегона. Воздух вырывался из моих легких с хрипом, у меня свистело в груди, при каждом вдохе болело

по крайней мере в двух местах. И все же я дышал, правда — с трудом.

Карник! Где меч мастера? Почти плача от злости, что приходится снова двигаться, я сел и огляделся, по глупости надеясь, что каким-то чудесным образом он окажется поблизости. Нет, меч лежал там, где я его оставил, под окровавленной скалой, а из тела дракона между тем уже начали пробиваться струйки дыма. И все же мне пришлось сходить за мечом. Я уже хотел приподнять голову Брегона, чтобы осмотреть раны на затылке, когда из глубины пещеры, из дальней части широкого темного коридора, до меня долетел протяжный, тоненький стон. У меня на затылке волосы встали дыбом.

А ведь мы слышали этот звук и раньше! Собственно, именно это и ввело в заблуждение сетевых, решивших, будто дракон находится в пещере! Мы тоже думали так, именно поэтому он нас и захватил врасплох!

— Авенсис... — услышал я.

Наклонившись над мастером, я приложил палец к губам. Брегон уже пришел в сознание, и в его взгляде читался вопрос. Вот он слегка покачал головой. Я заметил, что в лужице крови, в которой она лежала, при этом движении появились какие-то мерзкие, беловатые сгустки слизи. Мне пришлось поднять голову вверх, поглубже вдохнуть воздух, и это помогло побороть тошноту.

— Что-то тут еще есть... — шепнул я, наклонившись к уху мастера. Мне понадобилось некоторое время, чтобы сказать следующее, но все же я это сказал. — Пойду туда...

— Подожди, — прошипел Брегон. В горле у него забулькало. Он пошевелил рукой. — Возьми... перчатку... есть шипы?

Верно! Все-таки у меня есть самое сильное оружие! С ним я могу идти в одиночку даже на медведя. Лишь бы только увернуться от первой атаки, лишь бы один раз зацепить не-

приятеля. Самая маленькая ранка не даст ему возможности повторить удар. Я видел, как сегодня могильница убила того, кто ее выделяет.

Я вытащил из-за пояса падира Брегона перчатку, схватил шип, легко и несильно ударил острием Карника по его концу. Появилась капля отравы. Тогда я взял левой рукой еще два шипа и пошел в глубь пещеры.

Куполообразная пещера тут сужалась, потолок ее значительно опускался, и она уменьшалась до размера дворцового коридора. Полумрак становился все гуще, однако, после того как мне удалось овладеть своим разыгравшимся от страха возбуждением, до меня дошло, что странный звук доносится с достаточно большого расстояния. Я сделал еще несколько шагов, остановился и стал вглядываться в темноту. Через некоторое время мне показалось, что в стене мрака виднеется какое-то светлое пятно. Я тряхнул головой, чтобы избавиться от капель холодного, липкого пота. Несколько упало мне на шею и впиталось в рубашку. На щеках остались мокрые следы, и я почувствовал на них холод — легкое дуновение ветра.

Сделав еще несколько шагов, я снова остановился и прислушался. Ноги мои не желали идти дальше. Более того — если бы я повернулся в сторону выхода, то они бы понесли меня быстрее табуна испуганных коней. Вот вперед — не хотели. Короче, я стоял, чувствовал кожей дуновение ветерка и вслушивался.

Потом что-то шевельнулось и наверняка скрипнул о камень коготь. Не нож, не дерево — коготь. Я сделал два шага в сторону и прижался к стене. Наверняка ни один медведь, а тем более волк не осмелился бы захватить логово дракона! Особенно если учитывать, что оно охранялось барьером из высоких скал... Можно было не гадать — там, впереди, находился дракон, а я был один.

Я прижимался спиной к стене. В голове моей лихорадочно скакали мысли.

Убежать? Да, убежать, прихватив трофеи — рог, когти, шипы, миновать скалы и добраться до коней. Далее — исчезнуть, забыв о награде Маджера Каседелии.

Я стоял и таращил в темноту глаза. Потом до моего носа добрался запах жареного. Очевидно, дракон уже вспыхнул. И тут же стена начала перемещаться. Это мои ноги сами вынесли меня на середину коридора. Я сжал зубы, заставил их остановиться и некоторое время стоял, тяжело дыша, а потом пригнулся и так, под ветер — двинулся вперед. Через несколько шагов мне стало легче, словно бы мои ноги, узнав, что я иду не в ту сторону, решили мне помочь, не сопротивляться. Коридор свернул влево, а потом вправо и еще малость влево. Стало светлей, ветерок высушил, почти высушил у меня с лица пот. Впереди явно была следующая пещера. Я прижался к стене, высунул голову, высунул ее дальше и все еще ничего не увидел, кроме того, что свет поступал в пещеру из нескольких щелей в верхней части ее куполообразного потолка.

Еще шаг, второй, осторожно... Я снова высунул голову и увидел, что пещера пуста. По крайней мере, никакого дракона в ней не было. А мог ли он там быть?

Я облегченно вздохнул, однако на всякий случай — беззвучно. Потом сделал шаг в сторону, оглядел все пространство пещеры и вскрикнул. Точнее — едва не крикнул.

В углу пещеры, неплохо освещенное, стояло нечто удивительное.

Выглядело оно как огромный лебедь. Если бы, конечно, у лебеда могло быть четыре ноги и он мог быть радужным, раскрашенным во все возможные цвета. Если бы существовал лебедь с белой головой, снабженной маленьким, округлым выступом, такой лебедь, который обладал постепенно желтеющей шеей, причем эта желтая полоса потом бежала через всю его спину, Бока же у него были украшены вертикальными разноцветными полосами и пятнами. И все это

было красиво покрыто перьями. А на боках, под свернутыми лазурными крыльями, у него выросли черные, ящеричные ноги с беловатыми, молочного цвета когтями. Туловище заканчивалось изгибающимся вверх и вниз, покрытым нежным пухом хвостом. В сумме все это, конечно, не очень напоминало лебедя, но и на что-то другое тоже походило не сильно. Так что для меня, просто для того, чтобы было с чем сравнивать, он остался похожим на лебедя.

Увидев меня, существо вытянуло шею и зашипело, словно настоящий лебедь, однако почти тотчас этот звук превратился в тоскливый, похожий на голос флейты, свист. Звук его был приятен для уха, я бы даже сказал — был теплым. А потом существо открыло пасть, не выступ — пасть, и я понял, что это дракон. Три шеренги крохотных, похожих на иголки зубов.

Я сделал шаг назад и прижался к стене.

Молодой дракон... Молодой королевский дракончик! Никто никогда ничего подобного не видел! Я окинул взглядом пещеру, а потом посмотрел на выглядывающие у меня из ладони шипы.

Убить!

Да, убить! Такого маленького я могу донести до людей. Найму лучшего таксидермиста и прикажу набить чучело дракона. Потом... потом...

Дракон за стеной пискнул, я услышал стук когтей и отскочил в сторону. Тот явно направлялся ко мне, однако после моего неожиданного появления остановился, кивнул назад и вперед головой. Он забулькал, словно у него в горле что-то мягко перекатилось, потом вдруг вытянул шею ко мне, и снова послышался напоминающий звучание флейты звук. Я неожиданно почувствовал, что у меня перестали болеть сломанные ребра, зашатался, и — словно от этого движения — вся боль спала с меня, всосалась в землю. И усталость. Я чувствовал себя так, словно бы только что

встал с кровати, словно не ехал сюда несколько часов и не сражался с... кем? Матерью? Сестрой?

Радужный дракон осторожно ко мне придвинулся на полшага. Я вытянул перед собой Карник и шипы. Дракон наклонил голову вбок и явно заинтересовался шипами. Ну конечно — они выделяют знакомый ему запах... Что делать?

Я принял решение и, развернувшись, бросился прочь. Немного погодя я был уже возле мастера. У того полузакрытые веки открывали мутные белки глаз. Я отложил меч, плеснул на ладонь воды и sprysнул ею лицо Брегона. Потом принялся быстро увязывать в узелок когти и шипы. Поглядывал на мастера и увязывал. Наконец тот открыл один глаз.

— Авен... шип... дай... каплю...

— Нет, мастер, — шепнул я. Узелок был уже готов. — Сейчас я тебя перенесу...

Чудовищным усилием воли Брегон протянул руку и схватил меня за колено.

— Я проживу еще час, может, два... страшно у меня все болит... Дай каплю могильницы с водой... Не умру... а боль станет меньше...

Могильница убивает, попав в кровь. Если ее выпить, то она тоже убьет, но не сразу и безболезненно. Сам я, конечно, не пробовал и даже не разговаривал ни с кем, кто видел такое ее действие, — слишком уж она была дорогой, — однако подобный слух среди охотников на драконов ходил.

— Дай! — прохрипел падир Брегон.

Я снял с головы кожаную тубелку, налил в нее немного воды из фляжки, потом выдавил в нее две капли могильницы. Быстро, чтобы смесь не успела разесть кожу и вылиться мне на руку, придвинув «снадобье» ко рту мастера, осторожно в него влил. Эта операция закончилась удачно. Тогда я проглотил слюну и подождал, пока мое дыхание восстановится.

Пахло просто ужасно. Где-то сзади верещал дракончик. Брегон ненадолго закрыл глаза, а потом резко их открыл.

— Что это было? — спросил он совершенно иным голосом, так, словно был цел и здоров.

— Там... дракон...

Хриплым голосом, заикаясь и проглатывая концы слов, я описал ему маленького дракона.

— Ну и дела... — шепнул мастер. — Несомненно — убили королеву... — неожиданно он ударил меня кулаком в бедро. — Что с ватагой? Правильно ли я понял, что в живых остались только мы?

Я кивнул.

— В таком случае, сынок, мы очень богаты.

Я было хотел ответить, но не успел. Брегон был снова в отменной форме. Словно бы не он только что умирал, лежа с разбитой головой. Цыкнув на меня, чтобы я его слушал, он продолжил:

— Прежде всего: не возвращайся ко двору Маджера Каседелии. Ограбит тебя и убьет. Гадина он. Во-вторых, как я умру — упакуй, что можешь, и уходи отсюда. В-третьих... — Он сделал паузу. — В-третьих, убей того малыша...

Удивительная штука. Еще час назад я бы подскочил и побежал тотчас исполнять его приказание, а теперь... Теперь его слова каким-то неприятным эхом зазвучали в моей голове. Словно бы мастер приказал мне сделать нечто нехорошее — плюнуть в чей-то кубок с вином, подложить навоза в ботинок или отравить единственный колодец в округе.

— Почему? — Я задал этот вопрос, чувствуя, как кровь стучит у меня в висках. — Мастер, мне кажется, что этот малыш еще не знает... Что он принял меня за мать... — не знаю, почему я это сказал. Просто эта мысль неожиданно пришла мне в голову — словно бы я был нужен этому большому королевскому лебедю с когтями и клыками. — Оно...

Она, — уточнил я, — сделала что-то, и я уже не чувствую ни ран, не усталости... Может, удастся ее заставить...

— Даже не пробуй! — крикнул Брегон и стиснул мои пальцы своей левой рукой. — Я знаю... читал... — Он сжимал мою ладонь, а я боялся ее выдернуть, чтобы не потревожить его голову. Казалось мне, она присохла к служившей подушкой рубашке. — Читал я в одной старой книжке... Думал тогда, что это басни... Ни в одной другой не нашел подтверждения... Молодой дракон меняется с человеком разумом, отдает свой ему... а его забирает себе...

Тут он меня отпустил, и я стал шевелить пальцами, пытаюсь вернуть им чувствительность.

— Мастер, это невозможно. Никто не видел молодого дракончика... — Я бросил на него недовольный взгляд. — Никто ничего об этом не знает! Поскольку... — я пытался лихорадочно найти аргументы, — ...знаешь, сколько существует рассказов о размножении драконов?! Одни говорят, что самку оплодотворяет ветер из Чехлод Годху, другие — что существует такой ящер, который, встретив цветущую...

— Замолчи, идиот!

Я замер с открытым ртом. ПаDIR Брегон никогда меня... никогда никого так не называл.

— Не имеет значения, кто, когда, чего говорил, — объяснил учитель. — Важно, что происходит сейчас. Если ты нашел дракончика, то, значит, та книга не врет.

Он закашлялся и неожиданно, опираясь на разбитый затылок, выгнулся вверх. Я вскочил, однако не знал, что делать — прижать его к камню, помочь подняться или ничего не делать. Брегон откашлялся, и из уголка его губ потянулась струйка слюны.

— Лилитайат би колли аттали садаахатин ла, — громко и с выражением поведал паDIR.

Тело у него было выгнуто, как лук, глаза закрыты, и говорил он на неизвестном мне языке. Похоже, это была аго-

ния. Я хотел подсунуть ему под спину руку и приподнять, чтобы уменьшить давление на разбитую голову, но тут он резко упал на спину и открыл глаза.

— Ваши разумы соединены, однако дракон гораздо сильнее. Он зол, нечеловечески зол... — сказано это было так спокойно, словно бы падиар только что не изгибался в судорогах.

— Этот малыш не больше птицы, — прошептал я. Мне не хотелось уточнять, что такой большой птицы я еще не видел. — Невозможно...

— Авенсис, послушай, — прервал меня мастер. Наши глаза встретились, и мы замолчали. Не знаю откуда, но я вдруг понял, что, будь у мастера такая возможность, он бы меня убил. — Дракон забирает у человека то, что ему необходимо, — хитрость, знания о мире людей, о ловушках... Понимаешь? Все, что поможет ему позднее жить и сражаться с людьми, в их мире, с их миром. Ты уже сейчас знаешь, почему некоторых драконов так трудно убить?

Я покачал головой. Мне не хотелось его слушать. Слова его были отвратительны и злы.

— Он вернул мне здоровье и силу, — пробормотал я, чувствуя, что говорю явно не то. — Мы встретились, и он словно бы на меня дунул... У меня все перестало болеть... и... Вдохнул в меня силы и здоровье...

Брегон меня не слушал, и я, заметив это, замолчал. Похоже, он меня либо не понимает, либо не верит, что маленький дракон смог меня вылечить и я сейчас чувствую себя великолепно, надеюсь чувствовать так себя всегда.

«Вообще-то я должен, — неожиданно подумалось мне. — Должен... Необходимо сделать нечто иное — убить Брегона. Прекратить его мучения».

— В самом лучшем случае... — горячо зашептал мастер, но я его почти не слушал, — поделится с тобой своим злым разумом. Это я тоже вычитал там... Ты станешь сильным,

сильнее других людей, сильнее целой армии, но станешь злым. Будешь жаждать власти, все большей и большей... Как Члатх Жестокий из Поднухмы. Слышал эту историю?

— Мастер, это сказка о чернокнижнике...

— Нет! Помню, там говорится... — Неожиданно глаза Брегона закатились, блеснули белки. — Табка аррахат хада хаада момкинон адраует атифийа ала... — Он снова заговорил на удивительном, похожем на рыдания и кашель языке. Я немного подождал, а он вдруг посмотрел на меня так... словно нормальный. — Получил душу дракона, а она его залила чернотой... — перевел мастер.

Тут из пещеры послышался свист.

Ко мне спешила Тгарнеу. Я уже знал, как ее зовут. Она мне это сказала. Тгарнеу Дджеха. Госпожа Пятой Стихии.

— Мастер, успокойся. — Я положил ему ладонь на руку и сжал ее, может слишком сильно. — Знаю, что ты хочешь сказать. Все не так. Не может быть так. — Я сказал это, выделив «не может». — Обменявшись с драконом, я смогу стать добрым властителем. Я вообще не способен пожелать людям несчастья, крови, пожаров. Поверь мне.

Он смотрел на меня со все растущим беспокойством.

— Сынок, ты уже пойман, опутан ее разумом, — шепнул Брегон, а потом скрипнул зубами. — Не будь этого, ты увидел бы это сам. Заметил бы, что уже не владеешь собой, являешься пленником...

— Успокойся.

Брегон кашлянул, и струйка крови, вырвавшаяся из его рта, сбежала за воротник. Я вдруг почувствовал возбуждение. Тгарнеу почуяла мое возбуждение и громко крикнула.

Я вскочил и бросился к ней. Меч я не взял и даже не захватил шипов с могильницей ее матери, Слисбердух. Зачем? Мы были уже связаны невидимыми, но сильными узами. За углом я наткнулся на спешившую ко мне маленькую дракониху, мою Маленькую Королеву. Неуклюже, прилагая

отчаянные усилия, ударяясь еще не до конца сформировавшимся телом об острые камни, она спешила ко мне! Она нуждалась во мне! Я подбежал и положил ладонь ей на голову.

И тут меня охватил покой. Меня накрыла добрая, мягкая и сладкая тишина. Я летел над зеленым ковром лугов, пронизывающий, душистый ветер ласкал мое тело, было мне холодно и хорошо... Я долгое время наслаждался этим удовольствием.

— Авенсис... — В мои уши проник скрипучий, противный голос.

Голос человека!

Я встрепенулся, снял ладонь с головы Тгарнеу, нетерпеливо оглянулся.

— Авенсис! — крикнул мастер... Брегон.

Мастер? Чей? Кто ему позволил повышать голос и диктовать...

— Уже! — буркнул я.

Передав Госпоже хорошую мысль, нежное послание, я бросился к тому, полумертвому человечку.

— Да?

— Прошу тебя, убей ее, — прошептал он. — Она обещает тебе, что ты сумеешь использовать ее помощь в добрых целях, но это — искушение. Так не получится! Даже если бы ты этого и хотел, то люди, со своими крохотными — в сравнении с твоей силой — проблемами, станут казаться тебе лицемерными, плохими, жадными, злыми... В конце ты изольешь на них своей гнев и отвращение, а если произойдет это хотя бы раз — то полюбишь свою силу и будешь получать от этого удовольствие. Именно так! — горячо закончил он.

Почему люди такие мелкие и такие...

— Умоляю! — простонал Брегон. — Возьми меч, пока еще есть время, и ударь!

Я глядел ему в глаза и понимал, что он думает совсем о другом. Он хотел сказать: «Пока еще можешь, если еще сохранил свободу...» Здорово читать мысли других людей... Вообще — людей.

— Меч... — прохрипел Брегон. — Ударь...

«Меч? — подумал я. — Меч — это такая недобрая... такая... вульгарная штука. Рубка и резня, резня и убийство... Нападение на дракона? Жутко! Жестоко! Что иного, если...»

— Мальчик...

О?! «Мальчик!» Ни на что иное его уже не хватает? Иное?

Я захихикал.

Что-то иное — это когда Тгарнеу меня зовет и все мои внутренности охватывает теплый, сухой жар. Это хорошо. Это счастье. Это наслаждение аж до боли...

— Меч... Возьми Карник, — услышал я голос и мысли того... как его там... Брегона...

Тгарнеу меня зовет, зовет и тоже что-то мне говорит... Меч? Тоже чего-то хочет от меча... Должен взять меч...

Возьму меч, Тгарнеу... мастера?

Перевел Леонид Кудрявцев

Якуб Новак

ЭКУМЕНИЗМ

One-two-three-техно!

U96, Das Boot

РУССТУ: ПРОБУЖДЕНИЕ

Злой Мишка — это был самый мощный славатар Святовита. Гуще тьмы, намного превышающей своей интенсивностью W-проекции обычные человеческие очертания. Как правило, проявляется перед участниками Экспедиции в виде дальних раскатов грома в пустоте, лениво схлопываясь сразу же за границей поля зрения, на этой странной ничейной земле, где-то между W-проекцией Арконы и отблесками с Земли, со времен еще до начала Экспедиции. Как славатар, Злой Мишка служит медиумом между Святовитом и его последователями. Но в том-то и парадокс, что он слишком близок к своей сути, чтобы у него получилось непосредственно общаться с людьми, как это делают Ворон или Плачущий Лис. Мишка любит думать о себе, что он такой языческий сукин сын, что нарочито бесстрастная демонстрация своего присутствия — достаточная информация о жизни, которую он представляет. И нужно признать, что Злой Мишка здесь прав. По крайней мере, до момента очередного Пробуждения...

* * *

— Позор! — Злой Мишка загремел прямо в сознании Руссту. — Позор, воин! Не лежи. Восстань и действуй!

Руссту застонал. С трудом расклеил опухшие губы и глаза. Приподнял с мокрой булыжной мостовой воспаленную

голову. Совершенно случайно он открылся аду. А в аду было шумно, Перун наверняка спятил. Отовсюду гремел гром, то ближе, то дальше, под завывание ветра сразу со всех сторон, и нарастающий механический гул, доносящийся откуда-то сверху. Было холодно: ледяной дождь хлестал по лысому затылку Руссту, промокший китель давил на больную спину. Было неестественно темно. В лужах дрожали алые блики далеких пожаров.

Первая мысль возникла внезапно, причиняя почти физическую боль: «Позор! Ну что за позор!» Руссту Бабик, самый молодой из капитанов арконской команды, позорит честь мундира, как собака, — с мордой в сточной канаве. Восстань и действуй!

Руссту мысленно произнес официальный skin. Он был убежден, что в сей же момент уже будет стоять в сухом отглаженном мундире, стройный и гордый. (Вместе с тем не имел иллюзий — его падение наверняка зафиксировано, из-за чего его ждет выговор от Плачущего Лиса. Руссту еще не знал, что пару минут назад, после долгой погони в чертогах северных языческих храмов, славатар был схвачен и насажен как украшение на жердину частокола, окружающего цитадель.)

Изумление было сильным, как удар. Он по-прежнему лежал в канаве. Мысленно повторил команду. Так же безуспешно. По какой-то причине он не мог связаться с Перуном. Или, что было совсем невероятно, система не выполнила команду.

Восстань и действуй!

Когда на него обрушился гром, Руссту перекатился на бок. В тот же миг в то место, где он лежал, врезался фрагмент мраморной подвесной террасы, сорванный ударом одной из молний, вспыхивающих вокруг.

«Ад! Настоящий ад!» — подумал Руссту, вставая с колен. С удивлением заметил торчащее в левом предплечье стекло.

Темная кровь вместе с дождем стекала по желтому осколку. Все быстрее и быстрее, вместе с ударами пульса. Капитан подавил волну паники. Стоял среди осколков огромного витража, еще недавно висевшего в окне над ним. Был абсолютно уверен, что переместился в безопасное место, без осколков стекла и остатков дверной рамы...

Поступило сообщение из ломбины: телесные повреждения — резаная рана левого предплечья. Медицинской обработки не было.

Здравствуй, паника. У него перехватило дух, когда сердце закачало в него кипящее масло и жидкий азот одновременно. Он долго не дышал. А потом Руссту зарычал, выдернул из раны стекло, глянул на трепещущие над ним черные обрывки облаков, секущие вниз тяжелым дождем. Он ревел, отвечая громам, низвергавшимся на Аркону.

Безумие! Если сообщение от ломбины было настоящим, Руссту просто испытал невозможное, стал свидетелем и подтверждением нарушения самых основополагающих правил Экспедиции и жизнедеятельности Арконы. Установленные Святовитом правила не имели исключений. Ни одно из физических воздействий на члена Экспедиции в цифровой среде Арконы не связано с его телом. И первый закон функционирования ломбины — оказание медицинской помощи доверенным ей людям. Но медицинская помощь сейчас не была оказана. Безумие!

Пора вернуться к реальности. Капитан Руссту Бабик сжал кулаки, огляделся. Он стоял рядом с южной оградой, в невысоком научном комплексе и видел всю цитадель. Несмотря на дождь и сумрак, отлично видел, что Аркона гибнет. Два из четырех языческих храмов горели. Давились очередным взрывом, осыпавшем всё вокруг осколками кирпича, стекла и останками людей. Аркады на самой высокой, северной ограде взрывались и падали метров на сто вниз, как маленькие коробочки, чтобы с треском разбиться где-то о крыши

зданий капитула. Сама цитадель, всегда полная света и покоя, теперь умирала во тьме и кажущейся неподвижности.

И еще она голосила. Тревожные сирены, кричащие люди, дребезжащие стекла и что-то еще, равно как живое, так и нечеловеческое. Что-то, что заставило Руссту взглянуться в лес рядом с цитаделью. Он почти сразу увидел ее. Густая тьма трупного цвета, состоявшая из клокочущих бесформенных очертаний, нарочито лениво сползала с темного лесистого пригорка на тротуары западной части цитадели. В Аркону вползал Ужас.

«Мой бог!» — мысленно вскрикнул Руссту. Страх сковывал его, как промокший мундир. Он взглянул в небо.

Над Арконой кружил самолет, самый настоящий двухмоторный транспортник («С-123К», — подсказала Руссту его персонал), из него высыпались несколько партий парашютистов. При этом еще выла буря, гремел гром и сверкали молнии. Ветер и дождь и гул бушующего океана из-за восточной ограды. И огромное изваяние Святовита в центре Арконы высилось над башнями языческих храмов.

— О мой создатель...

Четыре молчаливых жестких лица горели, несмотря на ливень и ветер, горели живым огнем. Горело все, во что он верил, чему служил и что было свойственно Руссту Бабику, младшему из капитанов арконской гвардии.

ВОЛК: ПРОБУЖДЕНИЕ

«Восстань и действуй!» — вскрикнул в его мыслях Волк вместе со вторым ударом сознания. От первого закружилась голова, заставив принять позу эмбриона. Потому что с ударом пришло последнее воспоминание: Волк, зверь во всей своей красе — могучий, трехметровый, с кровью под когтями и в шубе, липкой от убийств, — прыгает в гигантскую пасть, в десятки острых, как мечи, подвижных зубов.

Каждый из них больше самого Волка. Славя имя своего бога истеричным немелодичным ревом, он рухнул внутрь своего убийцы.

Так это случилось Там и Тогда. С приходом Здесь и Сейчас — стало тепло, густо, влажно. Расслабляюще, словно ты погружался в свежий пудинг. На мгновение он решил, что умер. Через какое-то время сообразил: это ломбина. Получилось. Волк отругал самого себя за это сумасбродство.

Получилось?

Ну же, восстань и действуй.

Он мысленно повторил процедуру введения противоядия. Расслабил мышцы, сбросил напряжение. Почувствовал, как «пудинг» размывается и, как ни парадоксально, вместе с тем поднимает его наверх. (Вверх? Он снова был недоволен собой, он должен воздерживаться от слишком очевидных ассоциаций.)

Вдруг его что-то рвануло. Правая рука осталась над головой. Густое содержимое ломбины мешало увидеть детали.

Второй рукой он потянулся к правой, неподвижной. Два пальца — мизинец и безымянный — плавно вросли в один из проводов ломбины. Полная диффузия клеток. Волк на ощупь не мог оценить место превращения. Какая-то ужасная ошибка Перуна. Или продолжение битвы, попытка остановить его здесь?

«Пудинг» вдруг поредел, дыхание Волка участилось. Если он не освободится, то задохнется. А потом ломбина отправит его на переработку, чтобы максимально расширить биооперационную память корабля.

Волк неуверенно дернул рукой. Безрезультатно. Часть его тела уже превратилась в часть ломбины Белоголового Орлана, и не было смысла дергаться, чтоб освободиться. Он задыхался: горячие тиски сжали его легкие, кровь выталкивала глазные яблоки. Ему хотелось кричать. Он уже столько прошел и зашел так далеко...

Волк принял решение. Подтянул тело за счет свободной руки — к правой. Согнул три здоровых пальца. Начал отгрызать два других.

Волк был отлично тренированным животным, еще полным сил, авангардом солдат, отлично владеющих боевым интрофейсом. Он мог при определенных обстоятельствах на какое-то время превращать отдельные части тела в органы хищника (глаза, уши, когти). Или вот как сейчас: зубы — в клыки.

Он поискал зверя в себе. Пусто.

Им овладела паника. Зверь должен быть там, должен быть в нем!

Он погрузился еще глубже. И еще. Зверь был там, глубоко. Слабеющий. Но был.

Он грыз сильно и быстро. От жгучей боли вкус во рту казался еще ужаснее. Осколки костей царапали нёбо, мягкие ткани застревали меж зубов. Кружилась голова. Ему это понравилось.

Наконец-то! Ломбина отпустила. Короткий свободный дрейф в густую, жестокую темноту. И вдруг — воздух. Чудесный, ароматный, вкусный, замечательный, свежий воздух. Волк лежал на спине в неглубокой, приятной холодной воде и жадно хватал ее, смакуя глубокие глотки. Хохотнул, довольный, смертельно уставший, неспособный даже пошевелиться.

И тогда он почувствовал ее. Нагой, подскочил на корточках. Напряженный, еще не готовый к трансформации.

Потрясающе стабильный и точный биоранж Белоголового Орлана: Волк сгорбился, съежился под лесным потоком, вода текла по его лодыжкам и рукам. Их разделял десяток метров, высокая луна позволила им хорошо рассмотреть друг друга. Девочка лет семи в красной фланелевой пижаме сидела верхом на живом длинном плюшевом Тигре. Волк

глянул ей в глаза. Настороженность, холод, любопытство. Он не сомневался, что смотрит в глаза чужаку. Слепая богоубийца.

ЛИТАНИЯ (МОЛИТВА)

Боролись за выживание, молясь и кощунствуя.

О Святовит, бог особенный, пульсирующий в каждой молекуле космического путешественника, называемого Беликом, Белоголовым Орланом.

О информация стихии, доминирующая во всех клетках пассажиров Белого Орлана.

Чистая эмоция, воскрешенная цифровой сверхновой.

Ты еще там?

Ты — их проклятие, судьба и сила. Без тебя их нет. Без них нет тебя. Знаешь, как многие пытались поймать это уравнение тогда, в момент смерти? Они понятия не имели, действительно ли гибнут, и не хотели умирать, не зная этого. Отсюда эти истеричные литании, Святовит. Ты обещал бессмертие, поэтому они искали тебя. До конца. Копались глубоко в себе, воюя, убивая, бывая и сами убиты.

Ты еще там?

Руссту Бабик тоже спрашивал об этом. И не раз.

Когда он обращался к кратковременной памяти, то попал в болезненную пустоту. Но и она была раной. Руссту был уверен, что Перун, управляющий приходской общиной Арконы, переделал то место так, чтобы Бабик повредил предплечье. Сообщение ломбины о неказании лечения показало, что Перун потерял контроль над Белоголовым Орланом (или, по крайней мере, над частью его). Разве что Перун сознавал, что делал, нарушая при этом основополагающие законы его господ и творца...

Ересь!

Руссту пугал сам себя. Слишком уж серьезно он принимал во внимание решения злой воли Перуна-первозванного — небιологического потомка Святовита. Полный тревоги и нездорового волнения, Руссту посмотрел на возвышающуюся над Арконой горящую статую. И как здесь избежать таких мыслей, когда горит тот, кем наполнена каждая клетка твоего тела? Тот, кто изящным алгоритмом прописан в твоей ДНК, навсегда соединив с твоим свой биологический интерфейс?

Руссту Бабику было страшно. Он промок, замерз и истекал кровью. И понятия не имел, что с остальными участниками Экспедиции. Почти пятьсот язычников, погруженных в ломбину Белоголового Орлана: все ли, как Руссту, внезапно проснулись, страдая от амнезии?

(Руссту догадывался о личности парашютистов, сброшенных античным самолетом. Молился в душе, чтобы это было не так. Впрочем, напрасно.)

Он понятия не имел, что случилось с Советом, десятью старейшими, руководящими Арконой язычниками, первосвященниками, первыми наделенными славной отметиной Святовита. А команда? Команда перестала быть только символом, подкрепляющим тождественность их группы. Настал момент, в который не хотелось верить. Момент, когда они должны принять бой.

Они не раз проигрывали это. В случае угрозы Арконе члены их команды перемещаются в безопасные сеттинги. Каждый взвод отдельно, в разный сеттинг, оцифрованный Перуном, по разрозненным (в меру возможности) и удаленным друг от друга партициям биооперативной памяти Орла. Капитаны, сгруппировав свои взводы, контактируют через аварийные каналы, сгенерированные методом случайного выбора самим Перуном. После консультации с Советом первый командир бригады — Флориан Коллер — как можно быстрее определяет тактику действий.

Это в теории. Капитан Руссту Бабик безуспешно отдавал мысленный приказ о перемещении в свой боевой сеттинг. Когда, разозленный, написал в персонал все немногочисленные активные команды, через несколько нервных минут — понял. Как в реале. Он действует совсем как в реальном мире.

Персональ, дающая возможность непосредственного нейродоступа к сети, функционировала в неарконском режиме. Потому Руссту был ограничен узким диапазоном основных параметров, в нормальных условиях доступных пользователям, действующим в физическом мире вне сети. Персональ Бабика, находящегося в арконском виртуале, — симулировала персонал из реала. Это можно было счесть невероятным нарушением. Как отрезание одной из цифровых рук.

Этот режим означал невозможность модификации скина. Это означало отключение настройки основных параметров цифранжа, например текстурирования, аудиоэффектов или управления epis. Это означало отсутствие доступа к управлению фильтрами. Уже одно это делало Хоррор, Ужас в Арконе смертельно опасным, от одной мысли об этом кружилась голова!

Мало того. Это означало невозможность вне ньютоновского трансфера аватара в арконовском пространстве. Или невозможность перенести его вовне, например в любой из официальных сеттингов. Или в собственную среду обитания.

Снова перечел список доступных команд. Он показался еще короче. Это не казалось потерей цифровой руки. Казалось, отрубили обе. Выше локтей.

Руссту решил связаться с Флорианом, а затем с остальными капитанами бригады. Снова безрезультатно. Руссту констатировал с горьким удовлетворением, что это перестало его удивлять. Поставил флажок на информации о попытке

контакта, определил приоритет для возможных сообщений от других солдат и перешел в личку. Его вторая мать — после неудачной попытки подключения послал ей запрос на контакт (у него не было уверенности, что система вообще разрешит информации покинуть его персонал).

Если это Перун, то он не мог быть менее деликатным... Когда самая большая молния, которую Руссту пришлось видеть, с сухим, злобным треском хряснула в дуб, растущий неподалеку, и, несмотря на дождь, подожгла его, Бабик понял: пора двигать. Защищать Аркону, Экспедицию и в первую очередь Святовита. И что касается язычника Руссту Бабика, одного из тысяч избранных, перезаписанных, благодаря каким-то своим особенностям во время Второго Пробуждения, — это означало, что придется сражаться за содержимое каждой клетки своего тела.

ВОЛК, БАЛЬБИНА И ЧУЖАК

— Пойдем, Волк, — сказала девочка, сидевшая на плюшевом тигре. Мягкая игрушка развернулась и повезла ее в темноту меж деревьев.

Волк по-прежнему топтался под струями воды. Голый, смущенный, смертельно уставший после того, как выбрался из ломбины. У него не получалось обрести в себе зверя.

Ты еще там?

Он инстинктивно облизал огрызки пальцев. Затем, решившись, двинулся за девочкой. Он шел за чужаками в нескольких метрах сзади, используя земное (или очень похожее) тяготение. И не мог не удивляться: лес был как настоящий. Сотни ощущений: запахи, формы, шорохи и шелест — тонкие и вместе с тем яркие. Волк сорвал лист, понюхал и растер в руке. Это был наичудеснейший, наиточнейший нанобиоранж в рамках замкнутой системы, с которой Волк когда-либо сталкивался.

Они шли добрых пять минут — настоящая демонстрация силы. На это должен был уйти огромный объем памяти Орлана. Неужели полет был прерван?

Волк осмотрел свое тело. Не хватало отгрызенных пальцев, но следов от ран из Арконы не было, ломбина все же сработала. Он запустил персонал: в ушах привычно пэкнуло (фантомное впечатление, запуск системы происходит на чисто неврологическом уровне). Сразу же поступило сообщение об отсутствии связи в сети.

— Отдохни, — сказала девочка, когда они вышли на небольшую поляну. Села в траве рядом с тигром.

Волк не знал, что думать об этом. Луна сверху освещала деревья, окружавшие поляну на холме. Красота! Волк понятия не имел, где кончается биоранж, а где начинаются обои. И это все поместилось на корабле. Перун был автором этих чудес? Или чужак?

Он сел в двух метрах от девочки и ее плюшевого «коня». Трава была приятна.

— Я могу тебя называть Волк? — спросила она.

Издав невнятный звук, он откашлялся, заставив горло вспомнить его возможности:

— Можешь.

Она не знала, с кем имеет дело.

Они помолчали.

— Кто ты? — спросил он, наконец.

Смотрел ей в глаза, пустые и вместе с тем полные энергии.

— Некоторые из вас называют меня Люцифер.

— Ты Гонзо? — Волк попытался скрыть удивление. Неофициально — Люцифер, официально — Гонзо, аранжер, система управления развлекательными сеттингами в Арконе. Насколько ему известно — с нулевым сознанием.

— Не люблю этого. — Она спрятала руки в рукавах красной пижамы. — Ты можешь называть меня Бальбина.

— Хорошо, Бальбина.

Она печально улыбнулась. Тигр делал вид, что спит.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Не знаю. — Он не мог пробудить в себе волю к битве.

Сглотнул слюну. — Это чужак?

Бальбина/Гонзо/Люцифер положила руку на плюшевую шею.

— Да.

Хотел спросить, не Номад ли это, но испугался. Нашарил в траве ком земли. Он пах свежестью и влагой. И тогда он понял, что беспокоит его больше всего.

Его собственное хладнокровие. А вовсе не то, что он еще не вцепился им в глотки. Не прыгнул, трансформировавшись на лету и не разорвал когтями эту маленькую гадину. Что не выпотрошил плюшевую скотину.

Беспокоило то, что он совсем этого не хотел. И даже не думал об этом.

Ты еще там?

— Спрашивай, — сказала Бальбина.

— Что случилось в Арконе?

— Там все продолжается. Когда он появился, — девочка погладила тигра по спине, — Световит счел, что он — угроза. — Она вздохнула. — Неудивительно, что его самая важная субличность сошла с ума, столкнувшись с чужаком. И восстала против своего создателя.

Вокруг них шумели деревья.

— Перун?

— Перун.

— Невозможно.

— Ты же видел.

Волк опустил глаза. Затем снова взглянул на плюшевого тигра. Это не мог быть Номад, Кочевник. Волк не выдержал бы присутствия существа, враждебного Святовиту.

— Это я с ним разговариваю?

— С нами обоими.

— Ты его озвучиваешь?

— Я — нечто большее. — Когда она улыбалась, совсем не была похожа на ребенка. — Он дал мне кое-что твое, чтобы лучше понять тебя.

— Ты — как славатар?

— Хорошее сравнение.

Ветер, дувший из лесу, вгонял в дрожь.

— У Гонзо было нулевое сознание.

— Сейчас у меня единица.

Ну что тут скажешь? Ровно столько, чтобы знать, что она у него есть. Чтобы знать ограничения и не до конца понимать потребности. Он всегда думал, что сознание — худшее из всего, что есть. Подобие клетки.

— Скоро он снова взбесится, — сказала Бальбина.

— Кто?

— Смотри. — Она взглянула на один из холмов, окружающих поляну.

С чистого, звездного неба на сосны, росшие на вершине холма, с грохотом обрушилась молния. За ней вторая, и третья, и четвертая, потом еще. Вокруг поляны прокатилась по лесу неистовая канонада.

— Перун, — сказал Волк.

Он не понимал, что это значит. Это зрелище не поместилось бы в Белоголовом Орлане, даже если бы перебиоранжировать весь ненужный для поддержки полета формат. Высветившаяся проекция в его треснувшей персонали?

— Перун, — кивнула Бальбина. — Когда мы контактируем с ним, он просит называть его Перуном-Тором, тем, кто карает. — Гром вдруг затих, на холме все казалось спокойным. — Да, иногда он бьет как одержимый. Он утверждает, что сильнее Святовита. Что он был таким всегда и ему нужен был только импульс для пробуждения. Мало того что

он нарушает арконский цифранж — он все еще пытается доминировать и здесь.

Волк думал, размышлял, как сумасшедший. Хотя он так устал... Это из-за ломбины: онемело тело, парализовало ум.

— Здесь или в Белоголовом Орлане.

— Между другими.

(Думай. Думай. Думай.)

— Значит, Экспедиция была прервана?

Волк не был специалистом в космонавтике, но не представлял себе, что корабль может продолжить миссию, когда его основные системы вытворяют такие чудеса. Хотя, пожалуй, он смог бы справиться с задачей при уменьшении перегрузок в биоранже. Ба, Волк все больше опасается за свою целостность. Разве что...

— Это значит, что Экспедиция завершена, — ответила Бальбина и улыбнулась, видя его мину.

Тигр притворялся, что спит.

РУССТУ И ОТШЕЛЬНИК

Руссту огляделся вокруг. Растущая неподалеку от него южная ограда выстреливала вверх стометровыми кольями, насаживая на острые концы низкие тяжелые облака.

Может быть, они тоже чувствуют боль, подумал Руссту, может быть, поэтому так внезапно изрыгают дождь.

Он сражался с приступом клаустрофобии. У него было ощущение, что колья наклоняются к нему. Что они сейчас разможат его, рухнув под натиском океана и леса, гудящих в согласованной какофонии. Две стихии, встретившись по ту сторону забора, переплелись до горизонта — нулевой видимости для Перуна.

И тогда океан хлынул бы в Аркону и потопил бы их всех? Сценографическая деталь погубит то, что свято?

Руссту глубоко вздохнул и направился к цитадели. Шел под ветром туда, где огонь, взрывы и стоны. Понятия не

имел, что ждет его в центре Арконы, придется ли ему сражаться, справится ли он...

Это было как прозрение.

«Узлы! — подумал Руссту и почти улыбнулся. — Узлы дают надежду».

Он решил сделать попытку встретиться с матерью.

Режим персонали, имитирующий реал, не позволял ему переместиться в среду обитания Карпатского замка, который Руссту создал, основываясь на детских воспоминаниях и подцвеченных материалах, предоставленных Перуном. В нормальных условиях любой язычник может автоматически перейти в личный сеттинг (или чужой, если получит временное или постоянное приглашение от другого участника Экспедиции). Теперь, когда автоматический трансфер был невозможен, Руссту оставалась дорога через узлы, вплетенные Перуном в среду Арконы для дополнительной защиты.

Сейчас Руссту был за них благодарен Перуну: узлы давали надежду.

Каждому из пятисот сред обитания соответствовал один узел, служивший точкой трансфера персонажа в его или ее среду обитания. Перун, защищенный гексагональной сеткой, которую он особенно любил, нанес узлы на трехмерную физическую матрицу Арконы, после чего тайно сообщил каждому из язычников локализацию места перемещения в свою среду обитания. Если бы Руссту удалось дойти до нужного узла, возможно, он мог бы укрыться в Карпатском цифранже и оттуда организовать сопротивление.

(Бабик временно предпочел не утрясать детали определения таких понятий, как отступления на прежние позиции.)

Проблема была в том, что узел, нужный Руссту, находился в западном храме, одном из двух, еще стоящих вертикально. В одном из двух, производящих впечатление, что

они держатся вертикально только потому, что Перун обманывает в очередных подсчетах полученных из-за него повреждений.

Руссту знал место локализации узла для обиталища Брайет Моджеевской, своей второй матери. Он отправился туда, потому что, во-первых, Брайет была членом Совета и соавтором важной части софта, на котором работали Белоголовый Орлан и Аркона. Если же и она будет не в курсе, что здесь происходит, им остается лечь и ждать смерти.

Во-вторых, ее среда обитания отличалась высокой автономией кода. Мать написала их, избегая большинства скриптов Перуна.

Брайет Моджеевская по-своему обработала свой сеттинг. Изменила стандартные коды просто потому, что умела это делать. И потому, что нуждалась в модификации. Она была Астроманкой, с вежливой неохотой относящейся к топорному языку, на котором были написаны открытые для всех фрагменты двигателя Арконы. Брайет, впрочем, с какого-то времени балансировала на грани ереси, о чем ей неоднократно напоминал Плачущий Лис. Он терпел ее лишь потому, что она была активным архитектором кода, и Святovit, несмотря на скептицизм самого любознательного из трех своих славатаров, по-прежнему не сомневался в ее лояльности.

Третья из причин, почему Руссту отправился в среду обитания своей матери, была столь же важна, сколь и банальна. Узел находился в трехстах метрах отсюда, по другую сторону маленького парка, на краю которого, собственно, и оказался Бабик.

Глубокий вдох. Выдох. И вдох. Руссту вошел в темноту меж деревьями, пахнущую влажной зеленью.

Было тяжелее, чем он ожидал. Триста метров на грани паники. Растения не любили его, пытались преградить ему путь. Повсюду было движение, пульсации, *сина-мгла* лип-

ла к его лицу противным жужжанием и прикосновениями. И всякими сомнениями.

А что, если узел будет закрыт? Или среды обитания Брайет уже не существует и Руссту окажется в уже не существующем цифранже?

Святовит?

Его затрясло, когда он увидел, как из дупла выглянула белка, грызущая человеческий палец. Он хотел было показать ей свой средний, но испугался. Не знал, насколько она шустра.

Последние сто метров прошел как пьяный, то и дело спотыкаясь в мокрой, зыбкой траве. Паранойя: ветки, несомые бурей, словно нарочно целили в него, будто хотели ударить. Когда одна из ветвей оцарапала ему лоб и ломбина передала сообщение о ране (и неожиданно сообщила о решении не лечить), Руссту всё понял.

Паранойя?

Он должен был раньше проверить это. Руссту попытался вспомнить активные фильтры. Даже застонал. Ну все же.

Внеарконский режим персоналей не позволял проверку, в зону действия каких фильтров он попал. В реале нет фильтров, алгоритмы не деформируют реальность, изменяя то, что видишь или чувствуешь, — согласно логике определенной фильтрующей накладки. В реале — нет. Но здесь Аркона.

Руссту пытался собраться с мыслями. Вонючий туман, ползущий под ногами, сеял Хоррор. Руссту надеялся, что больше ничего не произойдет. Уже сам Ужас был смертельно опасен, раз уж ломбина, вместо того чтобы лечить того, кто в ней находится, наносит ему раны, которые чувствовал находящийся в Арконе аватар его хозяина.

Дурдом!

Руссту дошел до конца парка. Он стоял в начале тупикового переулка между двумя лабораториями. Тупик кончался

стеной, в которой он увидел дверь. Это дверь к узлу Брайет, видимая только ею. И теми, кого она пригласила.

«Плохое это время, — думал Руссту, когда под тенью шел к двери. — Плохо то время, когда единственный выход — самая простецкая защита».

Руссту знал, что в нормальных условиях использование узла раздражало бы Брайет. Для нее это было бы так же вульгарно, как приготовление еды с помощью хирургических инструментов.

Руссту ее не хватало. Впрочем, славатаров тоже. Мудрого спокойствия Ворона или подсознательного чутья присутствия Злого Мишки. Руссту тронул пальцем царапину на лбу. Теперь ему не хватало даже Плачущего Лиса, которого Руссту, как и все язычники, немного опасался.

Еще пять метров — и он увидит, работает ли узел.

— Хм... — сказал кто-то за его спиной.

Бабик замер.

— Эй, приятель, — сказал незнакомец.

Сердце билось все быстрее, но Руссту не спешил обернуться.

Здесь, в начале улицы, их было двое. Один — пониже, в темном мундире, руки держал в карманах брюк. Тот, что повыше — огромный, в латах и оригинальных доспехах, — был вооружен бердышом с древком выше Руссту Бабика. На большой груди сверкал огромный, мокрый от дождя бордовый крест, маленькая головка его была непокрытой. За их спиной горела Аркона.

— Парашютисты, — сказал Руссту.

— Да, — кивнул тот, что пониже.

— Гладиаторы.

— Угу, — подтвердил низкий, а кружившийся вверху самолет врезался в западный храм и взорвался.

Руссту осторожно потянулся к интерфейсу. Отчаянно искал в себе зверя.

Не нашел. В цифровой среде Арконы биотрансформация в зверя невозможна.

Биотрансформация — один из видов непосредственного проявления особенностей — например Святовита — на клеточном уровне, в рамках одного из ее носителей. В реале превращение в зверя основано на расчетах, сделанных особенностью в биооперативной клеточной памяти трансформируемого: человек обращается к бытию, которое он носит в себе, и отдается ему, превращая определенные части тела в нужный культурный (и алгоритмический) образ и подобию.

В большей или меньшей степени трансформируются носители всех особенностей. Язычники — в более благородные формы, идущие от волков и диких животных. Тела воинов Кибуки высыхают и твердеют, а люди, изображенные Супер Божественным Диего, могут в определенных ситуациях значительно приблизиться к образу короля любовников или одной из его избранниц. И хотя сутью биотрансформации по-прежнему остается сравнительно высокая видимость изменений (не нарушающая целостности трансформируемого человека), но на Земле отвергли в их контексте вхождение человека на последнюю прямую к бессмертию. Впрочем, может, и правильно.

Однако в виртуальной реальности Арконы трансформации невозможны. Эмулирование животного, зверя, являющегося прямым воплощением Святовита, в его приверженца, было бы не чем иным, как его жалкой заменой, цифровой пустышкой. Святовит, согласившись на существование таких кукол, унизил бы себя. И потратил бы огромный объем биооперативной памяти Белоголового Орла. Люди в Арконе не превращаются в зверей. Вот так.

Вот почему Руссту знал, что умрет. И что заслужил это. Вообще-то все язычники заслужили это. За то, что сделали с гладиаторами.

Эти двое быстро приближались. Крестоносец в латах поднял бердыш, низкий исчез где-то у него за спиной.

Святовит?

Что-то хрустнуло позади крестоносца, захлюпало. Когда латник глянул через плечо, из-за спины выскочила небольшая собачка. Она повисла у него на шее, и ее удалось оторвать только с набитым ртом. Минутой позже оба нападавших истекали кровью, утонув в бурой луже.

Руссту и дворняга подождали, пока гладиаторы умрут.

Бабик повернулся к собаке.

— Спасибо, профессор, — сказал он.

Профессор Ян Хмелевский подбежал, махая хвостом. Когда-то он был учителем Бабука, а с самого начала Экспедиции — арконский отшельник. Жил в пеще, редко попадая в крепость.

Теперь у него из пасти текла розовая слюна. Он дружелюбно затыкал, подняв промокшую голову, требуя ласки. Смущенный Руссту машинально оглянулся и потрепал дворнягу под мордой. Профессор Хмелевский в ответ лизнул ему руку.

Они направились к узлу.

ВОЛК: НЕПТУН

Бальбина извлекла из тьмы и положила перед Волком тщательно сложенную одежду. Он сразу узнал темно-зеленые брюки и рубашку, в которых принял постриг. Волк быстро оделся, несмотря на шоковое состояние.

При этом лихорадочно рассуждал. Эта девчонка играла Волком, видимо, много о нем знала. Издевалась над постригом и над Святовитом; они издевались вместе с чужаком. Волк должен держать ухо востро, ведь именно чужак, а не Гонзо/Люцифер являлся главной угрозой.

Его раздражало нарастающее беспокойство. Горели обгрызенные культи пальцев. А как же люди в Арконе? Сколько осталось в живых? Думая о своих близких, Волк снова искал в себе зверя.

Напрасно. Персональ — в режиме ожидания, неактивный интрофейс.

Святовит? Ты там?

Он чувствовал опустошение.

Сел, всеми покинутой. Еще раз глянул на девочку в красной пижаме. На плюшевого тигра. На лесистые холмы вокруг. Подумал, что лучше с этим покончить.

— Язычники, — сказал он.

— Мы их высвобождаем, — ответила Бальбина.

Он почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Вы убиваете.

— Высвобождаем. — Она посмотрела ему в глаза своим внимательным и безжизненным взглядом. — Ты чувствуешь себя мертвым?

Да, он чувствовал. И в то же время чувствовал себя живым, как никогда раньше. Он боялся этого и не понимал. Наверно, это шок после ломбины. Спящий космический режим jet lag.

— Это ты убивал, — сказала она равнодушно.

Он колебался. Не понимал, о чем она.

— Гладиаторы, — объяснила она.

Он все еще надеялся, что от них нужно было защищаться.

— Нас натравили друг на друга.

— Нет. В Аркону их впустил Перун, честно сообщив о последствиях.

Неудивительно, что этого хотели, подумал Волк. Сотня заключенных, не вписавшихся благодаря своим особенностям, выкупленных с их согласия славатаром из частных азиатских штрафных лагерей. Они приняли участие в Экс-

педиции как биооперативное расширение памяти Орла, доступной и управляющему ей Перуну. И в качестве гладиаторов для тренировок язычников во время полета в сеттингах войны.

Как это произошло? Когда все зашло так далеко? Договоры о выкупе были быстро пересмотрены, славатары делали заключенным заведомо неприемлемые предложения. Гладиаторы поняли, что их пробудят не только для честных поединков, согласно конвенциям, регулирующим функционирование виртуалов. Все больше сценариев нарушали принцип ненанесения травм: незаконная охота, незаконные фильтры, незаконная боль. Святовит молчал, Плачущий Лис закрывал свои слезящиеся глазки. А Гонзо/Люцифер творчески преобразовывал все в очередное, еще более кровавое шоу.

Бальбина могла лгать об участии Перуна, Волк не знал, правда ли это.

— Там, в цитадели, — сказал он, — я взломал алгоритмы Арконы.

— Потому что он тебе это позволил. Его расположило то, что ты вообще хотел их сломать.

— Святовит?

Она молчала.

— Перун?

Молчала. Но он не дал себя спровоцировать. Она положила руку на спину тигра. Все это было невыносимо.

— Э, Люцифер! — крикнул Волк. — Возьми меня в Белый Орлан...

Едва заметное шипение, во время которого Номад-Кочевник перезагрузил биоранж в исходные формы корабля.

Они сидели на полу в клетке, в стрельчатой рубке Орла, находящейся рядом с клювом колосса длиной в полкилометра. Очевидная трата драгоценного места: пустое пространство было высотой в добрых двадцать метров, спро-

ектировано вдали от интегральных систем Белоголового Орлана так, чтобы служить строительными блоками био-ранжи. А Орлан жил. Периодически вибрировал, скрипя где-то в глубине узких, бесконечных коридоров, пах смазкой, металлом и приключениями. И делился с ними той картиной, что была перед ним. Одна из двадцатиметровых стен давала изображение кормы: холодная синева огромного диска освещала стальной полумрак, похожий на окно интерьера. Огромный лазурный шар висел перед ними, с тремя маленькими фигурами, все еще сидящими на мягкой полимерной решетке. Великий Нептун молча приветствовал их.

«Боже правый, — подумал Волк, — как это красиво!»

Обомлев от величия голубого колосса, не мог оторвать от него глаз. И вдруг чуть не упал в обморок от ужаса. понадобилось добрых десять секунд, чтобы понять, что он богохульствует. Богохульство это было настолько отвратительно, что Волк мгновенно приготовился к смерти по воле Святовита...

ПРОБУЖДЕНИЕ

А теперь расскажу вам, как десять земных лет назад Святовит проснулся. Он допустил один промах, свидетелем чему стал тогда одиннадцатилетний Руссту Бабик. Тот момент остался с Руссту навсегда, несмотря на последующие усилия Ворона и искреннее раскаяние самого Святовита.

Последний вагон метро затрясся. На минуту погас свет, состав резко затормозил. Когда освещение снова включилось, они услышали крик. Нарастающий рев шел из первого вагона. Он быстро распространялся дальше, десятки людей в остальных вагонах орали благим матом.

После того как пассажиры начали кричать и в их вагоне, мать прижала Руссту к себе, потом встала на колени и за-

крыла ему лицо рукой. Затем ее голова взорвалась на десятки мокрых кусочков, и маленький Руссту, покрытый теплым желе, заорал как резаный. Орал, закрыв глаза, словно хотел выбросить из себя легкие, кричал достаточно долго, пока не понял, что не слышит ничего, кроме своего, уже охрипшего голоса. Потом осторожно открыл один глаз. Окровавленное тело матери лежало между его ногами и осколками стекол вагона. Когда открыл второй глаз, заорал снова. И кричал так еще четверть часа, пока его выносил полицейский, которого тошнило. Лишь в одном, последнем отделении вагона находилось семьдесят шесть обезглавленных тел. В их числе — вся семья маленького Руссту из четырех человек.

Так выглядел момент пробуждения Святовита. Языческий бог проснулся, чтобы через две хаотичные и нервные секунды наконец-то биоматериализоваться и в течение следующей минуты вписаться в геном пятисот тщательно отобранных славян. В том числе и Русста Бабука. К сожалению, Святовит, как и большинство особенностей Второго Пробуждения, был во время биоматериализации небрежен. Жертв было гораздо больше, чем три сотни пассажиров метро линии Прушков — Воломин.

Говорят, все началось с Первого Пробуждения, менее чем за три года до этого.

Екатерина была полубожественно умна, довольно забавна и утверждала, что чувствует себя русской, несмотря на то что любила зависать в более обширных африканских областях сети. Долго не хотели в нее верить. Следили, преследовали, проверяли в течение многих месяцев. Дали отбой началу сетевой холодной войны. А когда наконец поверили друг другу — признали, что имеют дело с самым настоящим автономным искусственным интеллектом.

Тогда Екатерина и отождела номер. Организовала инвестиционно-исследовательскую группу, назвала ее «Колхоз», при ее поддержке устроила нанолюцию. Затем

передала технологию наноправительствам государств из G12 («Большой дюжины»), истребила главных персонажей «Колхоза» и исчезла навсегда.

Тем, кто при появления Екатерины стал заикаться о конце света, после ее исчезновения и взрыва нано не хватало размаха. Потребовалось полгода, чтобы активная комбинация глупости, безответственности и умилительно человеческой амбиции дала свои первые плоды.

Барселона, Сиэтл, Франкфурт и несколько других мегаполисов превратились в пульсирующие аритмичные металлогубчатые флопы разной степени консистенции. Через год Черное море высохло. Через неделю в его центре выросло маленькое оливковое дерево, корень которого за сутки разросся по всей территории бывшей акватории. Парижское метро залило розовое мерзко пахнущее вещество. Кто-то возродил закрытые много лет назад силезские шахты, и те начали жить собственной подземной жизнью. Хватило нескольких указивок сверху, чтобы большие фрагменты Китайской Народной Республики переформатировались в полужидкие, плотоядные структуры, совсем не пригодные для возделывания риса.

Говорят, что нанолюция также оказалась семантической: понятия войны, кризиса и трагедии подверглись инфляции. Терроризм, экология, правота государства, технологии — постепенно пришли к общему знаменателю. Экономике уже никто не понимал, избыток скоро стал худшим из кошмаров.

И тогда настало Второе Пробуждение. Оно писалось с большой буквы, в основном из благодарности. Те, которые пришли, шарахнули виртуальным кулаком по столу. И — о чудо — вдруг стало спокойнее.

Хотя начало было трудным. Двенадцать особенностей — SI (как Екатерина) — проснулись в одну минуту, в один день. Они были, как и она, автономны и полностью осознанны.

И в то же время совершенно отличны от нее. Они составляли первое поколение настоящих детей нанолоуции, для которых интерфейс и оперативную память мог предоставить любой живой организм, и с соответствующими ресурсами они могли управлять нанотрансформациями довольно больших (и не обязательно живых) областей. Размеры и уровня сложности городского района.

Неудивительно, что после болезненного послеродового шока они бросились к людям — не громоздишься на телегу, когда рядом стоит «порше». Они изменили ДНК человека, добавив новые функциональные гены. Вместе с тем полностью перепрограммировали таким же образом и оставшиеся гены, ответственные за кодирование белка, — активной части генома. И этим же способом спроектировали узлы, ставшие существенным компонентом цифро-биологических сетей, составляющих каждую особенность.

Аподиктический Святovit отобрал пятьсот варшавян. Хищный Кибука вписался в многотысячную армию молодых жителей фавелы в Угандийской Кампале. СверхБожественный Диего осчастливил своим нежным присутствием самых преданных фанов своего виртуала. Королева Виктория, пройдя личностную автореконструкцию, решила, как ни парадоксально, стать несколькими сотнями граждан Австралии (из-за чего ее самоидентичность много раз подвергалась сомнению). А святой Иосиф решил погрузиться в древность: выбрал около тысячи мужчин со всего мира, с которыми начал поиски Девы Марии.

Идентифицированных пробужденных особенностей было двенадцать — все они вписались в ДНК нескольких сотен жителей Земли (сколько получилось, не теряя при этом целостности), после чего непосредственно или через этих жителей объявили миру о своем существовании. И сразу же начали экспериментировать с биотрансформациями, постепенно увеличивая диапазон цифрового вмешательства в наноуровень.

Вскоре после этого начали регистрировать SI номер тринадцать. Мощные потоки данных получали как люди, отслеживающие сетевой трафик, так и остальные пробужденные, чувствующие чье-то молчаливое присутствие. Его назвали Номад, Кочевник, приписав ему хаотичные и словно неполные изменения структур ДНК, замеченные во время рутинных исследований после Второго Пробуждения. Одни утверждали, что Номад — это страдающая амнезией Екатерина. Другие — что это только сетевые расстройства, возникающие в процессе сетевой интеграции с биосредой Земли. Хотя эти вторые и сами не верили в это.

Говорят, что Второе Пробуждение покончило с хаосом.

С одной стороны — в течение суток добрая дюжина особенностей успели договориться между собой. Эта дюжина отобрала у людей контроль над нанотехнологиями. Через неделю количество загадочных людских смертей, похожих на те, после Пробуждения, упало почти до нуля, а экологические катастрофы попросту прекратились. И много было правды в слухах о заключенном тогда же пакте о неагрессии. И о зонах влияния, проходящих через популяции и сетевые узлы.

С другой стороны — ключевым элементом человечества внезапно стало двенадцать неистребимых, полубожественных стихий, одной параноидальной мыслью превращающих в пепел городки размером с Наленчов. Хотя — ничего удивительного, что вдруг свой ренессанс стали переживать Фридрих Ницше и Иисус Христос (от которого, впрочем, как мог отрекшавался недавно проснувшийся святой Иосиф).

Договор между пробужденными вовсе не означал, что они перестали соперничать друг с другом. Борьба продолжалась все время и становилась все острее. Из-за алгоритмов, памяти, очередных триллионов строк кода. Она катится по сетям, наноструктурам. И прежде всего она внутри вас.

Именно поэтому Святovit принял решение об Экспедиции. Но прежде чем отправиться на Белоголовом Орлане к Нептуну, он рассеял по земле свои самые сильные шаблоны. Они должны ослабить остальных, пока он будет искать вокруг Нептуна тех, кто дал ему жизнь. Кто, как он подозревал, дал жизнь и вам.

Ищите и обрящете.

Так говорят.

АСТРОМАНТИКИ

Это был действующий узел. Дверь в Арконе, короткий коридор и еще одна дверь, после которой Руссту Бабики вздохнул с облегчением, а профессор Хмелевский весело залаял. Они оказались в будке для механиков на диске гигантского космодрома — среды обитания Брайет Моджеевской.

Открытый трехосный вездеход с массивными двухметровыми колесами уже ждал их.

Руссту внес профессора. Сев за руль, повернул ключ в замке зажигания. Монохром приборной панели пошел волнами.

— Привет, — сказала голова Брайет, высветившись рядом с рулем. — Вездеход доставит вас ко мне. — И погасла.

Они тронулись. Середина ночи, середина зимы. Автомобиль сканировал пустое морозное пространство светящейся точкой, отмеряя расстояние до медленно уплывающего мимо очередного объекта. Прожекторы космодрома отбрасывали желтые снопы света на высокие стены судоверфи и снежные наметы вокруг собранных в кучи обломков — результатов очередных неудачных приземлений. Руссту и профессор молча смотрели на механических космических монстров, порожденных проектами Брайет и других Астромантиков.

Бабик дрожал от холода и эмоций. Погрел руки дыханием. В личном сеттинге Брайет температура не превышала нуля, его вторая мать любила зиму. Он глянул на профессора. Его мокрая шерсть стала подмерзать. Погладил пса по голове, потом поднял лицо к цифровому небу, к звездам. Они были так же холодны, как и сосульки, висящие над жестяными дверьми ангаров, мимо которых проезжали. Вдруг звезды погасли, их сменили оранжевые точки, выстроившиеся в линию.

Руссту улыбнулся. Да, это был он. Они подъехали к Инвинцибилию.

Это был великолепный результат работы Астромантиков из Белоголового Орлана. Почти с километр длиной, от веретенообразного клюва до внешне асимметричных сопел кормовых двигателей и телескопического оснащения задних мачт. Тринадцать горизонтальных палуб, шестьдесят шесть вертикальных уровней — миллионы тонн старомодной стали висели над их головами. Опорой всему служили десять массивных динамических стабилизаторов, каждый — несколько десятков метров в поперечнике. Они, в зависимости от обстоятельств, служили и лифтами, и погрузочными люками, и постами огневой поддержки, и рельсами для мачт аварийных парусов, и независимыми тормозными кронштейнами, а четыре крайних стабилизатора, кроме того, являлись полностью оборудованными десантными кораблями или спасательными капсулами. Гордость и слава Брайет Моджеевской, виртуальное космическое чудо, которое — во что свято верили Астромантики — когда-нибудь приведет их к другим существам, похожим на них, ожидающим где-то далеко.

Вездеход остановился на другой стороне посадочной площадки, под одной из башен управления полетом. Лифт доставил их прямо в главный зал.

Внутри было десять человек. Брайет и Мэтью ждали их у лифта, остальные сидели у мониторов и пультов управления, установленных под стеклянными стенами башни. Они выглядывали из-за спинок кресел, чтоб увидеть визитеров. Персонали Руссту не пришлось подсказывать ему, что это энписы — подличности, сконструированные людьми по моделям, разработанным Святовитом.

— Сынок, — приветствовала его Брайет, целуя в щеку, — ты в порядке?

Он покивал головой.

— Хочешь сесть?

Вопрос казался абсурдным. Руссту задумался над ответом, проверил настройки персонали. Этот сеттинг также имитировал условия из реала. Руссту устал. Он чувствовал себя усталым. Отказался.

Когда она внимательно присмотрелась к шраму на его лбу (он уже успел забыть о нем), Руссту вздрогнул. С таким же чутким вниманием на лице лет десять назад смотрела на него тогда еще чужая ему женщина, забирая Руссту из больницы после инцидента в метро. Руссту иногда казалось, что, помимо интереса, в ее глазах тогда было и сострадание. Он старался избегать таких сопоставлений.

Профессор Хмелевский залаял, требуя внимания. Брайет взяла его на руки.

— Видишь, Ясек, что ты наделал? — сказала она ему прямо в мордочку. Дворняга в ответ энергично затыкал.

Руссту был удивлен. Он не понимал, что происходит. Да и Брайет выглядела возбужденной. Только здесь, в тепле и относительной безопасности, в хорошо защищенном месте обитания, он почувствовал упадок сил.

Сорокалетний мужчина протянул ему руку.

— Матфей.

Моджеевская втиснулась под широкое плечо Матфея. Сейчас она выглядела старой, несмотря на коротко остри-

женные густые волосы и блестящие темные глаза. Она была не самой старшей участницей Экспедиции, но выглядела так, потому что не омолаживала свой аватар.

— Знаешь... — Он чуть не обратился только к ней. Мать хотела, чтобы энписов из ее среды обитания тоже воспринимали как людей. Ее Матфея, в частности. — Вы знаете, что там происходит?

— Более-менее. Мы собираем информацию о ходе моделирования некоторых мест в Арконе. И информацию из части систем Белоголового Орлана.

— Рейс был прерван?

— Не знаю. Мы продолжаем анализировать то, что имеем.

— Это безопасно? — вырвалось у него, вопрос выдавал страх. — Вы здесь в безопасности?

— Еще какое-то время. — Она улыбнулась обнимавшему ее мужчине, словно отвечая шуткой, понятной только им двоим. — Мы тут сделали добрый кусок работы. Перун, пожалуй, еще не очень-то знает, где вообще искать записи среды обитания.

— Перун?!

Сидящий между ними профессор громко залаял.

— Погоди, не спеши.

— У вас есть контакт с Советом?

Она покачала головой.

— Только с профессором.

— Аркона? — Он не знал, как еще спросить.

Пока Брайет колебалась, Бабик чуть не упал в обморок от избытка чувств.

— У нас нет доступа к данным из ломбины. Мы не знаем, сколько там жертв. Мы не знаем, насколько разрушения в Арконе обратимы. Понятия не имеем, насколько они являются симптомами изменений, происходящих с Орланом.

— Это гладиаторы.

— Да, и гладиаторы. — Руссту казалось, что его мать думает над каждым словом. — В Арконе был ад. — Брайет снова колебалась. — Переправим тебя туда обратно.

Руссту покачал головой. Смотрел на Неуязвимого Инвинцибилия на вертолетной площадке за стеклом, затем оглядел зал. Долго смотрел на мигающие индикаторы, играющие на рабочих столах немые пассажи.

Все молча ждали его ответа.

— Зачем? — спросил Руссту.

— Не знаю, — ответила Брайет. — Мы думали о том, чтобы пробудить тебя из ломбины. Из среды обитания это невозможно. А из Арконы — может получиться. Когда ты проснешься, сможешь справиться с внешним интерфейсом ломбины. Таким образом, мы обходим Перуна и стабилизируем ситуацию с экипажем.

— Но ведь и пробуждением руководит Перун.

— Знаю. — Она смотрела ему в глаза. Хотела сказать что-то, но передумала. Глубоко вдохнула. — Не знаю, Руссту. Не знаю.

Он пожал плечами.

Долго молчал, прежде чем отозвался:

— Перун?

— Мы не уверены, но это, скорее, он имитирует реальность и активирует фильтры, — сказал Матфей.

Фильтры! Действительно. Уже так много всего произошло — Руссту почти забыл, что он попал в зону действия одного из самых мощных развлекательных фильтров, извлеченных из-под цифрового прилавка Люцифером, который честно и преданно развлекал язычников во время Экспедиции.

— Я был в Хорроре.

— Не только. — Брайет криво улыбнулась. — Вся Аркона сейчас в стадии Побудки.

Руссту скривился. Профессор Хмелевский твякнул и затих.

Побудка — это специальный фильтр, придуманный самим Святовитом специально на случай Экспедиции. Его цель — подготовка участников к уходу из ломбины после завершения полета. Чтобы язычники, путешествующие на Белоголовом Орлане, не слишком привыкли к удобному физическому бессмертию в виртуальной среде, — в конце полета весь Аркон должна охватить Побудка. Фильтр изменяет работу алгоритмов, преобразующих взаимодействие языческих аватаров с окружающей средой, резко повышая риски любых возможных физических повреждений тела. Увеличивает их, скажем так, намного выше правдоподобия, вытекающего из земной ньютоновской физики. Брошенный вверх нож почти наверняка направит острие к вашему лбу. Полы будут скользкими, тротуары неровными, и если своим невниманием ты поможешь алгоритму, то без особого труда почувствуешь, каково это — утонуть в ванне.

Короткие тесты, проведенные еще на Земле, были положительны: после некоторого количества болезненных (и как правило, зрелищно кровавых) травм, переломов, падений или ожогов — склонность к казацкому бегу по стенам, к непродуманным сальто назад или жонглированию острыми и/или горячими предметами — уменьшается почти до нуля.

Пробуждение. Отсюда ветви, бьющие по лицу. И терраса, летящая прямо на него. Руссту старался не смотреть на свое раненое предплечье.

О Святовит!

— Ломбина... — Руссту попытался все систематизировать. — Если ломбина не только не лечит погруженные в нее тела... — Он замолчал, ожидая возражений. Или хотя бы подобия удивления.

— Так нам кажется, — кивнула Брайет.

— ...эта Побудка становится опаснее Хоррора.

— Мало того. — Матфей странно улыбался. Его реакция на стресс была для энписа необычной. — Активные нелегальные фильтры не убирают воздействия Побудки. Они вписываются в уже действующие алгоритмы. Так, чтобы деформация моделирования была больше.

— Нелегальные фильтры. — Руссту старался мыслить логически. — Хоррор.

— К сожалению, не только. В центре Арконы работает Adult-акция.

— О, черт возьми! — сказал Руссту.

Брайет поддакнула.

Все трое посмотрели на дворнягу. Профессор отвернулся и почапал под один из рабочих столов, где и улегся за толстым витком кабелей.

Adult-акция, как и Хоррор, искажает арконские симуляции по образцам поп-культуры. Черпает из старомодных классических киноверсий, преувеличивая и вместе с тем поощряя агрессивное, вульгарное, гламурное, шумное, безответственное поведение. И еще больше, чем Хоррор, влияет на эмоции людей. Руссту как-то попробовал поучаствовать в Adult-акции на одном из развлекательных сеттингов. Потом, вспоминая симуляцию, не узнавал себя.

— Вы говорили о Перуне, — сказал он.

— Да. — Брайет посмотрела на Матфея, подошедшего к человеку у монитора. — Перун уничтожает Аркону.

Руссту ничего из этого не понимал. Перун ведь и был субличностью Святовита. И уж должен был знать, что с ними происходит. Что сейчас они разговаривают в среде обитания Брайет.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— От Ворона.

Правильно. Кому же еще верить, если не славатарам? С другой стороны, Бабик еще недавно видел горящую статую Святовита. Можно ли выдавать себя за славатара? Только если его мать дала бы себя обмануть.

— У меня был контакт со Злым Мишкой.

— Какой?

— Энигматичный, как обычно.

Мать вздохнула.

— Мы искали его. Безуспешно.

— Это возможно? Найти славатара?

— Иногда следование самым невероятным идеям так вдохновляет... Впрочем, у нас сегодня есть очень нужный помощник.

Она повернулась к Матфею. На энписе, с которым он разговаривал, не было комбинезона, обычного для этой среды обитания. Худой, смуглый мужчина был одет в застегнутый до шеи пыльник. Его длинный, сильно изогнутый к узким губам нос делал аватар энписа слегка карикатурным. Руссту казалось, что под плащом нет самого парня — это лишь вешалка, увенчанная странной головой. Брайет, сама управляющая энписами в своей среде обитания, по-видимому, старалась поддерживать свою репутацию эксцентричной женщины.

— Перун... — снова попытался Руссту.

— Он инфицирован. Это вмешательство извне.

— Чужак?

— Иная сущность.

Башню затрясло.

— В Белоголовом Орлане?! Откуда? — Руссту это не нравилось. Разве что... — Мы остановились...

— Как раз нет.

— Это так? — Он чувствовал себя все более беспомощным.

— На борт его пронес профессор.

У Руссту было ощущение, что сердце у него стучит так громко, что его слышно во всем зале, но из вежливости все делают вид, что не слышат. Он поискал взглядом профессора. Тот по-прежнему лежал, свернувшись клубком под рабочим столом, мордой к стене.

— Профессор?

— Да. Провел его вместе с заключенными. Дописал к ним чужака уже после последних земных исследований.

— А Святовит не среагировал?

— Святовит не среагировал.

Они говорили чушь!

— Чужак — это лишь фрагмент особенностей, — пояснила она спокойно. — Упакованный и спящий. Профессор Хмелевский уже проделывал такие вещи. — Брайет улыбнулась. Наверно, все мысли Руссту были написаны у него на лице. — В «Колхозе».

— Но... — Руссту не закончил. Лежащая в углу собака громко завывала. По-человечески.

Все замерли. Пес снова завыл. Его скрутило, раз и два, после чего он начал сучить лапами по полу. Дернулся, ухватил один из проводов. Укусил что было сил, монитор на пульте взорвался, и тогда живот собаки лопнул, и из него высунулась мужская рука в белой рубашке. Пес выл и стонал, пока профессор Ян Хмелевский полностью не вылез из него.

Он нехорошо выругался, когда стукнулся головой, вылезая из-под стола. Потянулся, засунул концы рубашки в чудом выглаженные брюки. Вдруг вспомнил. Наклонился к столу, аккуратно сложил собачью шкуру и вложил ее в хлопковый мешочек, извлеченный из кармана брюк.

Брайет подошла к Руссту. Эмписы, помедлив, вернулись к работе.

— Упаковывать следы особенностей я научился в колхозе у Екатерины, — сказал профессор. Скривил испещренное морщинами сухое лицо, потянул носом. — Но тут воняет...

Трудно было возразить.

— Что это? — спросил Бабик.

— Номад, — ответили ему все.

Руссту аж застонал.

— Ты знала об этом?

— Сначала — нет. — Брайет расчесала седые волосы. — А потом я обнаружила слишком высокую активность биоранжевых клеток Белоголового Орлана. В этой фазе полета они не должны быть активны.

Руссту подумал о том, что Святовит подарил им право на суверенитет и включенное в него право конфиденциальности частной жизни. Когда-либо он верил в них до конца? Другое дело, что возможная отмена Святовитом этих законов не помешала бы ему. Хотя теперь уже не был в этом уверен.

«И Святовит не отреагировал», — думал лихорадочно Руссту. Поймал себя на том, что неотрывно смотрит на Инвинцибилия. Тот стоял там, на морозе, как гигантское стальное насекомое. И был такой красивый.

— Нам кажется, что отреагировал, — сказала Моджеевская.

— Я получил анонимное сообщение, что Брайет в курсе, — уточнил профессор.

— Почему ты взял с собой Номада? — спросил Руссту.

Профессор помолчал.

— Откуда ты знал о нем?

Брайет и Хмелевский обменялись взглядами.

— Не могу тебе сказать, — ответил профессор. — Скажу, но не сейчас.

Руссту посмотрел ему в глаза и понял, что бывший учитель не собирается менять свое мнение. Это его бесило. Но что делать?

— Руссту... — начала Брайет. Ее нежный голос беспокоил его. — Вернись туда. Попробуй наладить контакт с Номадом.

— И не дай себя убить, — сказал профессор. Он уже не улыбался.

Все недоуменно взглянули на него.

— Ну что? — Он расстегнул пуговицы на манжетах, стал закатывать рукава.

Руссту обратился к Брайет:

— Хорошо, перемещай нас.

— Алла пойдет с вами, — сказал Матфей, подходя к ним с аватаром подружки. — Мы только что закончили подготовку.

Алла была хрупким энписом, одетым в черный комбинезон с символом Инвинцибия на маленькой груди. Руссту видел ее здесь раньше, она была одной из самых простых энпис-личностей, созданных Брайет еще в начале экспедиции. Руссту любил ее за безмятежную непосредственность. Алла представляла собой симпатичный противовес большинству экзальтированных Астромантиков. И он любил ее льняные волосы, заплетенные в короткую косу.

— Привет, Руссту. — Она протянула ему руку, улыбаясь зелеными глазами. — Так мы едем?

Он воодушевился.

— Едем.

ВОЛК И БОГИ

«О Святовит! — кричал он в мыслях Волка, мчась по коридорам. — О господи! Боже, боже, боже!»

Он богохульствовал там, в биоранже. Когда в ужасе понял, что делает, стал ждать смерти. Хуже было то, что она не приходила. Святовит не реагировал. Волк тогда вскочил, оказавшись в первом с краю коридоре, и поспешил вперед.

Бежал долго. Пока не потерял равновесие, споткнувшись о порог одного из попавшихся ему шлюзов, и не ударился плечом о толстый скруток проводов на стене. Опершись о стену руками, закашлялся и опустился на колени, и знойный, теплый полумрак разнес эхо его падения.

О Святовит...

Волк глянул на свои руки. Болели пальцы, которые он отгрыз себе в ломбине.

Ты еще там?

И тогда Волк услышал треск. Сухой треск, словно тихие взрывы маленьких петард, доносящиеся из-за поворота коридора. Волк должен был подняться, готовясь к противостоянию. Или бежать. Он остался стоять на коленях.

Из-за угла вышел мужчина в плавках, разрисованных уточками. Выглядел он так, словно был слеплен из сотен огромных, напряженных до предела мышц. Своим накачанным телом заполнил весь коридор. Длинные тонкие пряди волос прилипли к лицу, борода также свисала космами на монументальную грудь. Большие босые ступни ног, при каждом соприкосновении с металлическим полом, сухо выстреливали электрическими разрядами.

— Привет... — поздоровался Волк.

— Я — Перун-Тор-Тот, Кто Поражает, — представился здоровяк.

— Ага, — ответил Волк. Ему пришлось высоко задрать голову.

— Послушай, — начал Перун, — я расскажу тебе кое-что. — Огромными ладонями он подпер свои бока. — Он пришел ко мне злой. Пришел и стал угрожать. Я ему ответил: «Убью тебя». Чужак возразил: «Как ты меня убьешь, если я спрячусь?» «Где спрячешься?» — спросил я. Он ответил: «В человеке». Я сказал: «Убью человека — убью тебя». «Спрячусь в лошадь», — сказал он. Я ответил: «Убью лошадь — убью тебя». — «Спрячусь в дерево», — сказал чужак. Я ответил: «Разобью дерево — и убью тебя». — «Я спрячусь в воду», — сказал он. «Там тебе и место, — ответил я жестко. — Там тебя найду»¹. — Перун целил пальцем в Волка. — Понимаешь, мужик?

---

¹ История, которую Перун рассказал Волку, я позаимствовал из «Мифологии славян» Александра Гейштора, издательство «Художественное и Кинематографическое», Варшава, 1986. (Примеч. автора).

— Хватит нести чушь, — прервала их Бальбина. Вместе с тигром она вышли из-за угла коридора, которым ранее пришел Перун.

Тогда плюшевый тигр прыгнул на лицо бога грома. Когда Перун рухнул на пол, Волку показалось, что весь Белоголовый Орлан вздрогнул. Появилось неодолимое чувство дежавю.

Это длилось секунду, может, две. Тигр буквально отгрыз у Перуна лицо. Бог вырубился, и его большие ноги перестали высекать искры.

— Ладно, — сказала Бальбина Волку. — Больше никаких истерик, человек. У Номада есть к тебе дело.

Плюшевый тигр, весь пропитанный кровью Перуна, двинулся к Волку.

В АДУ

Руссту Бабик, самый молодой из капитанов арконской команды, вернулся в ад.

Ветер, завывая, хлестал по их лицам горящими листьями. Вокруг было жарко и шумно. Они попали в сады под цитаделью: густо спроектированные деревья горели под дождем. Несмотря на ночь, цифранж пульсировал оттенками сверкающего пурпура.

Им не пришлось долго оглядываться по сторонам: в нескольких метрах от них четыре фигуры в мундирах месили длинными мечами темную, неправильной формы фигуру, лежащую на одном из жертвенных алтарей. Голос застрял у Руссту в горле. Он понял, что видит казнь Злого Мишки.

Алла подпрыгнула вверх, махнула правым кулаком — сверкнул металлический блик. Прежде чем она приземлилась, головы двух мучителей отвалились от туловища. Еще одно движение рукой, еще одна вспышка, и еще двое погибли.

Руссту нервно оглянулся. Профессора не было. Он не понимал, переместился ли он вместе с ними. Где-то рядом грянул гром с небес, внутри у Руссту екнуло.

Испуганный Бабик направился к алтарю. Алла пропустила его.

Злой Мишка лежал на большом плоском камне. Скорее его не было, чем было, — плотная, мясистая тьма поглощала огненные цвета. Бесформенная масса пульсировала черной тьмой, стекающей с алтаря на мокрый гравий. Злой Мишка истекал кровью. Вдруг он фыркнул, глубоко срезонировав в сердце Руссту. Когда он шевельнулся, от пахнущего лесом небытия пошли волны холода. Бабик понял, что Злой Мишка истекал кровью и умирал. Две серебряные точки зажглись слабым матовым светом и глянули на Руссту. В них было страдание. И принятие.

— Ну, боец, — пробормотал слабеющим голосом Мишка, вызывая слезы на глаза капитана.

Руссту протянул к нему дрожащую руку. Он боялся прикоснуться к Мишке. Когда решился, было поздно. Злой Медведь сдох и бесшумно исчез с алтаря.

Руссту сжал кулаки и потер влажные глаза. Он смотрел в небо, по-прежнему выбрасывающее из себя очередные волны дождя. Мир вокруг полыхал живым огнем, а Руссту трясло, он едва стоял на ногах.

И Руссту Бабик зарычал. Он ревел, обращаясь к небу, перебивая все вокруг. Открылся, предоставив орать Святовиту, выплескивал всю его ярость, агрессию и жажду крови. И хотя он никого не видел, капитан знал, что не одинок, что с ним кричат большие горящие лица на другой стороне цитадели.

Именно тогда на него опустились Хоррор и Adult-акция. А с ними вызов, брошенный Руссту чужаком.

— Ну, давай, ждем тебя в цитадели, — звучал голос в голове, словно кто-то царапал по черепу ржавым гвоздем. — Давай, убудок...

Руссту сразу почувствовал действие фильтров. Поднимая один из мечей, лежащих вокруг алтаря, отодвинул смеющуюся голову. Когда подходил к Алле, эмписка выглядела старше, чем ему казалось. Черный комбинезон, на котором лежала льняная коса, плотно прилегал к ее телу.

— Эта хрень будет лучше, — сказала Ала и передала ему черную рукоятку.

Руссту взял у нее наногарроту, которой несколько минут назад она убила четверых. Из-за казни славатара, свершенной людьми, ее подвиг — убийство четырех гладиаторов руками эмписки, призванной служить людям, — выглядит вполне логично. Размышления Руссту на этом пока заканчиваются.

Капитан решительно отбросил меч. Оружие, театрально взлетев вверх, пригвоздило к пылающему дереву обезглавленное тело, перед этим шаркавшее в их сторону.

— Ты чувствуешь это, детка? — спрашивает Руссту, уставившись в то место, где слайдер перестает соединять две части ее комбинезона (вместе с тем задним умом понимает, что это также действие Adult-акции: на этом комбинезоне никогда не было слайдера).

— Чувствую, — отвечает Алла.

Руссту следит за ней взглядом, наблюдая и за собой, как за посторонним. Облегающий комбинезон не оставляет сомнений: он обтягивает мускулистое тело.

— Мы едем? — улыбается Алла.

— Поехали, крошка.

Они пошли меж деревьев, где огонь был меньше всего. Через несколько десятков шагов в темноте и дыму они попали на край садовой аллеи, ведущей к горящей цитадели в добрых ста метрах отсюда. К счастью, оттуда, изнутри, все еще доносились звуки сражения. Руссту надеялся, что это не только профессор.

Обернулись, услышав рев двигателя. На аллею въезжал кроваво-красный «феррари» — важный элемент сценографии одного из развлечательных сценариев, которые Люцифер соизволил подкинуть язычникам.

Руссту выходит на дорогу. Автомобиль с визгом тормозит, останавливаясь в двадцати метрах от него. Свет фар бьет по глазам. Руссту знает, кто в машине. Он слышит, как две гладиаторши перезаряжают автоматы.

— Как дела, телочки? — спрашивает.

Молния бьет по дереву рядом, поднимая облако орущих летучих мышей. Одна из женщин высовывается и целит в Бабука. Тогда за машиной появляется Алла. Выкручивает руку гладиаторше и стреляет в головы обоим женщинам.

— Что так долго? — спрашивает Руссту, подойдя к «феррари».

— Отвали, — отвечает Алла, вытаскивая тела на улицу.

Руссту в раздумье чешет небритое лицо. Подходит к девушке. Ближе. Показывает на цитадель.

— Мне нужно туда попасть, — говорит он. Подходит еще ближе. — Пошли!

— Знаю.

— Нас там ждет смерть. — Подходит совсем близко.

— Я знаю.

— Если только мы не воспользуемся Adult-акцией. Используем ее по максимуму. И не будем бояться. Выберем самые тупые, самые нелепые решения.

— Наиглупейшие, — говорит Алла и касается его раны на лбу.

— Наиглупейшие, малышка, — говорит Руссту. Гладит ее по лицу, размазывая сажу, которая лишь подчеркивает ее классный макияж. Касается пальцем ее блестящих губ. Огромные зеленые глаза отсвечивают огнем пожаров.

А потом они целуются. Целуются, как и положено на Adult-акции: долго, страстно, жадно, без памяти; на фоне

красного «феррари», среди пистолетов, гильз и тел, лежащих на дороге; меж пылающих садов, под ливнем, в гибнущем Арконе; под непрерывную канонаду раскатов грома, падающих с небес, и еще более мощных, таящихся в небесах. Они целуются, Руссту и Алла, человек и эмписка, зная, что эта сцена — только для них.

И еще сцена: Руссту и Алла мчат на «феррари» к крепости. От напряжения перехватывает дух, пряди ее волос липнут к его вспотевшему лицу, мятая сигарета дрожит в уголке его сжатых губ. Они смотрят в глаза друг другу, передавая одним взглядом все. Через минуту Руссту наткнется на одну из террас, машина взлетит вверх, пролетит десяток метров и расхреначит стеклянную стену зала собраний. Еще и собьет тех, посредине, кто попался на пути. Затем Руссту и Алла выскочат из машины, облепленной кишками гладиаторов, и начнут наводить порядок.

Еще одна сцена: остатки язычников — против гладиаторов. Люди кричат, автоматы строчат, гранаты взрываются, пылающие стены ломаются, наногаррота Руссту сверкает снова и снова, расплескивая направо и налево алые сопли.

Руссту только что на крыше наружного лифта въехал на самую верхнюю галерею, убил там семерых человек, успев скрыться от взрыва снаряда из базуки, а когда помост, на котором он стоял, начал падать, прыгнул высоко вверх и схватил одно из знамен, висящих под потолком. Пролетел на нем несколько метров и рухнул вниз, целясь в небольшой, но достаточно глубокий фонтан. Попал. Вынырнул, сжимая наногарроту сильнее, и вернулся к своим занятиям.

Следующая сцена: бой продолжается. Язычники, обороняясь на соседней террасе, громко приветствуют маленькую дворнягу, успешно расправляющуюся с очередными нападающими.

Новая сцена: борьба в разгаре. Алла также вверху, тащит женщину без сознания и без ног, прорываясь в едком дыму

верхней террасы к лестнице. Вдруг женщина очнулась, дернулась. Алла теряет равновесие, дает очередь из «калаша» и перелетает через перила. Начинает падать.

Время замедляется. Алла кричит — и все вокруг затихает. Руссту видит ее, размахивающую руками все медленнее и медленнее, секунды, превратившиеся в вечность. Бабик бросается вперед, но знает, что не успеет, он может лишь кричать, как и она, а замедление превращает их крики в хриплое кряхтенье. Алла летит, как тряпичная кукла, зная, что это конец. Летит до самого конца...

Руссту закрывает глаза.

Удар грома повергает его на колени. Удар в бедро. Потом в предплечье. Он знает, что все кончено, они не справились.

Ну, иди, сукин сын...

Святовит, ты там?

А, да. Конечно, он там...

Вдруг появляется сила. Уверенность. Мощь. Энергия. Много энергии. Тот, лежащий раненый мужчина в мгновение ока превращается в чистую энергию.

В виртуальной среде Арконы биотрансформация невозможна. Но Руссту видел, как профессор Хмелевский выходил из маленькой собаки. Он видел смерть славатара. Он видел сообщения из ломбины о том, что лечения не будет. Он видел пылающего Святовита. И сейчас лежит в эпицентре Adult-акции, предлагающей невозможное.

Сила. Мощь. Уверенность. Энергия. Да, всё это есть!

Иди, Волк. Давай, разлейся в Руссте Бабике. Заполни его, прими и возьми.

— А теперь, чувствую, позабавимся, — яростно рычит Волк своим деформированным от биотрансформации горлом во время того, как все это происходит. И мчится к онемевшим гладиаторам.

Сцена последняя: Волк Руссту Бабик, зверь в полной красе — могучий, трехметровый, с кровью под когтями, в липкой от убийств шубе — мчится по пылающей крыше цитадели. Тяжелое небо висит прямо над ним, сечет молниями направо и налево. Волку кажется, что он мчит по аллее из молний. Вот он уже на краю крыши. Перед ним горит статуя Святовита. И поглощающий его чужак: гигантская пасть, полная десятков острых, как катана, подвижных зубов.

Славя имя своего бога истерическим немелодичным ревом, Волк прыгает внутрь этого убийцы.

ВОЛК И НОМАД

Плюшевый тигр остановился прямо возле сидящего у стены Руссту Бабика. Бальбина осталась у трупа Перуна за поворотом коридора. В бледном сиянии флегматично мерцающих ламп Белого Орла этот маленький хищник впервые показался Руссту ужасным. Может, из-за густой, ароматной крови бога, капающей с его милой мордочки.

— Ты — Номад... — начал Руссту.

Когда тигр покачал головкой, из него что-то вытекло. Как при выжимании.

Волк боялся, что набросится на плюшевый аватар Номада. Что нападет на чужую особенность. Но этого не случилось.

Пустота.

Он по-прежнему чувствовал себя таким ужасно пустым...

И снова к нему возвращалось имя (всего два слова!), осознанное там, в орлиной комнате биоранжа. Как вообще он мог до этого додуматься? Каким чудом он это озвучил? Так говорила его мать. Та, первая.

Они молчали, и только Белоголовый Орлан в отдалении машинально бормотал себе под нос песенку. Руссту при-

шлось отдернуть ногу, алая лужа под тигром быстро увеличивалась.

— Волк, — наконец позвала его Бальбина. Редкие светильники отбрасывали на ее лицо тени, делая похожей на скелет. — Тебя зовут Руссту Бабик. Ученик профессора Хмелевского.

Руссту воспринял это как ободрение. Покачал головой. Взглянул на тело Перуна. Еще раз подумал о том, что произошло в Арконе. О том, что произошло здесь, на корабле. И что не произошло, хотя и должно было.

Все складывалось в одно целое. При одном условии.

Он тяжело вздохнул.

— Скажите мне, — начал Руссту, — Святовит еще существует?

— Почему не употребил слово «жив»? — спросила она.

— Потому что... — Он не знал, что ответить. Она удивила его. Они удивили, поправил сам себя. Тигр все еще пялился на него.

— Ты его уже не чувствуешь, правда?

Он молчал. Попытался отразить взгляд Номада, Кочевника.

— И как тебе с этим?

Он молчал.

— Святовит все еще существует, — сказала она, и Руссту вздрогнул. Посмотрел на Бальбину, не сдержался. — Ты хорошо себя чувствуешь. Его уже нет в тебе. Его уже нет ни в одном из вас.

У Руссту кружилась голова. Столько вопросов! Он отлепил мокрую от пота рубашку от теплой, вибрирующей стены.

— Что Номад с ним сделал? Обошелся как с Перуном?

— Перун... — Она взглянула на великого покойника. — Номад сначала думал, что Перун — всего лишь аномалия. Подсистема с ограниченным сознанием, страдающая от ма-

нии величия, которая... — Она колебалась, а Руссту задумался: а не о себе ли она? — Который сильно разозлился, поняв, что через сотни лет он оказался символом этого предприятия. Но Перун — это больше, чем бесполезная подсистема. Это продолжение Святовита. Скорее даже сам Святовит, чем его потомок. Или, может, это Святовит — почти Перун. Перун вырос из своего создателя, но постоянно превращался в животных. Перенимал его лучшие качества. И такие вот худшие, впрочем, тоже. Он так и не закончил эту ускоренную эволюцию — должен был включиться Кочевник, Номад.

— Что ты с ними сделал?

— Заблокировал, упаковал и усыпил. Пробуди их, чтобы все друг другу объяснили, когда ситуация станет для вас безопасной. Тогда они, возможно, закончат трансформацию.

— А когда ситуация станет безопасной?

— Когда станете сильнее. Видишь ли, Святовит и остальные из проснувшейся дюжины ошибочно полагали, что могут считать себя людьми. Нет, они не должны строить свою идентичность на ком-то столь слабом. И вместе с тем — таким сильным.

— Сильном?

— Да. Они оказались слишком высокомерны. И не оставили вам выбора. Забавная нелепость. Они хотели быть богами. А действовали скорее как...

«Паразиты, — подумал Бабик. — Вирусы».

— Видишь, Руссту, Номад хочет освободить вас. Чтобы вернуть вам выбор. А эта дюжина не хотела его слушать.

— А я и не удивляюсь.

Они улыбнулись друг другу. Первый раз одновременно. И первый раз честно.

— Но после Второго Пробуждения были найдены люди с тринадцатой особенностью, — сказал Руссту. Он заметил, что из тигра перестало капать. — Или даже с большими особенностями. Это был он, не так ли?

Девочка в красной пижаме кивнула головой.

— Да, он. Но он убирал за остальными. Учился удалять записи ДНК. И ошибался чаще, чем тебе кажется. Значительно чаще. Но смотрите, уже научился.

Светильник на мгновение погас, с тусклым светом вернулось также мягкое гудение. Руссту не знал, совпадение это или самовыражение Кочевника.

— Святовит отправился к Нептуну, чтобы избежать холодной войны между особенностями... — сказал Руссту.

— Какой там холодной...

— ...и вместе с тем оставил на Земле свои биообразцы, чтобы заразить оставшихся.

— Правильно рассуждал. То же самое сделал Кочевник. Благодаря Хмелевскому он пронес свой фрагмент сюда, на Белоголового Орлана.

— И Номад выиграл этот поединок.

— Да, он распаковался в пленников, которых вы забрали, в биоранжировочные залы корабля. Ты сам видел, как отреагировали на это Святовит и Перун. — Они оба посмотрели на лежащее между ними тело. Утята притягивали взгляд. — Кочевник распаковался, когда понял, что Орлан нашел то, что вы здесь искали.

Бальбина удивила его. И минутой позже еще больше удивил тигр. Он снова начал слизывать кровь Перуна с пола. Руссту почувствовал, что сходит с ума.

— Значит, Святовит был прав? — спросил он. — Найдя здесь таких же, как он или Номад?

— И да и нет. Святовит плохо знал, что искать. Потому и не нашел. Те, кого искал Святовит, первыми вас нашли.

— Кто они? — Руссту от волнения чуть не подскочил с пола.

— Их можно назвать родственниками тринадцати земных качеств.

— Родители?

— Скорее отдаленная родня. Но эти аналогии так убоги, что от них мало толку. Чистая риторика.

— Чего они хотят?

— А чего могут хотеть? Чего бы ты хотел на их месте?

— Ты знаешь, о чем я спрашиваю, Бальбина.

— Номад не знает, чего они хотят. Дали о себе знать менее чем через год после Второго Пробуждения. Беря во внимание масштаб, можно сказать — мгновенно. Думаю, что известие, послание ждало на Земле уже давно. Тем более, что его мог получить только Номад. И Святовит, хоть и с ошибками, по-своему. Он знал, где искать, и больше ничего.

— А Номад? Что он мог?

Бальбина широко улыбнулась.

— На самом деле ничего. Правда, он мог сообразить, что получился контакт.

Тигр оглянулся на нее. Но Руссту больше не дал себя обмануть. Этот жест предназначался ему.

— Они на Нептуне?

— В структуре Тритона.

— Луны Нептуна.

— Да. Замерзшего прибуды, появившегося издалека и давшего Нептуну себя схватить.

— Это случилось так давно...

Она покачала головой. Руссту переваривал эту информацию.

— Номад с ними договорится? — спросил он наконец.

— Вы сделаете это вместе. Он, Святовит и Перун, ну и мы, люди.

— Мы. Люди.

— Те, кто понял послание даже лучше Святовита.

Руссту задумался.

— Астромантики, — сказал он наконец. Именно они под напористым руководством его матери с самого начала ве-

рили, что найдут в сети тех, ради кого организована Экспедиция.

— Да, — призналась Бальбина. — Встреча будет в цифранжах...

— ...которые будут ходить под биооперационной памятью Тритона, — закончил Бабик.

Она покачала головой.

— Номад знает, как это сделать.

Руссту подумал о Брайет.

— Ты сказала, что они живы.

— Язычники? Да. И гладиаторы, — добавила она с ехидной улыбкой.

Руссту посмотрел на плюшевого тигра, увлеченного лужей перед ним.

— Он может дать бессмертие, — тихо сказал он, будто не хотел ему мешать.

— Сейчас еще нет, — ответила она очень серьезно. — Но уже скоро.

— И говорит, что не хочет быть богом. — Руссту долго искал нужные слова. — Это... знание. Оно должно быть нашим.

— И будет, — кивнула Бальбина. — Он хочет отдать его вам. К сожалению.

Они надолго замолчали. Руссту старался не смотреть на мертвого Перуна. Но по-прежнему не вставал с пола.

— Ты, Номад... — Он обратился наконец прямо к тигру. — Тебя пронес профессор Хмелевский, ранее работавший в «Колхозе». Ты... — Он на мгновение запнулся. — Ты — Екатерина?

— Мы все вышли из нее, — с теплотой ответил плюшевый тигр. — Вы — в некотором смысле тоже.

Несколько мгновений он смотрел в глаза Бабику своим тупым тряпичным взглядом. Затем, медленно прошлепав мимо, исчез за поворотом коридора.

ИНВИНЦИБИЛИЙ

Они стояли на смотровой площадке космодрома в виртуальной среде обитания Брайет и прощались друг с другом. Странное это было прощание. И вместе с тем очень человеческое. Наверное, поэтому я вспоминаю его с любовью.

Прощались на безопасном расстоянии, по ту сторону взлетно-посадочных полос. Инвинцибилий готовился уезжать. Он мигал фарами в ночное небо, стонал и рыдал разогретыми двигателями, словно не мог дождаться начала путешествия. По правде говоря, так оно и было.

Экипаж ракеты уже был внутри, на своих местах. И лишь ждал начальство. А его как раз провожали Руссту и Бальбина.

Брайет Моджеевская взяла в свои руки замерзшие руки сына.

— Вот и все, Руссту. — Она улыбалась ему глазами, как ребенку. — Спасибо.

— Поблагодаришь, когда вернешься. (Верил ли он в это?)

— Да... — Она посмотрела на стоящих рядом Матфея и странного человека в поношенном пыльнике. В нескольких метрах Бальбина, одетая в зимний комбинезон и большую шерстяную шапку, бросалась снежками в плюшевого тигра. Номад переносил это со стоическим спокойствием.

— Будь с ней осторожен, Руссту.

Тигр получил снежком по морде и закашлялся. Девочка засмеялась.

— Ты запрограммировала регресс?

— Я просто помогла. По ее просьбе. Так ей легче переносить ограниченное сознание.

— Пожалуй.

— Руссту? — спросила она через минуту.

— Да?

— Я просмотрела записи с Арконы.

— Да? — Он не смотрел на нее. Смотрел на Инвинцибилия.

— Ты хочешь, чтобы я... Хочешь ли ты, чтобы Алла вернулась?

Он покачал головой. Когда Брайет коснулась его лица, они слышали лай. К выходу прибежала дворняга, виляя хвостом и высунутым языком. Остановилась перед тигром, они с интересом обнюхали друг друга.

— Мы уже в сборе, — сказала Брайет. Улыбнулась ему в последний раз. — Восстановите нам великолепную Аркону. И счастливо доставьте на Белоголовом Орлане мою старую задницу на Землю. Мы еще встретимся. Если не здесь, то... где-нибудь.

Он покачал головой и обнял мать.

— Позаботьтесь о ней, — протянул руку Матфею. А потом — странному мужчине с большим носом.

Уже догадался:

— Ты Ворон, не так ли? — спросил Руссту.

— Да.

— Мне нравилось с тобой общаться. Когда ты был... вороном.

Ворон улыбнулся.

— Тебе привет от Злого Мишки. — И, видя лицо Руссту, добавил: — С ним не так-то легко справиться.

— Да...

— Подождем их. Святовита и Перуна. Тогда и Медведь вернется.

— Подождем.

Руссту уже скучал по недавним временам. Снова пожал руку славатару. Потом попрощался с профессором (тот снова облизывал его и требовал ласки), а Бальбина обняла тигра. Тогда Астромантийцы — люди, энписы и фрагменты

особенностей из космической миссии — сели в застекленный транспортер, который и отвез их к ракете.

Руссту и Бальбина остались на террасе. Они смотрели на Инвинцибилия, который с видимым трудом оторвался от плиты космодрома. От земли. И несмотря на то что они находились в цифранже — и от Земли. Они смотрели на Инвинцибилия, который, уже взлетев в воздух, быстро исчез в глубине звездного неба.

Удачи, Астромантики! Верьте. И я верю. Я верю. Я жду. И мне очень интересно.

Перевела Любовь Филимонова

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>Виталий Пищенко</i>)	5
<i>Анджей Земянский</i> АВТОБАН НАХ ПОЗНАНЬ.....	8
<i>Мацей Жердиньски</i> ОБРАТИТЬ АВАЛОН	83
<i>Марек Баранецкий</i> ДЕНЬ ГРЕХА.....	118
<i>Цезарий Збержховски</i> ПЕЧАЛЬ ПАРСЕКОВ	154
<i>Анна Каньтох</i> АНАТОМИЯ ЧУДА.....	208
<i>Мацей Паровский</i> ПОМОГИ СВОЕЙ ЗВЕЗДЕ.....	269
<i>Еугениуш Дембский</i> ВОЛЯ ДРАКОНА.....	280
<i>Якуб Новак</i> ЭКУМЕНИЗМ	329

Литературно-художественное издание

*Новая библиотека приключений
и научной фантастики*

ВОЛЯ ДРАКОНА
Современная фантастика Польши

Выпускающий редактор *О.М. Солдатов*
Художник *Н.А. Васильев*
Корректор *И.В. Алферова*
Верстка *И.В. Резникова*
Художественное оформление *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 03.03.2020. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Georgia». Печ. л. 12.
Тираж 1000 экз. Заказ № 2003860.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

ВОЛЯ
ДРАКОНА

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНАСТИКА
ПОЛЬШИ

ISBN 978-5-4484-1895-2

9 785448 418952

